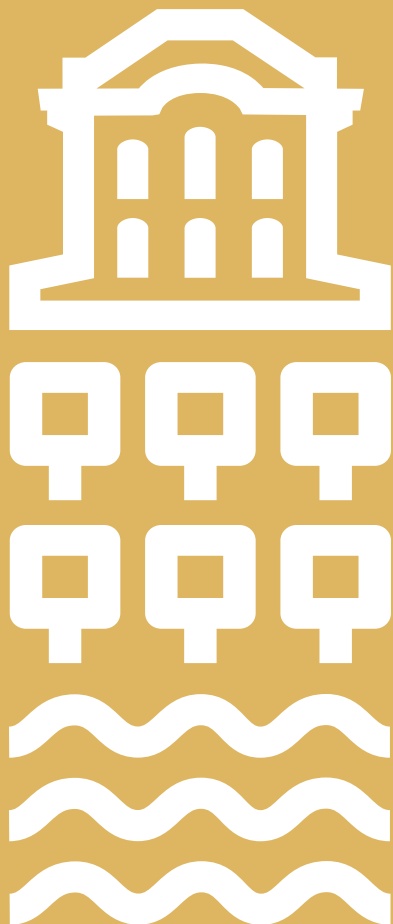

XII

ПЕТЕРГОФ
— Государственный музей-заповедник —

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

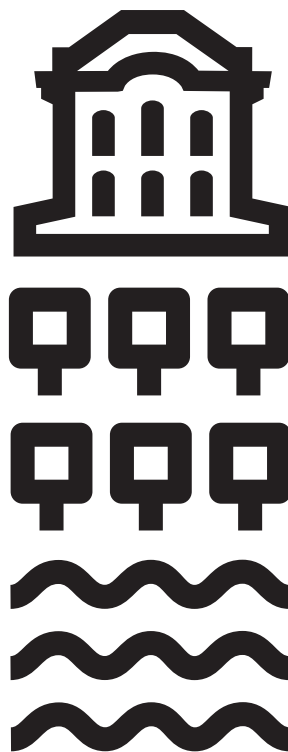
ДВОРЕЦ КАК ПОРТРЕТ ВЛАДЕЛЬЦА

XII

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. XXI ВЕК

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ДВОРЕЦ
КАК ПОРТРЕТ
ВЛАДЕЛЬЦА**

УДК 728
ББК 85.1
Д24

К 350-летию со дня рождения Петра I

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ГМЗ «Петергоф»

Руководство проектом

д. культ. Е. Я. Кальницкая, к. культ. Р. В. Ковриков

Подготовка издания

А. А. Ашихмин (координатор), И. В. Герасимов, В. Б. Демкович, Ю. В. Зеленянская,
к. культ. А. В. Ляшко, С. А. Пранцузова, А. Ю. Сысоева, М. И. Юшманова

Научный редактор

д.и.н. П. В. Петров

Ответственный редактор

к.и.н. А. С. Белоусов

Дизайн, верстка

М. П. Копытова

Д24

Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». – СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2022. – 240 с., ил. – (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. XII).

ISBN 978-5-91598-067-8

Сборник статей подготовлен по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», включенной в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I. В издание вошли исследования по строительству и бытованию петровских дворцов, сохранению памяти о Петре I, а также материалы участников Ассамблеи петровских музеев России.

ISBN 978-5-91598-067-8

9 785915 980678

ОГЛАВЛЕНИЕ

▶ Вступительное слово А. Ю. Маниловой	6
--	---

▶ Вступительное слово Е. Я. Кальницкой	7
---	---

ИМПЕРАТОРСКИЕ ДВОРЦЫ И РЕЗИДЕНЦИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. ▶ Модель Версаля в российском контексте: Феномен Питербурха/Питергофа	11
--	----

Маркина Л. А. ▶ Петр I в Бад-Пирмонте: царственный квартирант немецкого лекаря	22
--	----

Гребенкин А. Н. ▶ «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога...»: влияние отношения Петра I к собственной безопасности на архитектуру его резиденций	33
--	----

Лехович Т. Н. ▶ Текстильное убранство дворцов Петровского времени. К вопросу об изучении источников и разработке проектов современных реконструкций	39
---	----

Коренцвит В. А. ▶ Новые данные из истории строительства Большого Петергофского дворца	48
---	----

Холоднова О. А. ▶ Скульптурный декор Парадного зала дворца «Монплеzir»	56
--	----

Ашихмин А. А. ▶ К вопросу о финансировании строительства в Стрельне в 1721–1724 гг.	68
---	----

Макаров Б. С. ▶ Хендрик Ван Брумкорст (Hendrik Van Brunkhorst) голландец «лакового, золотарного, молярного и оконнишного дела мастер» в России	76
---	----

ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ I В ДВОРЦОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

- Корндорф А. С. 97
▶ **Царственный вкус и политика памяти.**
Мемориальные парковые программы Петергофа, Царского Села и Павловска
-
- Андреева Е. А. 111
▶ **Интерьеры с голландской плиткой во дворце А. Д. Меншикова в Петербурге как уникальный памятник Петровской эпохи**
-
- Летин В. А. 126
▶ **Прадед во дворце правнука: исторический дискурс Михайловского замка**
-
- Мантуров М. В. 134
▶ **Роль архитектора в музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду (Участие архитекторов В. Н. Талепоровского, О. М. Равицкой, Н. Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду)**
-
- Славнитский Н. Р. 142
▶ **Использование Ботика Петра Великого в торжественных церемониях в XVIII–XIX вв.**
-
- Новикова О. В. 147
▶ **Юбилейная выставка и торжества 1903 года в Летнем саду**
-
- Погонщикова А. А. 154
▶ **Монплеzir на страницах путеводителей: от мемориального комплекса к общедоступному музею**
-

ПЕТРОВСКИЕ МЕСТА ПАМЯТИ

Богданов С. И. ▶ Дома и домики в жизни Петра Великого	159
Александрова Н. А. ▶ Красные хоромы Петра I – реликвия Санкт-Петербурга. Этапы музеефикации памятника	163
Мещеряков В. В. ▶ Опыт создания интерьерной экспозиции в музеефицированном дворце Александра Даниловича Меншикова в Санкт-Петербурге	170
Гольденберг М. Л. ▶ История Марциальных Вод в постоянной экспозиции Национального музея Республики Карелия	185
Мамичев Е. Е., Грунская Н. В., Бурлака В. О. ▶ К вопросу о сохранении памяти о первой победе Петра Великого в городе Азове	188
Абдуллаева М. Н. ▶ История землянки Петра I и создание Музейного Комплекса «Дом Петра I в Дербенте»	192
Мазур М. А. ▶ Память о личности Петра I в архитектурном пространстве города Воронежа	199

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сохраняя память. Петергоф в документах и воспоминаниях

Петров П. В., Ашихмин А. А. ▶ Очерк жизни и деятельности историка архитектуры В. Ф. Шилкова	205
Шилков В. Ф. ▶ Петровский Петергоф. Офорты на картоне по архивным исследованиям автора	211
▶ Список научных трудов В. Ф. Шилкова	238

► ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. Ю. МАНИЛОВОЙ

В сентябре 2021 года в Петербурге, в Петергофе, официально учреждена Ассамблея петровских музеев России, в которую вошли более ста музеев: федеральные, региональные, муниципальные, ведомственные, частные. Свыше чем из 30 регионов России, из семидесяти российских городов. Музеи разного статуса, но объединяет их одно — они связаны с Петром, они бережно хранят его наследие, наследие петровской эпохи.

Значимо, что объединенные Ассамблеей институции занимаются не только учетом и хранением памятников, музейных предметов, документов, связанных с жизнью и деятельностью Петра Великого, но и планомерно занимаются их изучением. Спасибо Государственному музею-заповеднику «Петергоф», Союзу музеев России и Ассамблее петровских музеев России за саму идею, которая сегодня воплощается — идею провести международную научную конференцию, посвящённую дворцам Петра I.

Почему это важно? Мы хотели успеть к юбилейным событиям 2022 года, к 350-летию Петра Великого, провести своего рода инвентаризацию его архитектурного наследия. Много шагов в этом направлении сделано Международным благотворительным фондом имени Д. С. Лихачева, созданного в своё время Даниилом Александровичем Граниным, которого мы всегда вспоминаем, когда говорим о нашей петровской программе. Потому что Д. А. Гранин в самом начале 2000-х годов стоял у её истоков. Фонд Лихачёва изучает эту проблему последние годы. Были выпущены уникальные книги, которые рассказывают об архитектурном наследии петровской эпохи в европейских странах. Мы сегодня знаем о том, что в Европе и в России установлено порядка семисот памятников Петру I.

Точно так же, как изучены памятники, важно изучить и дворцы. Кто может сделать это, кроме наших музеев? Кроме музеев, которые хранят раритетные отечественные собрания, которые знают природу дворцового искусства, нюансы дворцовой архитектуры, роли дворцов, как *genius loci*, как места гения Петра? Поэтому я желаю успеха этой конференции, с пониманием той большой миссии, которую берет на себя команда Е. Я. Кальницкой из Петергофа и Ассамблеи петровских музеев России. В добрый путь!

Алла Юрьевна Манилова,
Статс-секретарь-заместитель
Министра культуры Российской Федерации

► ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Е. Я. КАЛЬНИЦКОЙ

Памяти главного архитектора ГМЗ «Петергоф» С. А. Павлова

К нашей ежегодной научной конференции мы готовились много месяцев, разрабатывали ее направленность, думали о том, какой она будет. С нами вместе размышлял об этом главный архитектор Петергофа Сергей Анатольевич Павлов, которого не стало в 2021 году. Ушел из жизни человек высочайшего профессионализма, человек, безмерно любивший свою профессию, человек, для которого каждый памятник архитектуры становился родным братом и близким другом. В Петергофе он проработал много лет, все вместе мы разрабатывали проект будущей реставрации Нижней дачи, думали о воссоздании Ропши. В каждый петровский дворец вложена часть его души, часть его сердца.

Истинный зодчий, был похоронен под стенами храма Казанской Божьей матери в поселке Вырица, который реставрировал. Рядом с храмом находится часовня, построенная по его проекту. Так воплотилось в жизнь старое русское правило: зодчему полагалось лежать у стен храма.

В Петергофе жива его память, и сборник материалов мы решили посвятить памяти Сергея Анатольевича Павлова. На нас всех это накладывает определенный отпечаток.

Светлая память архитектору, человеку, нашему другу!

Тема, которую мы поднимали на конференции, — «Дворец как портрет владельца» — очень разноплановая. Ее можно рассматривать в историческом, художественном, биографическом, философском и многих других аспектах. Сегодня не только Россия, но и все европейские страны по крупицам собирают сведения, связанные с пребыванием Петра Великого в Европе. Пополняется перечень петровских мест, множатся памятники русскому царю в разных городах мира, построенные на средства европейских стран.

Министерство культуры Российской Федерации уделяет большое внимание личности Петра Великого. Идея сохранения исторической памяти о Петре Великом принадлежала писателю Даниилу Александровичу Гранину. Много лет в Петербурге успешно проходит Конгресс петровских городов, который проводит Фонд Д. С. Лихачева под руководством А. В. Кобака.

В сентябре 2021 года в Петербурге, в Петропавловской крепости, а затем и в Петергофе, состоялась учреждение Ассамблеи петровских музеев, которая объединила более 100 музеев страны. Нам кажется, что, объединив усилия, мы сможем обобщить все то, что связано с петровскими музейными собраниями: со временем может появиться каталог петровских портретов, каталог исторической живописи, посвященной Петру, каталог печатных изданий. Искусствоведам, архитекторам и реставраторам будет интересно поговорить и подумать о том, как петровские здания реставрировались и превращались в музеи.

Мне давно казалось, что история собрать воедино петровские музейные предметы, которые во всей стране живут в разных музеях, очень позитивна. Думаю, что в первой четверти XVIII века не было второго столь пытливого человека, как Петр I, который за время своего краткого пребывания в Европе в составе Великого посольства посмотрел множество австрийских, английских, прусских музеев и частных коллекций. Царь возвращался в Россию, везя с собой многочисленные дары, полученные в путешествии, и свои портреты, написанные придворными художниками Европы. Подобные портреты остались в Европе, где они хранятся в музеях Лувра, Версаля, Дрездена, Лондона, Амстердама и других. Их мы тоже будем собирать в одну копилку петровской памяти.

В Европе сохранились дворцы, которые произвели на Петра I сильное впечатление. Во время путешествия он фиксировал их общий облик и конкретные детали, которые впоследствии повторял в Петербурге и в Петергофе. Петр обратил внимание в путешествии на королевский дворец Монплеизир в Шведте-на-Одере в провинции Бранденбург,

в 85 километрах от Берлина. Видел он и дворец Монбизу, располагавшийся за линией городских укреплений Берлина, также видел и французский Марли, построенный прославленным архитектором Жюлем Ардуэном-Мансаром. За последние годы о прямом или опосредованном влиянии европейских дворцов на дворцы Петербурга писали многие известные авторы, исследователи культуры и искусства петровской эпохи.

Далеко не все дома, где останавливался Петр, стали музеями. Но нельзя не назвать Домик в Заандаме, некогда принадлежавший великой княгине Анне Павловне, королеве Нидерландов. Появилась информация, что в Дании, в городке Ньюкебинг сохранился дом, где Петр обедал, и сейчас там располагается ресторан, который становится все более популярным. В сегодняшнем списке участников Ассамблеи — дворец Кадриорг в Эстонии, дома Петра I в Вологде, в Дербенте и других городах России. И все это мы хотим объединить и осмыслить.

В июне-августа 2022 года в Санкт-Петербурге состоялась выставка «30 картин из жизни Петра Великого». Об этом проекте, который мне очень нравится, хочу сказать несколько слов отдельно. Это повторение проекта 1872 года, задуманное главой «Газпрома» Алексеем Борисовичем Миллером, абсолютно петровским человеком, страстным почитателем царя-реформатора. Несколько лет назад я была приглашена сделать короткое сообщение на совещании, посвященном перспективам празднования 350-летия Петра, и тогда подумала, что рассказать об этом при регламенте четыре минуты будет трудно. Но я кратко рассказала, как Петр отмечал свои дни рождения, как продолжила это начинание его дочь Елизавета Петровна, а затем уже Екатерина II, а Александр I вообще пропустил эту круглую дату.

Александр II решил устроить, что называется, пир на весь мир: в 1872 году появилось огромное количество литературы, породившей совершенно новое концептуальное отношение к Петру. Закончился старый спор между западниками и славянофилами, и теперь два царя-реформатора, Петр и Александр II, словно объединившись через столетия, предстали перед русским народом. Показать их нужно было доступно, доходчиво и просто.

Александр II предложили идею установки маленьких домиков, напоминавших русские избы, украшенные флагами, внутри которых выставлялись картины. Эскизы домиков сохранились в Музее театрального и музыкального искусства. В них на тридцати полотнах были изображены известные и малоизвестные события из жизни Петра I. Выставка называлась «Тридцать картин из жизни Петра Великого», и перечень сюжетов для картин утвердил сам император Александр II.

Теперь А. Б. Миллер принял решение возродить эту выставку в подлинном варианте, и мы пригласили для этого театральных художников из студии Show Consulting. В ходе всех поисков, розысков, разговоров и переговоров в музейном сообществе выяснилось, что 14 исторических картин с Марсова поля сохранились в Русском музее. Намотанные на вал, они лежали там десятилетиями, пребывая в очень плохом состоянии: в 1872 году картины создавались на несколько дней и выполнялись клеевыми красками на скорую руку.

Император пригласил тридцать живописцев Академии художеств, чтобы каждый написал по картине. Однако при сжатых сроках исполнения согласились только трое: Михаил Бочаров, Николай Каразин и Фердинанд Гелиц. Сейчас Санкт-Петербургская Академия художеств имени Ильи Репина подхватила эту идею, и 16 утраченных полотен исполнили современные художники на современный лад, и это совершенно другая живопись. Картины Русского музея экспонировались в форме копий, потому что подлинники, к сожалению, выставить на Марсовом поле невозможно.

Выставка 1872 года превратила пространство Марсова поля в уникальное пространство памяти, и сейчас этот принцип будет повторен. Успех проекта был невероятным, но картины не остались в исторической памяти. Внимательнейшим образом мы проштудировали все исследования, посвященные праздничным мероприятиям в Петербурге, где много пишут о том, какие балаганы, какие гуляния были на Марсовом поле, но нигде почему-то нет ни слова про юбилейную выставку.

Однако сохранился огромный роскошный альбом, посвященный 200-летию со дня рождения Петра Великого, авторами которого выступили историки П. Н. Петров

и С. Н. Шубинский. В альбоме имеется гравюра с изображением панорамы Марсова поля с огромным павильоном в центре, в котором изложены в самом доходчивом варианте вся петровская биография и история его правления. Справа и слева эту череду домиков фланкировали театральные павильоны, где играли два спектакля о Петре I. И человек, попадавший на Марсово поле, начинал осмотр одним спектаклем и другим спектаклем его заканчивал. А дальше уже он двигался в сторону Адмиралтейства к другим балаганам, к увеселениям. Во время выставки здесь раздавалась бесплатно печатная продукция: это был поистине народный праздник.

Нас всех ждет сегодня огромный творческий порыв, потому что все, что мы делаем в отношении Петра Великого, действительно стоит великих трудов. Александр II целеустремил тогда весь научный мир России, всех тех, кто был с ним рядом, все силы направил на изучение личности Петра. Мне представляется, что это получится и у нас — современных людей, поэтому смело и уверенно смотрю в 2022 год, год 350-летия со дня рождения Петра Великого.

Елена Яковлевна Кальницкая,
глава Ассамблеи петровских музеев России

ИМПЕРАТОРСКИЕ ДВОРЦЫ И РЕЗИДЕНЦИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

► МОДЕЛЬ ВЕРСАЛЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ФЕНОМЕН ПИТЕРБУРХА / ПИТЕРГОФА

ГУЗЕВИЧ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ

Кандидат технических наук, инженер-исследователь, Центр исследований России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований в Париже

75006, Франция, Париж, Бульвар Распай, 54

ГУЗЕВИЧ ИРИНА ДАВИДОВНА

Dr. habil, доктор исторических и филологических наук, инженер-исследователь, Центр Мориса Альбвакса Школы высших социальных исследований в Париже

75006, Франция, Париж, Бульвар Распай, 54

В судьбах и результатах деятельности двух европейских монархов — Людовика XIV и Петра I (с разницей в три — три с половиной десятилетия) обнаружился удивительный параллелизм.

Людовик XIV покинул свою столицу — Париж и организовал свою жизнь и управление государством в новом, созданном им центре — Версале, переселив туда как двор, так и администрацию. Мы это назвали «моделью Версаля»: управление страной, выведенное из традиционной столицы и сконцентрированное в официальной резиденции монарха, которая создана на новой территории и представляет в своем великолепии парадное лицо государства. Петр I, покинув Москву, построил близкую модель, однако разнес собственноручно управленческие структуры, которые сконцентрировал в новом городе — Санкт-Петербурге, и парадные резиденции, главной из которых стал Питергоф. Эти работы шли независимо от версальского опыта, что позволяет зафиксировать эффект параллелизма. Однако на завершающем этапе, в 1716–1717 годах, Петр I ознакомился с комплексом Версаль — Трианон — Марли и использовал эту идею для отделения парадного государственного пространства («нагорный» Большой дворец) и частного (Монплеизир, Марли, Эрмитаж). Монплеизир он начал строить еще до Второго большого европейского путешествия, в ходе которого посетил Францию, а петергофские Марли и Эрмитаж — чистые продукты французского влияния, но по идее, а не по воплощению. Возникший миф Петра — идеального государя эпохи Просвещения — в истории европейской цивилизации вполне сравним с детищем Людовика XIV — Версальским мифом.

Ключевые слова: Людовик XIV, Версаль, Марли, Петр I, Санкт-Петербург, Петергоф.

► THE MODEL OF VERSAILLES IN THE RUSSIAN CONTEXT: THE PHENOMENON OF PITERBURGH / PITERHOF

DMITRI YU. GOUZÉVITCH

PhD in Engineering Sciences, Engineer-researcher, The Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies of The School for Advanced Studies in the Social Sciences (Centre d'études des Mondes Russe, Caucasiens & Centre-Européen de l'École des hautes études en sciences sociales, CERCEC EHESS, Paris)

54, boulevard Raspail, Paris, 75006, France

IRINA D. GOUZÉVITCH

Dr. habil, Doctor of Historical and Philological Sciences, Engineer-researcher, The Maurice Halbwachs Centre of The School for Advanced Studies in the Social Sciences (Centre Maurice Halbwachs de l'École des hautes études en sciences sociales, CMH EHESS, Paris)

54, boulevard Raspail, Paris, 75006, France

Despite the difference in more than three decades, the fates and achievements of two European monarchs, Louis XIV and Peter I, reveal some striking parallelisms. Louis XIV left his capital, Paris, and settled with his family in the new center he created — Versailles, relocating both the courtyard and the administration there. We called this phenomenon the “model of Versailles”: the government of the country, taken out from the traditional capital and concentrated in the official residence of the monarch, which was created on a new territory and represents in its splendor the front face of the state. Peter I, having left Moscow, built a close model, but separated the management structures that he concentrated in the new city — St. Petersburg, from the official royal residences, with Peterhof as the main one. These works went independently of the Versailles experience, that allows us to point out the effect of parallelism. However, at the final stage, in 1716–1717, Peter I got acquainted with the residential complex Versailles-Trianon-Marly and used this idea to separate the ceremonial state space (the “upland” Grand Palace) and the private (Monplaisir, Marley, Hermitage). He began to build Monplaisir even before the Second Great European Trip, during which he visited France, and the residences of Peterhof, Marly and Hermitage are pure products of French influence, but in theory, and not in question. In the history of European civilization, the emerged myth of Peter as the ideal sovereign of the Enlightenment is quite comparable with the brainchild of Louis XIV — the myth of Versailles.

Keywords: Louis XIV, Versailles, Marly, Peter I, St. Petersburg, Peterhof.

На конференции «Дворец как портрет владельца», проходившей онлайн 27–28 сентября 2021 года, авторы изменили академическому стилю своих обычных докладов и рассказали следующую сказку:

«В некотором царстве, в некотором государстве, а, точнее, даже в двух, жили-были два монарха. С разницей почти в 30 лет и 3 года. И так уж случилось, что в молодом возрасте каждому из них стало душно в его дворце и в его столице. У обоих было непростое детство: они вззошли на трон еще детьми, видели бунты, кровь, пережили покушения. И детские страхи отложились на личности каждого, хотя и проявлялись по-разному. До определенного момента они были лишь декоративными фигурами, и никто не думал, что они захотят не только воссесть на троне, но реально править. Взятие ими власти в свои руки оказалось сродни государственному перевороту. И наступил момент, когда каждый из них увидел спасение в создании собственного парадиза на новой территории, где не будет призраков из детства. Вот только места для парадизов они выбирали странные. Один — песчаную территорию: пустоши без леса, без водоемов — холм, окруженный болотами. Впрочем, болота привлекли и другого, правда, в устье реки, на берегу моря. Первого из них звали Людовик XIV, а второго — Петр I. В будущем каждый из них будет зваться Великим. Для одного это будет прозвище, даваемое в истории монархам, для другого — именование, преподнесенное Сенатом. Первый будет мечтать об императорском титуле, который никогда не получит. Зато войдет в историю как «Король-Солнце» и станет законодателем европейской моды — в одежде, архитектуре, садах, блеске празднеств. Ну, а второй императором как раз станет. Правда, пользоваться титулом он сможет недолго — уйдет из жизни. Но зато войдет в историю прототипом идеального государя эпохи Просвещения».

Теперь остановимся в нашем повествовании. Выбранный жанр позволил очень точно подчеркнуть удивительный параллелизм в истории двух монархов, которые в литературе часто сравниваются и противопоставляются, начиная, как минимум, с 1711 года¹. Не случайно и результаты их деятельности оказались сопоставимы, однако отнюдь не тождественны. Символы эпохи, — Версаль и Петергоф, — скрывали под внешним блеском очень серьезные структурные изменения в управлении государством. Сейчас остались именно блеск, роскошь и чудо искусства. Попробуем приоткрыть этот театральный занавес, причем параллельно для обоих случаев.

Для начала напомним самые общие данные по истории Версаля.

В личном владении Людовика XIV имелся небольшой «охотничий» павильон, выстроенный его отцом, Людовиком XIII, который тоже любил скрываться из Парижа, чтобы «поскучать в одиночестве». Свой павильон он выстроил в 1623 году. Домик был так мал, что в нем даже не было женских покоев. В 1630-е годы он был немного расширен.

Людовик XIV заинтересовался имением и в 1660–1661 годах начал благоустройство территории. К 1664 году это уже был замок для семьи. Он еще не являлся официальной королевской резиденцией, но в нем уже устраивались придворные праздники. Однако при этом ночевать придворным после окончания увеселений было негде.

И тогда началось капитальная перестройка дворца и устройство нового сада. Большую роль сыграл визит молодого Людовика в 1661 году в имение сюринтенданта финансов Николая Фуке (Nicolas Fouquet) в Во-ле-Виконт (Vaux-le-Vicomte), где 17 августа был устроен роскошный бал на 600 приглашенных персон. Один из богатейших вельмож Франции,

¹ Steele R. «Of all the Affections which attend Human Life <...>» // The Spectator. № 139. 1711, August 9. Переиздавалась в 1714 и 1891 гг.; пересказ встречается в т.н. «Мемуарах Вильбуа», изданных в 1853 и переизданных в 2006 г. (Guillemot dit Villebois F. Mémoires secrets d'un Breton à la cour de Russie sous Pierre le Grand. Rennes, 2006. P. 58). Общий разбор сравнений см. в: Берелович В. Петр Великий и Людовик XIV: Скрытое противопоставление в России XVIII века // Пинакотекa. 2001. № 1/2; Berelowitch W. Pierre le Grand et Louis XIV: une confrontation cachée dans la Russie su XVIIIe siècle // Pinakothékë. 2001. № 1/2.

Фуке собрал трех «Лё»: архитектора Луи Лё Во (Louis Le Vau; 1612–1670), художника Шарля Лё Брёна (Charles Le Brun; 1619–1690) и садовника Андре Лё Нотре/Лёнотра (André Le Nôtre; 1613–1700). И они ему создали на пустом месте удивительный замок и сад — первый сад «французского регулярного стиля», занимавший территорию в 33 гектара². Людовик XIV страшно обиделся: хозяина замка был слишком богат, гостеприимен и к тому же решил поухаживать за его собственной фавориткой, Луизой де Лавальер. Заключить его под стражу прямо во время праздника помешала мать Людовика, Анна Австрийская³. А посему лишь 5 сентября 1661 года, в Нанте, куда король взял с собой Фуке, тот был арестован лейтенантом королевских мушкетеров д'Артаньяном. Тем самым, героем нашего детства⁴. Последние же 18 с половиной лет своей жизни Фуке провёл в тюрьме, вначале в Бастилии (во время следствия и суда, завершившегося в декабре 1664 года)⁵, затем в крепости Пиньероль (forteresse de Pignerol), где и умер в 1680 году.

Ну, а Людовик забрал к себе троицу «Лё» из Во-ле-Виконта, добавил к ним четвертого «Лё» — скульптора Этьена Лё Онгра (Étienne Le Hongre; 1628–1690), и вместе они на пространстве в 8000 гектаров⁶ создали то, что мы сейчас знаем, как Версаль — и парк, и дворец. После чего Лувр, Тюильри, Пале Рояль в качестве королевских резиденций опустели.

За 20 лет Версальский дворец вырос до фантастических размеров. Было не понятно, зачем необходимы такие масштабы строения. Разгадка пришла в 1682 году, когда Людовик потребовал, чтобы все придворные и министры съехались во дворец для проживания и работы. Сюда надо добавить обслугу, рабочих, торговцев, в сумме — несколько тысяч человек. Версаль стал не только резиденцией короля, но и столицей государства, а также общежитием для высшей администрации и части аристократии, во всяком случае той, которая составляла двор. Что, впрочем, никак не мешало принцам и принцессам крови иметь свои дворы и проживать в других дворцах, а балы плавно перетекали из одного в другой. Позиция Короля-солнца была достаточно осмысленной: пусть придворные постоянно находятся перед его глазами и тратят время на свои развлечения (которых было не избежать!), а не на плетение заговоров против него⁷. В этом был свой резон. Ну, а Париж остался старой столицей⁸.

С точки зрения государственного управления, созданная система была очень рациональной и четко отрегулированной. Все было под руками. Минимальные расходы на курьеров, которым, в противном случае, пришлось бы постоянно циркулировать

² О Во-ле-Виконте, предтече Версаля, и о его создателях см.: *Bouvard C. Quelques vérités sur le château de Versailles // Secrets d'histoire. № 8 hors-série. 2018. Pp. 48–53; Crochez G. Château de Vaux-le-Vicomte: Plan. [S. p., avant de 2015]; Orsenna É. Portrait d'un homme heureux: André Le Nôtre: 1613–1700. Paris, 2000; Pérouse de Montelos J. M. Le château de Vaux-le-Vicomte. Paris, 2008; Petitfils J. Ch. Nicolas Fouquet, le surintendant trop brillant // Secrets d'histoire. № 22. 2019; Roger D. Un tour du monde des plus beaux jardins // Secrets d'histoire. № 14. 2017; Rostaing A., Sichel F. André Le Nôtre à Vaux-le-Vicomte: Un nouvel art des jardins. Paris, 2013.*

³ *Zega A., Dams B. H. Versailles: The Château and its Satellites. Paris, 2007. P. 25.*

⁴ Остается лишь дать ссылки на роман Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», где описаны эти события. В замке Во-ле-Виконт одно время находилась инсталляция со звуковым сопровождением, их имитирующая.

⁵ Судебный процесс описала в своих письмах Мари де Совинье, сочувствовавшая Фуке: *Севинье М., де. Письма господину де Помпонну о процессе. [Б. м., 2012]. URL : <https://www.rulit.me/author/de-sevine-mari/pisma-gospodinu-de-pomponnu-o-processse-fuke-download-244394.html> (дата обращения: 04.12.2021).*

⁶ Сейчас Версаль занимает территорию в 830 га, или 10,4% от дореволюционной (*Roger D. Un tour du monde des plus beaux jardins. P. 41.*)

⁷ *Roujon J. Le Système de Versailles et l'empirisme de Louis XIV // Revue de Paris. 1938, 15.11 et 1.12. № 22, 23.*

⁸ Двор Людовика XIV и хроника событий его жизни описаны в: *Le Grand atlas de Louis XIV: Le règne éblouissant du Roi-Soleil. Grenoble, 2015.*

между Версалем и Парижем. Скорость принятия решений. И все должны были работать. В историю вошла вырванная из контекста фраза Людовика XIV: «Государство — это я». Выражение, ставшее символом абсолютизма, ныне кажется почти гротескным, если не признаком самодурства. Но это далеко не так. Это просто квинтэссенция «версальской системы» — «Le Système de Versailles» (в XX веке это именование дадут совсем другому феномену — политическому устройству Европы между войнами, и старый смысл забудут). Сам король, обладавший обостренным чувством долга, работал не меньше своих подданных. Однако они, даже на уровне министров, лишь давали советы и исполняли приказания. А король слушал их советы и давал указания. Точнее, принимал решения.

Собранные под одной крышей, придворные и администрация создали, по меткому выражению Жака Ружона, первый профсоюз, который, как и все профсоюзы, занимался защитой интересов своих членов: выбиванием денег и чинов от работодателя — монарха⁹. И страсти при этом бушевали нешуточные.

Версаль эпохи Людовика XIV — это воплощенное двуединство, ну, или двуликий Янус: дворцово-парковый комплекс — с одной стороны, и политико-административный — с другой. В результате, чиновники работали прямо в Парадизе или в Раю, изгнание из которого было смерти подобно. Перед нами определенная модель государственного устройства.

А можно сформулировать и по-другому: для созданной Людовиком XIV новой государственной административной системы он же сшил блестящие, восхитившие мир одежды в виде Версальского дворца, роскошь парадных помещений которого поражала каждого зрителя, и Версальского парка с его зелеными кабинетами, скульптурой, каналами, фонтанами и непрерывными балами¹⁰.

Назовем это «моделью Версаля» и будем понимать под нею управление страной, выведенное из традиционной столицы и сконцентрированное в официальной резиденции монарха, которая создана на новой территории и представляет в своем великолепии парадное лицо государства.

Эта система просуществовала вполне сказочные 33 года, вплоть до смерти короля 1 сентября 1715 года¹¹, когда у Версаля осталась лишь одна роль — покинутой королем резиденции.

Однако вокруг Версальского дворцово-паркового комплекса уже с 1680-х годов начал формироваться целый город, где жили те, кто обслуживал дворец-столицу — торговцы, ремесленники, мелкие чиновники и члены их семей; появлялись особняки знати и представителей высшей администрации. Это был едва ли не первый во Франции (если не в Европе) город, никогда не имевший крепостных стен.

В 1722 году 12-летний Людовик XV возвратился в Версаль, но дворцовая жизнь уже была другой.

Заметим, что еще до Великого переселения администрации и двора, Людовик XIV почувствовал некоторые неудобства: слишком шумно, слишком много интриг. Одно «дело о ядах», возникшее в 1670-е годы и проникшее во дворец, чего стоило! Да и парадиз оказался не совсем тот, о котором он мечтал. В результате, в 1679–1684 годах был

⁹ Roujon J. Le Système de Versailles et l'empirisme de Louis XIV. P. 641.

¹⁰ Версалю посвящены многие сотни, если не тысячи работ. Существуют даже роскошные факсимильные альбомы (с нумерованными экземплярами) нереализованных проектов и разрушенных построек (Zega A., Dams B. H. Versailles: The Château and its Satellites), а также планов Версаля и Марли, выполненных П. Лепотром (*Lepautre P. Recueil des Plans Généraux des Jardins de Versailles, de Trianon, et de la Ménagerie avec le Plan du Potager; ainci que des Jardin de Marly. Paris, 2017*).

¹¹ О 1715 годе, как о рубежном в истории, о Франции и остальном мире в этот год см.: *Sarmant Th. 1715: La France et le monde. Paris, 2014*.

построен дворец Марли с изумительным парком — как личное пространство короля¹². В отличие от Версаля попасть туда можно было лишь по приглашению монарха. По-видимому, довольно быстро стало понятно, что, помимо лично-дружеского пространства, требуется ещё и семейное. Так в 1687–1688 годах возник Большой Трианон (тогда он назывался Мраморным).

Слава Версаля гремела по всему миру. Реплики с него той эпохи находим едва ли не по всей Европе: в Дании — Фредериксборг (Frederiksborg); Голландии: Хет-Лоо (Het Loo), Англии — Хемптон-корт (Hampton-Court) и Кенсингтон (Kensington), а также каскад в Чатсуорт-хаус (Chatsworth house) в Дербишире; Саксонии — Гроссер Гартен (Großer Garten) под Дрезденом, Ганновере — Херренхаузен (Herrenhausen) и даже в Австрии, где, построив Шёнбрунн (Schönbrunn), ИМПЕРАТОР подражал КОРОЛЮ (а не наоборот)¹³.

Влияние Версаля выплеснулось и за пределы Европы. Поддерживаемые в хорошем состоянии следы регулярного французского сада мы в марте 2016 года обнаружили у королевского дворца Пхра Нарай Раджанивет (Phra Narai Rajanivet/Ratchaniwet) в тайландском городе обезьян Лопбури. Дворец относится к XVII веку, и ныне от него остались только руины, если не считать трех отреставрированных небольших павильонов, в которых находится Национальный музей (Musée national Somdet Phra Narai)¹⁴. Как оказалось, сад разбивали в конце 1680-х годов французские инженеры, приехавшие с одним из французских посольств в Сиам¹⁵. Сохранился даже французский рисунок с планом этого сада¹⁶. В ряде источников утверждается, что дворец помогали строить не только французские, но и итальянские инженеры, что в интерьерах самого дворца использовались зеркала, привезенные из Франции (не в подражание ли Зеркальному залу в Версальском дворце?), и что помощь оказывал французский архитектор, и что в результате получилась смесь стилей кхмерского, сиамского и западноевропейского, давшая впечатляющий эффект¹⁷. Из французских инженеров, занимавшихся фортификационными работами в Лопбури, известен де Ла Марр (de la Marre), отправленный в Сиам с посольством шеваляе де Шомона в 1685 году¹⁸.

¹² De chasse & d'épée: Le décor de l'appartement du roi à Marly: 1683–1750. Paris, 1999; *Mabille G., Benech L., Castelluccio S.* Vues des jardins de Marly: le roi jardinier. Montreuil, 2011; Marly art et patrimoine. № 6: Le Pavillon de la machine de Marly. 2012; *Maroteaux V.* Marly: L'autre Palais du Soleil. Genève, 2002; *Raynal M.* Marly, 1691: L'escarpolette et la ramasse. Marly le Roi, 1990.

¹³ *Ибу Э.* Дворец Шенбрунн: Путеводитель по дворцу. Вена, 2003; *Forjahn A., Knupp-Uhlenhaut Ch., de Werd G.* Gartenlust: Europäische Gartenkunst in alten Ansichten 1600–1900. Kleve, 2005. Pp. 50–51; *Fowler C.* Your guide to Chatsworth. Bekewell, 2013; Hampton Court Palace: Guide officiel. London, 2001; *Helas V.* Großer Garten in Dresden. Leipzig, 2002; Kensington Palace: The official Guidebook. London, 2001; *Lyngby Th., Skougaard M.* Frederiksborg: Castle and Museum. Frederiksborg Castle, 2011; *Schloss Herrenhausen: Architektur, Garten, Geistesgeschichte.* Hannover, 2013. Ссылки на литературу даны только для тех объектов, которые были обследованы авторами статьи, повторявшими, в ходе топографических исследований, европейские маршруты Петра I.

¹⁴ Le Musée national de somdet Phra Narai. [Bangkok?, avant de 2016]; Thaïlande / *Ch. Williams* [et al.]. Paris, 2012. P. 168.

¹⁵ Обмен посольствами между Сиамом, опасавшимся английской экспансии, и Францией в 1681–1687 гг. был очень интенсивным. Сиамское посольство 1686–1687 гг. Людовик XIV принимал в Версале. В 1685 г. в Сиам было отправлено французское посольство шеваляе де Шомона (de Chaumont) и аббата де Шуази (de Choisy), с которым поехала «полудюжина» иезуитов — астрономов и математиков. А через два года, в 1687 г., из Бреста в Сиам на пяти кораблях отплыло новое посольство во главе с Ла Лубером, с миссионерами, математиками и инженерами, а также настоящий французский экспедиционный корпус из 600 человек во главе с генерал-майором Дефаржем (maréchal de camp Desfarges) (Mémoires du Monde: Cinq siècles d'histoire médites et secrètes au Quai d'Orsay. Paris, 2001. Pp. 72–77).

¹⁶ *Phisphumvidhi P.* La Palais Phra Narai Rajanivet et des sites touristiques à Lopburi. Bangkok, 2013. P. 14.

¹⁷ Thaïlande / *Ch. Williams* [et al.]. Paris, 2012. P. 168; Thaïlande. Paris, 2015. P. 219.

¹⁸ *Phisphumvidhi P.* La Palais Phra Narai Rajanivet et des sites touristiques à Lopburi. P. 9.

Другими словами, «Версаль вне Версаля» в последние десятилетия XVII — начале XVIII веков не только совершал триумфальное шествие по Европе, но попал и в Азию.

Как мы уже говорили, два французских короля, каждому из которых на тот момент было по 22 года, начинали строить свой парадиз в стороне от столицы.

Ну, что ж. На другом конце Европы другой монарх в том же возрасте решает отвоевать у Османской империи новую для себя территорию, где вскоре вознамерится построить свой парадиз. Все мы помним знаменитое выражение молодого Петра I в письме к Ф. М. Апраксину: «... шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем»¹⁹. Написано оно в начале 1695 года (по мнению Е. В. Анисимова, 21 февраля по старому стилю). Однако дело с завоеванием территорий на юге несколько затянулось, а потом, с заключением Карловицкого мира в январе 1699 года и вовсе приостановилось. Но идея не исчезла.

В первой половине 2000-х годов мы несколько раз ездили по приазовским землям. Благодаря этому удалось ввести в научный и музейный оборот информацию о земляной Павловской крепости петровской эпохи, и, тем самым, сохранить ее от разрушения. И мы были поражены тем, что свой первый парадиз Петр начал создавать на юге. Будь иным политический расклад конца 1690-х годов, Русское государство могло бы получить свою имперскую столицу именно там. У нас даже была идея написать книгу «Азовский фальшстарт». Но идею реализовать не получилось.

В 1700 году, как только Карловицкий договор о двухлетнем перемирии превратится в Константинопольский мир, Петр ввязался в Северную войну, которая началась для него Нарвской катастрофой. Однако уже в 1702 году он отвоевал на северо-западных рубежах новую очень болотистую территорию, где и решил устраивать свой, невский парадиз.

Вот только начал своё строительство Петр не с дворца, а с крепости, заложенной 16 (27) мая 1703 года, с порта и города. Впрочем, мысль о закладке «монаршей резиденции» на этом месте была высказана боярином Федором Алексеевичем Головиным уже 7 (16) мая, то есть за 9 дней до основания города²⁰. Однако, первым жильем Петра будет деревянный частный домик. А дворец он предоставит строить Меншикову. Практически, сразу возникнет порт, затем Летний сад, и в ноябре 1704 года — Адмиралтейство.

Если Людовику понадобилось более 20 лет от начала постройки дворца до создания в нем новой формы правления, то Петр это сделал на 10-м году строительства города, заставляя с 1712 года, переселяться туда своих родственников, аристократию, чиновников, ремесленников, купцов. В конечном счете, принцип, по которому Петр выстраивал свою систему управления, был близок к тому, которым руководствовался Людовик XIV: вся система была завязана на монарха, который работал не меньше, чем его подчинённые, но решения принимал именно он.

Да и был он более молодым — 40, а не 45 лет как Людовику. Время для него стало как бы спрессовываться, ибо отпущено ему было намного меньше, чем французскому королю — на 20 лет и 2 года.

В новый город постепенно переместился и дипломатический корпус. В ходе реформы государственного управления в 1718–1719 годах коллегии будут создаваться именно в Петербурге. Как и Версаль, город будет без стен.

Однако Петр мечтал о превращении России в империю. Причем очень рано — после возвращения из Великого посольства. Идеологом, похоже, был все тот же Ф. А. Головин. То, что не удалось за предыдущие 1,5 столетия — добиться от Европы признания

¹⁹ Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. № 36. С. 29.

²⁰ То же. СПб., 1889. Т. 2. С. 540, 543. См. также: *Беспятых Ю. Н.* Основание Петербурга: Государственная необходимость или государева блажь? // Феномен Петербурга. СПб., 2000. С. 280; *Гузевич Д., Гузевич И.* Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I. СПб., 2021. С. 139.

за царем равенства с цесарем, Петр решил добиться другим путем: раз не признают равенства этих двух титулов, то согласимся с Европой и примем собственно императорский титул, а царский поставим за ним, неявно признав его на ранг ниже²¹.

Но для будущей империи и его самого, как императора, нужны были блестящие одежды: парки, каналы, фонтаны, дворцы. Это Петр, по-видимому, понял, проехавшись по Европе в 1697–1698 годах и увидев множество «Версалея вне Версаля», не считая барочных парков, как Шпрингенберг под Клеве, который предшествовал Версалю²².

Однако создать дворцово-парковый ансамбль — лицо государства — оказалось даже сложнее, чем запустить строительство столицы. Шли поиски места и облика, начиная с заложенного уже летом 1704 года на территории самого города Летнего сада²³. Нельзя сбрасывать со счетов и локальные варианты, в том числе для членов семейства — Екатерингоф, Анненгоф, Елизаветгоф, Дальние Дубки²⁴ — они все сыграли свою роль. Но основная оказалась у тех работ, которые с первой половины 1710-х годов производились в районах нынешнего Петергофа и Стрельны²⁵.

Последовательность строительства и перипетии, связанные со сменой Стрельнинской идеи на Петергофскую, выходят за границы этого текста. Для нас важно, что начало работ последовало до второго большого европейского путешествия Петра в 1716–1717 годах. Причем почти одновременно, с разницей в один-два сезона, начали строиться и частная резиденция Монплеизр, вошедшая в Петергофский комплекс, и роскошный Стрельнинский дворец с парком (как предполагалось, будущая «Русская Версалия»), и «нагорный» Большой дворец в Петергофе. Окончательный переход от Стрельны к Петергофу был сделан лишь летом 1721 года не без участия уже Б. Х. Миниха.

С Версалем, Трианомом и Марли, в которых он в сумме провел более 10 дней, а также с парками при замках Сен-Клу (Saint-Cloud), Сен-Жермен-ан-Лэ (Saint-Germain-en-Laye) и др., Петр ознакомился лишь в мае–июне 1717 года²⁶, то есть, когда строительство его собственных резиденций уже шло полным ходом. Версаль тогда потерял административный элемент своего двуединства. А в России над созданием парков работал Ж.-Б. А. Леблон —

²¹ Подробнее на эту тему см. нашу монографию: *Гузевич Д., Гузевич И. Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I*.

²² Создан в 1659 г. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698*. СПб., 2008. С. 218–224; *Diedenhofen W. Gärten und Parks in Kleve. Köln, 2001; Forjahn A., [et al.]. Gartenlust: Europäische Gartenkunst in alten Ansichten 1600–1900*. S. 67–70; *Geisselbrecht-Capecki U. An den Wassern zu Cleve: Studien und Beiträge zur Garten- und Bedegeschichte Kleves. Kleve, 1994; Wilms B. Gärten und Parks an Rhein und Maas: Ein Reiseführer. Duisburg, 2006*. S. 68–73]. О европейских архитектурных впечатлениях Петра и о их роли на строительство в России, см.: *Горбатенко С. Архитектурные маршруты Петра Великого*. СПб., 2015.

²³ *Болотова Г. Р. Летний сад*. Л., 1988; *Дубяго Т. Б. Летний сад*. М.; Л., 1951; *Коренцвит В. А. Летний сад Петра Великого: Рассказ о прошлом и настоящем*. М., 2015; *Ухналёв А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I*. СПб., 2015; *Хвостова Г. А. За кулисами Петровского парадиза, или История скульптуры Летнего сада в XVIII – начале XXI века*. СПб., 2017.

²⁴ *Амирханов Л. И. Заповедная дубовая роща Петра Великого («Парк Дубки») в Сестрорецке*. СПб., 2016; *Баторевич Н. И. Екатерингоф: История дворцово-паркового ансамбля*. СПб., 2006; *Баторевич Н. И., Кожицева Т. Д. Екатерингоф: Царице в честь, Царю для славы*. СПб., 2020; *Кормильцева О. М., Сорокин П. Е., Кищук А. А. Екатерингоф*. СПб., 2004. См. также: *Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки*. Л., 1963.

²⁵ *Горбатенко С. 1) Архитектура Стрельны*. СПб., 2008; 2) *Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель*. СПб., 2013.

²⁶ *Горбатенко С. Архитектурные маршруты Петра Великого; Мезин С. А. Пётр I во Франции*. СПб., 2017. О том, как выглядели Версаль, Трианон и Марли в петровскую эпоху можно судить по гравюрам, представленным в: *Forjahn A., [et al.]. Gartenlust: Europäische Gartenkunst in alten Ansichten 1600–1900*. Pp. 30–40; *Vercelloni V. Atlas historique des jardins européens*. Paris, 1991. Pp. 74–77.

удивительный архитектор, который за 2,5 года успел больше запроектировать, чем построить. Но созданный им настоящий завод по строительству и города, и резиденций продолжал работать даже после его смерти²⁷.

Для создания Петергофских ансамблей не меньшее значение, чем проекты Леблона, имели альбомы с планами Версаля и Марли, подаренные Петру герцогом д'Антенном²⁸.

Из осмотра резиденций Людовика XIV Петр вынес главное: должна быть великолепная, потрясающая всех парадная часть, и должны быть частные, уединенные резиденции, которые создадут монарху пространство для личной жизни. В результате стали строиться павильон Эрмитаж (уединение, приют отшельника) и петергофский дворец Марли (даже имя с французского прототипа царь перенес, и саму идею, но не архитектурно-пространственное решение).

Как видим, определенное влияние Версаля на Петра было. Но оно было либо опосредованным, через его реплики в Европе, либо уже достаточно поздним. Однако есть законы параллелизма: два монарха в сходных условиях действовали по близким схемам и создали системы, которые при определенном уровне обобщения оказываются очень близки. Различия (и серьезные) проявляются лишь по мере детализации. Основных отличий, наблюдалось, пожалуй, два²⁹. Во-первых, это обретение моря — у Петра. И для новой столицы, и для парковых резиденций, начиная с Монплезира. Франция же и так омывалась морями, поэтому для Людовика этот вопрос не был основополагающим.

А второе отличие состояло во внутренней структуре созданной модели. Выше мы определили «модель Версаля». Петр же создаст на новой территории модель Питербурха / Питергофа. С точки зрения рождения нового, имперского государства, их надо рассматривать в единстве. И потому системе двух столиц во Франции: Версаль — Париж, в России при Петре будет соответствовать не система Петербург — Москва, а система Питербурх / Питергоф — Москва. Их дальнейшая эволюция выходит за рамки нашего рассказа.

Ныне уже сложно отличить суть Версаля — города без стен, выросшего вокруг дворца и парков, пригорода Парижа, которому он некогда противостоял, от сути Петергофа, пригорода Петербурга, изначально задуманного в синтезе с ним. Они оба тоже не имели стен, и каждый из них — портрет своего создателя, несмотря на дальнейшие переделки, разрушения, развитие, реставрацию.

Для обоих монархов было важно пространство, отрегулированное по их воле, но для Петра, как мы сказали, еще — море. Законодателем европейской моды

²⁷ 29 марта 2019 г. в Петербурге в Меншиковском дворце проходила международная конференция «Жан-Батист Леблон и французы в России в эпоху Петра Великого», на которой разбирались эти вопросы. Сборник по материалам конференции находится в стадии подготовки.

²⁸ Версаль и Марли: Сады Людовика XIV: Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенном в 1717 году. Париж; СПб., 2017; *Lepautre P. Recueil des Plans Généraux des Jardins de Versailles, de Trianon, et de la Ménagerie avec le Plan du Potager; ainci que des Jardin de Marly.* Paris, 2017; Marly art et patrimoine. № 7: De Marly à Peterhof: L'album de Pierre le Grand. 2013.

²⁹ Мы не касаемся собственно структур дворов двух монархов, ибо это следующий уровень детализации. Формула Людовика XIV может иметь несколько словесных описаний: «двор был объединен с аппаратом государственного управления» или «аппарат управления формировался как часть двора» и др. В любом случае, с 1680-х гг. эти две структуры оказались неразделимы. А вот для Петра в 1700-е — 1710-е гг. «двор» — понятие относительное, хотя дворцовые учреждения, в т.ч. Дворцовая канцелярия, существовали; имелись «малые дворы» («дворы-комнаты» членов царской фамилии), среди которых выделим двор принцессы Шарлотты Христианы Софии Вольфенбюттельской, супруги царевича Алексея. И, тем не менее, вопросов здесь пока еще слишком много. Не случайно А.И. Тургенев в 1840-е гг. свою монографию о дворе начинает сразу с Екатерины I, минуя царствование Петра I, а Н.Е. Волков, в конце XIX в., — с 1721 г. и введения Табели о рангах (*Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем.* М., 2001; *Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке.* СПб., 2005). Первое фундаментальное исследование на эту тему появилось лишь в 2008 г. и принадлежит перу О.Г. Агеевой (*Агеева О.Г. Императорский двор России: 1700–1796 годы.* М., 2008).

он не стал, хотя и передел в европейские одежды всю элиту, все чиновничество и всю армию своего государства. Зато возник миф идеального государя эпохи Просвещения, в истории европейской культуры вполне сравнимый с Версальским мифом.

REFERENCES

- Ageeva O. G. *Imperatorskii dvor Rossii: 1700–1796 gody* [Imperial Court of Russia: 1700–1796]. Moscow: Nauka Publ., 2008, 379 p. (In Russian)
- Amirkhanov L. I. *Zapovednaya dubovaya roshcha Petra Velikogo («Park Dubki») v Sestroretsk* [Protected oak grove of Peter the Great (“Dubki Park”) in Sestroretsk]. St. Petersburg, Ostrov Publ., 2016, 127 p. (In Russian)
- Batorevich N. I. *Ekateringof: Istoriya dvortsovo-parkovogo ansamblya* [Ekateringof: History of the Palace and Park Ensemble]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2006, 272 p. (In Russian)
- Batorevich N. I., Kozhitseva T. D. *Ekateringof: Tsaritse v chesti, Tsaryu dlya slavy* [Ekateringof: To the Queen in honor, to the King for glory]. St. Petersburg, D. Bulanin Publ., 2020, 205 p. (In Russian)
- Berelovich V. Petr Velikii i Lyudovik XIV: Skrytoe protivopostavlenie v Rossii XVIII veka [Peter the Great and Louis XIV: A Hidden Opposition in 18th-Century Russia]. *Pinakoteka*. 2001. no 1/2 (13/14). Pp. 16–30. (In Russian)
- Berelowitch W. Pierre le Grand et Louis XIV: une confrontation cachée dans la Russie su XVIII siècle [Peter the Great and Louis XIV: A Hidden Confrontation in 18th century Russia]. *Pinakothéké*. 2001. no 1/2 (13/14). Pp. 16–23. (In French)
- Bespyatykh Yu. N. Osnovanie Peterburga: Gosudarstvennaya neobkhodimost' ili gosudareva blazh' [Founding of St. Petersburg: State necessity or sovereign whim?]. *Fenomen Peterburga*. St. Petersburg, Blits Publ., 2000. Pp. 277–287. (In Russian)
- Bolotova G. R. *Letnii sad* [Summer garden]. Leningrad, Khudozh. RSFSR Publ., 1988, 150 p. (In Russian)
- Bouvard C. Quelques vérités sur le château de Versailles [Some facts about the Palace of Versailles]. *Secrets d'histoire*. 2018, no 8. Pp. 48–53. (In French)
- Crochez G. et al. *Château de Vaux-le-Vicomte: Plan*. [S. n., S. d., avant de 2015], [12] p. (In French)
- Diedenhofen W. *Gärten und Parks in Kleve* [Gardens and parks in Kleve] 3rd ed, completely new. Köln, Rheinischer Verein für Denkmalpflege und Landschaftsschutz, 2001, 38 s. (In German)
- Dubyago T. B. *Letnii sad* [Summer garden]. Moscow, Leningrad, Goslitzdat po str-vu i arkh-re Publ., 1951, 155 p. (In Russian)
- Dubyago T. B. *Russkie reguljarnye sady i parki* [Russian regular gardens and parks]. Leningrad, Gosizdat lit-ry po str-vu, arkh-re i stroit. mat-m Publ., 1963, 340 p. (In Russian)
- Forjahn A., Knupp-Uhlenhaut Ch., de Werd G. *Gartenlust: Europäische Gertenkunst in alten Ansichten 1600–1900* [Gardening pleasure: European crop art in old views 1600–1900]. Kleve, Freundeskreis Museum Kurhaus und Koekkoek-Haus Kleve e.V., 2005, 129 s. (In German)
- Fowler C. *Your guide to Chatsworth*. Rev. ed. Bekewell. Derbyshire, Chatsworth house trust, 2013, 120 p.
- Geisselbrecht-Capecki U. [et al.]. *An den Wassern zu Cleve: Studien und Beiträge zur Garten- und Bedegeschichte Kleves* [On the waters of Cleves: Studies and contributions to the history of gardens in Kleve]. Kleve, Freunde des Städtischen Museums Haus Koekkoek e.V., 1994, 228 s. (In German)
- Gorbatenko S. *Arkhitektura Strel'ny* [Architecture of Strel-na]. St. Petersburg, Evrop. dom Publ., 2008, 374 p. (In Russian)
- Gorbatenko S. *Arkhitekturnye marshruty Petra Velikogo* [Architectural routes of Peter the Great]. St. Petersburg, Istorich. illyustr. Publ., 2015, 374 p. (In Russian)
- Gorbatenko S. *Petergofskaya doroga: Istoriko-arkhitekturnyi putevoditel'* [Peterhof road: Historical and architectural guide]. St. Petersburg, Istorich. illyustratsiya; Evrop. dom Publ., 2013, 478 p. (In Russian)
- Grand (Le) atlas de Louis XIV: Le règne éblouissant du Roi-Soleil* [Great atlas of Louis XIV: The dazzling reign of the Sun King]. Grenoble, Éd. Atlas, pour l'adaptation éd. Glénat, MMXV (2015), 223 p. (In French)
- Guillemot dit Villebois F. *Mémoires secrets d'un Breton à la cour de Russie sous Pierre le Grand* [Secret memoirs of a Breton at the Russian court under Peter the Great]. Ed. B. Le Nail. Rennes, Les Pportes du large, 2006, 222 p. (Bretons à travers le monde). (In French)
- Guzevich D., Guzevich I. *Paradigma Gerbershteina, ili Ot Tsarya k Imperatoru: Prolog ko Vtoromu puteshestviyu Petra I* [Herberstein's Paradigm, or From the Tsar to the Emperor: Prologue to the Second Journey of Peter I]. St. Petersburg, Evrop. dom Publ., 2021, 366 p. (In Russian)
- Guzevich D. Yu., Guzevich I. D. *Velikoe posol'stvo: Rubezh ehpokh, ili Nachalo puti: 1697–1698* [The Great Embassy: The Turn of the Ages, or the Beginning of the Road: 1697–1698]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2008, 693 p. (In Russian)
- Guzevich D. Yu., Guzevich I. D., Bents B. (eds.) *Versal' i Marli: Sady Lyudovika XIV: Al'bomy, podarenyye Petru I gertsogom D'Antenom v 1717 godu* [Versailles and Marly: Gardens of Louis XIV: Albums presented to Peter I by the Duke d'Antin in 1717]. Paris; St. Petersburg, Evrop. dom Publ., 2017, 389 p., 93 p. (In Russian)
- Hampton Court Palace: Guide official*. Ed. S. Thurley, C. Murphy. London, Historic Royal Palaces, 2001, 70 p.
- Helas V. *Großer Garten in Dresden* [Great garden in Dresden]. [Leipzig], Ed. Leipzig, 2002, 125 s. (In German)
- Ibi Eh. *Dvoret's Shenbrunn: Putevoditel' po dvortsu: po-russki* [Schönbrunn Palace: Guide to the Palace:

- in Russian]. Transl. from German by I. Berman. Vena, Sshloß Schönbrunn Kultur- und Betriebsges, 2003, 64 p. (In Russian)
- Kensington Palace: The official Guidebook*. Based on an original text by J. Haynes; revised and ed. by C. Murphy. London, Historic Royal Palaces, 2001, 55 p.
- Khvostova G. A. *Za kulisami Petrovskogo paradiza, ili Istoriya skul'ptury Letnego sada v XVIII — nachale XXI veka* [Behind the Scenes of the Petrovsky Paradise, or the History of Summer Garden Sculpture in the 18th — Early 21st Centuries]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2017, 206 p. (In Russian)
- Korentsvit V. A. *Letnii sad Petra Velikogo: Rasskaz o proshlom i nastoyashchem* [Summer Garden of Peter the Great: A Tale of the Past and the Present]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015, 558 p. (In Russian)
- Kormil'tseva O. M., Sorokin P. E., Kishchuk A. A. *Ekateringof* [Ekateringof]. St. Petersburg, Aurora-Media Publ., 2004, 126 p. (In Russian)
- Lepautre P. *Recueil des Plans Généraux des Jardins de Versailles, de Trianon, et de la Ménagerie avec le Plan du Potager; ainci que des Jardin de Marly* [Compendium of General Plans of the Gardens of Versailles, Trianon, and the Menagerie with the Plan of the Vegetable Garden; as well as Jardin de Marly] [Ed. fax-cim.]. [Paris], CM-Exceptions Publ., 2017, [4] f., [8] f. de depl., [1] f., [19] f de depl., [2] f., [20] f. de depl. (In French)
- Lyngby Th., Skougaard M. *Frederiksborg: Castle and Museum*. Frederiksborg Castle, The Museum of National History, 2011, 159 p.
- Mabille G., Benech L., Castelluccio S. *Vues des jardins de Marly: le roi jardinier* [Views of the Marly Gardens: The Gardener King]. Montreuil, Gourcuff Gradenigo, 2011, 236 p. (In French)
- Marly art et patrimoine* (Louveciennes). № 6: *Le Pavillon de la machine de Marly* [Marly art and heritage (Louveciennes). № 6: The Pavilion of the Marly machine]. 2012, 72 p. (In French)
- Marly art et patrimoine* (Louveciennes). № 7: *De Marly à Peterhof: L'album de Pierre le Grand* [Marly art and heritage (Louveciennes). № 7: From Marly to Peterhof: The Album of Peter the Great]. Dir. of publ. B. Bentz; coord. of project D. Gouzévitch, I. Gouzévitch. 2013, 96 p. (In French)
- Maroteaux V. *Marly: L'autre Palais du Soleil* [Marly: The other Palace of the Sun]. Pref. by O. de Rohan. Genève, Vögele Publ., 2002, 255 p. (In French)
- Mémoires du Monde: Cinq siècles d'histoire médites et secrètes au Quai d'Orsay* [Memories of the World: Five centuries of meditated and secret history at the Quai d'Orsay]. Dir. of ed. Sophie de Sivry, d'Emmanuel de Waresquiel. Paris, L'Iconoclaste Publ., 2001, 332 p. (In French)
- Mezin S. A. *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. St. Petersburg, Evrop. dom Publ., 2017, 319 p. (In Russian)
- Musée (Le) national de somdet Phra Narai: [Le livret]*. [National Museum of Sommet Phra Narai: [The Booklet]]. [Bangkok?], Ministère de la culture, Dép. des beaux-arts Publ., [avant de 2016], [10] p. (In French)
- Musée-promenade Marly-le-Roi (éd.) *De chasse & d'épée: Le décor de l'appartement du roi à Marly: 1683–1750*. [Of hunting and sword: The decoration of the king's apartment in Marly: 1683–1750]. Louveciennes. Paris, L'Inventaire Publ., 1999, 113 p. (In French)
- Orsenna É. *Portrait d'un homme heureux: André Le Notre: 1613–1700* [Portrait of a happy man: André Le Notre: 1613–1700]. [Paris], Arthème Fayard Publ., 2000, 191 p. (In French)
- Pérouse de Montelos J. M. *Le château de Vaux-le-Vicomte* [The castle of Vaux-le-Vicomte]. Préf. de M. Fumaroli. Paris, Scala Publ., 2008, 215 p. (In French)
- Petitfils J. Ch. Nicolas Fouquet, le surintendant trop brillant [Nicolas Fouquet, the too brilliant superintendent]. *Secrets d'histoire*. no 22, 2019. Pp. 78–81. (In French)
- Phisphumvidhi P. *La Palais Phra Narai Rajanivet et des sites touristiques à Lopburi*. [The Phra Narai Rajanivet Palace and tourist sites in Lopburi]. Bangkok, Saen Thian Printing, 2013, 39 p. (In French)
- Pis'ma i bumagi Imperatora Petra Velikago* [Letters and papers of Emperor Peter the Great], Ed. A. F. Bychkov. Vol. 1: 1688–1701. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1887, XXXVII, 888, LIII p. (In Russian)
- Pis'ma i bumagi Imperatora Petra Velikago* [Letters and papers of Emperor Peter the Great], Ed. by A. F. Bychkov. Vol. 2: 1702–1703. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1889. XXIII, 721, LXII p. (In Russian)
- Raynal M. *Marly, 1691: L'escarpolette et la ramasse*. [Marly, 1691: The swing and the pick-up]. Marly le Roi, OMAGE Publ., 1990, 74 p. (In French)
- Roger D. Un tour du monde des plus beaux jardins [A world tour of the most beautiful gardens]. *Secrets d'histoire*. no 14, 2017. Pp. 40–49. (In French)
- Rostaing A., Sichert F. *André Le Nôtre à Vaux-le-Vicomte: Un nouvel art des jardins* [André Le Nôtre in Vaux-le-Vicomte: A new art of gardens]. Paris, Somogy éd. d'art Publ., 2013, 45 p. (In French)
- Roujon J. Le Système de Versailles et l'empirisme de Louis XIV [The Versailles System and the empiricism of Louis XIV]. *Revue de Paris*. 1938, 15.11 et 1. 12. no 22, 23. Pp. 256–285, 631–651. (In French)
- Sarmant Th. *1715: La France et le monde* [1715: France and the world]. Paris, Perrin Publ., 2014, 461 p. (In French)
- Schloss Herrenhausen: Architektur, Garten, Geistesgeschichte* [Palace Herrenhausen: Architecture, gardens, intellectual history] Project coord. J. Allekotte. Hannover, Hirmer Publ., 2013, 176 s. (In German)
- Sévigné M. de Rabutin-Chantal. *Pis'ma gospodinu de Pomponnu o protsesse Fuke* [Letters to Monsieur de Pomponne on the Fouquet Trial], tran. from French by Eh. Voitsekhovskaia, Yu. Belotserkovskii. [S.p., s.n., 2012]. Available at: <https://www.rulit.me/author/de-sevine-mari/pisma-gospodinu-de-pomponnu-o-processe-fuke-download-244394.html> (accessed: 04.12.2021). (In Russian)

Steele R. «Of all the Affections which attend Human Life...» *The Spectator*. no. 139. 1711, August 9. (Reprod.: *The Spectator*. H. Morley. Vol. 1. London, George Routledge and Sons, 1891. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/9334/9334-h/9334-h.htm#section139> (accessed: 03.12.2021).

Thaïlande [Thailand.]. Ch. Williams, M. Beales, T. Bewer, [et al.]. 10th ed. Translated and adapted from: Thailand, 14th ed. [Paris], Lonely planet, En voyage éd., 2012, 822 p. (In French)

Thaïlande [Thailand.]. Dir. of coll. and authors D. Auzias, J.-P. Labourdette; authors M. Dray, N. Gentaz, J. Bouchaud [et al.]. 2015. Paris, Nouvelles éd. de l'Université, 2015, 624 p. (In French)

Turgenev A. I. *Rossiiskii dvor v XVIII veke* [Russian court in the 18th century] transl. from French, notes and index of names by D. V. Solov'ev. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2005, 525 p. (In Russian)

Ukhnalëv A. E. *Letnii dvorets i Letnii sad v tsarstvovanie Petra I* [Summer Palace and Summer Garden in the reign of Peter I]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2015, 253 p. (In Russian)

Vercelloni V. *Atlas historique des jardins européens* [Historical Atlas of European Gardens]. Paris, Hatier, 1991, 206 p. (In French)

Volkov N. E. *Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoyashchem* [The court of Russian emperors in its past and present]. Moscow, GPIBR Publ., 2001, 237 p. (In Russian)

Wilms B. *Gärten und Parks an Rhein und Maas: Ein Reiseführer* [Gärten und Parks an Rhein und Maas: Ein Reiseführer]. Duisburg, Mercator, 2006, 151 s. (In German)

Zega A., Dams B. H. *Versailles: The Château and its Satellites* [Versailles: The Palace and its Satellites]. Paris, Connaissance et mémoires, MMVII (2007), 257 p. (In French)

► ПЕТР I В БАД-ПИРМОНТЕ: ЦАРСТВЕННЫЙ КВАРТИРАНТ НЕМЕЦКОГО ЛЕКАРЯ

МАРКИНА ЛЮДМИЛА
АЛЕКСЕЕВНА

Доктор искусствоведения, профессор,
заведующая отделом живописи XVIII –
первой половины XIX века,
Государственная Третьяковская галерея

119017, Российская Федерация, Москва,
Лаврушинский пер., 10

mila_markina@mail.ru

Объект исследования – пребывание Петра Великого на водолечении в курортном местечке Бад-Пирмонт с 27 мая по 15 июня 1716 года. Свита русского царя насчитывала 23 человека и была достаточно представительной. Приводится поименный состав сопровождающих лиц, перечисленный в немецкой хронике. По устоявшемуся обычаю, живя за границей, русский царь сам выбирал себе жилье, пренебрегая официальными дворцами и резиденциями. В данном случае он остановился в скромных апартаментах врача И.Ф. Зейпа, специалиста в лечении местными минеральными водами. Его двухэтажный домик на Brunnenstrasse, 3 сохранился. Приводятся выдержки из «Поденного журнала», обстоятельно зафиксировавшего ежедневное времяпрепровождение Петра. Русский царь с присущей ему энергией успешно сочетал лечение и отдых с решением многих политических, военных и научно-культурных задач. Здесь 30 мая он праздновал свой 44 день рождения. Лечение благотворно отразилось на здоровье Петра. В знак благодарности русский царь преподнес графу Г.Л. Вальдек-Пирмонту свой портрет, который в настоящее время находится в местном музее. Проблемы атрибуции этого произведения также излагаются в сообщении.

Ключевые слова: Петр I, Л. Л. Блюментрост, пирмонтские источники, врач И.Ф. Зейп, Бад-Пирмонт, художник И.Г. Таннауер.

► PETER I IN BAD PYRMONT: ROYAL TENANT OF A GERMAN DOCTOR

LYUDMILA ALEKSEEVNA
MARKINA

Doctor of History Art, Professor, Head
of Department of Painting of the 18th –
the first half of the 19th century,
State Tretyakov Gallery

10, Lavrushinsky Lane, Moscow, 119017,
Russian Federation

mila_markina@mail.ru

The object of the study is the stay of Peter the Great on hydrotherapy in the resort town of Bad Permont from May 27th to June 15th, 1716. The retinue of the Russian king was 23 people and was quite representative. The agreed composition of the accompanying persons listed in the German chronicle is given. According to the established custom, living abroad, the Russian king himself chose a housing itself, neglecting official palaces and residences. In this case, he stopped at the modest apartments of the doctor I.F. Zeip of a specialist in the treatment of local mineral waters. His two-storey house on Brunnenstrasse, 3 preserved. Exposures are given from the “Sub-Journal”, which thoroughly fixed the daily pastime of Peter. The Russian king with its inherent energy successfully combined treatment and recreation with the solution of many political, military and scientific and cultural tasks. Here on May 30th, he celebrated his 44th birthday. Treatment has a beneficial effect on the health of Peter. As a sign of gratitude, the Russian king gave the Count G. L. Waldek-Pyrmonta a portrait that is currently located at the local museum. The attribution problems of this work are also described in the message.

Keywords: Peter I, L. L. Blumentrost, Pyrmontian springs, doctor I.F. Zeip, Bad Pyrmont, artist I.G. Tannauer.

Начиная с середины 1710-х годов Петр I вынужден был постоянно заботиться о своем здоровье. Судя по переписке с Екатериной I, царь не расставался с лекарствами в поездках и походах. В Российском государственном историческом архиве сохранился подлинник истории болезни Петра I (1716 год). Как следует из этого документа, ведущими симптомами заболевания были нарушения в деятельности желудочно-кишечного тракта, напоминающие хронический колит¹. Современная медицинская наука считает, что Петр страдал хроническим гепатитом².

¹ *Нахапетов Б. А.* 1) Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007; 2) Тайны врачей дома Романовых. М., 2011.

² *Зимин И. В., Смирнов А. В., Аль-Шукри С., Лукичев Б. Г.* Последняя болезнь и смерть Петра Великого // Нефрология. 2003. Т. 7. № 2. С. 92.

Державный больной доставлял немало хлопот придворным медикам. Воздержание было не в характере его порывистой и страстной натуры. Петр не мог подолгу соблюдать строгую диету, выносить наложенные докторами запреты. Поэтому самым щадящим и приемлемым для него методом стало лечение на водах. Посещать новые места (Карлсбад, Спа), там пить приятную водичку, постоянно двигаться, иметь возможность встречаться с нужными людьми, — все это нравилось Петру. А главное — после лечения на курорте в его здоровье наблюдался ярко выраженный положительный эффект.

В 1716 году, в связи с очередным обострением болезни монарха, медики Л. Л. Блюментрост³ и Р. К. Арескин⁴ стали настоятельно рекомендовать Петру I попробовать водолечение в Бад-Пирмонте. Этот курорт, богатый целебными минеральными источниками, расположен неподалеку от Ганновера (Нижняя Саксония). Начиная с XII века Пирмонт входил в состав Священной Римской империи. С 1625 года династия Вальдек унаследовала его и название сменилось на Вальдек-Пирмонт. В январе 1712 года здесь стал править Фридрих Антон Ульрих (1676–1728), которого император Карл VI удостоил княжеского титула. Бад-Пирмонт и великое княжество Ганноверское приобрели большое значение в государственных расчетах русского государя. Князь Вальдек-Пирмонт присоединился в 1715 году к антишведской коалиции в Северной войне и стал западным союзником России. Поэтому в Бад-Пирмонте Петр планировал провести дипломатические переговоры с ганноверским и польским послами, а также с представителями датского и прусского королей, специально вызванными в этот курортный городок.

27 мая (5 июня) в воскресный день 1716 года русский царь вступил в Пирмонт. Его супруга Екатерина Алексеевна оставалась в Шверине. В Бад-Пирмонте Петр сразу «изволил идти к колодезю и кушать воду», потом осмотрел замок князя, обедал, «слушал часы», видимо, бой колоколов на местной кирхе.

Свита Петра была достаточно представительной и насчитывала 23 человека. Кто был в числе сопровождающих лиц, мы узнаем из «Спецификации» почетных гостей, а также официальной немецкой хроники, опубликованной в 1808 году в местном журнале «Пирмонтский листок для пользы и удовольствия»⁵. В делегацию входили: государственный канцлер Гавриил Иванович Головкин, министр иностранных дел и вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, сенатор и глава Монастырского приказа Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, генерал-адъютант Павел Иванович Ягужинский, камергер адъютант майор Алексей Румянцев, канцлер Генрих Иоганн Остерман, кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, секретарь Иван Антонович Черкасов, обер-маршал Олсуфьев, российский посланник барон Иоганн Христоф Шлейниц. Кроме государственных деятелей и придворных Петра сопровождали врачи: лейб-медик Арескин, архиатр Блюментрост и хирург Ян Пфейль, фон Сава, русский

³ Лауренциус Блюментрост (1692–1755). Родился в Москве, учился у отца, Л. А. Блюментроста, организатора Аптекарского приказа. Воспитанник школы пастора Э. Глюка. В 15 лет слушал медицинские лекции в Галле и в Оксфорде. Занимался в Лейдене под руководством Г. Бургаве там в 1713 защитил диссертацию, получил степень доктора медицины. После возвращения в Россию в 1714 назначен лейб-медиком царевны Натальи Алексеевны.

⁴ Роберт Эрскин (1677–1718), потомок дворянского шотландского рода, прибыл в Россию в 1706. Принят на государственную службу. Первоначально был личным врачом светлейшего князя А. Д. Меншикова. В 1711 после смерти лейб-медика царя И. Донеля занял освободившееся место.

⁵ Piel G., Luber S. Ein «berühmtes Pymonter Brunnenjahr». Zar Peter I in Pymont im Juni 1716 // Zar Peter der Große die zweite Reise nach Westeuropa 1716–1717; auf europäischer Bühne / Hrsg.: Dieter Alfter. Hameln, 1999. S. 89.

тайный советник⁶; юный барон Шафиров⁷, православный священник Питиков⁸, обер-кухен-мейстер Даниэль Корпге, капитан Остергарде, гофмейстер Белеф, лейтенанты: Данев, Сафронов, Коллос; инженер Джонсон, граф Платтен.

По устоявшемуся обычаю, живя за границей, русский царь сам выбирал себе жилье, пренебрегая официальными дворцами и резиденциями. Например, в ноябре 1712 года, когда Петр и его свита прибыли в Дрезден, он совсем неожиданно объявил, что желает квартировать у придворного бриллианщика И. М. Динглингера. Принимавшая сторона была вынуждена «с величайшею поспешностью принять меры для исполнения этого пожелания». Граф Головкин и сопровождавшие царя лица разместились в гостинице. В Бад-Пирмонте Петр отверг предложение курфюрста остановиться в одной из резиденций Антона Фридриха. Замок князей Пирмонта был сооружен в 1706–1710 годах на месте крепости XVI века, окруженной рвом с водой. В настоящее время здесь располагается Музей истории города и курорта. ❶ Гостеприимный владелец замка был всего на четыре года моложе Петра. Представить себе его внешний облик можно, благодаря парадному портрету неизвестного немецкого художника. Здесь правитель представлен во всем блеске военного облачения (на нем кираса, сабля у пояса). Рядом с ним любимый пес бойцовской породы. Особое внимание привлекают усы князя: их форма в виде небольшой щеточки над губой, весьма редкий элемент для западноевропейских царствующих персон.

Петр предпочел поселиться в скромных апартаментах местного врача. Иоганн Филипп Зейп (1686–1757) был практикующим доктором, специалистом в лечении минеральными водами, а также автором пособия «Описание пирмонтских минеральных источников». Его двухэтажный домик с мансардой и балконом на Бруннен-штрассе, 3 сохранился и даже имеет памятную табличку (48 x 97 см), свидетельствующую о визите Петра I: «Hier wohnte 1716 / Zar Peter der Grosse» («Здесь жил в 1716 г. царь Петр Великий»). Какое-то время в доме располагался курортный пансионат. Сейчас верхние этажи жилые, в нижнем находятся ресторан и аптека. Конечно, не вся свита русского царя расположилась здесь. Только самые приближенные персоны, охрана и слуги жили рядом в различных помещениях.

«Поденный журнал» коротко, но в то же время обстоятельно зафиксировал ежедневное времяпрепровождение Петра. В первую очередь, царь лечился, согласно протоколу Л. Блументроста, состоявшему из 12 пунктов⁹. Приводим его в сокращенном варианте и в переводе с немецкого: «2. Лучшее время приема воды между 6 и 7 часами поутру, так как тело после сна чувствует себя сильнее, а желудок — еще пустой. 7. Лучше всего принимать пищу два раза в день, так как вода возбуждает аппетит. Вставать из-за стола нужно с чувством голода. 12. После обеда нельзя ложиться спать, что приводит к головной боли, через час после ужина следует отправляться в постель».

⁶ Сава Владиславович Рагузинский, тайный советник. См.: Базарова Т. А. Визит С. Л. Владиславича-Рагузинского к Петру Великому в Пирмонт (июнь 1716) // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 2019. № 5 (21). С. 150.

⁷ Шафиров Яков Петрович, сын вице-канцлера П. П. Шафирова. В бумагах Петра упоминается о выписке «паспорта Я. П. Шафирову («урожденный наш дворянин барон Яков Шафиров»), отправленному учиться в чужие края. Дано «в нашем морском флоте при Гангуте» (12/23.07.1716, чт. П. в Копенгагене // Биохроника Петра Великого (1672–1725). URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/241851755> (дата обращения: 07.02.2022); Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 270 № 91. Л. 84).

⁸ В документах встречается такое искаженное написание прозвища «попа И. Х. Битки», которому 31 мая купили шелковые чулки и галстуки. Сам же Петр купил для себя 5 пар чулок нитяных белых, «чулков детских» для царевен.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 54; РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Ч. 3. Д. 93. Опубликовано: Anleitung, wie man den Pymonten Brunnen trinkt // Zar Peter der Große die zweite Reise nach Westeuropa 1716–1717. S. 115–117.

1 Замок Вальдек-Пирмонт. Современный вид
2019
Личный архив Л. А. Маркиной

2 Таннауер И. Г.
Портрет Петра Великого
Около 1715–1716
Музей истории города и курорта (Бад-Пирмонт)

Петр и «все прибывшие с ним» начал пить «воды по фунту в день»¹⁰. 28 мая (8 июня) в понедельник царю «поутру пускали кровь, кушал дома и гулял в роще, в вечеру «проносныя пилюли употребил»¹¹. Математик Г. В. Лейбниц писал своему коллеге Д. Бернулли, что Петр перед началом курса пускал себе кровь, также, как и другим лицам из его свиты. Среди них был русский священник¹². Кровь этого священнослужителя была самая плохая — бледная и вязкая. Когда же лечение подошло к концу, захотел царь, который весьма любознателен, проверить действие воды и приказал пустить кровь священнику во второй раз. Кровь стала абсолютно нормальная, хорошего цвета, такая, какая бывает у здоровых людей. «Я сам присутствовал, — свидетельствовал Лейбниц, — когда ее принесли. Царь был в восхищении — и был прав, ибо невозможно приписать такую значительную перемену в столь короткое время одной диете»¹³. Согласно легенде, Г. В. Лейбниц, узнав о ревматизме руки государя, придумал хитроумное приспособление, позволяющее Петру точно целиться и стрелять из ружья¹⁴.

После «питья вод» русский царь охотно «гулял в аллее или в роще», «ездил на гору верхом, стрелял в цель из ружья». Иногда ему составляли компанию граф и графиня Липпе, которые владели местечком Швиебере (Швоббер-Мюнхаузен). Посетил Петр оранжереи Шлоссенгартена фон Швоббер, где изволил «кушать ананасы». Фридрих Адольф фон Липпе (1667–1718) был одной из самых ослепительных личностей своей эпохи. Сохранился его парадный портрет, исполненный в стиле барокко гамбургским художником И. Х. Рундтом¹⁵ (1703, Городской музей, Детмольд). В рыцарских доспехах он изображен на фоне битвы. Владение Фридриха Адольфа, получившее свое название от реки Липпе, существовало с 1123 года и граничило с княжеством Вальдек и с Пруссией. Предки графа Липпе были обязаны выплачивать императору Священной Римской империи субсидии на содержание войска. Фридрих Адольф нарушил традицию и создал собственную липпскую роту, которая впоследствии увеличилась до размера батальона. Однако прославился Ф. А. Липпе вовсе не своей воинской доблестью, а мирной строительной деятельностью. В самом центре Детмольда, столицы графства, расположена резиденция *Residenzschloss* — жемчужина ренессанса, на украшение которой были потрачены большие средства. Для того, чтобы соединить ее с загородным домиком Фридрихсталь на лугу у ворот города выкопали протяженный канал (функционирует до сих пор) с тремя шлюзами и возвышением рва. За темпами расточительного образа жизни Фридриха Адольфа

¹⁰ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 78.

¹¹ 28.05/08.06.1716, пн. П. в Пирмонте // Биохроника Петра Великого. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230293117> (дата обращения: 7.02.2022); Походный журнал 1716 г. С. 78, 25.

¹² Поборский Иван Хрисанфович (?–1720), придворный священник, прозванный «Поп Битка». Начиная с 1707 года, состоял при Петре в свите. С 1714 года появляется ряд известий о Битке, более частых и определенных. Очевидно, что это был один из самых приближенных к Петру людей. «Поденный журнал» Петра за этот год, особенно обстоятельный, часто упоминает о Битке. Из него узнаем, например, что 24 февраля, в будний день, царь «кушал у Битки» и что в воскресенье 18 апреля царь «был у Битки попа», зайдя к нему, после обеда, бывшего у князя Д. М. Голицына, между прочими визитами, которым был посвящен Петром этот день. В эти недели для Битки была приобретена шляпа, «дана полтора червонных», — столько же, сколько дано было за шляпу для самого Петра. На счастье, Битки, ставили «один лот», равный талеру, и, кажется, проиграли, потому что за эту игру отдали «хозяйке» три червонных и полтора гульдена. После смерти царевича Алексея Битка по-прежнему оставался в милости у царя и у Меншикова. В 1719 году на пасхе, по обычаю, он «славил» у царя. Наконец, в «походном журнале» 1720 года под 23 июня читаем: «его величество был на погребении попа Битки в монастыре». (Платонов С. Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. II. Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др. // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1926. Т. 20. Вып. 9. С. 664–673).

¹³ *Герье В. И.* Лейбниц и его век: отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 2008. С. 751.

¹⁴ *Бройтман Л. И.* Петр I в Нижней Саксонии // Петербургские чтения, 98–99. СПб., 1999. С. 46.

¹⁵ Иоганн Христиан Рундт (1660–1750) был принят на службу ко двору графа в октябре 1698 года. Писал портреты графской семьи, а также украсил интерьеры дворца настенными и потолочными росписями.

не мог угнаться бюджет графства. По существующей легенде, русский царь прокомментировал: «Ваше Высочество слишком велико для этой страны»¹⁶.

Фридрих Адольф был многодетным отцом: от первого брака он имел 6 детей, а от второго — семь. Во времена посещения царя Петра молодой супругой графа была Амалия Сольмс-Гогенсольмсская (1678–1746). Обручение состоялось в 1700 году.

В расслабленной обстановке курорта Петр и «все при нем будучие» вели идиллический образ жизни: покупали обновки, вроде шляп и чулок, запонок и серег; запасались подарками для родных. Так, по приказу Петра для детей были куплены «две маленькие пушечки, печатные листы огородные, дудочка детская, да ящичек с красками и с кистями». С большим удовольствием Петр посещал торговые ряды, где «смотрел в лавках книг всяких». Например, «торговому человеку Ягану Текелю за книги, которые у него купил царское величество было уплачено 36 талеров. Какие же это были книги? Это — «три книги кунштовых, за которые заплачено три ефимки», «за переплет Леблонной огородной книги — ефимок».

В часы отдыха от прогулок и театра («был в комедии арликин») Петр дома часто играл в шахматы с попом Биткой. Придворный священник Иван Хрисанфович Поборский (?–1720), прозванный «Поп Битка»¹⁷, состоял в этой должности с 1707 года. С 1714 года начинается ряд известий о Битке, более частых и определенных. Становится очевидным, что это один из самых приближенных к Петру людей. «Поденный журнал» Петра в недели пребывания в Бад-Пирмонте часто упоминает о любимце царя. Например, для Битки была приобретена шляпа, «дана полтора червонных», — столько же, сколько дано было за шляпу для самого Петра.

Петр не только отдыхал и развлекался, он еще вел активные дипломатические переговоры. Например, с цесарским министром графом И. А. фон Метчем о проекте русско-австрийского оборонительного договора¹⁸. Даже вдали от родины царь держал руку на пульсе государственного управления: постоянно переписывался с Ф. М. Апраксиным и А. Д. Меншиковым, давал указания, контролировал исполнение указов.

30 мая (9 июня), в среду царю исполнилось 44 года. Это был, наверное, один из самых скучных дней его рождения за последние годы. Рядом с ним не было любимой жены и «матки» Екатеринушки и детей — «Пиотрушки второго», «четвертной лапушки» Елизаветы, Аннушки и Натальи. Хотя старший сын Алексей от первого брака поздравил отца и доносил, что «братец и сестрицы во здравии обретаются»¹⁹, все же Петру хотелось, чтобы все семейство было рядом. Окружавшая царя свита также не могла его развлечь. Да и «на сухую» это было весьма трудно сделать — доктора настрого запретили больному употреблять спиртное²⁰. Поэтому «публичного банкета» не было. «Катеринушка, друг мой сердешинкой, здравствуй! — писал Петр жене, — Мы вчерась почали воду пить. Дай Боже, чтоб полза была, а ныне противности не видим; но почело сего дня операция быть. Я надеюсь, что сия вода великой опетит почал быть». При этом именинник грустно добавлял: «Я николи в сей день так абидим не был, всегда вина много пивал, а ныне воду, толко мала вина»²¹.

¹⁶ Ruppert A. Hertha Koenig: Die Lippische Rose. Bielefeld 2003 // Rosenland: Zeitschrift für lippische Geschichte. Nr. 4. 2006, juni. S. 33.

¹⁷ При игре в бабки битку мечут на кон, чтобы сбить ею бабки. В иносказательном смысле «Битка» — бойкий, смелый человек.

¹⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). СПб., 1894. Т. 1. С. 47.

¹⁹ Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому, государыне Екатерине Алексеевне и кабинет-секретарю Макарову: с приложением писем царевича Петра, царевны Натальи и князя Вяземского к его высочеству. Одесса, 1849. С. 73.

²⁰ Походный журнал 1716 г. С. 78, 25.

²¹ Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 81. Л. 597; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Т. 1. С. 46.

В целом, лечение, по-видимому, благотворно отразилось на здоровье Петра. Завершив курс «питья вод», 14 (25) июня царь «кушал у графа Вальдека и танцевал с дамами»²². По-видимому, в знак благодарности царь преподнес князю Фридриху Антону Ульриху Вальдек-Пирмонт свой портрет. Портрет Петра постоянно находился в частном княжеском владении. Знатные путешественники, посещавшие Бад-Пирмонт в XVIII столетии, свидетельствовали, что видели здесь это полотно²³. Так, в 1784 году один из них писал, что портрет находился в замке уже со времени пребывания в нем Петра I, и приводил рассказы жителей города, видевших и помнивших русского императора и отмечавших большое внешнее сходство портрета. Кто же мог исполнить изображение русского государя? «Поденный журнал» Петра Великого, ежедневно фиксирующий практически все события во время лечения Петра I в Бад-Пирмонте, не упоминает факта позирования царя для какого-либо местного или приезжего живописца. При том размеренном режиме дня, когда Петр должен был после приема воды, много гулять пешком, посещал сады и парки, иногда скакал верхом, чуть ли не каждый вечер смотрел театральные представления, не находилось времени или желания для создания портрета. В расходных книгах также ничего нет о выдаче денег за какой-либо портрет. В списке сопровождавших царя лиц, в котором указаны духовник и кухмейстер, придворный живописец не значился.

Картина с изображением Петра долгое время оставалась неизвестной русским историкам искусств. **2** Впервые о существовании портрета Петра I в Бад-Пирмонте мне сообщил С. О. Андросов, искусствовед и сотрудник Государственного Эрмитажа в середине 1990-х годов. В ответ на свой запрос я получила из Германии цветную открытку с изображением царя работы неизвестного художника XVIII века, а также небольшую брошюру об истории этого курортного местечка. Директор дворца-музея Дитер Альфтер, обнаруживший полотно в подвале главного корпуса водолечебницы, любезно поделился информацией и сообщал, что весьма заинтересован в определении авторства.

На присланной открытке был представлен парадный портрет, который даже судя по репродукции, отличался высоким живописным качеством и нес в себе черты натурального изображения. Экспрессия образа, трактовка деталей, барочный пафос выдавали руку профессионального западноевропейского мастера. Кто же и когда мог исполнить это произведение?

Сравнение живописного произведения с гравюрой Х.-А. Вортмана²⁴, в основу которой был положен оригинал (местонахождение его неизвестно) кисти И. Г. Таннауэра 1714 года, выявили несомненное сходство. Отметим две ярко выраженные морщинки у переносицы, а также характерную форму усов с распущенными концами. Наша аргументация возможного определения авторства изложена в статье для журнала «Мир музея»²⁵. После того, как осенью 1999 года автору этой публикации удалось увидеть произведение в оригинале, гипотеза укрепилась. Приятным сюрпризом оказалось то, что моя атрибуция была принята немецкими коллегами и даже опубликована в каталоге выставки²⁶. В настоящее время в экспозиции музея, где висит портрет, на этикетке указана фамилия немецкого художника. Итак, следует признать, что Петр привез с собой готовое изображение, которое ему нравилось и отражало его представление

²² 14/25.06.1716, чт. П. в Пирмонте // Биохроника Петра Великого. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230336747> (дата обращения: 07.02.2022); Походный журнал 1716 г. С. 80, 25.

²³ Свидетельство профессора Геттингенского университета Ренаты Ролле.

²⁴ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1564. № 116.

²⁵ *Маркина Л. А.* Петр Великий. Лицо и лики (Портреты российского императора в собраниях Москвы и Германии) // Мир музея. 1998. № 6–7. С. 2–12.

²⁶ *Zar Peter der Große die zweite Reise nach Westeuropa 1716–1717.* S. 159.

об идеале российского царя-победителя. А исполнить его мог в то время только «гоф-малер» И. Г. Таннауер.

Таким образом, визит Петра I в Бад-Пирмонт летом 1716 года занимает особое место в его путешествиях с целью водолечения. В отличие, скажем от Карлсбада, куда он ездил неоднократно, это был единственный лечебный вояж. Тем не менее, неординарность поездки, обусловленная личностью высокого гостя, была отмечена уже современниками. Местная пирмонтская пресса регулярно сообщала об огромном наплыве гостей на курорт в связи с пребыванием там Петра²⁷. Г. В. Лейбниц, который наблюдал окружение русского царя в Пирмонте, писал: «Он со всех сторон собирает около себя сведущих людей и когда он с ними говорит, они совершенно поражены: с каким пониманием он ведет с ними речь»²⁸. Устные рассказы сохранили образ демократичного русского царя, который запросто заходил в гости к местным жителям, садился к ним за стол, не гнушался пробовать местный «специалитет». Одним словом, Петр Романов уехал из Пирмонта всеобщим любимцем и своим парнем. Укреплению такого образа способствовало пребывание царственного квартиранта в обычном бюргерском доме, а не за крепостными стенами княжеского замка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хроника пребывания Петра Великого в Бад-Пирмонте (Германия)²⁹

1716

28.05. понедельник.

Поутру Петру пускали кровь, кушал дома и гулял в роще, «ввечеру проносныя пилюли употребил».

29.05. вторник.

Начал пить воды по фунту в день, как и все прибывшие с ним; «изволил купить книгу на один червонный».

30.05. среда.

Царю «пошел 46-й год», банкета не было, так как доктора запретили употреблять спиртное. «Изволил ездить в город шляхецкой, в котором дано служителям шляхецким 4 червонных». Получил поздравление от царевича Алексея из Санкт-Петербурга. «При том данашу, государь, мой братец (Петр Петрович — Л.М.) и государыни сестрицы (Анна Петровна и Елизавета Петровна — Л.М.) во здравии обретаются».

31.05. четверг.

Ездил в деревню Швиебере (Швоббер-Мюнхаузен)³⁰, владение графов

²⁷ Бройтман Л. И. Петр I в Нижней Саксонии. С. 46.

²⁸ Герье В. И. Лейбниц и его век. С. 25.

²⁹ Хроника составлена по материалам электронной «Биохроники Петра Великого (1672–1725 гг.)». Даты даются по старому стилю. Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) / Авт. проекта Е. В. Анисимов. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁰ Швиебере (Швоббер-Мюнхаузен) — местечко, расположенное от Бад-Пирмонта в 9,3 км. На месте старой рыцарской крепости в XVI веке по заказу Хилмара Мюнхаузена (Hilmar von Münchhausen) был возведен замок. Вокруг него расположен большой парк, с множеством редких растений. В 1716 году замок, парк и оранжерею посетил царь Пётр Первый. Позднее замком Швоббер владел Карл Фридрих Иероним Мюнхаузен (1720–1797), барон, автор знаменитых записок. В 1735 прибыл в составе свиты А. У. Брауншвейгского в Петербург.

Липпе³¹, и «кушал у Шац рамен хузена» (ананасы) и гулял в саду и в оранжереях Шлоссенгартен фон Швоббер.

01.06. пятница.

Пил воду и кушал дома, гулял в роще и ездил верхом.

02.06. суббота.

После питья воды ездил верхом, кушал дома, стрелял в цель из ружья, и с ним стреляли «графиня Липы³² и граф».

03.06. воскресенье.

Слушал у Г. И. Головкина часы, кушал дома, гулял в роще, дома играл в шахматы с И. Х. Биткой и кушал.

04.06. понедельник.

Стрелял из ружья в цель, был в комедии.

05.06. вторник.

Играл в шахматы с И. Х. Биткой и был в комедии.

Записано в книге расходов: «дано рудокопам, которые при Его величестве в Пирмонте играли и пели» — 4 червонца; на покупку мыла. «Того же числа царское величество изволил стрелять из фузеи³³, за что заплачено два ефимка»; куплена шляпа попу [И. Х.] Битке, карандаши, бумага, чернила, перья, «изволил купить три книги кунштовых, за которые заплачено три ефимки, да за переплет Леблонной огородной книги — ефимок»; да егерям ландграфа «за провоз битых 4 оленей — 4 червонных».

Писал Екатерине: «Письмо твое получил и презент, но чаю, что дух пророческой в тебе есть, что одну бутылку прислала, ибо более одной рюмки его не велят в день пить; итак сего магазина будет с меня. А что пишешь, что за старова не признаваешь, и то толко покрываешь презент первой, дабы люди не догадались, а рассудить мочно, что молодья в ачки не смотрят. Впрочем, дай Бог, видеть вас вскоре, вода действует зело, толко уж скучно стала».

06.06. среда.

После питья вод «гулял в алее», был в комедии. Полномочный министр Англии на Брауншвейгском конгрессе И. Л. Фабрициус подал Петру грамоту короля Георга I от 11/22.05 «заступительную» о герцоге Мекленбург-Стрелицком Адольфе-Фридрихе III касательно освобождения «от тягостей, чинимых ему от войск российских».

07.06. четверг.

Смотрел в лавках книг всяких и был в комедии.

Запись в расходной книге: за покупку книг заплачено 2 червонца, заплачено П. И. Мусину-Пушкину, «что он отдал скороходу аглинского милорда за принос трубки к Его величеству — червонной, да заплатил за две маленькие пушечки <...>, за печатные листы огородные, которые изволил Его величество купить <...>; куплено, по указу Его

³¹ Фридрих Адольф фон Липпе (1667–1718).

³² Амалия Липпе, урожденная Сольмс-Гогенсольмская (1678–1746).

³³ Фузея – дульнозарядное гладкоствольное ружье с кремнёвым замком.

величества дудочка детская <...>, да ящичек с красками и с кистями». Заплачено Фельтгену за то, что он «заплатил за деревье, которое куплено для точенья Его величеству».

08.06. пятница.

Стрелял в цель и «был в комедии арликин». Встречался с архитектором Ж.-Б. А. Леблоном³⁴.

10.06. воскресенье.

Слушал часы, кушал дома, ездил за милю от Пирмонта на гору Арминиус³⁵. Отмечены расходы на покупку для Петра полушелковых чулок, два шлафмица; заплачено П. И. Мусину-Пушкину за то, что он «по указу Его величества отдал нищим шесть грошей, да купил шесть листов фонтанных <...>, зеркало, запонки, да за серьги, которые Его величество в лотереи выиграл»; куплены шляпы для гренадер, другие расходы на охрану, заплачено «за книгу огородную», купленную по указу Петра, а также дано нищим.

11.06. понедельник.

Был вместе с Г. И. Головкиным, А. В. Макаровым и попом И. Х. Биткой у П. И. Ягужинского на балу и танцевал с дамами многими. Там играли в лотерею.

В книге расходов сделаны записи: для Петра куплена шляпа; царь играл в кости, «да токарю, которой у Его величества точил».

Писал письма: 1. в Сенат с указанием прислать сведения о ценах на товары, отпускаемые из Архангельска в Голландию (смола, пенька, клей, хлеб); 2. А. Д. Меншикову: «На сих днях приехал сюды Конон Зотов³⁶ и привез с собою из Франции славного архитектура и механика [Ж.-Б. А.] Леблona³⁷ и протчих мастеровых, которые приняли нашу службу и оных на сих днях к вам отправили». Царь приказывал ласково их принять и сразу определить к делам, «дабы они не гуляли, ибо им жалованье определено немалое». Приложена роспись мастеровым.

12.06. вторник.

После питья воды ездил на гору и по кушании был в комедии. Выиграл в лотерее ложку серебряную, отдана в ремонт трубка зрительная.

В книге расходов: Царь был в австории, где было заплачено «за вино, которое Его величество с прочими изволил кушать» 3 червонных и гульден; для Петра были куплены медицинские инструменты, шахматы костяные, «пушечки маленькие медные», две трости с флейтами, кегли костяные, игрушки детские. Дано денег «скоморохам, которые с медведями».

³⁴ Возможно, перед встречей Петр ознакомился с его книгами, присланными царскими агентами К. Н. Зотовым и И. И. Лефортом из Парижа.

³⁵ 386-метровый холм находится в Тевтобургском лесу. Здесь в 9 году н. э. древнегерманское племя херусков под предводительством Арминия одержало победу над римской армией.

³⁶ Зотов Конон Никитич (1690–1742), деятель петровской эпохи, контр-адмирал. Учился морскому делу в Англии (с 1704 года). В 1712 году возвратился в Россию, а в 1715 году, получив звание капитан-лейтенанта, в качестве российского агента отправлен во Францию.

³⁷ Архитектор Ж.-Б. А. Леблон прибыл в Санкт-Петербург 6 (17) августа 1716 года. Следом за ним, в сентябре, в северную столицу «высадился французский десант», насчитывавший 129 мастеров различных специальностей.

13.06. среда.

По кушанью, точил (на станке — Е. А.) и был в «комедии арликин».

14.06. четверг.

Кушал у графа Вальдека и танцевал с дамами. В этот день окончился курс водолечения.

15.06. пятница.

П. кушал у графа Ф. А. Липпе в его дворце (Detmold), от него выехал из Пирмонта по дороге на Ганновер, приехал в Люстгарден³⁸ в увеселительном дворце датского короля Фредерика IV.

В книге расходов записано: заплачено в Пирмонте за 600 фляг пирмонтской воды, «да за коляску³⁹ под ту воду» — 23 червонца. Куплены книги, стаканы, «которыми Его величество и прочие воду пили и разбили» — 3 гульдена 8 грошей; оплачены расходы за квартиру, за уборку «камор» и смену постелей, заплачено также «бабе, которая Его величеству ноги мыла пирмонтскою водою».

16.06. суббота.

Приехал в Люстгарден (Херренхаузен), где «кушал и видел внука короля Георга I⁴⁰, гуляли в огороде, ездил по каналу кругом огорода». Петр дал «отпускную аудиенцию» английскому министру Фабрициусу. В Херренхаузене П. встречался с Г. Ф. Лейбницем, который приехал с ним (или отдельно) из Пирмонта.

REFERENCES

Alfter D., ed. *Zar Peter der Große: die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717; auf europäischer Bühne* [Tsar Peter the Great: the second Great journey to Western Europe 1716–1717; on the European stage]. Niemeyer, 1999, 160 p. (In German)

Bantysh-Kamensky N. N. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god)*. [Review of Russia's foreign relations (to 1800)]. Moscow, 1894–1897, 1902. Pp. 1–4. (In Russian)

Broitman L. I. Petr I v Nizhnei Saksonii [Peter I in Lower Saxony]. *Peterburgskie chteniya*, 9–99. 1999. Pp. 43–47. (In Russian)

Guerrier V. I. *Leibnits i ego vek* [Leibniz and his century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, 770 p. (In Russian)

Markina L. A. Petr Velikii. Litso i liki (Portrety rossiiskogo imperatora v sobraniyakh Moskvy i Germanii) [Peter the Great. The face and faces (Portraits of the Russian Emperor in the collections of Moscow and Germany)]. *The World of Museum*. 1998. no. 6–7. Pp. 2–12. (In Russian)

Nakhapetov B. A. *Vrachebnye tainy doma Romanovykh* [Medical secrets of the house of Romanov]. Moscow, Veche Publ., 2007, 333 p. (In Russian)

Zimin I. V., Smirnov A. V., Al-Shukri S., Lukichev B. G. Postlednyaya bolezni' i smert' Petra Velikogo [The last illness and death of Peter the Great]. *Nephrology*. 2003. Vol. 7. no. 2. Pp. 88–92. (In Russian)

³⁸ Садово-парковый комплекс Германии, расположенный в Ганновере. По указу Софии Ганноверской, матери английского короля Георга I, был разбит уникальный парк, в том числе, экзотических растений.

³⁹ Как следует из «Книги приходной и расходной» (хранится в РГАДА), 6 июля повар Ян Фельтен заплатил за ремонт коляски, которая транспортировала пирмонтскую воду 5 талеров и 24 гроша.

⁴⁰ Георг I (нем. Georg Ludwig von Hannover, англ. George I) (1660–1727), король Великобритании с 1714 года, первый представитель Ганноверской династии на королевском троне Великобритании.

► «А О ПЕТРЕ ВЕДАЙТЕ, ЧТО ЕМУ ЖИЗНЬ ЕГО НЕ ДОРОГА...»: ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕТРА I К СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА АРХИТЕКТУРУ ЕГО РЕЗИДЕНЦИЙ

ГРЕБЕНКИН АЛЕКСЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Доктор исторических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны
Российской Федерации

302015, Российская Федерация, Орел,
ул. Приборостроительная, 35

angrebyonkin@mail.ru

Работа посвящена особенностям архитектуры правительственных резиденций эпохи Петра I, отражающих основные тенденции развития института государственной охраны в данный период. Основной проблемой статьи является выявление комплекса архитектурных свидетельств, с помощью которых можно охарактеризовать отношение первого российского императора к охране. Работа строится на сопоставлении архивных данных об организации охраны дворцов с опубликованными сведениями об организации их внутреннего пространства и прилегающей территории. В основу работы положены материалы из фондов Росийского государственного исторического архива (фонды Управления дворцового коменданта и Дворцовой полиции, содержащие документы по организации охраны правительственных резиденций во 2-й половине XIX — начале XX веков), Российского государственного военно-исторического архива (фонд Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка, в конце XIX — начале XX веков обеспечивавшего охрану императорских дворцов и прилегавших к ним парков), а также опубликованные материалы раскопок Летнего дворца, проведенных В. А. Коренцовым, и реставрационных работ во дворце Меншикова, осуществленных Ю. В. Трубиновым. Используя историко-сравнительный метод (как синхронный, так и диахронный его варианты), автор показывает, что Петр Великий относился к охране крайне пренебрежительно, выделяясь этим на фоне как своих современников — правителей европейских государств, так и последующих представителей династии Романовых. Об этом свидетельствуют отсутствие наружных помещений для караула (кордегардий), внутренняя планировка дворцов, как правило, не предусматривавшая отдельного помещения для охраны, нежелание обносить оградой дворцово-парковые комплексы.

Ключевые слова: Российская империя, Петр Великий, дворцы, кордегардии, охрана, безопасность.

► “AND KNOW ABOUT PETER THAT HIS LIFE IS NOT DEAR TO HIM...”: THE INFLUENCE OF PETER I’S ATTITUDE TO HIS OWN SAFETY ON THE ARCHITECTURE OF HIS RESIDENCES

ALEXEY NIKOLAEVICH
GREBENKIN

Doctor of History, Associate Professor,
Academy of the Federal Guard Service
of the Russian Federation

35, Priborostroitelnaya st., Orel, 302015,
Russian Federation

angrebyonkin@mail.ru

This work is devoted to the peculiarities of the architecture of government residences of the era of Peter I, reflecting the main trends in the development of the institute of state protection in this period. The main problem of the article is the identification of a complex of architectural evidence, with the help of which it is possible to characterize the attitude of the first Russian emperor to the protection. The work is based on the comparison of archival data on the organization of the protection of palaces with published information about the organization of their internal space and the adjacent territory. The work is based on materials from the funds of the Russian State Historical Archive (funds of the Administration of the Palace Commandant and the Palace Police, containing documents on the organization of the protection of government residences in the 2nd half of the 19th — early 20th century), the Russian State Military Historical Archive (the fund of His Imperial Majesty’s Own Consolidated Infantry Regiment, at the end of the 19th — early 20th century provided protection of imperial palaces and adjacent parks), as well as published materials of excavations of the Summer Palace conducted by V. A. Korentsvit, and restoration work in the Menshikov Palace, carried out by Yu. V. Trubinov. Using the historical-comparative method (both synchronous and diachronic versions of it), the author shows that Peter the Great treated the guard extremely disdainfully, standing out against the background of both his contemporaries — the rulers of European states, and subsequent representatives of the Romanov dynasty. This is evidenced by the lack of outdoor guard rooms (guardhouses), the internal layout of palaces, as a rule, did not provide for a separate room for security, unwillingness to fence palace and park complexes.

Keywords: The Russian Empire, Peter the Great, palaces, guardhouses, security, safety.

Петр I занял российский престол в обстановке жестокой политической борьбы. Впоследствии ему не раз угрожали бунтовщики и заговорщики, неоднократно предпринимались попытки покушений. Эти обстоятельства побудили первого русского императора принять ряд мер, направленных на развитие института государственной охраны. Так, именно в петровскую эпоху появились гвардейские полки, пришедшие на смену постоянно участвовавшим в бунтах стрельцам, а по образу и подобию шведских лейб-драбантов было создано церемониальное охранное подразделение — Кавалергардия.

В то же время нельзя не отметить, что Петр Великий, в отличие от своих предшественников и преемников, вследствие мобильного, подвижного образа жизни был достаточно слабо привязан к резиденциям и почти не уделял внимания мерам обеспечения своей безопасности на территории дворцов. При нем развивались преимущественно элементы личной и церемониальной охраны. Первыми телохранителями Петра, если можно их так назвать, были царские денщики из числа «потешных» — расторопные, лично преданные царю молодые люди незнатного происхождения, по большей части его бывшие товарищи по детским играм. Многие из них впоследствии стали видными сановниками и полководцами — генералиссимус А. Д. Меншиков, фельдмаршалы А. Б. Бутурлин и М. М. Голицын, генерал-прокурор П. И. Ягужинский. Денщиком Петра I был в молодости и генерал В. И. Суворов — отец знаменитого полководца. Ипат Муханов, друг детства Петра, ночью спал у дверей царских покоев или жилья, где монарх проводил ночь.

Вместе с тем личная скромность Петра I, его пренебрежительное отношение к собственной жизни и более чем утилитарный подход к планированию пространства дворцов не позволили мероприятиям, связанным с охраной, оставить заметный след в архитектуре его резиденций. Это, в частности, проявилось в том, что кордегардии — помещения для внутреннего караула — появились во дворцах далеко не сразу и не везде. Данное обстоятельство явно шло вразрез с установкой на заимствование передового западноевропейского опыта и объяснялось тем, что охрана современников Петра Великого была гораздо более многочисленной, а меры, принимаемые в целях обеспечения безопасности резиденций, — масштабными.

Так, в созданных в конце XVII века апартаментах короля Версальского дворца помещение для охраны (Зал караула) являлся второй (после вестибюля) из восьми комнат анфилады. Королевская охрана размещалась в богато декорированном помещении, стены которого были обтянуты кожей с позолоченным тиснением и украшены батальными полотнами. Важным элементом убранства являлись две большие люстры с королевскими монограммами. В то же время мебель, находившаяся в Зале караула, была подчеркнуто функциональна (деревянные скамьи, походные кровати и ширмы). Наличие в Версале особого зала караула объяснялось тем, что королевская охрана была весьма многочисленна: 4 роты телохранителей, швейцарская гвардия, 2 роты мушкетеров, жандармы и др. При этом обеспечению безопасности резиденций уделялось особое внимание. При Людовике XIV охрана дверей короля была включена в состав Королевской внутренней гвардии и стала называться Ротой охраны дверей. В ее состав входили один капитан, один лейтенант и 50 гвардейцев. Каждый гвардеец должен был исполнять служебные обязанности (дежурство с мушкетом возле дверей королевской спальни с 6 часов утра до 12 часов ночи ежедневно) в течение 3 месяцев в году. На ночь гвардейцев сменяла первая рота телохранителей.

То же самое мы видим и в Англии. Во дворце Хэмптон-корт, перестроенном сэром Кристофером Рэном в конце XVII века, анфилада апартаментов Вильгельма III Оранского тщательно охранялась: чем дальше от лестницы находился зал, тем серьезнее были меры охраны. Первым залом в апартаментах является караульное помещение охраны короля (King's Guard Chamber). Здесь находились йомены-телохранители, которые должны были препятствовать вторжению в королевские апартаменты «случайных людей,

злоумышленников и неизвестных»¹. Йоменов было около 100, из них 40 заступали на дежурство днем и 20 — ночью. Алебарды, которыми были вооружены йомены, в настоящее время выставлены в зале охраны в качестве экспонатов.

В Королевском дворце в Стокгольме, строительство которого длилось всю первую половину XVIII века, внутренний двор предназначался для церемонии смены караула Королевской гвардии, проводящейся начиная с 1523 года, а один из двух полукруглых корпусов, обрамляющих внешний двор дворца, именуется крылом королевской гвардии. Следует отметить, что охрана шведских королей была достаточно многочисленной: одних лишь телохранителей-драбантов в XVIII веке было около 150². В выстроенном примерно в это же время португальском дворце Келуш имеется особый зал, предназначенный для королевских лучников, которых было около 200.

Предшественники Петра Великого также уделяли серьезное внимание обеспечению своей безопасности. Так, охрана Московского Кремля при Алексее Михайловиче имела многоуровневый характер и требовала привлечения значительных людских ресурсов. Численность московских стрельцов, отвечавших за охрану царя и членов его семьи, быстро росла; к 1681 году их насчитывалось 22 тысячи. Стрелецкий караул (называвшийся стенным караулом или вахтой), охранявший Государев двор в Кремле, заступал на сутки в количестве 500 человек. У Красного крыльца Грановитой палаты находился резерв в составе 100 человек; 100 человек стояли у Красных ворот Государева двора (рядом с Боровицкой башней), небольшие группы стрельцов по 5–12 человек располагались на Казенном и Денежном дворах, дворцовых лестницах и у колодца. Это была вторая линия охраны государева двора. Третью линию составляли стрелецкие караулы у всех проездных башен Кремля и на кремлевской стене. Так, проезд в Спасской башне охраняли 30 стрельцов, в Никольской — 20, в Боровицкой — 10, в Кутафье — 5; особые стрелецкие наряды обходили закрепленные за ними участки стен. Кроме того, группы в составе 10 стрельцов охраняли все проезжие башни Китай-города, Белого и Земляного города (это была четвертая линия охраны). В торжественных случаях учреждались стрелецкие почетные караулы, которые выполняли и ряд практических функций — например, во время церемониального шествия стрельцы, вооруженные батогами, сдерживали натиск толпы.

Столь масштабные меры охраны отражались и на архитектуре Кремля, и на функциональном назначении внутренних помещений. Сохранялась внутренняя стена, которая ограждала комплекс построек Государева двора. По данным современного исследователя В. И. Жилиева, «она повторяла очертания основной стены от Тайницкой и Боровицкой к Троицкой башням и пересекала поперек внутреннее пространство Кремля по линии: Троицкая башня — Грановитая палата — Благовещенский собор — Тайницкая башня»³. Главное караульное помещение, где находилась стрелецкая вахта, в XVII веке размещалось в подклетьях Грановитой палаты у Красного Крыльца. В то же время Московский Кремль постепенно утрачивал статус оборонительного сооружения — в XVII веке ров больше не заполнялся водой, и в той его части, что примыкала к Неглинной, был размещен царский зверинец. Поскольку башни уже не выполняли утилитарную функцию, их боевые площадки закрывались шатровыми надстройками.

Что же касается петровских резиденций, то при их проектировании и строительстве задачи, связанные с размещением караулов и тем более выделением каких-либо

¹ Катамидзе В. И., Николаева М. Л. Кристофер Рен. Гений английского барокко. М.: РИПОЛЛ классик, 2018. С. 94.

² Беспалов А. В. «Последняя дружина викингов»: корпус лейб-драбантов Карла XII до 27 июня 1709 г. // Армии и битвы: альманах. 2009. № 12. С. 28.

³ На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилиев, Д. А. Клочков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова; сост. Д. А. Клочков]. М.: Русские витязи, 2018. С. 33.

охранных рубежей, ставились в весьма ограниченном масштабе. В Летнем дворце, состоявшем всего из 16 помещений, кордегардии не было, хотя имелась комната для дежурного офицера. Дворец был соединен крытой каменной галереей с Людскими покоями — двухэтажным каменным зданием, где проживал обслуживающий персонал и размещались солдаты, охранявшие царя и его резиденцию. В случае необходимости резерв охраны мог прийти на помощь, однако предотвратить покушение он явно был не в силах. Так и произошло в 1720 году, когда Петра Великого попытался убить проникший в Летний дворец раскольник. На неизвестного человека, сначала сидевшего в приемной, а затем попытавшегося проникнуть в царский кабинет, обратил внимание один из дворцовых служителей и попытался его задержать. Охрана подоспела из Людских покоев лишь после того, как преступник был нейтрализован. В «Зимних маленьких хоромах» охрана Петра I — денщики — проживала в мезонине, и выделенное ей помещение являлось спальней, а не кордегардией. В Лефортовском дворце не было ни кордегардии, ни каких-либо помещений для охраны, хотя он изначально был предназначен для торжественных приемов, априори требовавших проведения охранных мероприятий хотя бы в минимальном объеме. Любопытно, что при дочери Петра I дворец фактически стал одной огромной кордегардией. Во время поездок Елизаветы Петровны в Москву в Лефортовском доме размещалась ее охрана — гренадеры Лейб-компания, в то время как сама императрица проживала в располагавшемся неподалеку Головинском дворце. В 1752–1755 годах лейб-компанцы были полноправными хозяевами дворца. Современный историк гвардии В. И. Егоров отмечает: «Словосочетания „корпус Лейб-компания“ и „Лефортовский дворец“ в эти несколько лет произносились как синонимы. Здесь не только жили гренадеры и члены их семей, но и обосновались все ротные структуры — канцелярия, комиссарство, счетная комиссия, церковь, аптека и проч. Судя по всему, под жилые, хозяйственные и административные помещения были заняты комнаты во всех четырех „линиях“ или „флигелях“ дворца»⁴.

Полноценная кордегардия имелась лишь в Зимнем дворце Петра I. К сожалению, в настоящее время использование данного помещения в музейном пространстве для экспонирования восковой фигуры Петра I не имеет ничего общего с его первоначальным предназначением. Любопытно, что во дворце Меншикова, где часто устраивались разнообразные мероприятия с участием царя, была расположена достаточно обширная кордегардия, но предназначалась она для почетного губернаторского караула. Кроме того, как указывает Ю. В. Трубинов, «в угловом ризалитном помещении меньших размеров, имевшем отдельный выход в сторону Невы, также предположительно дежурили гребцы и матросы из команды, полагавшейся Меншикову по штату и насчитывавшей 22 гребца и 39 матросов»⁵.

Использование гвардейских частей в качестве подразделений императорской охраны почти не отразилось на архитектурных комплексах петровских резиденций. Лишь первая царская резиденция — знаменитый домик Петра I — не располагая помещением для гвардейцев, была украшена декоративными элементами, символизировавшими связь Петра I с одним из подразделений его охраны — преображенцами. На крытой гонтом крыше было укреплено изображение мортиры, а на краях конька — «бомбы с пылающим пламенем». Эти утраченные в настоящее время элементы указывали на то, что царь являлся командиром бомбардирской роты Преображенского полка. Только в середине XVIII века в выстроенных при Екатерине I задних корпусах Зимнего дворца разместились лейб-компанцы, а в конце XVIII века на углу Зимней канавки и Миллионной улицы было построено здание для 1-го батальона Преображенского полка, игравшего роль вооруженного резерва императорской охраны.

То же следует сказать и о кавалергардах, созданных Петром Великим по образу драбантов, но не как охранное, а как церемониальное подразделение, к тому же носившее

⁴ Егоров В. И. Пожар в Лефортовском дворце 21 января 1754 года. Рукопись. М., 2007. С. 2–3.

⁵ Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб.: Левша, 2003. С. 77.

временный характер. Кавалергарды стали выполнять функции императорской охраны лишь в середине XVIII века. Поэтому особое помещение для них (Кавалерская) появилось лишь в Большом Петергофском дворце, строительство которого завершилось в 1755 году. В Кавалерской находился караул кавалергардов, охранявших покои императрицы, кроме того, здесь устраивались приёмы для офицеров высших чинов. Комната богато декорирована золочёной резьбой, стены задрапированы малиновым штофом. При Екатерине II Кавалергардский корпус являлся основой императорской охраны. Из кавалергардов назначался внутренний караул в Зимнем дворце, размещавшийся рядом с личными покоями императрицы на втором этаже юго-восточной части дворца в особой комнате (так называемой Кавалергардской). Лица, удостоенные права «иметь вход за кавалергардов», могли беспрепятственно входить в личные покои императрицы.

При планировании пространства, окружавшего резиденции, Петр Великий и следовавшие его воле архитекторы не проявляли ни малейшего стремления к созданию каких-либо охранных рубежей (оград, рвов и т.п.). Так, «гаванец», расположенный с южной стороны Летнего дворца, не мог служить серьезным препятствием для злоумышленников, ибо выполнял не только эстетическую функцию, но и позволял подойти на небольшом судне непосредственно к крыльцу резиденции⁶. В петровское царствование лишь Петергоф представлял собой дворцово-парковый комплекс, однако характер местности не позволял превратить ее в изолированную от посторонних лиц охраняемую зону. Даже в начале XX века Нижний парк являлся открытой территорией, на которой были размещены посты охраны. В летнее время, когда на эстраде играли оркестры Мариинского театра или полков гвардейской кавалерии, парк был заполнен многочисленной публикой, которая «...сидела на соответствующих скамейках, поставленных перед эстрадой или вокруг площадки, или слушала, гуляя по аллеям парка, гуляя пешком, верхом или в экипажах»⁷. Следует отметить, что служба охраны в Петергофе была организована таким образом, что она позволяла не предотвратить теракт, а лишь задержать злоумышленников, уже совершивших покушение. 1 июля 1906 году в Нижнем парке Петергофа террористом В. В. Васильевым был убит генерал-майор С. В. Козлов. Убийца принял Козлова за очень похожего на него дворцового коменданта Д. Ф. Трепова. Дважды выстрелив генералу в голову из браунинга, Васильев побежал от Римских фонтанов к фонтану «Шахматная гора». Ему наперез бросился городской К. Ф. Левчун. Террорист выстрелил в него, но не попал, так как Левчун, споткнувшись, упал. Поднявшись, городской побежал за убийцей и сделал в него несколько выстрелов. В это время дежуривший на вершине фонтана «Шахматная гора» городской И. М. Мельников заметил преследование, выхватил свой револьвер и, угрожая им Васильеву, заставил его остановиться⁸. Если бы злоумышленник имел намерение убить не дворцового коменданта, а императора, он легко смог бы это сделать.

Следует отметить, что в постпетровскую эпоху была предпринята лишь одна серьезная попытка использовать архитектурные средства для решения вопроса охраны императорской резиденции. Она связана со строительством Михайловского замка. В дальнейшем, даже в периоды обострения террористической угрозы, усиление системы обеспечения безопасности резиденций обеспечивалось, как правило, либо усилением охраны входов в здание (Зимний дворец, Гатчинский дворец), либо устройством ограды дворцовых парков (Александровский дворец в Царском Селе). Изменения в архитектуре резиденций сводились к заделке лишних окон и дверей. Кроме того, активно использовались сугубо

⁶ Коренцвит В. А. Летний сад Петра Великого. Рассказ о прошлом и настоящем. М.: Центрполиграф, 2015. С. 88.

⁷ Залевский М. Н. «Печаль минувших лет» // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф-2. М-77. Л. 45.

⁸ Об убийстве генерал-майора Козлова 1 июля в Петергофском Нижнем саду и генерал-майора Мина на станции Новый Петергоф. 1906 г. // РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–1 об.

технические средства — навешивание замков на двери, установка решеток на печные трубы и т.п. Так, в конце марта 1881 года комиссия, отвечавшая за разработку мер по охране Гатчинского дворца, приняла решение заделать наглухо вход со двора в Арсенальное каре, замуровать несколько дверей и окон, а на оставшиеся двери навесить железные засовы с прочными замками⁹. В царствование Николая II мостик у Кухонного каре в Гатчине был закрыт рогаткой, чтобы предотвратить проход или проезд посторонних лиц¹⁰.

При этом, даже в начале XX века создание рубежей охраны воспринималось окружающими крайне негативно. Можно привести следующий пример. Летом 1905 года Александровский парк в Царском Селе был окружен оградой по всему периметру. Чтобы свести к минимуму возможность проникновения в парк посторонних лиц, в 1907 году было принято решение «упразднить» ряд ворот и калиток в ограде¹¹. Так как местные жители часто перелезали через решетку, сокращая свою путь через парк, в 1909 году решетку нарастили рамкой из металлических уголков, переплетенных колючей проволокой, с укрепленными наверху заостренными пиками. Однако это не превратило царскосельскую резиденцию в неприступную крепость: внизу ограда не доходила до земли, и под нее, сделав небольшой подкоп, можно было подлезть. Кроме того, в зарубежной прессе стали появляться карикатуры, на которых Николай II изображался сидящим в клетке, и разгневанный император повелел убрать верхний ярус решетки. В петровское же время не предпринимались попытки принятия даже таких весьма ограниченных мер.

Таким образом, архитектурные решения петровских резиденций были крайне слабо детерминированы соображениями безопасности. Это было обусловлено как относительной неразвитостью самого института императорской охраны, так и отсутствием у Петра Великого стремления, в отличие от многих его современников, окружать себя многочисленными телохранителями и выстраивать многоуровневую систему охраны дворцов. Подобный подход, не предполагавший композиционное планирование дворца как охраняемого объекта, — разумеется, с известными корректировками, обусловленными как увеличением количества охранных подразделений, так и возникновением и постепенным усилением фактора террористической угрозы, — оставался в силе вплоть до начала XX века.

REFERENCES

- Bespalov A. V. «Poslednyaya družhina vikingov»: korpus lejb-drabantov Karla XII do 27 iyunya 1709 g. [“The Last Viking squad”: the corps of life drabants of Charles XII until June 27, 1709]. *Armies and Battles: an almanac*. 2009. no 12. Pp. 28–30. (In Russian)
- Egorov V. I. *Pozhar v Lefortovskom dvorce 21 yanvarya 1754 goda. Rukopis'* [Fire in the Lefortovo Palace on January 21, 1754. The manuscript]. Moscow, 2007, 50 p. (In Russian)
- Katamidze V. I., Nikolaeva M. L. *Kristofer Ren. Genij anglijskogo barokko* [Christopher Wren. The genius of the English Baroque]. Moscow: RIPOLL klassik Publ., 2018, 671 p. (In Russian)
- Korencvit V. A. *Letnij sad Petra Velikogo. Rasskaz o proshlom i nastoyashchem* [Summer Garden of Peter the Great. A story about the past and the present]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2015, 559 p. (In Russian)
- Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii* [On guard of the main citadel of Russia: on the 100th Anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Comp. D. A. Klochkov. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2018, 920 p. (In Russian)
- Trubinov Yu. V. *Palaty svetlejshego knyazya Menshikova* [Chambers of His Serene Highness Prince Menshikov]. St. Petersburg, Levsha Publ., 2003, 179 p. (In Russian)

⁹ Об охране императорских дворцов. 1881–1906 гг. // РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–33 об.

¹⁰ Приказы по Дворцовой полиции. 1905–1916 гг. // РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 354. Л. 55.

¹¹ Переписка командиров Сводно-гвардейского батальона и Собственного Е. И. В. сводного пехотного полка с Министерством императорского двора и уделов, дворцовым комендантом и др. об изменении положения о полке, организации охраны императорской семьи, поездке императора Николая II в Ставку верховного главнокомандующего в сентябре 1914 года, противовоздушной обороне г. Царского Села и др.; программы празднования 100-летия Отечественной войны 1912 г. и 300-летия Дома Романовых. 1907–1917 гг. // РГВИА. Ф. 16089. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

► ТЕКСТИЛЬНОЕ УБРАНСТВО ДВОРЦОВ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОЧНИКОВ И РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ СОВРЕМЕННЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

ЛЕХОВИЧ ТАТЬЯНА
НИКОЛАЕВНА

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, хранитель коллекции тканей и шпалер, Государственный Эрмитаж

190000, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 32–34

lekhovich@hermitage.ru

Многие дворцы петровского времени сегодня нуждаются в более современных реконструкциях и воссозданиях. При разработке проекта реставрации исследователи сталкиваются с недостатком письменных и изобразительных источников петровского времени, а также возможностью соотнести найденную архивную или изобразительную информацию с реальными текстильными материалами и их свойствами.

В первой четверти XVIII века Петербург бурно строился, императорская семья переезжала из одного дворца в другой. Судя по архивным документам, помещения дворцов часто переделывались — раз в несколько лет. Как и откуда поступал в Россию первой четверти XVIII века текстиль для аристократических резиденций? Наряду с экспортом, Петр I был заинтересован в развитии собственной шелкоткацкой, суконной, льняной и шпалерной промышленности. Он и его агенты встречались в Европе с мастерами парчовых тканей и «шпалерщиками», с целью пригласить их на работу в Россию.

Судя по архивным документам, Петр не делал крупных приобретений текстиля, как минимум, до 1715 года. Также Петр делает заказы на парадные кровати в Англии. В царских дворцах первой половины XVIII века было много китайских обоев, не только тканых, но и расписанных по шелку.

После 1717 года в России начинается подъем собственной текстильной промышленности фабричного типа, чему способствовали указы Петра и субсидии от государства.

В статье представлены новые архивные материалы, имеющее отношение к текстильному убранству петровских дворцов и их анализу, в том числе в контексте проектов воссозданий.

Ключевые слова: ткани, шелк, шпалеры, Петр I, дворец, Санкт-Петербург, архивные документы.

► TEXTILE DECORATION OF THE PETER THE GREAT'S PALACES. ON THE STUDY OF SOURCES AND THE DEVELOPMENT OF PROJECTS FOR MODERN RECONSTRUCTIONS

TATIANA NIKOLAEVNA
LEKHOVICH

PhD in History of Art, Senior Researcher, Curator of Textiles, State Hermitage Museum

32–34, Dvortzovaya emb., St. Petersburg,
190000, Russian Federation

lekhovich@hermitage.ru

Many palaces of Peter's time today request modern reconstructions and restorations. Developing a restoration project, researchers are faced with a lack of written and iconographical sources from the Peter the Great time, as well as with possibility of correlation the archival or pictorial information with real textile materials and their properties.

In the first quarter of the 18th century, St. Petersburg was rapidly under construction, and the imperial family moved from one palace to another. According to the archive documents, the premises of the palaces were often remodeled — every few years. How and where did textiles for aristocratic residences come to Russia in the first quarter of the 18th century? Along with export, Peter I was interested in the development of his own silk-weaving, woolen, linen and tapestry industries. He and his agents met in Europe with brocaded silk- and tapestry makers in aim to invite them for working in Russia.

Judging by archive documents, Peter did not make major acquisitions of textiles in France until 1715. Peter also made orders for State beds in England.

Many Chinese wallpapers, not only woven, but also painted on silk were used in the tsar palaces of the first half of the 18th century.

After 1717, the rise of its own factory-type textile manufactory began in Russia, which was facilitated by the decrees of Peter and subsidies from the state.

The article presents new archival materials related to the textile decoration of Peter's palaces and their analysis, including in the context of projects of modern reconstructions.

Keywords: fabrics, silk, tapestries, Peter I, palace, St. Petersburg, archival documents.

Текстильный декор русского дворцового интерьера в первой четверти XVIII века, развиваясь в русле общеевропейских тенденций стиля барокко, сохранял свои национальные черты и традиции. В качестве источников для заимствований выступали интерьеры голландских, немецких и, после 1717 года, французских резиденций.

На рубеже XVII и XVIII веков в России начали строить дворцы европейского типа, с анфиладной планировкой и соответственно, с европейским стилем декора. Переходный период петровского времени демонстрирует, как русское аристократическое общество отходило от традиций предков, воспринимая европейскую моду и адаптируя ее под особенности русской жизни и климата.

Считается, что реформы по европеизации русской культуры начал царь Петр I, что не совсем верно. Уже при его отце, царе Алексее Михайловиче, начался поворот в плане формирования европейского вкуса в декоре помещений и в одежде. Начиная с 1650-х годов, он регулярно закупал в Венеции шелковые ткани для нужд двора и государства. В 1668 году царь Алексей Михайлович получил роскошный подарок от французского короля Людовика XIV — серию гобеленов «История Константина», вытканную по картонам Рафаэля и Лебрена¹.

Петр I вырос, видя во дворцах своих родителей прекрасные французские и фламандские шпалеры, итальянские ткани. Великое посольство 1697–1698 годов, с которым молодой царь — кстати, первый из русских монархов — отправился в заграничное путешествие, проследовало через Ригу в Кёнигсберг, затем направилось в Амстердам и далее в Англию. В Кёнигсберге Петр тайно встретился с будущим прусским королем Фридрихом I. Во время своей полугодовой поездки русский царь огромное внимание уделял ремеслам и наукам. Возвращался Пётр через Вену, Дрезден и Прагу, где наблюдал уклад придворной жизни, этикет, костюмы и убранство дворцовых интерьеров. Его впечатления легли в основу кардинальных перемен в сознании и укладе жизни русской аристократии. Русские дворцы больше не делили на мужскую и женские половины, а маленькие комнаты сменили длинные анфилады. Кстати, они были плохо приспособлены к русской зиме. При Петре оштукатуренные стены внутри оклеивали холстом, который белили. Поверх него могли положить еще слой сукна или войлока для сохранения тепла, которые затем покрывали собственно декоративными тканями².

Первый европейский дворец — это Петровский, или «дворец Лефорта» в Москве (строился в 1696–1699 годах по проекту Дмитрия Аксамитова). Петр, видимо, сам руководил строительством, а также давал распоряжения по поводу отделки дворца.

После скоростной смерти Ф. Я. Лефорта, по приказу Петра была составлена опись всех помещений дворца, которая дает нам сего дня представление о материалах и приемах текстильной отделки помещений второго этажа. Большая столовая палата в 1698 году была по приказу Петра отделана взятым из Большой Казны английским красным сукном. Другие помещения также были отделаны тканями.

«Палата большая обита шпалерами и сукном красным, поволока писаная»³. Другие помещения были отделаны «кожами золотыми», «китайскими материями разных цветов»,

¹ Fenaille M. Etat général des tapisseries de la manufacture des Gobelins depuis son origine jusqu'à nos jours, 1600–1900. Période Louis XIV. 1662–1699. Paris: Hachette Publ., 1903, т. II. Pp. 30–31.

² Приходно-расходная книга штатной казны по кабинету императрицы Екатерины Алексеевны // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 605. 1720 г. Л. 64: «Дано обойщикам Семену Трофимову и Василию Васильеву которые в доме его царского величества Зимнем в уборной обои сняли и подволоку опустили ...паки обои навесили и подволоку холстом обили да переправили стул зеленый бархатный. Да в доме его царского величества в Летнем в восьми полатах обои опустили. И паны обили и зеркала ставили, також полаты убирали картинами да два стула красным обили. Да четыре нужника оклеяли сафьяном и два бархатом красным да футляр оклеили сукном зеленым. ... стулья обили места покротками — 4 рубли».

³ Подольский Р.П. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследие. М., 1951. Вып. 1. С. 22–23.

в этой комнате стояла кровать, задрапированная «красною китайской материей и верх китайской материей атласной по зеленой земле шиты люди и травы с золотом и шолком». Следующая комната, с кроватью, также была украшена китайскими шелками желтого цвета, и про нее Лефорт писал, что она украшена «серебряными дамасковыми тканями». Четвертая палата, видимо спальня Петра, затянута белой тканью, но завешена картинами, с кроватью, задрапированной «стамедом травчатым осиновым». За ней следовали две комнаты без отделки, а затем седьмая палата, обитая черным сукном. В ней стояла кровать дубовая «порожня», считается, что это спальня Лефорты. После смерти Лефорты большое количество драгоценных тканей были розданы близким, так, к примеру, князь Меншиков получил «ковры китайские, парчи китайские на балдахин». Далее в этом здании устраивали официальные или полуофициальные приемы.

Сегодня известны две гравюры 1702 года, изображающие свадебный пир в двух залах дворца Лефорты — здания, построенного на стыке русской национальной и европейской архитектурной традиции.

Сохранились гравированные изображение свадьбы шута Феофилакта Шанского, ¹ на которой мы видим две комнаты дворца Лефорты. В главном зале с красным сукном и шпалерами, узнаваем ковёр «Триумф Константина» из собрания Алексея Михайловича. Гобелены не дошли до нашего времени, но о их внешнем виде можно судить по второму повторению из коллекции Мобилье Насиональ в Париже. Справа ковёр частично обрезан, серия «История Константина» использовалась раньше в другом помещении (возможно, тронном зале одного из Кремлевских дворцов), и его подрезали под элементы архитектуры.

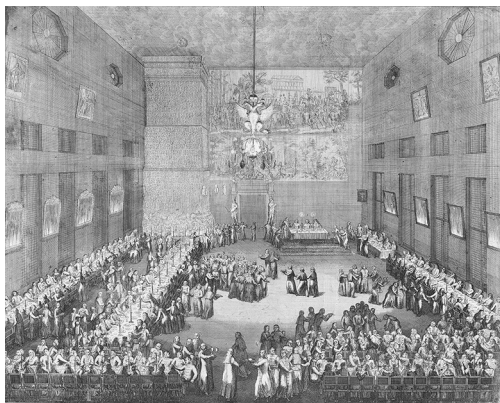
Вторая гравюра изображает женскую часть свадьбы, ² застолье располагалось в комнате меньшего размера, с китайскими тканями на стенах. Занавес на левой стене, из китайской ткани, возможно кэсы, служит в качестве портьеры. Известно, что в русском дворце XVII века небольшие окна не имели отдельных занавесок, а закрывались одним большим занавесом, идущим вдоль всей стены. Похоже, что-то подобное было и во дворце Лефорты.

В 1703 году был заложен Санкт-Петербург, куда в 1712 году официально переехала русская столица. Первые дворцы Петра I были небольшими, с маленькими комнатами, об их убранстве сохранилось мало информации. В качестве примера может быть приведена гравюра, изображающая пир по случаю свадьбы Петра и Екатерины в 1712 году во втором Зимнем дворце. ³ На гравюре видно, что стены зала целиком затянuty шпалерами, поверх которых развешены зеркала.

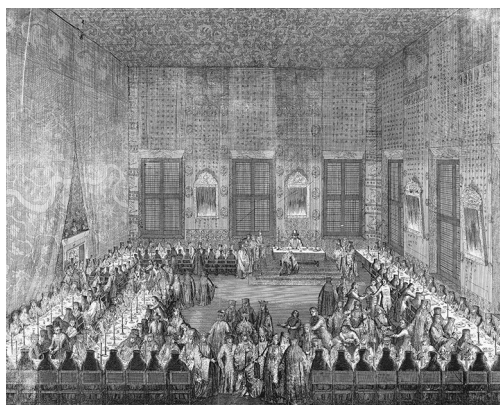
В настоящее время сохранившиеся дворцы петровского времени реставрируются. При разработке проекта реставрации исследователи и архитекторы сталкиваются с несколькими проблемами — прежде всего, недостатком письменных и изобразительных источников петровского времени. В первой четверти XVIII века Петербург бурно строился, императорская семья переезжала из одного дворца в другой. Судя по архивным документам, помещения дворцов часто переделывались — раз в несколько лет.

Следующая проблема для современной реставрации сохранившихся петровских дворцов — это неопределённость в назначении дворцовых помещений. Русский придворный церемониал в эпоху Петра I еще только устанавливался, а бытовые условия могли сочетать тесноту и перенаселенность помещений с редкостной роскошью их убранства.

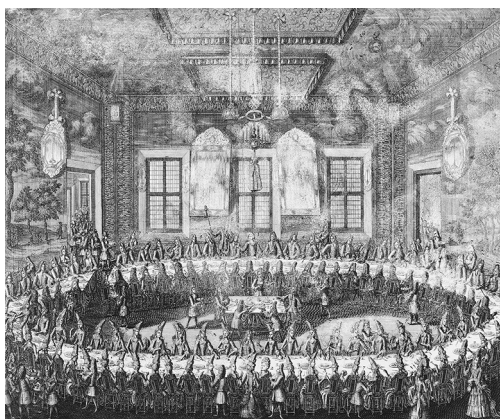
В целом, для декора дворцовых помещений первой четверти XVIII века характерно обильное использование «обоев» — затяжки стен (которые почти всегда внизу оформлялись панелями) тисненой кожей, шелковыми тканями, шпалерами или «китайскими» обоями (ткаными или расписанными). Как правило, убранство интерьера выдерживалось в единой колористической гамме, в которой присутствовали яркие цветовые

1 Шхонебек А.
**Свадьба шута Филата Шанского
во дворце Лефорта**
Оттиск второй половины XVIII века
1702
ГМИИ

2 Шхонебек А.
**Свадьба шута Филата Шанского
во дворце Лефорта. Женская половина**
Оттиск второй половины XVIII века
1702
ГМИИ

3 Зубов А. Ф.
**Свадьба Петра I и Екатерины Алексеевны
19 февраля 1712 года во II Зимнем дворце
в Петербурге**
1712
Государственный Эрмитаж

4 Лейгебе П. К.
**Табак-коллегия Фридриха I
в Красном зале Берлинского дворца**
1709–1710
Новый Дворец в Потсдаме

контрасты. Охотно применяли разного вида басонные изделия — золотые и серебряные галуны (широкие — 2 вершка, и узкие — 1 вершок), круглые шнуры, бахромы. ⁴

Обычно в помещении имелся комплект занавесей для окон и дверей, выполненных из одной ткани. Занавески были простой прямоугольной формы, шились из шелковой ткани в тон к общему декору помещения, крепились на кольцах на железный прут, без карнизов. По краю занавесы отделявали галунами или/и бахромой.

В русской традиции характерно использование тканей красных, зеленых и желтых цветов в декоре стен. Из известных заказов Петра можно сделать вывод, что для обивки стен брали шелковые и полушелковые узорные ткани, бархаты, и высококачественные шерстяные ткани из Англии (возможно, с набивным узором). Очень много покупали сукна для дворцовых нужд, которое также шло на обивку стен. Петр I имел в своем распоряжении множество китайских тканей — расписных и вышитых шелков, тканых шелков, шелковых шпалер кэсе, которые считались огромной редкостью в Европе. Судя по документам, их охотно использовали для декора царских помещений. В русских дворцах были комнаты со сплошной шпалерной затяжкой, как это было принято в европейских странах, шпалеры покрывали стены целиком, даже вокруг окон и дверей, для чего шпалеры подрезали.

Как и откуда поступал в Россию первой четверти XVIII века текстиль для аристократических резиденций? По архивным документам можно заключить, что Петр не делал крупных приобретений предметов убранства, и в том числе текстиля, как минимум, до 1715 года. Вероятнее всего, до начала закупок текстиля в Европе, для отделки петровских дворцов использовали ткани и шпалеры из Московской казны, то есть приобретения еще XVII века. Весьма популярным материалом для обивки стен, кроме шелка и кожи, было сукно, причем оно поставлялось из Англии и Фландрии. Суконные обои красного или зеленого цветов сочетались с пышной отделкой из золоченого галуна. ⁵ Шпалеры покрывали стены целиком, как обои.

В вопросе взаимоотношений внутреннего производства и импорта тканей класса люкс особняком стоят торговые взаимоотношения России и Китая. В XVIII веке Россия обладала монополией на сухопутные пути экспорта китайских товаров в Европу, от которой имела огромную выгоду. Естественно, значительная часть китайских шелков оставалась на русском рынке, стоили эти ткани значительно дешевле итальянских и французских, но нужно заметить, их качество подвергалось критике. Петр, а ранее его отец — царь Алексей Михайлович, в изобилии имели в своей казне прекрасный китайский текстиль и даже кэсы. ⁶ Так, Петр в 1711 году послал несколько кэсы герцогу Медичи, которые сохранились до сих пор во дворце Пити. В 1718 году он преподнес «обои китайские с золотом и одеяла» французскому королю, подарок вызвал восхищение при французском дворе⁴.

Китайский текстиль был для Петра гораздо более доступен, чем для европейских монархов. В царских дворцах первой половины XVIII века было много китайских обоев, расписанных по шелку. Образцы некоторых из них сохранились в коллекции Летнего дворца Петра I. ⁷

В начале 1715 года, когда самый тяжелый этап Северной войны был уже позади, в Париж были посланы агенты Петра I для выполнения его поручений. Они получали очень хорошее финансирование, а поддержку им, по личной просьбе Петра, оказывал герцог Орлеанский. С этого времени Петр начинает активно заниматься покупкой во Франции предметов обстановки и произведений искусства для своих строящихся дворцов, равно как и поиском высокопрофессиональных специалистов в разных искусствах, готовых поехать работать в Россию. В мае 1715 года в Петербург прибывает

⁴ Именные указы Петра I за 1718 год // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 53. Л. 216.

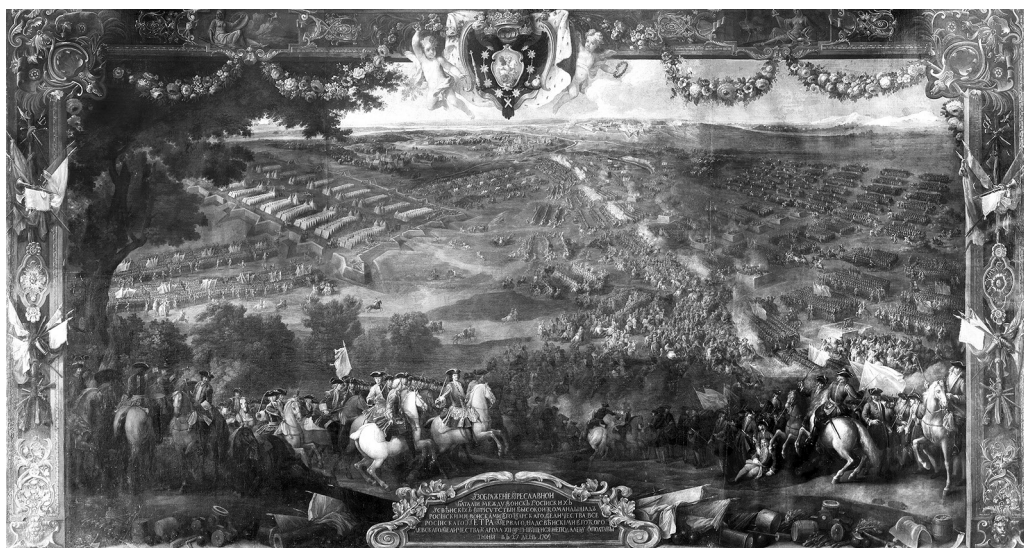
5 Шенк П. Ст.
Изображение сцены рождения
царевича Петра Алексеевича
1715
Государственный Эрмитаж

6 Шелковое панно, затканное золочеными нитями «кэсы» на сюжет «Сто мальчиков»
Китай
Конец XVI–XVII век
Государственный Эрмитаж

7 Китайские обои в Меншиковском дворце
Начало XVIII века
Государственный Эрмитаж

8 Мартен П.-Д.
Сражение при Полтаве
Картон для гобелена
Государственная Третьяковская Галерея

в разобранном виде парадная кровать с «4 занавесами кармезиновой тафты»⁵. Сохранился документ, описывающий части парадной кровати, упакованные в несколько ящиков: «Spécification du contenu des quelques du meubles de Sa Majesté Czarinne, fait par ordre du Prince de Scourascin par G-e Coustonne et envoyé le 16 May 1715».

1 сентября 1715 года умер Людовик XIV, к которому Петр относился с большим уважением. Он захотел приобрести что-то из имущества покойного короля. Сразу же по получении скорбной вести из Франции, 20 сентября 1715 года Петр отправляет своему агенту указ «о найме на нашу службу мастеровых людей»: «поскольку король французский умер, а наследник слишком молод, то думаю, многие мастера будут искать счастья в других государствах. Не будут ли для нас чего от двора королевского продавать — убранство какое-то или картины? Об этом дай знать»⁶.

Усилия Петра сразу начали приносить свои плоды. В декабре 1715 года царский агент Зотов пишет царю, что есть возможность приобрести королевскую кровать «из уборов Королевских» в «доме версальском». Помимо кровати продавали всю обстановку комнаты, кровать с убором, стулья и живопись — «но только самую лучшую». Вероятнее всего, речь в письме Зотова идет о продаже парадной спальни Людовика XIV в Версале⁷. Особенно агент хвалит ткани «золото по кармезину, очень хорошей работы и дорогой цены, если бы заново делать». Далее он сообщает, что вообще-то от королевского двора ничего не продают, но после смерти короля часть его имущества отходила к ближайшим придворным, которые могли его продать. Так за «постель королевскую» просили 20000 ефимков и «скоро» (примерно 20000 венецианских дукатов). В конце 1715 года переговоры обрываются и очевидно, что сделка не состоялась.

Этот небольшой эпизод говорит об уровне притязаний русского царя, которому обычно приписывалась личная скромность. В 1717 году, при активном содействии герцога Орлеанского, Петр разместил в Париже заказ на 4 огромных гобелена, затканых золотом, изображающие победы Петра I в Северной войне⁸. Они были закончены на Мануфактуре Гобеленов в 1727 году, уже после смерти Петра, до настоящего времени сохранились модели и два картона к этим великолепным коврам. **8**

В 1717 году Петр заказывает в Англии тканевые обои и 4 кровати с полным убором — две кровати темно-зеленого цвета, одна «беловатая» и одна красная. Они прибыли в 1719 году и были отправлены в разные дома Его Величества. Сразу же после покупки провели некоторые переделки одной из вновь приобретенных кроватей — бархатной зеленой (внутри белая), которая находилась в спальне Екатерины в Летнем дворце⁹. Кровать была вышита золотом и серебром. Имеется документ по поводу переделки

⁵ Quelques du meubles de Sa Majesté Czarinne // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 91. Л. 164–164 об.

⁶ Именные указы Петра I за 1715 год // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 9. 1715. Л. 48.

⁷ Письмо от Конана Зотова Петру I из Парижа 30 декабря 1715 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 23. 1715. Л. 439; Письмо Конана Зотова Алексею Васильевичу Макарову из Парижа 12 декабря 1715 г. // Там же. Л. 448–449: «Здесь продают постель королевскую ... и говорят что 20000 ефимков».

⁸ Лехович Т. Н. «Сии шпалеры баталей на память славных дел»: Петр I — привилегированный заказчик Мануфактуры Гобеленов // Меншиковские чтения — 2015: научный альманах. Вып. 6 (15). СПб., 2015, С. 195–206.

⁹ Приходно-расходная книга штатной казны Екатерины Алексеевны 1719 г. // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 604. 1719. Л. 87: «19 сентября. По указу ее величества дано обойщику Василию Васильеву который с 20 июня по 20 сентября в доме их Величества обивал две комнаты, два нужника кожою, два нужника красным бархатом, стул зеленым бархатом, стул маленький красным бархатом, стул зеленым бархатом, 3 ставня в мыльню, 2 нужника красным сафьяном, 2 ширмы зеленою камкою, 2 стула ореховых — бархатом красным с тесьмою белой и за другие поделки. — итого 2 рубля 24 деньги. По указу ЕЕ величества государыни царицы дано французу Роинкару который у кровати английской бархатной три короны переправляет, а именно вышивает по рисунку золотом и серебром. К прежней даче — 20 рублев».

бархатной зеленой кровати¹⁰ от француза Жана Рожбота¹¹.

За период XVIII века не существует ни одной подробной описи убранства Летнего дворца Петра I, поэтому для реставрации дворца приходилось использовать фрагментарную информацию из различных архивных документов и воспоминаний современников.

По отрывочным свидетельствам, мы можем сделать следующие выводы:

1. Летний дворец Петра I был декорирован достаточно пышно, а не в так называемом «скромном петровском» стиле. Эта была настоящая резиденция монарха, хотя и сравнительно небольших размеров.

2. Текстильный декор обновлялся достаточно часто, что было, в принципе, нормальной практикой в европейских резиденциях XVIII века (во Франции, например, могли менять обивку дважды в год — для парадных апартаментов существовали комплекты «летние» и «зимние»). Летний дворец переделывался неоднократно только на протяжении жизни Петра, а также несколько лет спустя после его кончины. Понятно, что при переделках первым делом снимали обои.

3. Многие комнаты имели дубовые или ореховые панели, над которыми располагались натянутые на подрамник «обои»-ткани или шпалеры, а также «китайские» обои — шелковые ткани с росписью.

Документы сообщают нам, что в спальне Летнего дворца, где находилась зеленая кровать с вышивкой золотом и серебром, были шпалерные обои. Судя по количеству «галуну к шпалере» 40 аршин (около 29 метров), который был нужен для обивки натянутых на подрамник шпалер по периметру, шпалер было три, примерно 3 x 3,5 м каждая.

Еще один архивный документ подтверждает, что в Летнем дворце были шпалеры в 1720 году: «Присланные из Адмиралтейства портные Яков Леонтьев Егор Афонасьев Василий Гилеев Иван Ширков июля 12 по сентября 7 число зделали в Летнем доме шпалеры перешивали... Завес к кровати: подшивали старой... да новой зделали...»¹².

Дворцовые помещения Петровского времени были, на голландский манер, небольшими. Петр I не любил большие комнаты и высокие потолки.

Интересен документ, более или менее подробно описывающий текстиль в дворцовом интерьере петровского времени — «Переписка Комиссии учрежденной для раздела оставшегося после смерти Екатерины движимаго имущества между царевнами (июль 1727 г.)»¹³, в котором описаны 6 комнат Екатерины I в третьем Зимнем дворце. Он дает некоторое понимание уклада жизни и того, что представляли собой личные

¹⁰ На кровать пошло 34 ¼ аршина зеленого бархата («Об уплате денег за 34 ¼ аршина зеленого бархата, что взял Кузма Спиридонов по приказу Ея Величества» 1720 год // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 6. Д. 101).

¹¹ Об уплате мастеру Рожботу за постель, завески и шпалеры, сделанные по приказу Петра Ивановича Мошкова... 1720 год // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 6. Д. 210. Л. 2: «Мемория. Всемиловнейшей царице Государыне что сделал Рожбот постель, завесок и шпалеров по приказу Петра Ивановича Мошкова
1. Кровать деревянную, железо к оной надлежащее приложил своим коштом. Красной калман, один прут железной для занавеси. За вс. Свою работу и кошт ... требует 25 рублей
2. 40 аршин галуну купил на свои деньги, для шпалера такж..., 31 аршин шнуру к оному шпалеру, за оной шнурок 4 16 и за работу 24 руб.
3. Делал постель бархатную зеленую с лица, а снутри белую, купил к чему 86 лотов и 2 золотника шнуру серебряного
4. За работу кровати и за железо 432
5. За работу рещику мастеру что ...арнич зделал
6. За два фунта шелку, которым вышереченную зеленую постель вышивали 14 руб
7. За 100 аршин холсту зелонова и белова по алтыну аршин
8. За бумагу александрийскую которая на рисунки и на поклеюку
А всего 728 руб. 20 коп.»

¹² Об уплате за разные работы портным из Адмиралтейства. 7 сентября 1720 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 6в. Д. 197. Л. 293.

¹³ Переписка Комиссии учрежденной для раздела оставшегося после смерти Екатерины I движимаго имущества между царевнами. Июль, 1727 // РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 23.

апартаменты членов царской семьи. В документе подробно перечислено и оценено самое ценное из имущества Екатерины — ткани, драгоценности, мебель, китайский фарфор.

В первой и второй комнате находились французские шпалеры, стены были целиком покрыты коврами, а между окон и простенки были также обиты кусками «от старых шпалер», в третьей комнате на стенах были китайские шпалеры или ткани, в четвертой комнате — китайские ткани или шпалеры с золотом (кэсе?). Необычно, что в состав апартаментов Екатерины I входили две спальни — пятая и шестая комнаты. Из описания становится ясно, что пятая комната — это спальня самой Екатерины, отделанная желтыми шелковыми обоями, с занавесами на окнах из желтой тафты. Кровать с желтым балдахином и занавесами, с белым атласным одеялом. У кровати — персидский ковер, туалетный стол покрыт чехлом, с «травами» и коронами, вышитыми золотом.

Шестая комната — тоже спальня, но это мемориальная спальня, посвященная памяти бракосочетания Петра и Екатерины. Их брак не был легитимным, поскольку Петр I так и не развелся официально со своей первой супругой, и Екатерина постоянно должна была доказывать свои права на место императрицы. Стены в этой спальне были обиты пышными итальянскими тканями, 8 окон с занавесами малинового штофа с золотым позументом, кровать с балдахином малинового штофа, все отделано золотым позументом. На кровати «Одеяло парчи серебряной травы шелковые кругом с трех сторон фа[с]бары той же парчи по фасборам кружево в два ряда золотое промеж фасбаров позумент золотой з городками подбито камкою красною стегано по шелку сырцовому. Сие одеяло делано к браку их Величеств»¹⁴. На полу лежал персидский ковер с коронами.

Дворцовые помещения петровского времени были сравнительно небольшими. Убранство дворцовых интерьеров определялось их назначением, это были в основном комнаты для проживания. Первый достаточно большой зал для приемов появился только в третьем Зимнем дворце Петра, куда двор въехал в 1720 году. Именно там висели четыре гобелена из серии «Сцены из Нового завета», подаренные Петру Людовиком XV в 1717 году¹⁵.

REFERENCES

Fenaille M. *Etat général des tapisseries de la manufacture des Gobelins depuis son origine jusqu'à nos jours, 1600–1900. Période Louis XIV. 1662–1699* [General condition of the tapestries of the Gobelins manufactory from its origin to the present day, 1600–1900. Louis XIV period. 1662–1699]. Vol. II. Paris, Hachette Publ., 1903, 432 p. (In French)

Lekhovich T. N. «Sii shpalery batalei na pamyat' slavykh del»: Petr I – privilegirovannyi zakazchik Manufactory Gobelenov ["These Trellises of Battles to Commemorate Glorious Deeds": Peter the Great – a Privileged Customer of the Manufacture of Tapestry]. *Menshikovskie chteniya – 2015*. Issue 6 (15). 2015. Pp. 195–206. (In Russian)

Podolskii R. P. *Petrovskii dvorets na Yauze* [Petrovsky Palace on Yauza]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Vol. 1. Moscow, 1951. Pp. 14–55. (In Russian)

¹⁴ Переписка Комиссии учрежденной для раздела оставшегося после смерти Екатерины I движимаго имущества между царевнами. Июль, 1727 // РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 23. Л. 198 об.

¹⁵ Теперь они хранятся в коллекции Эрмитажа.

► НОВЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА БОЛЬШОГО ПЕТЕРГОФСКОГО ДВОРЦА

КОРЕНЦВИТ ВИКТОР
АБРАМОВИЧ

Независимый исследователь

vkoren1@rambler.ru

В 2010 году в университетской библиотеке города Дублина обнаружен старинный альбом с чертежами 1740-х годов построек в Петербурге и дворцовых пригородах. Среди чертежей там оказалась копия неизвестного проекта Ф.-Б. Растрелли перестройки Большого дворца Петра I в Петергофе с устройством пятиглавой церкви в восточном угловом корпусе и завершением западного углового корпуса небольшим куполком с фигурой орла на макушке. Удалось установить, что проект, созданный в июне 1746 года, получил устное одобрение императрицы накануне ее отъезда в Ревель, а именно 3 июля этого года. Однако проект не был осуществлен, так как в конце того же года Елизавета Петровна приказала расширить Большой дворец более чем вдвое, на всю ширину Верхнего сада. В апреле 1747 года новый проект был утвержден. До нас дошли как авторские чертежи Растрелли (поэтажные планы и северный фасад), так и снятые с них копии. По этому проекту угловые корпуса завершились одинаковыми по форме знакомыми по первому проекту куполками. Над восточным Церковным — крест, над западным, предназначенным под жилые покои — все тот же орел с лавровой ветвью в клюве. В ходе строительства в 1748 году проект был изменен: над Церковным корпусом поставили пятиглавый купол, а также изменили форму купола над западным корпусом. Фигуру орла заменили изображением российского герба и «Корпус под Орлом» получил название «Корпуса под Гербом». Считалось, что Елизавета Петровна, приверженца православных традиций, настояла на идее пятиглавого храма. Оказывается, все было наоборот: возможно, именно Растрелли убедил императрицу вернуться к его первоначальному проекту 1746 года, о существовании которого стало известно благодаря сенсационной находке в Дублине.

Ключевые слова: Ф.-Б. Растрелли, Н. Микетти, Петр I, Елизавета Петровна, Большой Петергофский дворец, Монплеизир, Дублин, Тринити колледж.

► NEW DATA FROM THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE GRAND PETERHOF PALACE

VICTOR ABRAMOVICH
KORENTSVIT

Independent Researcher

vkoren1@rambler.ru

In 2010, an old album with drawings of 1740s buildings in St. Petersburg and the palace suburbs was discovered in the Dublin University Library. Among the drawings was a copy of an unknown project by F.-B. Rastrelli reconstruction of the Great Palace of Peter I in Peterhof with the construction of a five-domed church in the eastern corner building and the completion of the western corner building with a small dome with the figure of an eagle at the top. It was possible to establish that the project, created in June 1746, received the verbal approval of the empress on the eve of her departure to Revel on July 3rd of this year. However, the project was not implemented, since at the end of the same year, Elizaveta Petrovna ordered to expand the Grand Palace more than twice, across the entire width of the Upper Garden. In April 1747 the new project was approved. Both Rastrelli's author's drawings (floor plans and the northern facade) and copies taken from them have come down to us. According to this project, the corner buildings were completed with domes of the same shape familiar from the first project. Above the eastern Church — a cross, above the western one, intended for living quarters — the same eagle with a laurel branch in its beak. During construction in 1748, the project was changed: a five-domed dome was erected over the Church building; accordingly, the shape of the dome over the western building was changed. The figure of the eagle was replaced with the image of the Russian coat of arms; "Corps under the Eagle" was named "Corps under the Emblem". It was believed that Elizaveta Petrovna, an adherent of Orthodox traditions, insisted on a five-domed church. It turned out that the opposite is true: it is possible that it was Rastrelli who persuaded the empress to return to his project of 1746, the existence of which became known thanks to a sensational find in Dublin.

Keywords: F.-B. Rastrelli, N. Michetti, Peter I, Elizabeth Petrovna, Peterhof Grand Palace, Monplaisir, Dublin Trinity College.

Архитектурное наследие Ф.-Б. Растрелли — предмет тщательного изучения исследователей. В 1963 году вышла монография Ю. М. Денисова, А. Н. Петрова «Зодчий Растрелли», в которой впервые сделана попытка учесть все известные чертежи архитектора¹. В последнее время собрание пополнила сенсационная находка в университетской

¹ Денисов Ю. М., Петров А. П. Зодчий Растрелли. Л., 1963.

библиотеке города Дублина. В 1802 году на аукционе Кристи университет купил у голландского дипломата барона Хендрика Фагеля коллекцию книг, географических атласов и чертежей, насчитывающей более 200 тысяч томов. Через 200 лет при разборе коллекции в одном из бесчисленных библиотечных шкафов был обнаружен старинный альбом в тисненном кожаном переплете, а в нем находились 32 чертежа середины 1740-х годов с изображенными строениями в Петербурге и пригородах. В 2010 году издательство «Альфарет» выпустило факсимильное издание альбома, в подготовке которого участвовали сотрудники Тринити-колледжа и Государственного Эрмитажа². В альбоме есть петергофские чертежи с изображением плана Петергофа, фасада Нагорных палат и плана Большого дворца. Генеральный план Петергофа запечатлел Верхний сад в процессе его переделки по проекту Ф.-Б. Растрелли 1745 года³. Чертеж с изображением фасада Нагорных палат (Большого дворца) представляет собой доселе неизвестный вариант перестройки здания.

Когда был заложен Большой Петергофский дворец, нет единого мнения. С. Б. Горбатенко считает, что уже в 1711 году в «Поповой мызе», как тогда назывался Петергоф, велось строительство Нагорных палат, возможно, по проекту итальянского архитектора Джованни Мария Фонтана⁴. Тогда же был разбит Верхний сад. «В Поповой мызе, — читаем указ Петра I, — полаты доделать, также огород огородить кольем, а для множества работы, хотя на пятьдесят сажень (или меньше) насыпать доброй земли и сделать цветники»⁵.

Историки архитектуры и искусствоведы Н. И. Архипов и А. Г. Раскин полагали, что строительство дворца началось в 1714 году. Автор проекта был не известен, но первоначальный набросок принадлежит Петру I⁶. Искусствовед А. Н. Петров, указав на сходство дворца с палатами Кикина в Петербурге, построенными в 1714 году, предположил, что оба здания возводились по проекту прибывшего в Петербург в 1713 году знаменитого немецкого архитектора Андреаса Шлютера⁷. Большой дворец впервые изображен на известной гравюре А. И. Ростовцева, которую обычно датируют 1717 годом⁸. **1** Но судя по тому, что в Верхний сад имеет квадратную форму, рисунок для гравюры был сделан ещё в 1716 году. Квадратный сад показан на рисунке Петра 1715 года, а в середине 1716 года по требованию царя, приславшего из Германии свой проект, сад был увеличен в длину на 50 сажень и получил современную форму вытянутого прямоугольника. По сравнению с садом, с какой стороны на него не посмотри, — из Верхнего сада или из Нижнего — дворец казался, скорее, маленьким, чем большим. Недаром Ростовцев в своем рисунке произвольно уменьшил размеры Верхнего сада. Весьма вероятно, что уже в первоначальном проекте было намечено пристроить к дворцу боковые галереи и угловые корпуса на всю ширину Верхнего сада. Но лишь в 1721 году Н. Микетти представил соответствующий проект. На чертеже архитектор предложил сразу три варианта галерей, очевидно, считая основным тот, что показал на развертке фасада. В этом варианте в галереях застекленные арочные проемы чередуются с глухими нишами, в которых расставлена скульптура; сквозной центральный вход в галерею в три оси декорирован

² Архитектурные чертежи Санкт-Петербурга XVIII века. Коллекция Тринити Колледжа (Дублин). СПб.: Альфарет, 2010.

³ Коренцвит В. А. К истории создания Верхнего сада в Петергофе (проекты Петра I, А. Леблон, И. Я. Бланка, И. П. Давыдова, Ф.-Б. Растрелли) // Художественный вестник. СПб., 2020. Вып. 7. С. 75–106.

⁴ Горбатенко С. Б. 1) «Попова мыза». Новое из истории Петергофа // Зодчий. 21 век. СПб., 2004. Вып. 1–2. С. 103; 2) Санкт-Петербург — Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб., 2003. С. 172.

⁵ Горбатенко С. Б. Новые страницы ранней истории Петергофа // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 150–151.

⁶ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. Л.; М., 1961. С. 39.

⁷ Петров А. Н. Палаты Кикина // Архитектурное наследство. 1953. № 4. С. 141–147.

⁸ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. С. 42.

сдвоенными колоннами. Во втором варианте ниши не были предусмотрены — только проемы. И, наконец, третий вариант предполагал превратить галереи в открытые колоннады. По концам галерей устраивались угловые корпуса в два этажа. Судя по гравюру 1724 года Степана Коровина с изображением Большого дворца, галереи были построены по первому варианту⁹. К угловым корпусам на всю ширину Верхнего сада примыкала глухая ограда, на месте которой в 1732 году архитектор М. Г. Земцов построил деревянные одноэтажные «покои». Возведенные на скорую руку, они имели весьма непрезентабельный вид. «Срубы, — пишет Н. И. Архипов, — были скомпонованы в виде двух корпусов каждый длиной 47 метров» (опечатка — 47 саженей)¹⁰.

В 1745 году Елизавета Петровна поручила Ф.-Б. Растрелли перестройку Нагорных палат (Большого дворца): «По обе стороны Больших палат на галереях сделать деревянные апортаменты с пристойными покоями, а на тех апортаментах кровли и прочее снаружи украшения было б по прежнему как ныне на тех галереях и о том велеть сочинить чертежи по опробации Ея императорского величества архитектору Дерастрелию»¹¹. Авторские чертежи не сохранились, но известна копия с надписями: «Фасад о построении покоев на галереях как показано на плане... опробован марта 6 дня 1746 году»; «Подлинной за рукою обер архитектора графа фонъ Растрелия, копироваль архитектуры ученикъ Сергей Густышевъ»¹². Любопытно, что Растрелли ограничился тем, что показал на чертеже лишь западную половину симметричной постройки. Искусствовед К. В. Малиновский привел сведения о размерах деревянных галерей: «В Питергофе у дворца при каменных болших средних полатах по обе стороны между флигелей над галляреями передняя стенка срубить длиною две по двадцати по одной сажени и по три четверти аршина шириною со всем в три сажени, другие две стенки от саду по двадцати по три сажени и по три четверти аршина брущатые по шаблону... и при том сделать по чертежу четыре лесницы и в них прорубить окон и дверей всего шездесят пять ... верхние апортаменты на галляреях вышиною в две сажени и одну четверть аршина...»¹³. Галереи надлежало срубить «на том месте на Фонтанке, где слоновые дворы стояли (на этом месте сейчас здание цирка — В. К.) по показанию мастера Фонболеса». Подряд на изготовление галерей за 380 рублей взял на торгах крестьянин Галицкого уезда И. Сосна¹⁴. Однако к строительству не приступили, так как в это время во дворце проживала Елизавета. В Камер-фурьерском журнале читаем: «1 числа (1 июня 1746 г. — В. К.) Ея императорское величество изволила из Санкт-Петербурга шествие иметь в Петергофъ»; 7 числа... изволила перейти из верхних покоевъ в монплезиръ; 9 числа. изволила перейти из Монплезира паки жить в верхние свои покои»¹⁵. Императрица сочла необходимым внести изменения в проект галерей. В архиве ГМЗ «Петергоф» хранится план восточной половины Нагорных палат: «Копия с чертежа приобщенного от обер архитектора де Растрелия к генеральному плану строения в Питергофе на галлериях покоев, против которого чертежа по имянному е. и. в... сего июня 4 дня 1746 году указу повелено лесницу сделать и среди тех покоев; а прежде сделанные по углам лесницы ж сломать, в котором чертеже значит

⁹ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 45.

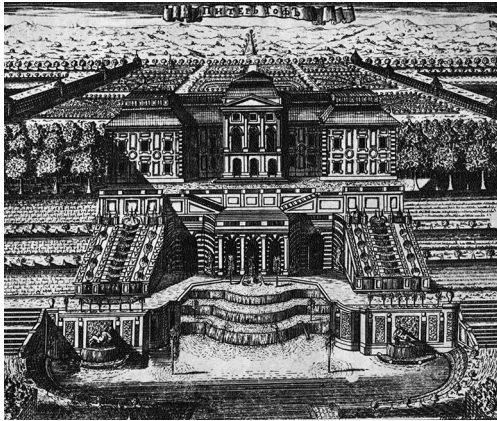
¹¹ Протоколы Канцелярии от строений садов и домов за декабрь 1745 года // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 266. Л. 18; Успенский А. И. Императорские дворцы. М., 1913. Т. III. С. 36.

¹² Растрелли Ф.-Б. Проект надстройки над галереями 2-го этажа. Копия архитектурного ученика С. Густышева // ГМИ СПб. ИГ № 5011-и.

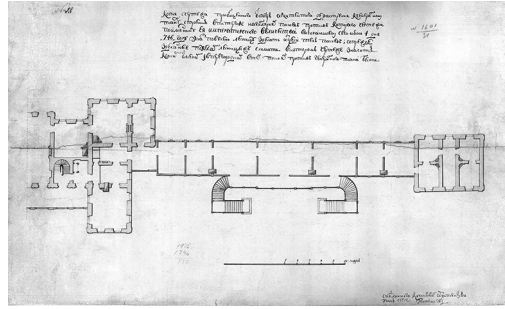
¹³ Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2012. С. 149.

¹⁴ Протоколы Канцелярии от строений садов и домов за апрель 1746 года // РГИА. Ф. 470. Д. 271. Л. 173.

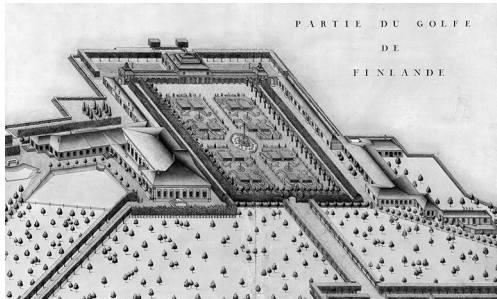
¹⁵ Камер-фурьерские журналы: 1695–1818. СПб., 2009. Т. 6. С. 65.

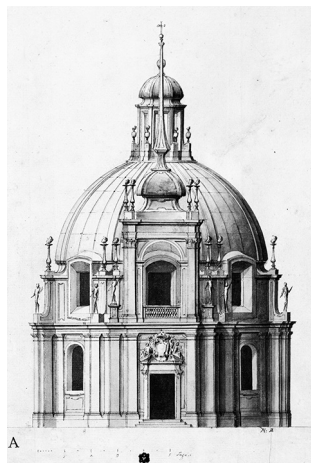
1 Ростовцев А.
Большой Петергофский дворец
 1716
 ГМЗ «Петергоф»

2 Растрелли Ф.-Б.
Проект устройства лестницы в галерее Большого дворца
 Копия
 1746
 ГМЗ «Петергоф»

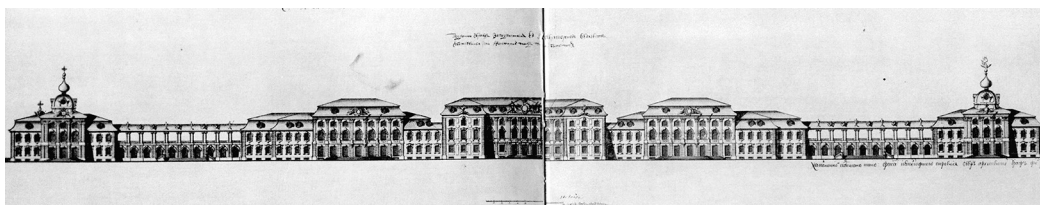
5 Сент-Илер П. А., де
Дворец «Монплеизир» в Нижнем парке в Петергофе
 1772–1774
 ГМЗ «Петергоф»

4 Микетти Н.
Проект церкви для Петергофа
 1723
 Государственный Эрмитаж

3 Растрелли Ф.-Б.
Проект перестройки Большого дворца с устройством пятиглавой домовой церкви
 1746
 Государственный Эрмитаж

6 Растрелли Ф.-Б.
Проект Большого Петергофского дворца. Северный фасад
 1747
 РГИА

каким отменам и в перегородках в тех покоех против генерального плана быть»¹⁶. 2 Лестницу предлагалось сделать со стороны Верхнего сада. Императрица вернулась из Петергофа в Петербург 22 июня, а «3 числа июля Ея Императорское величество со всею свитою изволила выступить из Новаго Летняго дома в Ревель»¹⁷. Перед тем, как отправиться в длительное путешествие, Елизавета Петровна заказала Растрелли новый проект. «Ее Императорское величество всемилостивейшая Государыня, — записано в журнале Канцелярии от строений 15 июля, — что преднасколькo времени до величайшего своего отъезда изустно соизволила ему приказать сочинить проект для прибавления в Петергофе к старым каменным палатам вновь немалого каменного строения»¹⁸. Считается, что на этот раз речь идет о строительстве современного Большого дворца. «Несмотря на то, что проект еще не был «опробован», чертежи не были подписаны, работы начались «со всякой скоростью» — пишет Е. Я. Кальницкая. Архитектор предложил Канцелярии от строений, «пользуясь настоящим удобным временем, теперь же заготовить материалы на первый случай, а именно: кирпича красного и белого до миллиона штук»¹⁹. Однако заметим, что архитектор не мог требовать дефицитный строительный материал под неутвержденный проект. К. В. Малиновский предположил, что кирпичи потребовались в связи с очередным изменением проекта. «Как это нередко случалось, — пишет исследователь, — Растрелли пришлось спешно сочинять проект замены деревянных корпусов каменными»²⁰. Странно, но в подтверждение своей версии исследователь привел тот самый, вышеупомянутый чертеж, что был «опробован марта 6 дня 1746 году». Тогда же Растрелли сообщил в Канцелярию от строений, что «сочиненный им фасад и план о построении в Петергофе на галлареях деревянных покоев опробован», и дано распоряжение «по тому делать зачинать в скором времени»²¹. Не приходится сомневаться, что на чертеже изображены именно деревянные галереи, не говоря уже о том, что для перестройки их в камне вовсе не требовалось миллиона кирпичей. Обнаруженный в университетской библиотеке Дублина чертеж всё объясняет: оказывается, был еще один, более радикальный проект расширения Нагорных палат²². 3 Проект замечателен во многих отношениях, и прежде всего, тем, что здесь впервые появилась дворцовая церковь. Естественно, что для её размещения был выбран восточный корпус. Его пришлось переделать: добавить алтарную двухэтажную пристройку в три оси и для симметрии сделать такую же пристройку со стороны галереи. Церковный корпус венчает купол с пятью главами. Аналогичный западный корпус завершает небольшой куполок. Его маковку украшает фигура орла с лавровой ветвью в клюве. Длина перестроенных угловых корпусов увеличилась более, чем вдвое. Корпуса оказались непомерно большими в сравнении со старым дворцом Петра I. Для уравнивания композиции и для того, чтобы увеличить общую площадь дворца, Растрелли надстроил среднюю часть Нагорных палат до трех этажей и добавил к зданию двухэтажные пристройки в три оси. Так как, при этом общая протяженность постройки осталась практически без изменения, то, естественно, сократилась длина галерей с 17 осей до 10 осей. Устроив вход в галереи в три оси, Растрелли тем самым нарушил симметрию: с одной стороны он сделал от входа три, а с другой — четыре арочных проема.

¹⁶ Денисов Ю. М., Петров А. П. Зодчий Растрелли. С. 175. № 363; Растрелли Ф.-Б. Проект устройства лестницы в галереи Большого дворца. Копия. 1746 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП. № 48.

¹⁷ Камер-фурьерские журналы: 1695–1818. Т. 6. С. 73.

¹⁸ Цит. по: Кальницкая Е. Я. Императрица Елизавета Петровна и Петергоф. К 300-летию со дня рождения императрицы Елизаветы Петровны // История Петербурга. № 1 (53) 2010. С. 32. — В сноске № 6 есть опечатка: РГИА. Ф. 490 (а не Ф. 290). Оп. 1. Д. 228. Л. 4, 6.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 149.

²¹ Там же. С. 149.

²² Архитектурные чертежи Санкт-Петербурга XVIII века. Коллекция Тринити Колледжа (Дублин). Л. 2.

Можно достаточно точно датировать данный чертеж. Напомним, 4 июня Растрелли получил распоряжение внести исправления в свой первый проект: сделать лестницу в галереях. Вскоре императрица «изустно», стало быть, пребывая еще в Петергофе, «соизволила ему приказать сочинить» новый проект. Елизавета Петровна его утвердила не позднее 3 июля, когда, покинув Петергоф, отправилась в Петербург и оттуда в Ревель. Скорее всего, Растрелли представил императрицы новый проект еще в Петергофе. Получив одобрение, архитектор обратился в Канцелярию от строений с требованием о поставке миллиона кирпичей. Такого количества как раз было достаточно для осуществления задуманного проекта. Желание императрицы иметь церковь при дворце явилось основной причиной затеянной перестройки. Елизавета Петровна одобрила проект с условием не начинать стройку до ее возвращения из поездки, так как она хотела лично участвовать в закладке храма. В слободке Старого Петергофа была деревянная, построенная еще в начале 1700-х годов, приходская церковь. По преданию в ней пел на клиросе сам Петр I. В 1721 году Н. Микетти сочинил проект каменной церкви, место для которой указал сам царь в задуманном Микетти, но так и не созданном Верхне-Марлинском саду²³. 4 Построить храм к намеченной на август 1723 года дате открытия приморской резиденции не успели, и стройка не продвинулась дальше закладки фундамента. Петергофский комиссар Степан Павлов 11 января 1725 года затребовал «к строению вновь начинающееся питергофской церкви с питергофских кирпичных заводов кирпича 500 000»²⁴. Кирпич не успели доставить, а вскоре Петр скончался (27 января того же года). Верховный Тайный совет на своем заседании 5 октября 1727 года по поводу церкви оставил резолюцию: «неделано за другими работами, а церковь деревянная имеетца» (Знаменская в Старом Петергофе)²⁵. В начале правления Анны Иоанновны вновь вспомнили о церкви, но в 1732 года императрица приказала заготовленные материалы употребить при ремонтных работах в Петропавловском соборе в Петербурге. Елизавета Петровна к проекту Микетти не возвращалась, а решила построить храм при самом Верхнем дворце. При этом нашла применение деревянным галереям, приказав 18 августа 1746 года доставить их «в Питергоф к Момплезиру и поставить по Малобану по левой стороны Момплезира... а для наилучшего оным строения надсматривать и показания иметь обер архитектору графу господину фон Растрелию»²⁶. Необходимость присутствия Растрелли объясняется тем, что надлежало перестроить галереи под жилые покои для великой княгини Екатерины Алексеевны, ставшей женой наследника престола Петра Федоровича, а впоследствии — императрицей Екатериной II. В этом деревянном флигеле она останавливалась во время пребывания в Петергофе на протяжении 15 лет. Отсюда 28 июня 1762 года Екатерина бежала с Григорием Орловым в Петербург, где была встречена гвардией уже как императрица. Флигель сгорел в годы Великой Отечественной войны. Его изображение хорошо различимо на аксонометрическом плане Монплезира, исполненном А. Сент-Илером в начале 1770-х годов. 5

Итак, проект перестройки Нагорных палат, чертеж которого находится в Дублине, был сочинен Растрелли в июне 1746 года. Канцелярия от строений 2 сентября того же года распорядилась: «для прибавления в Питергофе к старым каменным полатам вновь немалого каменного строения красной и белой кирпич в требуемое обер архитектором графом господином фон Растрелием число до дву сот тысяч или сколько возможно будет отправлять в Питергоф нынешним летом заблаговременно с Невских кирпичных

²³ Коренцвит В. А. Церковь итальянского архитектора Н. Микетти в Петергофе // Петровское время в лицах. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. Вып. ХС. С. 170–178.

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 348.

²⁵ РГИА. Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 35117. Л. 17–21.

²⁶ Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 149.

заводов»²⁷. Сентябрь, поскольку строительный сезон ещё продолжался, причислялся к летним месяцам. Однако в 1746 году к перестройке так и не приступили, поскольку Елизавета Петровна вознамерилась построить действительно «Большой» дворец, но на этот раз на всю ширину Верхнего сада. В течение нескольких месяцев Растрелли сочинил новый проект. Сохранились авторские чертежи за его подписью с изображением северного фасада и поэтажных планов²⁸. 6 Директор Канцелярии от строений граф В. В. Фермор (будущий выдающийся полководец, герой Семилетней войны) приказал начальнику Чертежной конторы архитектору Жирарду снять копии с чертежей архитектурным ученикам Самойле Сапожникову, Федору Стрельникову и Василию Петрову²⁹. Растрелли поставил по сторонам старого дворца два соразмерных ему здания, фасады которых выдержаны в стиле петровской архитектуры. К ним со стороны Верхнего сада под прямым углом пристраивались флигеля: в западном располагались Парадная лестница и Танцевальный (Купеческий) зал, а в восточном — жилые покои. Боковые галереи и угловые корпуса целиком заимствованы из «Дублинского» проекта, но есть важное отличие: купол над Церковным корпусом такой же одноглавый, как и над корпусом «Под Орлом». 11 апреля 1747 года зодчий доложил Канцелярии от строений, что «Апреля 7 дня Ея императорское Величество ... чертежи план и фасад о построении в Питергофе при старых полатах по обе стороны вновь флигелей как на оных чертежах показано собственною своей Императорскаго Величества рукою подписать соизволила и ... высочайшим изоустным указом ему указать соизволила при том строении фундамент приготовить: во-первых, флигелю, при котором на том плане назначена быть церковь, и по выкопанию рвов фундамента без высочайшего Ея Императорскаго Величества присутствия не закладывать, а при закладывании оного фундамента быть соизволит сами Ея Императорское Величество... и оные план и фасад приложены при том доношении»³⁰. Фундамент церкви, как и желала императрица, был заложен в ее присутствие 30 мая 1747 года³¹. К тому времени, как оказалось, Растрелли внес поправку в проект, сократив длину здания на 4 оси. Это была первая корректировка проекта, за которой уже в ходе строительства Большого дворца последовали и другие: в 1748 году Растрелли сумел убедить императрицу вернуться к своему старому проекту пятиглавой церкви, и одновременно вынужден был согласиться с желанием Елизаветы Петровны расширить ризалиты старого дворца ради увеличения площади Большой столовой. Анализ последующих изменений проекта Большого дворца выходит уже за рамки данной статьи и, как мы надеемся, станет предметом дальнейших наших изысканий.

REFERENCES

- Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets* [Petrodvotets]. Leningrad, Moscow, 1961, 331 p. (In Russian)
- Denisov Yu. M., Petrov A. P. *Zodchii Rastrelli* [Architect Rastrelli]. Leningrad, 1963. (In Russian)
- Arkhitekturnye chertezhi Sankt-Peterburga XVIII veka. Kolleksiya Triniti Kolledzha (Dublin)* [Architectural Drawings of St. Petersburg of the 18th Century. Trinity College Collection (Dublin)]. St. Petersburg, Alpharet Publ., 2010. Fol. 59. (In Russian)
- Gorbatenko S. B. *Novye stranitsy rannei istorii Petergofa* [New Pages of the Early History of Peterhof]. *Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Nevsky Archive: Historical and Local Studies Collection]. Moscow, St. Petersburg, 1993. Pp. 150–151. (In Russian)
- ²⁷ Цит. по: Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 149–150.
- ²⁸ Растрелли Ф.-Б. 1) Проект Большого Петергофского дворца. План 1-го этажа // РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 196. Л. 1; 2) Проект Большого Петергофского дворца. План 2-го этажа // ГМИ СПб. ИГ № 5021-и; 3) Проект Большого Петергофского дворца. Северный фасад // РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 196. Л. 2.
- ²⁹ Денисов Ю. М., Петров А. П. Зодчий Растрелли. С. 175.
- ³⁰ Цит. по: Успенский А. И. Императорские дворцы. М., 1913. Т. II. С. 38. Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 150.
- ³¹ Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. С. 150.

Gorbatenko S. B. *Novyi Amsterdam: Sankt-Peterburg i arkhitekturnye obrazy Niderlandov* [New Amsterdam: Saint Peterburg and Architectural Images of Netherlands]. Pechatnyi Dvor Publ, 2003, 367 p. (In Russian)

Gorbatenko S. B. «Popova myza». *Novoe iz istorii Petergofa* ["Priest's Farmstead". New Fact from the History of Peterhof]. *Zodchii: 21 vek*, [Architect. 21 century]. St. Petersburg, 2004. Issue 1–2. Pp. 102–103. (In Russian)

Kalnitskaya E. Ya. Imperatritsa Elizaveta Petrovna i Peterhof: K 300letiyu so dnya rozhdeniya imperatritsy Elizavety Petrovny [Empress Elizabeth Petrovna and Peterhof: To the 300th Anniversary of the Birth of Empress Elizabeth Petrovna]. *Istoriya Peterburga* [History of St. Petersburg]. no. 1 (53) 2010. Pp. 31–35. (In Russian)

Korentsvit V. A. K istorii sozdaniya Verkhnego sada v Petergofe (proekty Petra I, A. Leblona, I. Ya. Blanka, I. P. Davydova, F.-B. Rastrelli) [On the History of the Creation of the Upper Garden in Peterhof (Projects of

Peter I, A. Leblon, I. Ya. Blank, I. P. Davydov, F.-B. Rastrelli)]. *Artistic Bulletin*. Issue 7. St. Petersburg, 2020. Pp. 75–106. (In Russian)

Korentsvit V. A. Tserkov' ital'yanskogo arkhitekatora N. Miketti v Petergofe [Church of the Italian architect N. Michetti in Peterhof]. *Petrovskoe vremya v litsakh. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Faces of Peter's Epoch. State Hermitage Collection of Articles]. Vol. XC. St. Petersburg, 2017. Pp. 170–178. (In Russian)

Malinovsky K. V. *Bartolomeo i Franchesko Rastrelli* [Bartolomeo and Francesco Rastrelli]. St. Petersburg, 2012, 271 p. (In Russian)

Petrov A. N. Palaty Kikina [Chambers of Kikin]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. Leningrad, Moscow, 1953. no. 4. Pp. 141–147. (In Russian)

Uspensky A. I. *Imperatorskie dvortsy* [Imperial palaces]. Vol. II. Moscow, 1913, 182 p. (In Russian)

► СКУЛЬПТУРНЫЙ ДЕКОР ПАРАДНОГО ЗАЛА ДВОРЦА «МОНПЛЕЗИР»

ХОЛОДНОВА ОЛЬГА
АЛЕКСАНДРОВНА

Хранитель музейных предметов I категории
(в экспозиции), ГМЗ «Петергоф»

198516, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Петергоф, ул. Разводная, 2
oh-1807@mail.ru

Во дворце «Монплеизр» лепной декор использовали на каминах, карнизах и потолках. Тема аллегии стихий и времен года стала главной в отделке его интерьеров. Подлинным шедевром является лепной декор Парадного зала. Центральная часть плафона обрамлена лепкой в виде собранных занавесей. Фриз украшен двояными и одинарными кронштейнами, между которыми расположены попарно путти в сложных разворотах, которые расположились вокруг предметов, олицетворяющих времена года. Соединение паду на углах оформлены парными гипсовыми горельефными композициями в виде четырех женских и четырех мужских фигур – воплощением зимы, весны, лета и осени.

Вопрос об авторстве декоративной отделки Парадного зала дворца «Монплеизр» (Monplaisir) в виде лепного фриза и парных гипсовых горельефных композиций-аллегорий времен года волновал многих исследователей. Документы и эскизы, которые позволили бы точно установить автора, до наших дней не сохранились. Среди скульпторов-декораторов петровского времени, способных исполнить данное произведение искусства обычно выделяют две кандидатуры – итальянца Бартоломео Растрелли (Bartolomeo Rastrelli) и француза Никола Пино (Nicolas Pineau). Свидетельство французского дипломата при русском дворе Жака де Кампредона (Jacques de Campredon), творчество двух мастеров и основные черты их произведений, а также рисунок Пино, хранящийся в Государственном Эрмитаже, позволяют считать автором скульптурного декора Парадного зала дворца «Монплеизр» именно французского мастера Никола Пино. В то же время, следует признать, что идея подобной взаимосвязи живописи и скульптуры на тему времени года принадлежала, безусловно, царю Петру I и главному архитектору Петербурга Жану-Батисту Леблону (Jean-Baptiste Le Blond).

Ключевые слова: Монплеизр, Петергоф, лепка, горельеф.

► SCULPTURAL DÉCOR IN THE PARADE HALL OF THE MONPLAISIR PALACE

OLGA ALEXANDROVNA
KHOLODNOVA

Curator, Peterhof State Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russian Federation

oh-1807@mail.ru

In the Monplaisir Palace, stucco decoration was used on fireplaces, cornices and ceilings. The theme of the allegory of the elements and the seasons became the main theme in the decoration of his interiors. The stucco decoration of the State Hall is a true masterpiece. The central part of the plafond is framed by molding in the form of assembled curtains. The frieze is decorated with double and single brackets, between which are located in pairs putti in complex spreads, which are located around objects that personify the seasons. The connection of the putti at the corners is decorated with paired high-relief plaster compositions in the form of four female and four male figures – the embodiment of winter, spring, summer and autumn.

The question of authorship of the decorative decoration of the Main Hall of the Monplaisir Palace in the form of a stucco frieze and paired plaster high-relief compositions-allegories of the seasons worried many researchers. Documents and sketches that would have allowed the exact identification of the author have not survived to this day. Among the sculptors-decorators of Peter's time who are able to perform this work of art, two candidates are usually distinguished – the Italian Bartolomeo Rastrelli and the French Nicolas Pineau. The testimony of the French diplomat at the Russian court, Jacques de Campredon, the work of the two masters and the main features of their works, as well as Pineau's drawing kept in the State Hermitage, make it possible to consider the author of the sculptural decoration of the Parade Hall of the Monplaisir Palace to the French master Nicolas Pineau. At the same time, it should be admitted that the idea of such a relationship between painting and sculpture on the theme of the season belonged, of course, to Tsar Peter I and the chief architect of St. Petersburg, Jean-Baptiste Le Blond.

Keywords: Monplaisir, Peterhof, sculpting, high relief.

Монплеизир не случайно получил свое название «мое удовольствие». Петр I очень любил свой петергофский дворец и принимал активное участие в его строительстве: выбрал местоположение на берегу Финского залива, выполнил рисунок с планировкой, предложил идеи по декорированию интерьеров. Впервые лепные украшения в отделке жилых помещений появляются в России в петровское время. Во дворце «Монплеизир» лепной декор использовали на каминах, карнизах и потолках.

Здесь прослеживаются различные способы передачи лепного декора — от простого рельефа в виде профилированных тяг, как в люстгаузах и галереях, до более сложного в Лаковом кабинете, Буфетной, Морском кабинете, Спальне, Секретарской и Парадном зале. На потолках в этих интерьерах лепнина невысокая по рельефу в виде орнамента из розеток, картушей, лент с кистями, завитков, листьев дуба, акантовых и лавровых листьев, ваз с цветами. На каминах в Буфетной, Спальне и Секретарской лепкой украшены каминные щиты и порталы. В Буфетной — в виде трельяжной решетки с крупными розетками и гирляндой из листьев. В Секретарской по периметру камина расположены 28 полочек-консолей, в верхней части — картуш с двуглавым орлом под тремя коронами со скипетром и державой, трельяжная решетка с небольшими розетками. Камин Спальни отличается богатым, четко проработанным декором: в центральной части — картуш, гирлянды цветов, ваза с пейзажем на тулове, раковина, за которой изображены знамена, пушки, щиты, барабан и труба; по бокам — пилястры, декорированные знаком ордена Андрея Первозванного и медальонами. Пилястры завершаются капителями с масками смеющихся и опечаленных стариков и гирляндами цветов. На боковых стенках камина — орнамент в виде трельяжной решетки.

Подлинным шедевром является лепной декор Парадного зала. «Голландский домик», построенный на самом берегу залива, являлся символом победы над стихиями. Возможно, поэтому тема аллегории стихий и времен года стала главной в отделке его интерьеров.

Парадный зал — самое большое помещение во дворце с куполообразным потолком, поднятым на высоту около 7 метров. ❶ Центральная часть плафона обрамлена лепкой в виде собранных занавесей. Фриз украшен сдвоенными и одинарными кронштейнами, между которыми расположены попарно путти в сложных разворотах. ❷ Они «резвятся» вокруг масок и предметов, олицетворяющих времена года: бородатого старца в чалме и жаровни с пылающими углями; курносого малыша и корзины цветов; женской головки в окружении колосьев, цветов и вазы с колосьями; толстощекого юноши в виноградных гроздьях, листьях и корзины с виноградом. Соединение падул на углах оформлены парными гипсовыми горельефными композициями — воплощением зимы, весны, лета и осени — истинное произведение декоративного искусства петровской эпохи. В искусствоведческой практике их обычно называют кариатидами, хотя, как известно, кариатида — это скульптурная женская фигура; мужское изображение именуют атлантом (или теломоном). В Монплеизире воспроизведены четыре женские и четыре мужские фигуры, представленные только до бедер и облаченные в драпировку. Нижняя часть скульптур завершена стилизованными высокими столбами-гермами, украшенными волютами и акантами. Четыре времени года читаются в традиционных атрибутах: зима ❸ представлена в виде двух старцев, закутанных в меха; весна ❹ — молодые девушки с цветами; лето ❺ — женщины с серпом и колосьями; осень ❻ — юноши с бокалом вина и виноградной лозой. Аллегии — главный изобразительный способ барокко, но здесь мы видим черты уже нового стиля — рококо с его плавными линиями, завитками, асимметрией и утонченностью.

На протяжении более двухсот лет Монплеизир сохранялся в неизменном виде — таким, каким его задумал Петр I. Во время фашистской оккупации Петергофа декор Парадного зала не сильно пострадал. В 1958 году его реставрировали мастера декоративно-лепных работ научно-производственных мастерских Ленинградского Архитектурного

управления О. В. Бычкова и Н. К. Магдыч¹. В процессе реставрации им удалось определить технику выполнения лепных украшений в начале XVIII века: по грубой гипсовой отливке в форме деталь доделывалась в технике ручной намазки раствором из алебаstra, с последующей прорезкой и прорисовкой деталей².

Вопрос об авторстве декоративной отделки фриза и особенно горельефов волновал многих исследователей. Точно установить имя автора невозможно, поскольку ни документы, ни эскизы до наших дней не сохранились. Однако приблизиться к решению этой загадки позволяет изучение творчества художников — вероятных претендентов.

В Петербурге в начале XVIII века работали иностранные архитекторы и скульпторы-декораторы, прибывшие из Германии, Франции и Италии — Андреас Шлютер и его ученик Иоганн Фридрих Браунштейн, Конрад Оснер, Бартоломео Растрелли, Жан-Батист Александр Леблон, Никола Пино, Николо Микетти, Марко Антонио Квадри и И. Росси.

Путеводители по Петергофу XIX — начала XX века не акцентировали внимание на фамилиях мастеров, принимавших участие в постройке и отделке дворцов³. В журнале по искусству «Художественные сокровища России» за 1902 год под авторами «кариатид» Монплезира впервые вскользь упоминаются фамилии трех художников — Пино, Растрелли-отца и Оснера⁴.

Лишь после того, как царские резиденции стали общедоступными музеями в 1918 году, начинается подробное изучение документов по истории строительства и бытования дворцов, и у исследователей возникает вопрос об авторстве горельефных композиций. Научный сотрудник Управления Петергофских дворцов-музеев М. М. Измайлов в своих первых публикациях отдавал предпочтение итальянскому архитектору Николо Микетти⁵. Однако после подробного изучения творчества Никола Пино, он пришел к выводу, что единственным создателем лепного декора Монплезира мог быть только этот одаренный французский скульптор⁶.

В 1960-х годах искусствоведы Н. И. Архипов и А. Г. Раскин — исследователи деятельности Бартоломео Растрелли — считали, что никто, кроме него, «не мог в то время выполнить с таким пластическим совершенством сложную многофигурную композицию»⁷. В то же время, Г. М. Преснов, в статье «Скульптура первой половины XVIII века», упоминает, что время их исполнения совпадает с периодом работы в Монплезире Леблona и Пино⁸. В последующие годы и вплоть до сегодняшнего дня автором скульптур в искусствоведческой литературе называли только Растрелли-старшего. В 1974 году историк искусства Н. В. Калязина поставила под сомнение авторство Растрелли и отдала предпочтение Пино⁹. В 1997 году в статье об архитекторе Леблоне Н. В. Калязина совместно с Е. А. Калязиным отмечают, что участие Растрелли-старшего в этой работе сомнительно. Они считали, что «наиболее вероятным исполнителем или автором моделей для сложного лепного декора каминов и зала» является Пино. Однако они выдвигают еще одну версию — «исполнителями лепного декора вполне могли быть итальянские мастера

¹ Реставрация скульптурного декора Центрального зала Монплезира. Осень 1958 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 3514-фд.

² Калязина Н. В. Лепной декор в жилом интерьере Петербурга первой четверти XVIII века // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., 1974. С. 110.

³ Гейрот А. Описание Петергофа. 1501–1868. СПб., 1868; М. И[змайлов]. Путеводитель по Петергофу. К 200-летию Петергофа. СПб., 1909.

⁴ Петергоф в XVIII веке // Художественные сокровища России. СПб., 1902. Т. II. № 7–8. С. 205–206.

⁵ Измайлов М. М. Монплеизр, Марли и Эрмитаж. М.; Л., 1933. С. 18.

⁶ Измайлов М. М. Николай Пино в России и его работы // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-33. [б. г.] Л. 25–26.

⁷ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. М.; Л., 1961. С. 95; Архипов Н. И., Раскин А. Г. Бартоломео Карло Растрелли. Л.; М., 1964. С. 20–21; Раскин А. Г. Петродворец. Л., 1988. С. 132.

⁸ Преснов Г. М. Скульптура первой половины XVIII века // История русского искусства. М., 1960. Т. 5. С. 447.

⁹ Калязина Н. В. Лепной декор в жилом интерьере Петербурга первой четверти XVIII века. С. 114.

«штукатурных и квадраторных работ» А. Квадри и И. Росси вместе с бригадой штукатур-ра Я. Буева, о которых известно, что в 1720–1724 годах они отделяли лепкой Верхние палаты, Марли и Эрмитаж»¹⁰. Исследователь К. В. Малиновский считал, что этой работой занимался штукатурных дел мастер Марко Антонио Квадри¹¹.

Лепные работы в Монплезире выполнялись в 1717–1718 годах. В одном из писем 1717 года светлейший князь А. Д. Меншиков пишет кабинет-секретарю Петра А. В. Макарову: «... в Монплезире Салу штукатурной работою делают и зделано занавесы и в одном угле термени [парные скульптуры], а в другом зачаты делать; комли штукатурной... работою отделаны»¹².

Упомянутые итальянские мастера Квадри и Росси, действительно, в 1722–1723 годах делали фризы в Марли, но они довольно простые по композиции и по качеству исполнения¹³. А в лепке дворца Монплезир чувствуется рука первоклассного мастера.

Немецкого резчика Конрада Оснера никак нельзя поставить в один ряд с такими художниками, как Шлютер, Растрелли, Пино и, тем более, назвать его создателем этих композиций. Проработав в России более 40 лет за небольшое жалованье, он принимал участие в самых разнообразных проектах, в которых не требовалось большого мастерства¹⁴.

Николо Микетти был архитектором, а в Монплезире он начал работать только после смерти Леблona в 1719 году, когда декоративные элементы уже выполнили.

Андреас Шлютер проектировал Монплезир и руководил его постройкой. Он вполне мог исполнить монплезирские горельефы, так как являлся первоклассным скульптором (достаточно вспомнить искусно выполненные им головы умирающих воинов на здании берлинского арсенала). Тем не менее, его участие исключается, поскольку в мае 1714 года он скончался. Его ученик Иоганн Браунштейн после смерти учителя работал в качестве архитектора, завершая его постройки. Позже был в подчинении Леблona и продолжал свою деятельность как архитектор.

Бартоломео Растрелли родился в 1675 году во Флоренции в состоятельной семье и получил разностороннее образование: разбирался в строительной технике и конструкциях, гидравлике, хорошо рисовал, имел навыки архитектурного проектирования, был театральным живописцем-декоратором и обучен ювелирному искусству, а также, как скульптор, оказался подготовлен к работе в различных материалах. На протяжении 15 лет, с 1700 года, он работал в Париже, но его мастерство в стиле итальянского барокко пришлось не по вкусу французам. На службу в Россию Растрелли пригласил русский торговый агент в Париже Иван Лефорт. В марте 1716 года Растрелли прибыл в Петербург¹⁵. По контракту он должен был работать: как архитектор «в рисовании чертежей и строении палат и садов, также в делании фонтанов или источников и садовых фонтанов»; как скульптор «в выделывании и резьбе,.. в литье и выливании всяких

¹⁰ *Калязина Н. В., Калязин Е. А. Ж.-Б. Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 100.*

¹¹ *Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 34; Малиновский К. В. Тессинские архитекторы и мастера в Санкт-Петербурге. XVIII – первая половина XIX века. СПб., 2019. С. 254.*

¹² *Письма светлейшего князя А. Д. Меншикова, писанные из Санкт-Петербурга, о разных делах... // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 33. 1717. Л. 122–122 об. (Опубликовано: *Калязина Н. В. Лепной декор в жилом интерьере Петербурга первой четверти XVIII в. // Русское искусство первой четверти XVIII в. М., 1974. С. 113–114).**

¹³ *О строительстве и ремонте дворцовых зданий... // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 256. 1722. Л. 645; Материалы счетной экспедиции Канцелярии от строений за 1723 год // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 141. 1723. Л. 353.*

¹⁴ *Обычно Петр I не скупился на оплату даровитых художников. О мастерстве К. Оснера можно судить даже по его небольшому жалованью (оно составляло 300 ефимков (рублей) в год). Н. Пино получал ежегодно 1200 рублей, Б. К. Растрелли 1500, а А. Шлютер и Ж.-Б. Леблон по 5000 (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 33. 1703. Л. 2; Д. 1. 1715. Л. 28 об.; Д. 3. 1716. Л. 3).*

¹⁵ *Письма генерал-фельдцейхмейстера графа Брюса, писанные из Санкт-Петербурга... о въезжающих из-за моря иноземцах... // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. 1716. Л. 146.*

фигур... и украшениях из мрамора, порфира и твердых камней... в деле портретов из воска...»; как театральный декоратор «в деле разных декораций и машин для театров в опере и комедии» и даже «в вырезывании штемпелей для монет и медалей»¹⁶. В самые первые месяцы жизни в Российском государстве Растрелли выступал, прежде всего, как архитектор, до того момента, как в Северной столице появился Жан-Батист Леблон.

Жан-Батист Леблон стал главным архитектором Петербурга после своего приезда в августе 1716 года. Он настолько очаровал Петра, что царь приказал Меншикову объявить «всем архитекам, чтоб без его подписи на чертежах не строили и старое что можно еще исправить»¹⁷. Сразу после назначения Леблona генерал-архитектором, между ним и Растрелли произошел сильный конфликт. Растрелли категорически не желал подчиняться французскому архитектору¹⁸. Споры разгорались довольно часто, и А. Д. Меншиков пытался их неоднократно, но безуспешно примирить. Указ Петра был объявлен 7 или 8 августа, а 10 августа 1716 года Меншиков сообщал Петру: «архитекам здешним оной ваш указ всем объявлен, ис которых некоторые и довольны а иным гораздо противен. А особливо господину Растрелию которой весьма под ним быть не хочет и просит абшиту...». Меншиков, симпатизировавший Растрелли, «уговорил» его остаться¹⁹. 26 октября 1716 года он написал Петру, что «между Леблоном и Растрелием произошли превеликие ссоры которых старался я всячески примирить и насилиу сего часу их смирил»²⁰. Дело дошло даже до того, что Растрелли приказал своим слугам избить Леблona, проезжающего мимо его дома в экипаже²¹. Ряд авторов, ссылаясь на французские источники, сообщают, что «неприязнь между Растрелли и Леблоном возникла еще в Париже», а в России «она перешла в открытую вражду»²². У Ж.-Б. Леблona произошли разногласия также с архитектором Г. И. Маттарнови, который в Летнем саду на шлютеровском фундаменте достраивал Грот. Генерал-архитектор раскритиковал его и в 1716 году приостановил постройку. В ответ Маттарнови направил жалобу Меншикову, подчеркивая, что был «выписан, поуказу его царского величества...», а «ниподчым иным игом втакой конфузии жить...», он заметил, что ему «многие непристойные дела и задержание работам чинят нарочно...»²³. В январе 1717 года Леблон просил Меншикова «повелеть всем рещикам как иноземцам так и русским быть мне послушными, чтоб от непокорности их» не страдала работа²⁴. Очевидно, конфликты разгорались в то время довольно часто между мастерами. Например, Никола Пино 20 августа 1717 года письменно пожаловался Меншикову на своего «товарища Перарда», а также на литейного мастера Саважа²⁵. Никола Перар (Nicolas Perard) — компаньон Пино, прибывший с ним в Петербург. Пино заключил с ним контракт

¹⁶ Договор с господином Растрелли // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. 1715. Л. 28.

¹⁷ Письмо Петра I к князю А. Д. Меншикову из Шверина с Леблоном от 22 июня 1716 // РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 10. 1716. Л. 134.

¹⁸ Письмо А. Д. Меншикова к Петру I от 10 августа 1716 // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. 1716. Л. 102–102 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Письмо А. Д. Меншикова к Петру I от 26 октября 1716 // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. 1716. Л. 211.

²¹ Принятие в Российскую службу в Париже королевского архитектора Леблонда, с коим разные мастеровые приехали в Россию...// РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. 1716. Л. 6 (опубликовано: *Грaбapь И. Э.* Петербургская архитектура XVIII и XIX веков. СПб., 1994 [репринтное издание 1909]. С. 83. Сноска 3).

²² Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. С. 79.

²³ Письмо к князю А. Д. Меншикову от мастерового Жоржа Маттарнови о работах в Гроуте в Петербурге // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Генваря 7. 1717. Цит. по: *Грaбapь И. Э.* Петербургская архитектура XVIII и XIX веков. С. 54–55.

²⁴ Письмо архитектора Леблona к князю А. Д. Меншикову // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. 1717. Л. 40.

²⁵ Саваж был нанят как литейный мастер на меди и железе одновременно с Пино 15 февраля 1716 года (Письма морского офицера Конона Зотова писанные из Парижа, в ответ на посылаемые к нему от государя; также о наемных разных мастерах и об отправлении их через Амстердам // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 27. 1716. Л. 27 об.).

3 апреля 1716 года в Париже, по которому он обязался платить ему жалованье в 950 ливров (190 рублей)²⁶. Несмотря на это, Перар 14 июля 1717 года объединился с литейным мастером Саважем и шпалерным мастером «Гауком» и «напал» на Пино и его жену, когда они все вместе были в гостях у архитектора Леблona. Перар «начал без всякой причины всякими непристойными словами поносить, и бранить» и даже грозился «заколоть ножом мастерским и убить до смерти». И даже генерал-архитектор не смог утихомирить возбужденных мастеров. Повторялось это неоднократно, в том числе 24 и 25 июля, 5 августа, когда Пино был в гостях у Каравакка. Поэтому он не выдержал и обратился к «светлейшему князю». Он просил Меншикова защитить от «оных бездельников», отмечая при этом, что они даже между собой находятся в ссоре и «рубятся шпагами»²⁷. Работать в подобной обстановке талантливым мастерам было сложно.

Вскоре Растрелли, по ходатайству Леблona, отстранили от архитектурных проектов, и с осени 1716 года он полностью обратился к выполнению скульптурных портретов. Только после смерти своего притеснителя мастер снова начал получать заказы на декоративные работы. На протяжении 1716 года Растрелли был чрезвычайно занят: сначала исполнял бронзовый бюст А. Д. Меншикова, а в конце года он получил важный заказ от Петра I на его конный монумент, над которым он трудился без отвлечений на протяжении нескольких лет.

Постоянные конфликты и разногласия между Леблoном и Растрелли исключали возможность участия последнего в декорировании Монплезира. Поэтому, скорее всего, именно Леблону принадлежали общие идеи декоративного решения интерьеров петергофского приморского дворца, и исполнителя следует искать в его ближайшем окружении, а таким мастером был как раз Никола Пино.

Неизвестна степень участия самого «генерал-архитектора»: принадлежал ли ему только общий замысел, делал ли он какие-то конкретные указания, чертежи, или художники-декораторы сами разрабатывали композиции на заданную тему. Среди рисунков Леблona нет ничего похожего. Правда, изучение его работ показало, что архитектурный элемент в виде парных кронштейнов фриза «впервые предложен им в «Дополнениях» к «Курсу архитектуры» Д'Авиле и использован в дальнейшем во всех его проектах и постройках без исключения, служа как бы подписью архитектора в интерьере или на фасаде здания»²⁸.

Никола Пино родился в 1684 году во Франции в семье скульптора короля Людовика XIV Жана-Батиста Пино. Он получил блестящее художественное образование — обучался у своего отца, архитекторов Жюля Ардуэна Мансара и Жермена Бофрана, прошел курс скульптуры в академии Святого Луки, работал у скульптора Антуана Куазевокса и ювелира Тома Жермена. В августе 1716 года он приехал в Россию по личному приглашению Леблona²⁹. По договору Пино «обязуется в службу на 5 лет работать и делать лямбриды³⁰, двери, каминь, рамы, столовые ношки, геридоны и прочие уборы и рисунки...»³¹. При жизни Леблona он работал под его руководством в качестве скульптора и резчика. Но его нельзя назвать только исполнителем идей Леблona. Дубовые панно, украсившие стены Кабинета Петра I в Верхних палатах Петергофа, выполнялись Пино по проекту главного архитектора. Однако многочисленные эскизы к ним, хранящиеся в отделении рисунков

²⁶ Договор учинен между Николаем Пинау и скульптором через письма по указу его царского величества из Санкт-Петербурга, и Перарда... // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716. Д. 3. Л. 31–32.

²⁷ Письмо Н. Пино к А. Д. Меншикову // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1717. Д. 3. Л. 96, 96 об.

²⁸ *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Ж.-Б. Леблон. С. 100.

²⁹ Роспись людям, которые имеют ехать в Санкт-Петербург в службу сухим путем // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 27. 1716. Л. 874–874 об.

³⁰ Лямбриды (от французского *lambris*) — обшивка стены, панель.

³¹ Контракт с Николаем Пино // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. 1716. Л. 3.

Государственного Эрмитажа и в парижском Музее декоративного искусства, показывают, что скульптор сам разрабатывал композиции на заданную тему, находился в постоянном поиске, много раз изменял детали. В результате он довел панно до совершенства по стилю и качеству исполнения.

Пино был разносторонним мастером и пробовал себя не только в резьбе по дереву, но также в скульптуре и архитектуре. В собрании Государственного Эрмитажа среди рисунков Пино есть восемь набросков аллегорических скульптур, выполненные карандашом и имеющие номер и подпись автора.

Все фигуры изображают различные добродетели в виде женщин или мужчин в античной одежде с характерными атрибутами:

1) Justice — Справедливость — женщина в пеплосе с мечом в правой руке, который символизирует силу.

2) *L'amour de la patrie* — Любовь к отечеству — сильный мускулистый мужчина в римских доспехах и плаще, на голове — шлем с султаном, в обеих руках лавровые венки, как атрибут победы и славы.

3) *La paix* — Мир — женщина с опущенным факелом и оливковой ветвью.

4) *Clemence* — Милосердие — женщина с оливой в руке.

5) *Concorde* — Согласие — женская фигура с чашей в руке со склоненной головой.

6) *Prudence* — Осторожность или Премудрость³² — женщина, смотрящаяся в зеркало, которое она держит в левой руке, ее правую руку обвивает змея (символ мудрости или благоразумия). Зеркало означает, что благоразумный человек способен видеть себя таким, какой он есть в действительности.

7) *La vertu heroïque* — Героическая добродетель или Храбрость³³ — мужская мускулистая фигура в плаще и шлеме с большим мечом в правой руке.

8) *La religion* — Религия или Благоверие, как у Феофана Прокоповича — женщина в монашеском одеянии с крестом, в левой руке — ветвь, опущенная к сосуду, стоящему в подножии фигуры на небольшом возвышении (из сосуда идет дым — возможно, кадило). Ее голова склонена к нему, а правая рука согнута в локте и поднят вверх указательный палец.

Данные проекты скульптур предназначались для декоративного убранства траурной залы во Втором Зимнем дворце при оформлении погребальной церемонии императора Петра I³⁴. Их целью было прославлять «добродетели умершего Монарха»³⁵. Сохранились гравюры с изображением трех стен Большого зала Второго Зимнего дворца в траурном убранстве 1725 года. Две были исполнены С. Коровиным, одна — А. Ростовцевым³⁶. Одна из гравюр Коровина показывает продольную стену Большого зала. По сторонам последних видны четыре статуи с подписями: «1 — Благоверие; 2 — Храбрость; 3 — Осторожность; 4 — Согласие». Позы скульптур, их движения, атрибуты такие же, как на эскизах. Пьедесталы тоже аналогичны наброску пьедестала на втором эскизе с названием — Любовь к отечеству. Эту часть отделки описывал Феофан Прокопович в «Краткой повести о смерти Петра Великого...»: «по правую сторону трона была фигура Согласие, потом Премудрость, Храбрость, Благоверие. По левую сторону трона, Милосердие, Мир, Любовь к отечеству и Справедливость»³⁷.

³² Так назвал ее Ф. Прокопович (*Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831. С. 60).

³³ *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 60.

³⁴ *Калязина Н. В.* О скульптурах Н. Пино, исполненных для оформления траурного убранства большого зала во Втором Зимнем дворце // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* Л., 1984. Вып. 39.

³⁵ *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 22.

³⁶ Гравюры с изображением стен Большого зала Второго Зимнего дворца в траурном убранстве 1725 года // *Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.* Ф. 238. Оп. 2. Д. 253/12.

³⁷ *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 59–60.

К скульптурным работам Пино относятся две статуи в нишах Петровских ворот Петропавловской крепости. В 1724 году старая деревянная скульптура, украшавшая ворота, была заменена свинцовой. Новые статуи из свинца были исполнены «превосходным французским скульптором Пино». Эти данные имеются в протоколах Канцелярии строений, и их опубликовал И. Э. Грабарь. Тогда же была сделана и пара «больших фигур стоячих вничи у Петропавловских ворот»³⁸, которые, в отличие от другой скульптуры, сохранились до наших дней. Точное их название неизвестно³⁹. Статуя в левой нише — женщина, облаченная в римскую паллу. Она смотрит в зеркало, которое держит в левой руке, а в правой — змею⁴⁰. В правой нише находится женская фигура в римском чешуйчатом панцире, плаще и шлеме с султаном⁴¹. В ее левой руке — небольшой свиток. Если сравнить эти скульптуры с эскизом Пино из Государственного Эрмитажа, можно сделать вывод, что он исполнил Осторожность (Премудрость) и Минерву — символ мудрости и войны за справедливость.

Пино был не только скульптором, но и превосходным рисовальщиком. Его сохранившиеся рисунки составляют одну из интереснейших областей творчества мастера, в них можно найти неосуществленные проекты или, наоборот, претворенные в жизнь, но со временем утраченные. Именно в этом виде он проявил себя полностью, как мастер французского рококо XVIII века. Эти эскизы весьма разнообразны — кажется, нет такой области искусства, на которой он не остановил бы свое внимание: проекты украшения носа и кормы судна, декоративное убранство залов и мебель, модели аллегорических статуй, каскады, фонтаны, проекты монументального памятника Петру I, наброски надгробий, архитектурные проекты и так далее.

История наследия Никола Пино весьма интересна. Все его рисунки достались сыну Доменику, продолжавшему дело отца, а он, в свою очередь, передал их по наследству. Позже архивариус, библиотекарь и хранитель музея в городе Ангулем Эмиль Бие нашел их в большом количестве на чердаке какого-то дома, где они были забыты. Каким образом они там оказались, так и осталось неизвестным. В 1870 году Бие продал часть рисунков А. А. Половцову, коллекционеру и попечителю Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, и парижскому антиквару Альфреду Берделе (Beurdeley). Рисунки последнего впоследствии очутились в музее Штиглица, откуда они с собранием Половцова в 1927 году поступили в Государственный Эрмитаж, где и находятся до сих пор. Другую часть рисунков Бие уступил барону Пишону (Pichon) — именно они и оставшаяся у Бие часть рисунков составили коллекцию наследия семьи Пино в Музее декоративного искусства в Париже⁴². Из 452 сохранившихся и известных в настоящее время рисунков Никола Пино 134 листа находятся в Государственном Эрмитаже. Очевидно, часть рисунков была утеряна потомками скульптора, некоторые

³⁸ Грабарь И. Э. Петербургская архитектура XVIII и XIX веков. С. 34–35, сноска 5 (ссылка на: Московский отд. Общ. Архива Мин. Имп. Двора. Протоколы Канцелярии строений. Кн. 15. Л. 24 об.; Кн. 30. Л. 43).

³⁹ Исследователи определяют названия статуй по-разному. У Г. М. Преснова это Беллона и Минерва — очевидно, олицетворяющие воинственность и мудрость (Преснов Г. М. Скульптура первой половины XVIII века // История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1960. Т. 5. С. 448). Другие увидели в них Афины Палладу как победоносную воительницу и Палиаду как покровительницу города (Иогансен М. В., Лисовский В. Г. Ленинград. Л., 1979. С. 23). Иногда их называют Верой и Надеждой (Калязина Н. В., Комелова Г. Н. Русское искусство петровской эпохи. Л., 1990. С. 96).

⁴⁰ Змея и зеркало — это символы Благоразумия (Разума). Но со змеей еще иногда изображают Мудрость. Последняя обычно персонифицируется Минервой в доспехах, с мечом, щитом и в шлеме. В таком виде она отличается от Благоразумия, у которого нет военных принадлежностей. Еще один атрибут Мудрости — книга (в данном случае — свиток).

⁴¹ Султан в виде дракончика — одного из любимых элементов Пино.

⁴² Biais E. Les Pineau. Paris, 1892. P. 20; Huard G. Les peintres français du XVIII siècle (sous la direction de M. Louis Dimier). Paris et Bruxelles, 1928. P. 341; Пош Д. Рисунки Никола Пино, предназначенные для России // Старые годы. 1913. № 5. С. 2–21.

1 Дворец «Монплезир». Парадный зал. Плафон. Общий вид
2020
Королев В. С.
ГМЗ «Петергоф»

2 Дворец «Монплезир». Парадный зал. Фриз. Фрагмент
Личный архив О. А. Холодновой
2021

3 Аллегория Зимы. Горельефная композиция Парадного зала дворца «Монплеизр» 2020
Королев В. С.
ГМЗ «Петергоф»

4 Аллегория Весны. Горельефная композиция Парадного зала дворца «Монплеизр» 2020
Королев В. С.
ГМЗ «Петергоф»

5 Аллегория Лета. Горельефная композиция Парадного зала дворца «Монплеизр» 2020
Королев В. С.
ГМЗ «Петергоф»

6 Аллегория Осени. Горельефная композиция Парадного зала дворца «Монплеизр» 2020
Королев В. С.
ГМЗ «Петергоф»

погибли на чердаке дома в Ангулеме или затерялись при переходе из рук в руки во время продаж. Возможно, среди утраченных листов были эскизы горельефов Монплезира. В Государственном Эрмитаже хранится рисунок, который по тематике и композиции похож на рельефный фриз Монплезира — четыре амура вокруг вазы с цветами⁴³.

Свидетельство современника является еще одним доказательством в пользу авторства Пино. Согласно донесению французского полномочного министра при русском дворе Жака де Кампредона своему королю в 1723 году, «в комнатах [Монплезира] есть очень хорошие картины, а вычурные лепные потолки сработаны одним довольно искусным работником, подданным Вашего Величества»⁴⁴. Хотя Растрелли и прожил во Франции 15 лет, он не являлся подданным французского короля, а оставался итальянцем⁴⁵. Никола Пино, напротив, был чистокровным французом и ближайшим помощником «генерал-архитектора» Леблona.

Обратив внимание на стилистические особенности работы Растрелли и Пино, становится понятным, что манера исполнения горельефов Парадного зала Голландского домика более соответствует руке Пино, нежели Растрелли. В России Растрелли не изменял своему стилю и продолжал использовать вычурные тяжеловесные барочные формы. Пино, напротив, уже отошел от пышности барокко и применял в своих произведениях рокайльные мотивы. Парные гипсовые скульптуры Монплезира не перегружены деталями и органично воспринимаются в союзе с росписью.

Анализ деятельности архитектора Леблona и творчества скульпторов Бартоломео Растрелли и Никола Пино позволяют считать автором скульптурного декора Парадного зала дворца Монплеzir именно французского мастера Пино. В то же время, следует признать, что идея подобной взаимосвязи живописи и скульптуры на тему времени года принадлежала, безусловно, царю Петру I и «генерал-архитектору» Жану-Батисту Леблону.

REFERENCES

- Arkhipov N. I. Raskin A. G. *Bartolomeo Karlo Rastrelli* [Bartolomeo Carlo Rastrelli]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1964, 108 p. (In Russian)
- Arkhipov N. I. Raskin A. G. *Petrodvorets*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1961, 332 p. (In Russian)
- Biais E. *Les Pineau* [The Pineaus]. Paris, 1892. (In French)
- Geyrot A. *Opisaniye Petergofa. 1501–1868* [Description of Peterhof. 1501–1868]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1868, 144 p. (In Russian)
- Grabar' I. E. *Peterburgskaya arkhitektura XVIII i XIX vekov* [Peterburg architecture of the 18th and 19th centuries]. Reprint ed. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1994, 384 p. (In Russian)
- Huard G. *Les peintres francais du XVIII siede (sous la direction de M. Louis Dimier)* [The French painters of the 18th siede (under the direction of M. Louis Dimier)]. Paris et Bruxelles, 1928. (In French)
- logansen M. V. *Lisovskiy V. G. Leningrad*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1979, 392 p. (In Russian)
- Izmaylov M. M. *Monplezir, Marli i Ermitazh* [Monplaisir, Marly and the Hermitage]. Moscow, Leningrad, Izobrazitel'noye iskusstvo Publ., 1933, 64 p. (In Russian)
- Izmaylov M. M. *Putevoditel' po Petergofu. K 200-letiyu Petergofa* [Guide to Peterhof. On the occasion of the 200th anniversary of Peterhof]. St. Petersburg, 1909. (In Russian)
- Kalyazina N. V. *Lepnoy dekor v zhilom inter'yere Peterburga pervoy chetverti XVIII veka* [Stucco decoration in the residential interior of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century]. *Russkoye iskusstvo pervoy chetverti XVIII veka. Materialy i issledovaniya*. Ed. T. V. Alekseyeva. Moscow, Nauka Publ., 1974, 234 p. (In Russian)
- Kalyazina N. V., Kalyazin Ye. A. Zh.-B. Leblon [A. J.-B. Leblon]. *Zodchiye Sankt-Peterburga. XVIII vek*. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1997, 1021 p. (In Russian)
- Kalyazina N. V., Komelova G. N. *Russkoye iskusstvo Petrovskoi ehpokhi* [Russian Art of the Peter the Great era]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1990, 272 p. (In Russian)

⁴³ Н. Пино. Рельеф фронтона. Перо, серый тон // Государственный Эрмитаж. Отдел истории западноевропейского искусства. Отделение рисунков. Инв. № ОР-30655.

⁴⁴ Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49. С. 371.

⁴⁵ В 1704 году в Париже Б. Растрелли приобрел титул графа Папского государства (см.: *Архипов Н. И., Раскин А. Г. Бартоломео Карло Растрелли*. С. 11).

Malinovskiy K. V. *Bartolomeo i Franchesko Rastrelli* [Bartolomeo and Francesco Rastrelli]. St. Petersburg, Levsha Publ., 2017, 272 p. (In Russian)

Malinovskiy K. V. *Tessinskiye arkhitektory i mastera v Sankt-Peterburge. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Tessin architects and craftsmen in St. Petersburg. 18th – first half of the 19th century]. St. Petersburg, Levsha Publ., 2019, 287 p. (In Russian)

Peterhof v XVIII veke [Peterhof in the 18th century]. *Khudozhestvennyye sokrovishcha Rossii*. Vol. 2. St. Petersburg, 1902. no. 7–8. (In Russian)

Presnov G. M. *Skul'ptura pervoy poloviny XVIII veka* [Sculpture of the first half of the 18th century]. *Istoriya russkogo iskusstva*. Ed. I. E. Grabar'. Vol. 5. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 1960, 570 p. (In Russian)

Prokopovich F. *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikogo* [A short story about the death of Peter the Great]. St. Petersburg, I. Glazunov Publ., 1831, 120 p. (In Russian)

Raskin A. G. *Petrodvorets*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988, 224 p. (In Russian)

Rosh D. *Risunki Nikola Pino, prednaznachennyye dlya Rossii* [Drawings by Nicola Pino, intended for Russia]. *Staryye gody*. 1913. no. 5. Pp. 2–21. (In Russian)

Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Diplomaticeskaya perepiska frantsuzskikh poslannikov i agentov pri russkom dvore]. [Collection of the Imperial Russian Historical Society [Diplomatic correspondence of French envoys and agents at the Russian court]]. Vol. 49. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1885, 427 p. (In Russian)

► К ВОПРОСУ О ФИНАНСИРОВАНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА В СТРЕЛЬНЕ В 1721–1724 ГГ.

АШИХМИН АЛЕКСЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ

Специалист по музейным исследованиям,
ГМЗ «Петергоф»

198516, Российская Федерация, Санкт-
Петербург, Петергоф, ул. Разводная, 2

alexseyashihmin@mail.ru

Традиционно считается, что Петр I потерял интерес к Стрельне в 1721 году. Однако имеющиеся данные позволяют говорить, что ее обустройство продолжалось и позже. В статье сделана попытка определить статус стрелнинской стройки по финансовым документам. Основные источники представлены в фонде Канторы от строений его императорского величества домов и садов (Канцелярии городских дел, Канцелярии от строений), хранящемся в Российском государственном историческом архиве (ф. 467). В статье использованы как общая документация, так и специальные дела по Петергофу и Стрельне. В начале рассмотрена актуальная историография вопроса. Так как авторы почти не касались финансовой стороны проблемы, предложено изучить ее и сравнить денежное обеспечение резиденций. Оно осуществлялось через Канцелярию от строений, которая вела строительство. Ее материальное состояние в указанное время было довольно тяжелым: из-за постоянных недоимок расчеты за материалы и выполненные работы приходилось задерживать. Но она продолжала выделять средства на Стрельну и только в 1724 году значительно сократила поступления. Финансирование Петергофа проследить сложнее, так как недостаточно полно сохранились приходно-расходные книги, которые велись комиссарами Канцелярии. Тем не менее, имеющиеся данные позволили сравнить положение Стрельны и Петергофа. С некоторыми оговорками можно констатировать, что снабжение велось примерно в равной мере.

Ключевые слова: Канцелярия от строений, Стрельна, Петергоф, учетная документация, Петр I.

► ON THE FINANCING OF CONSTRUCTION IN STRELNA 1721–1724

ALEKSEI ALEKSEEVICH
ASHIKHMIN

Specialist of Museum Studies,
Peterhof State Museum-Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russian Federation

alexseyashihmin@mail.ru

It is traditionally accepted that Peter I lost interest in Strelna in 1721. However, the available evidence suggests that its development continued later. The article makes an attempt to determine the status of the Strelna construction by financial documents. The main sources are represented in the fonds of the Office for the Constructions of His Imperial Majesty's Houses and Gardens (Chancery of City Affairs, Chancery for Constructions) kept at the Russian State Historical Archive (coll. 467). The article uses both general documentation and special files on Peterhof and Strelna. At the beginning we consider the current historiography of the issue. Since authors have hardly touched the financial side of the problem, we propose to study it and compare the money supply of the residences. It was carried out through the Chancery of Constructions, which administered the project. The economic condition of the Chancery at that time was quite difficult. Because of constant shortfalls, payments for materials and work performed had to be delayed. But it continued to allocate funds to Strelna, and only in 1724 significantly reduced the receipts. It is more difficult to trace the financing of Peterhof, as account books have not been preserved in full. Nevertheless, the data available makes it possible to compare the situation of Strelna and Peterhof. With some reservations we can state that the supply was carried out in approximately equal measure.

Keywords: Chancery of Constructions, Strelna, Peterhof, accounting documentation, Peter I.

К концу жизни Петра I Петергоф стал главной императорской резиденцией, но этот статус он получил далеко не сразу. Долгое время Петр I видел в этом качестве Стрельну. Современники ожидали, что дворец в Стрельне по проекту архитектора Н. Микетти будет «едва ли не великолепнее Версальского во Франции»¹. Его строительство и обустройство парка вокруг превышало по своим масштабам стройки в Петергофе. Но в какой-то момент все поменялось: деятельность в Стрельне стала затихать, и император переключил свое внимание на Петергоф.

¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 142.

В современной историографии утвердилось мнение, что намерения Петра I изменились в 1721 году, когда он осознал удобство подведения воды к Петергофу². Основные аргументы в пользу этого представлена у С. Б. Горбатенко. Он полагает, что объем работ в Стрельне оказался слишком большим и трудозатратным, поэтому Петр I решил бросить все силы на строительство Петергофа. Будучи сначала в качестве личной резиденции царя, постепенно он приобрел масштаб государственной. При этом, как замечает сам исследователь, работы в Стрельне прекратились лишь в августе 1724 года, когда Петр I окончательно «устал» от Стрельны. В 1722–1723 годах строительство продолжалось, но уже замедленными темпами³.

Иной взгляд на проблему предложил В. Г. Долбнин. Он представил архивные документы, из которых видно, что работы не только не замедлились, но и шли полным ходом. Ключевой момент в судьбе Стрельны — отъезд главного архитектора Н. Микетти. Осенью 1723 года он покинул Россию несмотря на то, что у него еще не закончился контракт. В. Г. Долбнин не нашел явной причины для его отъезда, но связал это обстоятельство с большой политикой между Петром I и римскими кардиналами⁴.

Искусствовед С. О. Андросов уточнил причины отъезда Н. Микетти. Начиная с 1721 года, он информировал Рим о делах католической общины в Петербурге. Также возможно, что он напрямую участвовал в них, за что получал жалование и поэтому его возвращение в Россию оказалось нежелательным. По поводу строительства в Стрельне С. О. Андросов соглашается с С. Б. Горбатенко и В. В. Ефимовым⁵. Статью последнего стоит разобрать подробнее.

Заместитель главного архитектора Государственного Эрмитажа В. В. Ефимов обратил внимание на упущенный другими исследователями факт: земли к югу и востоку от Стрельны ниже по уровню моря, чем место самого дворца и предполагаемых «водных утех». Данное обстоятельство могло привести к значительному удорожанию работ при создании водоподводящей системы. На этот факт Петру I, якобы, указал Б. Х. Миних, что вместе с началом работы петергофского водовода вызвало перемены в настроениях императора⁶.

Однако все же представляется маловероятным, что Миних заметил то, что не заметили такие известные архитекторы как Ж.-Б. А. Леблон и Н. Микетти (а кроме них, возможно еще венецианские «механисты» и сам Петр I). Они постоянно занимались проектированием и строительством ансамбля, и должны были изучить прилегающую территорию. Б. Х. Миних же, судя по имеющимся свидетельствам, посещал Стрельну и Петергоф лишь проездом по пути в Кронштадт. Нет достоверных свидетельств и того, что он занимался устройством резиденции Петра I так же, как Кронштадтом и Ладожским каналом⁷.

² Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2008. С. 127–129; Терентьев А. С. Дворец Петра I в Стрельне. Очерк-путеводитель. СПб., 2018. С. 16; Чернобережская Е. П. Стрельна и Петергоф: подробный путеводитель. СПб., 2008. С. 17, 116.

³ Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. С. 127–129.

⁴ Долбнин В. Г. История Стрельны. СПб., 2007. С. 32–33, 75–87.

⁵ Андросов С. О. Архитектор Никола Микетти и другие католики в Петербурге (1721–1723 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 58: Петровское время в лицах — 2011: материалы. науч. конф. СПб., 2011. С. 41–42.

⁶ Ефимов В. В. Почему не состоялся «Русский Версаль» в Стрельне // Архитектура, реставрация, дизайн и строительство. 2010. № 3. С. 77–80.

⁷ В качестве косвенного свидетельства приводят письмо Миниха Елизавете Петровне в 1746 году, которое он написал из ссылки в Пелыме. Миних проявил осведомленность в намерениях Петра относительно Петергофской дороги. Также он объединил ее в один грандиозный проект с Ладожским каналом, которым занимался по поручению Петра (Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Ист.-архит. путеводитель. СПб., 2001. С. 13). Однако даже здесь Миних не признался, что участвовал в проектировании Петергофской системы (Фельдмаршал Миних из Сибири. 1746 // Русский архив. 1865. Вып. 12. Стб. 1435–1442).

В. В. Ефимов отметил, что не были обнаружены следы трубопроводов под Стрельнинским дворцом. Однако, известно, что Ж.-Б. А. Леблон и Н. Микетти запрашивали тысячи труб для устройства фонтанов в Стрельне. Неиспользованные трубы были вывезены лишь в апреле 1724 года⁸.

В целом, представляется более приемлемой точка зрения В. Г. Долбнина, так как архивные документы 1722–1723 годов не дают нам достаточных оснований считать, что строительные работы в Стрельне затихают после 1721 года. Однако, этот исследователь не совсем последователен в своем изложении, концентрируя внимание исключительно на фигуре Н. Микетти, на что обратил внимание С. О. Андросов. Учитывая объемы работ (дворец был возведен под крышу⁹) представляется странным, что строительство Стрельны было практически заморожено из-за отсутствия главного архитектора. Если Петр I разочаровался в именно Н. Микетти, то почему он разочаровался в Стрельне вообще?

В. Г. Долбнин приводит количественные данные о масштабах строительства в Стрельне в 1720-е годы, но не заостряет на них внимание. Между тем, объем финансирования позволил бы уточнить приоритеты Петра I, сравнить с другими объектами строительства, прежде всего — с Петергофом. Если Стрельна перестала интересовать императора, это должно было отразиться на отпуске денег.

Строительство в Санкт-Петербурге требовало значительных трат. По сведениям К. В. Малиновского, Канцелярия городских дел (Канцелярия от строений) получала около 300 тысяч рублей ежегодно в 1721–1724 годах. Однако денег постоянно не хватало: в апреле 1724 года она доносила в Сенат, что все работы остановлены, так как нечем расплачиваться с подрядчиками¹⁰. Стоит подробнее рассмотреть этот момент, так как финансовое положение Канцелярии напрямую влияло на строительство в Стрельне.

14 февраля 1724 года Канцелярия отправила доношение в Сенат о необходимых средствах на свою деятельность. В приложенной справке расписано движение денег за 1723 год. Всего в приходе было 237 тыс. руб.¹¹ **1** Из них непосредственно канцелярские доходы — 126 тыс.: поступления из губерний (103 951 руб.) и займ в Камер-коллегии (22 769 руб.). Остальное — средства, отправленные по решению императора на конкретные задачи из Соляной конторы и Кабинета (98 576 руб.) и других источников (11 969 руб.)¹².

Таким образом, около половины поступивших средств (в основном из Соляной конторы) было получено сверх бюджета. Они не были включены в доношение Канцелярии, которая отчиталась только за 126 тыс. руб. Стоит отметить, что деньги из губерний пришли не только за этот год (24 125 руб.), но и за предыдущие 1718–1722 годы (79 826 руб.), причем некоторые провинции так и не рассчитались полностью¹³.

Все поступления предназначались для выдачи денежного и хлебного жалованья мастеровым, рабочим и солдатам, для закупок материалов и для подрядов на всех объектах, которыми занималась Канцелярия. К концу жизни Петра I это были уже не только Петербург и его окрестности, но также строения в Шлиссельбурге, Москве, Ревеле, Новгороде и других местах¹⁴.

Как видно из того же документа, 237 тыс. руб. оказалось недостаточно. На 1724 год остались невыплаченными 137 тыс. руб. — на жалование (116 081 руб.), а также материалы

⁸ Ефимов В. В. Почему не состоялся «Русский Версаль» в Стрельне. С. 80; Долбнин В. Г. История Стрельны. С. 47, 76.

⁹ По мнению С. Б. Горбатенко — до второго этажа (*Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. С. 167*).

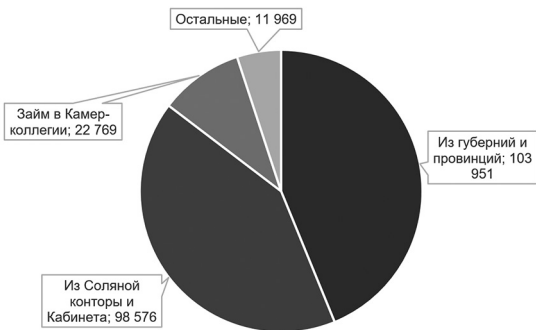
¹⁰ Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII в. СПб., 2008. С. 140.

¹¹ Здесь и далее приведенные цифры округлены до тысяч или до рублей.

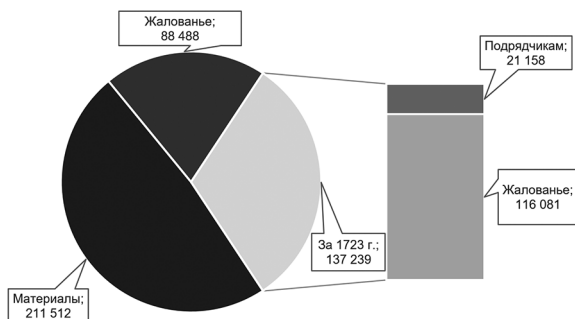
¹² Книга прихода и расхода сумм. 1724 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 121. Л. 29 об. — 30 об.

¹³ Там же. Л. 24 об. — 25, 34–35.

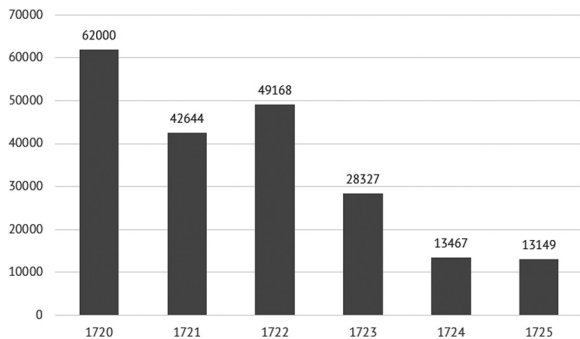
¹⁴ Там же. Л. 41–41 об.

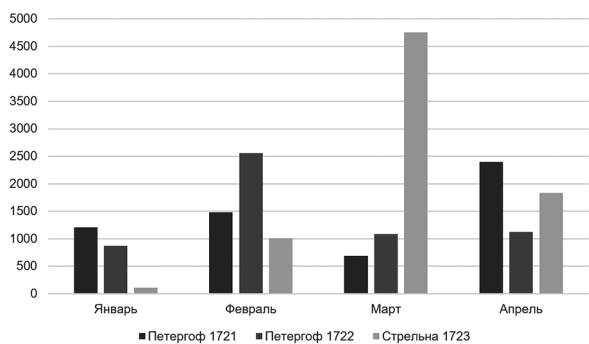
1 Приход Канцелярии от строений за 1723 год (в рублях)

2 Расход Канцелярии от строений на 1724 год (в рублях)

3 Поступления на строительство Стрельны за 1721–1725 годы (в рублях)

4 Расходы на Петергоф и Стрельну в 1721–1723 годах (в рублях)

и работы (21 158 руб.). Непосредственные расходы на 1724 год планировались в размере 300 тыс. руб. Таким образом, всего было необходимо 437 тыс. руб.¹⁵ Однако Канцелярия получила лишь 280 тысяч¹⁶.

Из-за постоянной нехватки средств Канцелярия от строений задерживала оплату работ и материалов. Например, в январе 1724 года, как только появились свободные средства, последовали указы о выплате долгов иностранным купцам, поставлявшим материалы в 1722–1723 годах, а солдаты на стройках Стрельны и Петергофа получили жалование за первую половину 1723 года¹⁷.

Касательно Стрельны и Петергофа финансовые документы фрагментарны как по хронологии, так и по категориям. Приходные и расходные книги заполняли комиссары Канцелярии от строений, которые заведовали строительством на этих объектах. С 1721 года комиссаром Петергофе был Степан Карпович Павлов, а в Стрельне — Иван Бачманов¹⁸.

Возможно, именно благодаря ему документация по Стрельне сохранилась в лучшем состоянии: у нас в распоряжении имеются приходно-расходные книги за 1723 год, частично за 1722, 1724 годы, приходные книги за 1721–1725 годы¹⁹. По Петергофу известны расходные книги за 1719–1722 годы. В основном они посвящены отдельным категориям: на закупку строительных материалов²⁰, оплату подрядчиков²¹ и жалование рабочих людей²². Сводная за 1722 год включает в себя расплату с подрядчиками за поставку материалов и работы²³.

Полноценные годовые приходно-расходные книги в Канцелярии от строений появляются в обороте лишь в 1723 году. Это связано с тем, что в апреле 1722 года был издан первый документ с подробными инструкциями и образцами по ведению учета — «Регламент Адмиралтейства и верфи». Несмотря на свой локальный характер, он повлиял на процессы и в других учреждениях²⁴. Раньше учет велся методом простой записи, когда в одном счете помещались отметки о приходе и расходе. Новый Регламент ввел метод двойной записи: отдельно приход (дебет), отдельно расход (кредит)²⁵. В ноябре 1722 года по сенатскому указу все коллегии и другие органы управления (в том числе Канцелярия от строений) должны были следовать Адмиралтейскому регламенту²⁶.

¹⁵ Книга прихода и расхода сумм. Л. 31–33.

¹⁶ Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII в. С. 140.

¹⁷ Письма, касающиеся до строений с 1710 по 1730 год и без годов // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 57. Л. 293, 297–299.

¹⁸ Книга 18 А. Дела Канцелярии городских дел за 1721 г. № 1–168 // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 18 А. Л. 411; Книга 12 В. Дела Канцелярии городских дел за 1721 г. № 119–209 // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 12 В. Л. 1381.

¹⁹ Рапорты о приходе денег на строительство. 1723 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 934; Реестр расхода сумм на строительство. 1724 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 939.

²⁰ Книга прихода и расхода строительных материалов. 1721 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 821.

²¹ Книга прихода и расхода сумм на работы по строительству. 1721 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 820.

²² Дело о распределении мастеровых и рабочих людей по объектам строительства, выплате им жалования и разрешении поездки на родину за семьями. 1725–1730 гг. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 841; Раздаточная книга и донесения стрельнинской Канцелярии о числе работавших из разных полков и гарнизонов сержантов, капралов, солдат и мастеровых людей. 1725 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 943.

²³ Книга прихода и расхода сумм на строительство. 1722 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 829.

²⁴ Соколов Я. В. 300 лет бухгалтерскому учету в Санкт-Петербурге // Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге. 1703–2003. М., 2003. С. 41; Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII в. С. 144.

²⁵ Platonova N. Accounting and the Reforms of Government in Eighteenth-Century Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2017. Vol. 65. no. 2. Pp. 210–212.

²⁶ О содержании в коллегиях счетных книг по приложенным к Регламенту Адмиралтейства формам // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. С. 792. № 4125.

Очень хорошо переход на новую систему отчетности виден на примере самого любопытного документа из имеющихся в нашем распоряжении. В 1729 году были собраны стрельнинские приходные книги за 1721–1725 годы²⁷. Книги за 1723–1725 годы составлены уже по новому формуляру, за предыдущие годы записи представлены сплошным потоком по хронологии. Тем не менее, во всех случаях отражены источники поступления и цели. Суммы приходили из средств Канцелярии и Соляной конторы. Как мы уже упоминали выше, деньги Соляной конторы считались отдельно и не всегда включались в бюджет Канцелярии.

Например, в феврале 1722 году из Соляной конторы поступило 10 тыс. рублей, которые были израсходованы к середине марта. Бачманов не включил эти деньги в итог за год, так что по его подсчетам получилось 39 тыс. руб. вместо 49. Однако это никак не было мотивировано, и, судя по отдельной книге, расход дополнительных 10 тысяч ничем не отличался от остальных расходов²⁸. Поэтому мы учли и эти траты за 1722 год.

Как видно из графика, работы в 1722–1723 годы требовали сопоставимых сумм по сравнению с 1721 годом. Конечно, они были меньше, чем сумма, выделенная в 1720 году²⁹, но существенное падение произошло лишь в 1724 году. Оно уже намечалось годом ранее, однако учитывая финансовые трудности в Канцелярии, можно считать, что тогда объем работ не сократился. Также стоит отметить, что в 1724 году в источниках поступления указана только Канцелярия, император перестал выделять средства из Соляной конторы³⁰.

К сожалению, относительно Петергофа мы имеем лишь спорадические указы о выделении сумм на строительство. Причем в 1723–1724 годах выплаты не разделяются по объектам, деньги назначаются сразу на все работы, в том числе и на Стрельну³¹.

Благодаря аккуратности И. Бачманова, мы можем выделить долю Стрельны в этих указах за 1723 год. В августе Петр I определил выдать из Соляной конторы «к питергофским и другим работам» по 10 тыс. руб. в августе и сентябре³². В рапорте И. Бачманова указано, что в эти месяцы в приходе в Стрельну было 7 и 6 тыс. соответственно, то есть более половины средств, полученных Канцелярией от строений от Конторы³³.

Наконец, как уже упоминалось выше, сохранились приходно-расходные книги петергофских комиссаров В. С. Ельчанинова и С. К. Павлова за 1719–1722 годы. Нас интересуют книги последнего³⁴. Они не так информативны, как рапорты И. Бачманова за 1723 год³⁵, тем не менее, и в петергофских, и в стрельнинских расходных книгах отражены повседневные траты на материалы, работу подрядчиков и выплаты жалованья

²⁷ Книга приходная великого государя денежной казне приему комиссара Ивана Бачманова, которая принималась из Соляной конторы, из Канцелярии от строений на расходы в Стрелину, а именно 1721–1725 гг. // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 27 А. Л. 313–324, 332.

²⁸ Там же. Л. 325–332.

²⁹ Если верить У. А. Сенявину, тогда обер-комиссару Канцелярии, она составила 62 тыс. руб. (Высочайшие повеления. 1706–1740 гг. // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 33).

³⁰ Книга приходная его императорского величества денежной казне генваря с ... дня сего 724-го году по указам из Канцелярии от строений // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 27 А. Л. 321.

³¹ Дело о поставках материалов и подрядах на работы по строительству. 1719–1729 гг. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 813. Л. 17; Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 98. Л. 103; Контора от строений е. и в. домов и садов. 1723 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 36 Б. Л. 258–259; Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 107. Л. 197.

³² Письма, касающиеся до строений с 1710 по 1730 год и без годов. Л. 260.

³³ Рапорты о приходе денег на строительство. 1723 г. Л. 54 об., 66 об.

³⁴ Книга прихода и расхода сумм на работы по строительству. 1721 г.; Книга прихода и расхода строительных материалов. 1721 г.; Книга прихода и расхода сумм на строительство. 1722 г.

³⁵ Рапорты о приходе денег на строительство. 1723 г.

мастеровым. Поэтому вполне возможно сравнить расходы на Стрельну и Петергоф в 1721–1723 годах. **4**

Конечно, такое сравнение имеет свои условности, главная из которых заключается в том, что имеющиеся книги не синхронны. Кроме того, из данных за 1721 год можно извлечь суммы только за январь–апрель, так что остальные года мы также ограничились первой третью. Наконец, формат ведения петергофских книг вполне допускает ошибки в расчетах.

Как видим, расходы на строительство в Стрельне в 1723 году вполне сопоставимы с тратами на Петергоф в начале 1721 года, когда шла постройка Ропшинского канала, и с тратами в 1722 году, когда началось активное переустройство петергофского парка в соответствии с новыми приоритетами. В марте траты на Стрельну оказались даже больше: 1500 рублей было выплачено подрядчику, устроившему Круглый канал.

Таким образом, мы можем сказать, что вплоть до 1724 года Стрельна не теряла важности в глазах Петра I, так как на нее шли соразмерные деньги — примерно те же, что и на Петергоф. Из приведенных данных можно видеть, что несмотря на финансовые трудности в государстве и, в частности, в Канцелярии от строений, которая руководила главными стройками, на Стрельну выделяются значительные суммы. В 1722–1723 годах они порой даже превосходят средства, отпускаемые на Петергоф.

Однако стоит оговориться, что недостаточная сохранность финансовых документов и принципы их ведения могли повлиять на такой расклад. Петр I лично руководил строительством в Петергофе. Практически каждые полгода в 1721–1724 годах он составлял списки задач по его обустройству³⁶. Возможно, такое активное участие усложняло работу по отчетности, в то время как в Стрельне все шло более спокойно. Тем не менее, и за ее строительством император наблюдал, насколько это было возможно.

Серьезные изменения начались в 1724 году. Н. Микетти не вернулся в Россию, хотя в письмах еще выражает надежду на возобновление работ. Фонтанные трубы вывозятся с формулировкой: «понеже в Стрелиной фонтаны еще не скоро начнутца делать». Строительство дворца и парка практически стоит на месте: крышу пытались возвести вплоть до 1727 года, но в итоге работы законсервировали. И если Петр I еще мог иметь намерение довести Стрельну до законченного состояния, после его смерти это стало практически невозможно³⁷.

REFERENCES

Androsov S. O. *Arkhitektor Nikola Miketti i drugie katoliki v Peterburge (1721–1723 gg.)* [Architect Nicola Michetti and Other Catholics in Petersburg (1721–1723)]. *Translations of the State Hermitage Museum. LVII. Personalities from Peter the Great's Time – 2011: To Mark the 30th Anniversary of the State Hermitage Museum Department "Menshikov Palace" (1981–2011). Proceedings of the Conference*. St. Petersburg, the State Hermitage Publ., 2011. Pp. 34–43. (In Russian)

Bergholz F. V. *Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Vil'gel'ma Berkhol'tsa, 1721–1726* [Journal by Kammerjunker Friedrich Wilhelm von Bergholz]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2018, 863 p. (In Russian)

Chernoberezhskaya E. P. *Strel'na i Petergof: podrobnii putevoditel'* [Strel'na and Peterhof: Comprehensive Guide]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2008, 475 p. (In Russian)

³⁶ 1) Пункты от 29 августа 1721 г. (Что надлежит делать в Петергофе и доделать // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 48–51); 2) Пункты от марта 1722 г. (Копия с пунктов, писанных о строении его императорского величества рукой // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 61–66); 3) Пункты от января 1723 г. (Копия с пунктов, писанных собственной его императорского величества рукой, которые даны в прошлом 721-м году августа 29-го, да октября 8-го чисел в Петергофе, да на Олонецких Петровских заводах в прошлом 722-м году в марте месяце // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 37 Б. Л. 744–747); 4) Пункты от 13 июня 1723 г. (Что надлежит сделать к Петрову дню в Петергофе // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 54–56); 5) Пункты от 24 января 1724 г. (Подробный рапорт подполковника Козлова и капитана Румянцева о тех работах, которые лично им указал сделать Петр I // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 836. Л. 1–3 об.).

³⁷ Долбнин В. Г. История Стрельны. С. 76, 86–88.

Gorbatenko S. B. *Arkhitektura Strel'ny* [Strelna Architecture] St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2008, 376 p. (In Russian)

Gorbatenko S. B. *Peterhofskaya doroga. Ist.-arkhit. putevoditel'* [Peterhof Road: Historical and Architectural Guide]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2001, 445 p. (In Russian)

Dolbnin V. G. *Istoriya Strel'ny: (dvortsovo-parkovyi ansambl', Troitse-Sergieva pustyn', mosty i kanaly)* [History of Strelna: (Palace and Park Ensemble, the Trinity-Sergiyev Monastery, Bridges and Canals)]. St. Petersburg, VEDA Publ., 2007. (In Russian)

Efimov V. V. *Pochemu ne sostoyalsya «Russkii Versal'» v Strel'ne* [Why the “Russian Versailles” in Strelna did not Succeed]. *Architecture, Restoration, Design and Construction*. 2010. no 3. Pp. 77–80. (In Russian)

Malinovskii K. V. *Sankt-Peterburg XVIII v.* [St. Petersburg in 18th c.]. St. Petersburg, Kruga Publ., 2008, 573 p. (In Russian)

Platonova N. V. Accounting and the Reforms of Government in Eighteenth-Century Russia. *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*. 65. no. 2 (2017). Pp. 200–238.

Sokolov Ya. V. 300 let bukhgalterskomu uchetu v Sankt-Peterburge [300 Years of Accounting in St. Petersburg]. *Accounting in St. Petersburg, 1703–2003*. Moscow, Yuridichesky Center Press, 2003. Pp. 11–12. (In Russian)

Terentyev A. S. *Dvorets Petra I v Strel'ne. Ocherk-putevoditel'* [The Palace of Peter I in Strelna. Essay-Guidebook]. St. Petersburg: The Peterhof State Museum-Reserve Publ., 2018, 78 p. (In Russian)

► ХЕНДРИК ВАН БРУМКОРСТ
(HENDRIK VAN BRUNKHORST)
ГОЛЛАНДЕЦ «ЛАКОВАГО,
ЗОЛОТАРНОГО, МОЛЯРНОГО
И ОКОННИШНОГО ДЕЛА
МАСТЕР» В РОССИИ

МАКАРОВ БОРИС СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат физико-математических наук,
независимый исследователь

makarov197373@yandex.ru

На основе большого количества ранее не введенных в научный оборот архивных документов, представлена биография голландского «лакового» мастера Хендрика Ван Брумкорста. Сделана попытка доказательства его авторства Лакового кабинета в Монплезире.

Ключевые слова: лаковый кабинет в Монплезире, Канцелярия от строений, Адмиралтейская Коллегия, мастер, лаковое, молярное, оконничное, мраморное дело и позолота.

► HENDRIK VAN BRUNKHORST,
DUTCHMAN “LACQUER,
GILDING, MOLAR AND
WINDOW-MAKING MASTER”
IN RUSSIA

BORIS SERGEEVICH MAKAROV

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Independent Researcher

makarov197373@yandex.ru

Based on a large number of archival documents not previously introduced into scientific circulation, the biography of the Dutch “lacquer” master Hendrik Van Brunkhorst is presented. An attempt has been made to prove his authorship of the Lacquer Cabinet in Monplaisir.

Keywords: lacquer cabinet in Monplaisir, Office of buildings, Admiralty Board, master, lacquer, molar, window, marble and gilding.

С 1686 по 1700 год, при Патриаршем дворе в Москве, работал ювелир Генрих Брумкорстин (Hendrik Van Brunkhorst)¹. На наш взгляд, ювелир и лаковый мастер — это тезки, отец и сын. Рассмотрим аргументы, которые косвенно доказывают сделанное предположение. В церковных метрических книгах Амстердама отмечено, что у Jacoba Van Brunkhorsta в 1629 году родился сын Hendrik. Он умер там же в 1666 году² (эта информация получена из интернета). Старший брат Хендрика, Jacobs был полным тезкой отца. Можно предположить, что работавший в Москве ювелир Брумкорст является сыном Хендрика, по семейной традиции — полный тезка своего отца. На основе анализа всех известных мне архивных документов, можно предположить, что лаковый мастер родился в Голландии в 1670–1675 году. Так, в 1713 году наиболее уважаемые члены Голландской общины в Санкт-Петербурге направили письмо Генеральным Штатам с просьбой прислать лютеранского пастора в Северную столицу. Это письмо подписали: Henderik van Bronkhorst (лаковый мастер), Johannes Brower (купец), Bartholomeus Borst (купец)³. В 1718 году в документах Голландской реформатской церкви отмечен дьякон Henderik van Bronkhorst (deacon)⁴. Очевидно, что человек моложе 30–40 лет не мог быть тогда ни уважаемым членом голландской общины в Санкт-Петербурге, ни тем более дьяконом. Косвенным подтверждением предположения о том, что лаковый мастер с раннего детства жил в России, служит тот факт, что все документы он писал на хорошем русском языке (если бы это были переводы, то, в соответствии с бюрократическими правилами того времени, под документом обязательно бы указывалось имя переводчика).

¹ Ковригина В. А. Немецкая слобода и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 89–90.

² Groenburgwal Archief van de Schepenen: kwijscheldingsregisters Transportakten voor 1811. NL-SAA-21681793.

³ Голландцы и их церковь в Санкт-Петербурге, 1704–1927. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 70–71.

⁴ De Hollandse Hervormde Kerk in Sint-Petersburg. 1713–1927 / Bezorgen door Holtrop P. N., van Staalduine Th. J. S. Dell 1. Kampen, 2003. P. 40.

В книге В. И. Расторгуева указано, что «лакового, мраморного дела мастер» Хендрик Ван Брумкорст с 1700 по 1710 год работал в Воронежском и Тавровском Адмиралтействах⁵. Он занимался там внутренним убранством кораблей: покрывал лаком и искусственным мрамором часть их декора «писал мраморным и лаковым письмом»⁶. 17 июня 1708 года Хендрик Ван Брумкорст требует материал к «лаковому» делу на «на яхте и на малой прохладной карабель»⁷. Таким образом, сделанные И. Н. Ухановой предположения о том, что в Санкт-Петербурге Хендрик Ван Брумкорст «находился с первых лет его строительства» и что он был приглашен в Россию во время Великого посольства⁸, представляются ошибочными.

В 1710 года голландский лаковый мастер был переведен в штат Санкт-петербургского Адмиралтейства. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота не удалось найти каких-либо документов о его работе в Адмиралтействе между 1710 и 1722 годами. В эти же годы, Хендрик Ван Брумкорст с учениками довольно много работал на стороне — на объектах Канцелярии Городовых дел. Например, в 1717 году они в Зимнем дворце и в Царском Селе: «рамы золотили и серебрили; часы ореховые лаком делали, стол починивали в верхней и нижней полатах; в Сарской мызе работали»⁹. В 1718 году они же ремонтировали несколько шкатулок жены Петра I¹⁰.

Одним из главных событий в жизни голландского лакового и мастера, и его учеников стало создание ими Лакового кабинета в Монплезире. История Лакового кабинета изложена в нескольких опубликованных работах¹¹. По этой причине, я приведу только новую информацию о нем, найденную во вновь вводимых в научный оборот архивных документах. Прежде всего, попробуем разобраться — кто же был автором идеи и проекта Лакового кабинета? Возможны следующие кандидатуры: сам Петр I, архитектор И. Браунштейн, «резного дела» мастер француз Мишель, Хендрик Ван Брумкорст. Общеизвестно, что работы по созданию Лакового Кабинета начались в 1720 году, когда Монплезир был уже практически построен. Это исключает авторство Петра I, который, обычно, перед началом строительства (начало строительства Монплезира — 1714 год), давал устные указания, или делал грубые наброски проектировавшихся объектов¹². В многочисленных документах, подписанных И. Браунштейном, в которых он просит вернуть ему вычтенные из его жалованья деньги «за перестройку сводов» дворца царя Петра I в Кронштадте¹³, он никогда не упоминал о своем авторстве такого знаменитого объекта, как Лаковый кабинет. 4 июне 1721 года Хендрик Ван Брумкорст, «к питергофскому Кабинету, которой он мастер кроет лаком», потребовал «резные штуки». Их, «по подряду мастера Мишеля, резал мастер Фолес»¹⁴. Отсюда следует, что

⁵ *Расторгуев В. И.* Воронеж — родина первого Адмиралтейства России. Воронеж, 2007. С. 163.

⁶ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 5. 1729. Д. 47. Л. 72.

⁷ Дела Приказа большой казны Азовской приказной палаты и царского шатра в Воронеже // РГА ВМФ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 21. Л. 141.

⁸ *Уханова И. Н. Г.* Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века») // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. М., 1977. С. 176.

⁹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1717. Д. 18. Л. 27–30.

¹⁰ Канцелярия адмирала К. Крюйса (1698–1727) // РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. 1718. Д. 10. Л. 154–154 об.

¹¹ *Уханова И. Н. Г.* Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века»). С. 174–179; *Петрова А. Н., Петрова Е. Н., Раскин А. Г., Архипов Н. И.* и др. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 394–398.

¹² *Грбачев И. Э.* Основание и застройка Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 108–111.

¹³ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. 1725. Кн. 48. Ч. II. Л. 899.

¹⁴ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Июнь 1721. Кн. 17а. Л. 94.

на изготовление деревянного резного декора Лакового кабинета были объявлены торги. Мишель участвовал в торгах и, совместно с мастером Фолесом, выиграл их. Следовательно, идея Лакового кабинета принадлежала не ему. В документе нет упоминаний о Браунштейне, хотя, если бы он был автором проекта, то, по законам того времени, обязательно осуществлял бы авторский надзор за работами. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что идею и проект создать Лаковый кабинет в Монплезире предложил Петру I Хендрик Ван Брумкорст. Возможно, лаковый мастер сделал все или часть эскизов резного и живописного декора. В прошении от 27 сентября 1744 года «лакового дела» подмастерья Ивана Попова о назначении его на место умершего Хендрика Ван Брумкорста (см. далее) написано: «Из которых работ лаковым искусством росписывал он в 722 и в 723 годех по рисункам ево, Брумкорста, в Питергофе в Момплезире подле зала по правую сторону от саду Кабинет, а в Адмиралтействе — водяные суда, а протчие работы и до ныне исправляет»¹⁵. Из этого важнейшего документа следует, что Хендрик Ван Брумкорст не только нес ответственность «за материалы, расходуемые в процессе работы» и за «чисто технологические процессы. Он особенно тщательно проверял, например, обработку досок «глажением»¹⁶, как написано в статье И. Н. Ухановой. Голландский мастер делал эскизы росписей Лакового кабинета и, вероятно, собственноручно выполнял часть работ.

Можно сделать осторожное заключение о том, что Хендрик Ван Брумкорст, на свой страх и риск и по своему проекту, предложил Петру I создать Лаковый кабинет силами бригады, состоящей из него самого и его учеников. Царь согласился, предварительно осмотрев образцы работ самых опытных «лаковых» учеников — Перфилия Федорова и Ивана Тихонова. Эти образцы понравились Петру I. Он приказал взять их «в дом Своего величества», а учеников повысить до подмастерьев¹⁷. Отсюда становится понятным, почему торги проводились только на резные работы в Лаковом Кабинете. Проект и все работы, за исключением резьбы по дереву, выполнил сам лаковый мастер с учениками. При этом всем им выплачивалось жалованье от Адмиралтейства, хотя работы в Петергофе проводила Канцелярия городских дел. Зачем это потребовалось Хендрику Ван Брумкорсту? Он ведь многим рисковал: если бы результат не понравился императору, то дело окончилось бы его увольнением. В 1720 году всем было ясно, что Северная война уже заканчивается, поэтому надобность в строительстве большого количества кораблей отпала, как и надобность в иностранном специалисте по их отделке (в это время появились уже русские «лакового дела мастера» — см. ниже). В 1723 году последовал логичный указ: «лаковое дело в Адмиралтействе на караблях и на галерах, и на мелких судах не употреблять и в Адмиралтействе лаковому мастеру не быть»¹⁸. В этом же документе упомянут русский «лакового дела мастер» Афонасий Колпаков. В штате Канцелярии от строений в 1720 году находился живописец Иван Жеребцов. Он был конкурентом Хендрика Ван Брумкорста в «золотарном деле», поскольку в июле 1720 года покрывал позолотой решетку Петергофского сада, изготовленную французом слесарного дела мастером Белиным¹⁹. В 1718 году в Санкт-Петербург прибыл «мармулир» (каменщик, инженер-строитель — Б. М.) Иоганн Кристиан Ферстер. В частности, он отделявал искусственным мрамором одну из комнат в Ораниенбаумском дворце светлейшего

¹⁵ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Октябрь 1744. Д. 251. Л. 285–288 об.

¹⁶ Уханова И. Н. Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века). С. 178–179.

¹⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Март 1733. Д. 117. Л. 6–7 об.

¹⁸ Канцелярия адмирала К. Крюйса (1698–1727) // РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. 1724. Д. 21. Л. 140.

¹⁹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. 1720. Часть 1. Кн. 10 в. Л. 609–611.

князя А. Д. Меншикова²⁰. Таким образом, в начале 1720-х годов Хендрик Ван Брумкорст не был уникальным специалистом. Для того чтобы остаться на русской службе, а также для успешной карьеры ему срочно требовалось как-то выделиться среди своих коллег — конкурентов. Именно по этой причине, на мой взгляд, голландский лаковый мастер и придумал Лаковый кабинет.

Вместе с Хендриком Ван Брумкорстом, в Монплеzure работали: лакового дела подмастерья Перфилий Федоров, Иван Тиханов ученики: Иван Поляков, Иван Никифоров, Иван Вешняков, Василий Федоров, Дмитрий Михайлов, Василий Нефимов, Степан Головцин, Кирилл Завьялов, Ларион Никитин, Авдей Афонин. «Которые работали лаковою китайскою работаю, писмом и золочением Кабинет в Питергофе в доме Его царского величества (...) прошлого 720 году с 26 февраля, по 28 число сего 722 году»²¹.

Блестяще выполненные работы по созданию Лакового кабинета дали свой результат. Еще до их окончания, 26 января 1722 года, Петр I приказал перевести Хендрика Ван Брумкорста в ведомство Канцелярии городских дел (см. Приложение № 1)²². Из этого документа следует, что до 1724 года голландский «лакового дела мастер» жил и работал в здании Санкт-Петербургского Адмиралтейства. Директор Канцелярии городских дел У. А. Сенявин, его заместитель и брат Ф. А. Сенявин потребовали от Адмиралтейской коллегии временно оставить Хендрика Ван Брумкорста на старом месте житья и работы. Мотивация такого требования состояла в том, что, при переезде, могут быть повреждены «штуки резныя, той работы, мелкия» (см. Приложение № 1) — детали Лакового кабинета. Кроме того, не был урегулирован вопрос о том, с какого дня лаковый мастер и его ученики должны получать жалованье из Канцелярии городских дел. Из документа, приведенного в Приложении № 1, становится понятной технология изготовления Лакового кабинета: резной декор и пластины дерева покрывались позолотой и расписывались лаком в мастерских Адмиралтейства, а затем перевозились и монтировались в Петергофе. Руководство Адмиралтейской Коллегии, сразу после указа о переводе Хендрика Ван Брумкорста с учениками в Городовую канцелярию, отдало бывшую квартиру голландского лакового мастера вдове шаутбенахта (контр-адмирала) Боциса «Полинарии» (см. Приложение № 1). Для того, чтобы этот перевод начал осуществляться, потребовался повторный указ. В мае 1722 года, находясь на Адмиралтейской верфи, «изустно» приказал: голландскому лаковому мастеру «в Адмиралтейской верфи адмиралтейской и корабельной работы делать не указал, а указал отправлять партикулярные Его величества работы в Петергофе и в Стрелиной мызе, и в Летнем Его императорского величества доме (Летнем дворце Екатерины I — Б. М.)». Кроме того, по тому же «изуственному» указу он должен был быть переведен «с принадлежащими ево инструментами, которые ныне у него обретаютца» в ведение Канцелярии от строений²³. В промемории из Адмиралтейской коллегии в Канцелярию от строений было указано: «по указу Его императорского величества, двор, в котором оный мастер отправляет лаковое дело, отдан во владение бывшего штаутбенахта Боциса жене вдове ево Полинарии. И, с того двора, велено ево вывести. А в Адмиралтейской крепости в мастерские ево уместить невозможно, о чем он и сам показал изустно. Его императорское величество указал, что ему внутри Адмиралтейства Его императорского величества оной работы определить

²⁰ Павлова М. А. 1) Ферстер (Ферштер) Иоганн (Яган) Кристиан Förster // Три века Санкт-Петербурга. Осмнадцатое столетие: Энциклопедия. СПб., 2001. Кн. 2. С. 453; 2) Архитектор Иоганн Крестьян Ферстер и его деятельность // Петербургские чтения — 97: материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб., 1997. С. 55–57; Макаров Б. С. Иоганн Кристиан Ферстер — «отец» русского цемента // Российская Академия наук. Музей Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11. СПб., 2018. С. 1–31.

²¹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1722. Д. 28. Л. 613.

²² Там же. Ф. 467. Оп. 4. 1722. Д. 137. Л. 406–407.

²³ Там же. Ф. 467. Оп. 5. 1722. Д. 33. Л. 160–161.

не указал. А, кроме Адмиралтейства, одного мастера от Адмиралтейц Коллегии вести некуда. И потому, надлежит одного мастера принять и квартиру ему, для ево мастерства, дать от Канцелярии Городовых дел. И директору Ульяну Акимовичу Синявину, о приеме одного мастера и о даче ему квартиры, учинить по Его императорского величества указу. Майя 23 дня 1722 года. Обер-секретарь Тормасов»²⁴.

Кроме того, Адмиралтейская коллегия в специальной «промемерии» потребовала от Канцелярии от строений, чтобы она, в случае если «в Адмиралтействе, при яхтах и других делах случитца быть временная лаковая работа и когда потребуецца к Адмиралтейству для дела лаковой работы, то одного мастера Его величество указал брать от Канцелярии от строеней»²⁵. В ответе руководство Городовой канцелярии написало, что готово принять Хендрика Ван Брумкорста в свой штат и предоставить квартиру, при условии, что жалованье он и его ученики будут получать от Адмиралтейской коллегии²⁶. Реально, перевод из одного ведомства в другое сдвинулся с места только в начале июня 1722 года, после направления в Городовую канцелярию «вторичного указа» из Адмиралтейской коллегии. В нем, в частности, было написано, что Адмиралтейская коллегия будет выплачивать жалованье Хендрику Ван Брумкорсту и его ученикам: «до состоявшегося Его императорского величества указа, которой о том состоитца впред, дано будет на щет Его величества Кабинета от Адмиралтейской Коллегии»²⁷. 16 июня того же года, Хендрик Ван Брумкорст осмотрел предложенный ему для жилья и «отправления лакового дела» участок и дом, где прежде жил «архитект Матерनावий». Он потребовал капитально отремонтировать все строенья и отметил, что, «в бытность большой воды в тех хоромах бывает воды на 5 фут, потому что место ниско»²⁸. И. Н. Уханова, в своей статье, указала адрес этого дома: «Миллионная улица дом под номером 36»²⁹. Ремонт и перевозка «лаковых» мастерских из Адмиралтейства в новые помещения длились до начала лета 1724 года³⁰. Они располагались в 8 отапливаемых комнатах³¹. Лаковый мастер и его ученики начали получать жалованье из Канцелярии от строений только с 1 января 1724 года³². Длительный, более года, процесс переезда привел к тому, что работа «Лаковых» мастерских была почти парализована. Об этом, 21 октября 1723 года, писал сам Хендрик Ван Брумкорст: «ныне лаковой работы у него никакой не имеетца и ученики, которые у него, 11 человек, живут без дела»³³.

В 1723 году он выполнил только одну работу — изготовил, по требованию «ракового чищения мастера (специалиста по украшению интерьеров морскими раковинами) Андриса Албертца», лак для «убирания» раковинами Грота в Первом Летнем саду³⁴.

Более или менее ритмичная работа «Лаковой» мастерской началась с мая 1724 года. В этом месяце руководство Канцелярии от строений приказало Хендрику Ван Брумкорсту

²⁴ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1722. Д. 33. Л. 169.

²⁵ Там же. Л. 176.

²⁶ Там же. Л. 162.

²⁷ Там же. Л. 165.

²⁸ Там же. Л. 167–168.

²⁹ Уханова И. Н. Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века). С. 175–176.

³⁰ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1722. Д. 33. Л. 180–186.

³¹ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Март 1725. Д. 21. Л. 31.

³² Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1722. Д. 33. Л. 179.

³³ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. 1723. Д. 5. Л. 55.

³⁴ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. 1723. Д. 143. Л. 72.

отлакировать «подножки» у шкафов, которые были изготовлены для Кунсткамеры³⁵. Весной того же года, голландский лаковый мастер покрывает позолотой и лаком Зерцало для «Канцелярии Вышнего суда» (трехгранную призму, на гранях которой размещались наиболее важные, для данного ведомства, указы)³⁶. Само деревянное Зерцало было изготовлено на Оружейном дворе по указу от 25 января³⁷.

Осенью 1724 года, в Третьем Зимнем дворце лаковый мастер с учениками декорировали «большой сал»³⁸. Во второй половине 1724 года, Хендрик Ван Брумкорст начал выполнять «лаковые и мраморные» работы в Дубовой галерее при Летнем дворце Екатерины I³⁹ и создавать интерьеры этого дворца⁴⁰. Особо следует отметить указ Хендрику Ван Брумкорсту сделать для Летнего дворца Екатерины I «рисунки живописной работы — картины писать в рамах»⁴¹. Он же отделал искусственным мрамором «зеленым и белым» фонтан при этом дворце⁴².

Для понимания дальнейших событий, очень важно отметить, что, начиная с 1724 года на строительстве Летнего дворца Екатерины I, вместе с голландским лаковым мастером, трудились «нарвские жители оконничные мастера»⁴³ Кашпер Блек⁴⁴ и Никон Иванов⁴⁵. Они вставляли стекла в рамы («оконницы»). Хендрик Ван Брумкорст наблюдал за этим трудоемким и творческим процессом: из произведенных на стекольных заводах стеклянных кругов, «по лекалом», вырезались куски стекла; они окантовывались по периметру свинцовой проволокой и сваривались в один большой кусок нужной формы, затем этот кусок вставлялся в раму и закреплялся специальной замазкой.

31 августа 1724 года, бельгиец «полатного дела мастер» Франсуа Де Вааль, руководивший строительством императорского дворца в Дальних Дубках, потребовал прислать на это строительство «лаковаго» дела мастера «Брункоса» (Хендрика Ван Брумкорста)⁴⁶. 2 сентября того же года, руководство Канцелярии от строений решило: «а об лаковом мастере к Олмазову (капитану Алмазову И. С. — Б. М.) ответствовать — как отделаетца оной мастер в Питер гофе, прислан будет в Дубки»⁴⁷.

В прошении от 17 мая 1724 года о выдаче жалованья на январскую треть 1724 года Хендрик Ван Брумкорст указал наиболее важные объекты, на которых он работал: «и ныне обретаюсь я на Почтовом дворе у лаковой работы; в Летнем доме Вашего величества; в Куншткамере». После смерти Петра I объем работы голландского лакового

³⁵ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Май 1724. Д. 11. Л. 1–2; Уханова И. Н. Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века). С. 179.

³⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Май 1724. Д. 11. Л. 14 об. Июль 1724. Д. 13. Л. 12–12 об.; Уханова И. Н. Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века). С. 179.

³⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Январь 1724. Д. 8. Л. 88–88 об.

³⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Сентябрь 1724. Д. 15. Л. 30–30 об.

³⁹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Октябрь 1724. Кн. 44в. Л. 927.

⁴⁰ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. 1724. Д. 12. Л. 48–49; 1724. Д. 13. Л. 11, 35.

⁴¹ Успенский А. И. Императорские дворцы. М., 1913. Т. 1. С. 282.

⁴² Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Август 1725. Д. 26. Л. 7; Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 147. Л. 180.

⁴³ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Часть 2. Кн. 27а. Л. 370.

⁴⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 2. 1724. Кн. 47а. Л. 471.

⁴⁵ Там же. Л. 457.

⁴⁶ Макаров Б. С. Голландцы в России в первой половине XVIII века. Лексикон. СПб., 2009. С. 55–56.

⁴⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 15. Сентябрь 1724. Л. 10.

мастера только вырос. Помимо Летнего дворца Екатерины I⁴⁸, он оформляет «большой зал» в Третьем Зимнем дворце⁴⁹ и покрывает «в спальне дубы лаком»⁵⁰. В Большом дворце Петергофа Хендрик Ван Брумкорст отделывал лаком «дубовые двери и стены, и окна»⁵¹.

В середине 1726 года фактический правитель Российской империи светлейший князь А. Д. Меншиков стал предпринимать меры строжайшей экономии государственных финансов. В рамках этих мер было решено создать «Город мастеров» — предоставить казенное жилье и помещения под мастерские всем иностранным квалифицированным специалистам в зданиях бывших Коллегий и Канцелярий, находившихся на Троицкой площади — в «мазанках старых Коллегий»⁵². По мере готовности здания Двенадцати Коллегий на Васильевском острове, Коллегии и Канцелярии должны были переезжать туда с Петровского острова. Эти мероприятия позволили бы сэкономить государственные деньги, которые выплачивались иностранцам, по контрактам, на наем жилья (в частности, жалованье Хендрику Ван Брумкорсту, для этой цели, выплачивалось жалованье на 13-й месяц). Этот проект не был реализован до конца из-за неготовности Двенадцати Коллегий.

1727 год был весьма неудачным для голландского лакового мастера. 10 ноября его жилище пытались поджечь, а 11 ноября туда бросили гранату⁵³. Никаких серьезных повреждений дом не получил, «но токмо погасили». Для профилактики подобных инцидентов, специальным указом, Полицмейстерской Канцелярии было приказано усилить бдительность и ужесточить пропускной режим караульщикам «при шлагбаумах». Исследователь Л. Н. Семенова, на основании этих происшествий, считает, что «невозможно определить, чем объясняется отношение к иностранцам — национальными, социальными или личными мотивами»⁵⁴. На мой взгляд, «зажигатели» просто хотели украсть спирт, дорогие краски и сусальное золото хранившийся в кладовых при доме голландского лакового мастера.

В начале 1727 года, в рамках уже упомянутых выше мер жесткой экономии, было решено «иноземцов, которые по кантрактам урочные годы выжили и в которых нужды нейметса (...) отпустить в их отечества»⁵⁵. 3 ноября того же года, руководство Канцелярии от строений подготовило список иностранных квалифицированных специалистов, которых надлежит уволить из ее штата. В их число вошел и Хендрик Ван Брумкорст. Причина его увольнения состояла в том, что, по мнению Канцелярии от строений, он подготовил себе квалифицированную смену — 2 подмастерьев и 9 учеников⁵⁶. 16 января 1728 года Хендрик Ван Брумкорст был уволен из русской службы «в Канцелярии от строений апшит закреплен генваря 16 дня». Голландский лаковый мастер не согласился с этим решением и «апшита не принял» (см. Приложение № 2)⁵⁷. Более того, в 1728 году

⁴⁸ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 22. 1725. Л. 11; Д. 23. 1725. Л. 38; Д. 25. Июль 1725. Л. 49–49 об.

⁴⁹ Уханова И. Н. Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного искусства в России первой четверти XVIII века). С. 179.

⁵⁰ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 26. Август 1725. Л. 121.

⁵¹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 147. Часть II. 1725. Л. 62.

⁵² Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 36. Июнь 1726. Л. 85–85 об.; Д. 37. Июль 1726. Л. 172–173, Д. 39. Сентябрь 1726. Л. 320–320 об.

⁵³ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 5. Д. 52. 1719–1732. Л. 13.

⁵⁴ Семенова Л. Н. Иностранные мастера в Петербурге в первой трети XVIII века // Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 211.

⁵⁵ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 45. Март 1727. Л. 182–183.

⁵⁶ Там же. Л. 368.

⁵⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 120. 1733. Л. 46–47.

он выполнял казенные работы, порученные ему Канцелярией от строений. В частности, он делал «лаковую, мраморную и молярную работы» в Летнем дворце Екатерины I⁵⁸. Возможно, он принимал участие в сборке и установке иконостаса Петропавловского собора, который был изготовлен в Москве и, в начале осени 1728 года, доставлен в Санкт-Петербург⁵⁹. Только так можно объяснить прошение от 17 декабря 1728 года, Хендрика Ван Брумкорста о выдаче ему жалованья за 1728 год. В нем он писал, что испытывает нужду «уже и дворишко свой предлагаю, точию купить некому»⁶⁰.

Можно предположить, что Хендрик Ван Брумкорст решил любой ценой остаться на русской службе. В начале марта 1729 года он по собственной инициативе отправился в Москву. Там, по приказу «действительного тайного советника и государственного вице канцлера, и ковалера графа Андрея Ивановича Остермана» голландский лаковый мастер выполнял «лаковые, мраморные и золотарные» работы с 10 марта по 21 мая «на Потешном дворе», а с 21 мая по начало октября — «в Слободком доме» (см. Приложением № 2). 1 сентября 1729 года, А. И. Остерман приказал принять голландского лакового мастера обратно в штат Канцелярии от строений (см. Приложение № 2). Таким образом, Хендрику Ван Брумкорсту в Москве удалось добиться покровительства одной из самых влиятельных в то время персон. Найти ответ на вопрос, каким образом он смог это сделать не удалось. С целью воспрепятствования выполнению указа Петра II об увольнении, вероятно не без влияния А. И. Остермана, тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров вдруг «вспомнил», что Петр I, в 1724 году «изустно» приказал «содержать» Хендрика Ван Брумкорста на русской службе «по смерть ево» (см. Приложение № 3)⁶¹. В связи с вышеизложенным, возникают серьезные сомнения в том, что такой «изустный» указ действительно существовал, поскольку многочисленные подобные «изустные» указы императора всегда документально фиксировались и обязательно должны были быть известны директору Канцелярии от строений У. А. Синявину. Очевидно, что приказ от 16 января 1728 года о выдаче «апшита», при наличии такого указа, не был бы отдан. Можно предположить, что Хендрик Ван Брумкорст просто воспользовался связями и знакомствами своей семьи с высшим духовенством в Москве.

В конце 1729 – начале 1730 года голландский лаковый мастер решил вернуться в северную столицу. В документе от 10 декабря 1729 года управляющий делами императорской семьи «гоф интендант» П. И. Мошков требует оплатить ему проезд из Москвы в Санкт-Петербург.

В архивах Санкт-Петербурга не удалось найти никаких документов о деятельности голландского лакового мастера за период 1730 — первой половины 1731 года. Можно предположить, что его переезд в северную столицу затягивался в связи с неопределенностью планов новой императрицы Анны Иоанновны. Вероятно, Хендрик Ван Брумкорст вернулся в Санкт-Петербург в самом конце 1730 или начале 1731 года, когда вопрос о переезде туда императорского двора был уже решен. До этого времени он, вероятно, жил и работал в Москве.

Чтобы упрочить свое положение в Канцелярии от строений, Хендрик Ван Брумкорст с 1730 года начал осваивать «молярное» и «оконничное» дело. Это было абсолютно верное решение. Отвлекаясь от хронологического изложения, заметим, что, к середине 1730-х годов в Санкт-Петербурге сложился тандем голландского «разных художеств главного мастера» Хармана Ван Болеса и «заархитектора» Иоганна Бланка. Возможно,

⁵⁸ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 47. 1729. Л. 16 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 616. Сентябрь 1728. Л. 543.

⁶⁰ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Часть 2. Кн. 646. 1728. Л. 681.

⁶¹ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 616. 1728. Л. 455.

что они вместе исполняли обязанности главного инженера северной столицы. Ремонтировали дворцы, государственные и частные здания, мосты; строили дома, церкви и служебные постройки и т.д. Параллельно Хендрик Ван Брумкорст с учениками выполняли отделочные, молярные, «золотарные», «оконнишные» работы и реставрацию интерьеров во дворцах, церквях, соборах и других важнейших государственных объектах. Эта бригада вставляла стекла в окна всех императорских оранжерей Санкт-Петербурга и окрестностей. Постепенно выяснилось, что именно «оконничные» работы, благодаря ветреному и морозному климату, наиболее востребованы в Петербурге. В архивах содержится огромное количество документов за 1730-е — первую половину 1740-х годов о работе голландского лакового мастера и его учеников. Даже их простое перечисление привело бы к резкому увеличению объема этой статьи. По этой причине, подробно будут рассмотрены лишь работы, выполненные им в 1731–1732 годах, когда голландский лаковый мастер был восстановлен в штате Канцелярии от строений. В последующие годы будут упомянуты только наиболее интересные работы, выполненные им и его учениками.

Первый документ Канцелярии от строений после 1730 года, в котором упомянут Хендрик Ван Брумкорст, датирован 13 августа 1731 года⁶². В нем голландскому лаковому мастеру приказано изготовить «ферниз» и покрыть им Дубовый кабинет в Большом дворце Петергофа⁶³.

С сентября 1731 года, под руководством архитектора Михаила Земцова, начали строиться Триумфальные ворота «к пришествию Ея императорского величества». Одни ворота возводили на Троицкой пристани, а двое других — «на першпективной дороге» (Невском проспекте) у Аничкова и Зеленого мостов⁶⁴. Хендрику Ван Брумкорсту и его ученикам было приказано выполнить «лаковую и молярную работы» на Аничковских Триумфальных воротах⁶⁵. В этом же документе отмечалось, что параллельно голландский лаковый мастер производил какие-то интерьерные работы в «доме Ея императорского величества, что был адмиральской» (дом умершего в 1728 году адмирала А. Ф. Апраксина, перешедший в казну и впоследствии ставший частью Зимнего дворца)⁶⁶. В то же время им выполнялись отделочные работы и в «Летнем доме»⁶⁷.

Кроме Триумфальных ворот, к возвращению Анны Иоанновны в северную столицу было приказано к 27 июня 1732 года завершить внутренние убранство Петропавловского собора «мраморною и золотарною работами». Хендрик Ван Брумкорст доложил руководству Канцелярии от строений, что «в церкви первоверховных апостолов Петра и Павла каменные столбы мраморною работою и золочением, обретающимися при нем лакового дела подмастерем Иваном Поповым и учениками, по силе именного Ея императорского величества указу и по предложению преосвященного Феофана архиепископа Новгородского, к показанному термину, июня к 27 числу, к совершению окончить ни коими мерами не возможно, понеже, протчие ево ученики мраморной науки не искусны»⁶⁸. Он предложил отдать эту работу на подряд своими учениками, под руководством подмастерья Ивана Попова. В нарушение всех существовавших тогда норм, без организации торгов, 19 апреля руководство Канцелярии от строений согласилось на предложение голландского лакового мастера. Причем, особо было оговорено: «а на то время, как они будут у той работы, денежного и хлебного жалованья оным подмастерью и учени-

⁶² Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 98. Август 1731. Л. 114–114 об.

⁶³ Там же. Л. 50–50 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 150. 1736. Л. 195–198.

⁶⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 99. Октябрь 1731. Л. 89–89 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 110. 1732. Л. 32.

⁶⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 109. Л. 56.

⁶⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 106. Апрель 1732. Л. 46–47.

ком не давать». Кроме того, Ивану Попову было разрешено, «для вспоможения, приискать себе вольных мастеров». 22 апреля того же года, так же по предложению голландского лакового мастера, позолота 15 капителей в Петропавловском соборе была отдана на подряд другому его подмастерью — Ивану Тихонову с 6 учениками. Условия подряда были такими же, как и у Ивана Попова, только Ивану Тихонову позволялось, «для вспоможения, прибавить к себе, на свой кошт, волных до 5 человек»⁶⁹.

Руководство Канцелярии от строений добавило в условие второго подряда один существенный пункт: «а к мастеру Брумкорсту, в указе, подтвердить: ежели подмастерье Тиханов того золочения, по показанию ево, к выше писанному термину не отправит, в том ответственность будет он Брумкорст»⁷⁰. 5 июня 1732 года, этой же бригаде было отдано на подряд позолота («красным золотом») «каптелей: большую одну, да разных мер 10, окошек 6, кран штейнов 8, связей железных 16, канцель один, да в алтаре горнее место»⁷¹. В помощь себе Иван Тихонов нанял «вольного Преображенского полку отставного салдата золотарного дела мастера Григория Чернаева», а также москвичей Петра Ленкова и Козьму Григорьевя. Стоимость работ составила 83 рубля. Это единственный случай, насколько мне известно, когда мастер сам организовал подрядные работы для своих учеников. Заключение подрядов резко ускорило работу. Уже 3 мая того же года, Хендрик Ван Брумкорст потребовал выплатить Ивану Попову «100 рублей, ибо, за данные денги, заработал и со излишеством»⁷². Бригада Попова не только завершила всю работу (отделку 10 колонн) раньше срока — 5 июня, но они, дополнительно, отделали искусственным мрамором «в олтаре и по всей церкви пилястров 20. Которое, по мнению ево (Хендрика Ван Брумкорста — Б. М.), имеют быть в работе, исчисляя за 4 столба без 8 доли, да за 12 окошек, в том числе: круглых 3, у троих дверей коробки, пилястры и в гзымзах, и вкруг всей церкви полуплинтус мрамором же зделали, и под хорами арки, и в них панели»⁷³. За всю проделанную подрядом работу эта бригада получила 318 рублей. Бригада Ивана Тихонова также вовремя выполнила все подрядные работы. Причем, большая их часть была сделана без участия самого Ивана Тихонова, который 22 мая серьезно заболел — «у него (...) учинился в ноге великой лом»⁷⁴. Этот лаковый подмастерье умер 6 февраля 1734 года.

По результатам выполнения подрядных работ, Хендрик Ван Брумкорст 22 ноября 1733 года потребовал «пожаловать» Ивана Полякова званием «подмастерья». Он писал: «уповаю, что он Поляков, видя выше помянутое милостивое награждение, наивяще ревностную охоту ко отправлению работы подщится»⁷⁵. Одновременно, он рекомендовал увеличить до 60 рублей в год жалованье своему ученику Авдею Александрову, «которой усмотрен мною, как в лаковых, мраморных и ореховых работах, так и в золочении весьма понятен»⁷⁶. Самому же голландскому лаковому мастеру 29 ноября 1733 года, «по приказу Его высокографского сиятельства обер гоф маршала и кавалера господина Фон Левенволда (Рейнгольда Густава — Б. М.)», жалованье было увеличено до 600 рублей в год⁷⁷. Причем, было отмечено, что это жалованье определено давать «по смерти ево».

⁶⁹ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 106. Апрель 1732. Л. 73–73 об.

⁷⁰ Там же. Л. 73–73 об.

⁷¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 108. Июнь 1732. Л. 155–156.

⁷² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 107. Май 1732. Л. 19, 26–26 об.

⁷³ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 109. Июль 1733. Л. 50–50 об.

⁷⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 117. Март 1733. Л. 6–7 об.

⁷⁵ Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 806. Л. 608–608 об.

⁷⁶ Там же. Л. 609–609 об.

⁷⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 153. 1736. Л. 100–100 об.

В эти же месяцы сам Хендрик Ван Брумкорст отделывал серебром «канцель» в Петропавловском соборе⁷⁸, покрывал там же краской, «зделанного места Ея императорскому величеству между золоченого и живописного арнаменту»⁷⁹.

Летом 1732 года Хендрик Ван Брумкорст занимался восстановлением позолоты на статуях в Петергофе⁸⁰, «свинцовых фигур и протчих штук в Летнем доме Ея императорского величества»⁸¹, выполнял молярные работы на Васильевском острове в здании Двенадцати Коллегий⁸². В ноябре того же года он выполнил «лаковую работу» в алтаре Симеоновской церкви⁸³. Одновременно, голландский лаковый мастер с учениками выполнил молярные работы в «гошпитали» на Выборской стороне — «крашении гошпитали на каменных малых полатах кровли»⁸⁴. В описании работ на этом объекте, впервые упомянуто, когда Хендрик Ван Брумкорст начал заниматься оконными работами: 26 октября 1732 года он потребовал отпустить белила для изготовления оконной замазки⁸⁵. К этой своей новой специализации он относился творчески: уже весной 1733 года голландский лаковый мастер разработал секретную замазку, которую удачно применили и для кровельных работ — на крыше Кунсткамеры и Исаакиевского собора ею герметизировали швы между кровельными листами на месте изломов («переломов») их крыш⁸⁶. В дальнейшем секретная замазка широко использовалась шведским кровельным мастером Константином Геникреем для ремонта крыш⁸⁷. Можно предположить, что Хендрик Ван Брумкорст разработал несколько различных видов замазок. Одна из них в июле 1740 года использовалась для герметизации соединений фонтанных труб в «новопостроенном огороде на лугу у Летнего дома» (для фонтанов сада Проминад — Б. М.)⁸⁸. В документе, к сожалению, не указано, какие это были трубы, — высокого или низкого давления.

Выполнение Хендриком Ван Брумкорстом столь большого объема работ на различных зданиях Северной столицы стало возможно потому, что к весне 1732 года в его «команде» было уже 20 учеников и два подмастерья. Более того, 19 мая он потребовал дополнительно направить к нему «в научение из российской школы учеников 10 человек»⁸⁹. Это требование было удовлетворено. С этого времени число учеников голландского лакового мастера ежегодно росло. Всем им, в обязательном порядке, шили рабочие «запаны или балахоны» из «холста хрящя»⁹⁰.

Увеличение количества сотрудников и учеников Хендрика Ван Брумкорста потребовало дополнительных помещений для выполнения лаковых, молярных и других работ. С 1732 года в архивных документах стали упоминаться «мастерские полаты» (производственные помещения), отведенные голландскому лаковому мастеру в Итальянском дворце⁹¹. В этих «полатах» зимой 1732–1733 годов, в частности, производилась позолота деталей интерьера Симеоновской церкви⁹².

⁷⁸ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 107. Май 1732. Л. 20–20 об.

⁷⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 108. Июнь 1732. Л. 105.

⁸⁰ Там же. Л. 74.

⁸¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 109. Июль 1732. Л. 30.

⁸² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 108. Июнь 1732. Л. 122.

⁸³ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 113. Ноябрь 1732. Л. 29.

⁸⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 109. Июль 1732. Л. 94; Д. 110. Август 1732. Л. 24.

⁸⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 112. Октябрь 1732. Л. 89–89 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 116. Февраль 1733. Л. 18–18 об.

⁸⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 200. Август 1740. Л. 204.

⁸⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 199. Июль 1740. Л. 73–74.

⁸⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 107. Май 1732. Л. 93.

⁹⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 106. Апрель 1732. Л. 81.

⁹¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 113. Ноябрь 1732. Л. 21.

⁹² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 116. Февраль 1733. Л. 8.

Нарушая хронологию изложения, укажем наиболее важные работы по отделке и ремонту интерьеров, позолоте, молярные и «оконнишные», которые были выполнены голландским лаковым мастером и его учениками в главных каменных храмах Северной столицы и в первой «соборной» деревянной Троицкой церкви в последующие годы.

Симеоновская церковь.

12 марта 1733 года, им было приказано покрасить шпиль на колокольне этой церкви. «А о красках, что к тому потребно, велеть к лаковому мастеру Брумкорсту, сметясь, подать ведомости немедленно, а оное крашение отправлять ему Брумкорсту лакового дела с подмастерьями и учениками»⁹³. В июне того же года они расписывали и покрывали позолотой иконостас⁹⁴. В мае 1736 года эта же «бригада» красила часовые круги на колокольне, покрывала позолотой декор, установленный на фронтоне «4 часовые круга столярною работою зделаны, которые надобно выкрасить приличною краскою, а корону на церкви с подушкою — вызолотить»⁹⁵.

Петропавловский собор.

В мае 1733 года, непосредственно перед освящением собора, Хендрику Ван Брумкорсту с учениками было приказано реставрировать позолоту «около столбов и базов поправление и росписывание двух свечей»⁹⁶. В октябре того же года они же шкаф в соборе «пристойными красками роскрасивали и в удобных местах позолотили»⁹⁷. В июне 1735 года команда голландского лакового мастера вставляла стекла и ремонтировала рамы «на Петропавловской колокольне в каморке у часов»⁹⁸. Летом 1736 года голландский лаковый мастер требовал материалов «к делу и починке при церкви первоверховных апостолов Петра и Павла, вокруг столбов, базов деревянных и вокруг стен досок, которые поставлены вместо панелей, також де — балкону и на шпиге, вокруг часов»⁹⁹. Та же команда регулярно производила окраску крыши этого собора¹⁰⁰.

Исаакиевский собор.

Летом и осенью 1733 года Хендрик Ван Брумкорст с учениками выполнили большой комплекс отделочных работ в этом соборе. По ведомости М. Земцова, для отделочных работ в Исаакиевской церкви требовалось: «сколко на крашение и серебрение иконостаса (которой, по определению Канцелярии от строеной, велено зделать подрядом иноземцу столярного дела мастеру Кроскопу) красок и серебра, и протчих припасов надобно. О том, сметясь подлинно, подать ведомость лакового дела мастеру Брумкорсту (...). Також и купол на церкви, башню, колоколну, арнаменты, педесталы и фасы крашением, как покажет архитектор Земцов, надлежащими красками исправить лакового дела мастеру Брумкорсту, из имеющихся у него красок, масла и протчего»¹⁰¹. 30 июня 1736 года голландский лаковый мастер закончил позолоту и декорирование иконостаса этого собора¹⁰². Как известно, Исаакиевский собор сильно пострадал от пожара, произошедшего 21 апреля 1735 года. По этой причине, до конца сентября 1739 года иконостас хранился в Итальянском дворце под присмотром голландского лакового мастера. 29 сентября этого года было приказано «иконостас, которой ныне

⁹³ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 117. Март 1733. Л. 34–35.

⁹⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 120. Июнь 1733. Л. 23–24.

⁹⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 151. Май 1736. Л. 38–38 об.

⁹⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 119. Май 1733. Л. 46.

⁹⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 124. Октябрь 1733. Л. 18.

⁹⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 143. Июнь 1735. Л. 91.

⁹⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 151. 1736. Л. 256.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 199. Л. 187–188 об.

¹⁰¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 120. 1733. Л. 60–61 об.

¹⁰² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 151. 1736. Л. 212.

имеетца в Италианском доме в готовности, перевезь ко оной Исакиевской церкви. И, в той церкви, в надлежащем месте поставь»¹⁰³.

Троицкая церковь.

К 1740 году Троицкая церковь на «Санкт-Петербургском острове» окончательно обветшала. «Троицкая соборна церковь весьма ветха и служить в ней опасно, и окончины, от погоды, многие перебиты»¹⁰⁴. Починить в ней окна было приказано Хендрику Ван Брумкорсту с его командой¹⁰⁵. В июле 1742 года иконостас этой церкви и утварь перенесли в «дом Святейшего Синода»; там же проходили службы. Этот «дом» находился в помещениях зданий бывших Коллегий на Троицкой площади¹⁰⁶. В июле того же года голландскому лаковому мастеру было приказано отреставрировать алтарь и иконостас¹⁰⁷.

Вернемся к последовательному хронологическому изложению. В декабре 1734 года Хендрик Ван Брумкорст с учениками заново выкрасил Иордань — деревянный шатер, который выставлялся на льду «ко дню богоявления» (она была построена в 1726 году и хранилась на складах Кронверкской крепости)¹⁰⁸. Реставрацию лакокрасочного покрытия и позолоты Иордани впоследствии они выполняли довольно часто¹⁰⁹.

В 1735 году под руководством голландского лакового мастера был выполнен большой объем работ в зданиях Двенадцати Коллегий, а именно — отделка балкона и создание внутреннего убранства «Сенатского зала»¹¹⁰. В этом же году они исполнили «молярные и мраморные» работы в Кадетском корпусе¹¹¹; подправили окраску и реставрировали позолоту Аничковских Триумфальных ворот, Кунсткамеры и Библиотеки, «Синодальных полат, что на Васильевском острове»¹¹².

В 1736 году всё та же команда вставляла стекла в «оконнишные четыре рамы» в доме, построенном «из казны» для «архитекта графа Дерастреллия»¹¹³. Не удивительно, что в апреле 1739 года число сотрудников Хендрика Ван Брумкорста составляло уже 68 человек: 2 подмастерья, 4 гезеля, 42 ученика, 17 «заводских работников», оконничного дела десятник с двумя помощниками¹¹⁴. Насколько мне известно, голландский лаковый мастер имел самое большое число учеников, по сравнению с другими иностранными квалифицированными специалистами на русской службе, в первой половине XVIII века. Не случайно, летом 1736 года он попросил увеличить его жалованье до 900 рублей в год «против живописного мастера Тарсия»¹¹⁵. Впрочем, это прошение не было удовлетворено.

Весной 1736 года умер штатный «оконничный» мастер Канцелярии от строений Готфрид Гинтер. На его место был принят по контракту, сроком на 3 года, «дербский уроженец, оконничной мастер Никлас» с жалованьем 150 рублей в год. К этому времени Хендрик Ван Брумкорст стал настолько признанным мастером «оконнишного» дела, что ему было приказано курировать («надзирать») за деятельностью Никлоса¹¹⁶. Не случайно, что работы по ремонту окон и вставке в них новых стекол «в доме цесаревны Елизаветы

¹⁰³ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 188. Л. 256–257 об.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 197. Май 1740. Л. 317–317 об.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 201. Сентябрь 1740. Л. 40–40 об.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 224. Июль 1742. Л. 27–30 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 233. Апрель 1743. Л. 25–25 об.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 138. Декабрь 1734. Л. 74–74 об.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 241. Декабрь 1743. Л. 48–48 об.

¹¹⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 146. 1735. Л. 35–36.

¹¹¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 143. Июнь 1735. Л. 94.

¹¹² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 150. 1736. Л. 195–198.

¹¹³ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 155. 1736. Л. 75.

¹¹⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 160. 1737. Л. 75–77 об.

¹¹⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 153. 1736. Л. 100–100 об.

¹¹⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 156. Декабрь 1736. Л. 170–170 об.

Петровны»¹¹⁷ и в «доме Головкина, который отдан пленному турецкому паше»¹¹⁸ были поручены голландскому лаковому мастеру. В октябре 1737 года он же со своими сотрудниками вставляет стекла в двойные рамы «в сарае, что у Симеоновского мосту»¹¹⁹. Этот сарай был специально построен для слона (традиционный подарок персидского посольства). В дальнейшем, Хендрик Ван Брумкорст постоянно занимался ремонтом окон Слонового сарая («двора») ¹²⁰, а в 1743 году вставлял стекла в новый «Слоновый амбар», построенный для 10 слонов — очередного подарка персидского посольства¹²¹.

В 1737 году из Англии в Санкт-Петербург был привезен страус (закуплен или являлся дипломатическим подарком), для содержания которого было специально оборудовано помещение на Птичьем дворе (левый берег Фонтанки)¹²². Для подогрева и освещения этого помещения зимой, Хендрику Ван Брумкорсту было приказано изготовить «жестяной фонарь, длиною в $\frac{3}{4}$, шириною в $\frac{1}{4}$ аршина»¹²³.

31 января 1738 года голландскому лаковому мастеру было приказано «зделать в Первом и во Втором Ея императорского величества садах золочение, мраморную и золотарную работы, також и в Третьем саду лавки и, около каналу, решетки, и от Золотой палаты и возле каменных аранжерей решетки, ворота в Италианском саду»¹²⁴. Летом того же года он выполнил обширные ремонтные работы в Петергофе, в частности, он реставрировал Лаковый Кабинет. «(Хендрик Ван Брумкорст — Б. М.) требовал в Питергоф к работам разных красок, а имянно: на починку в Монплезире Кабинета и в протчих покоях, для варения лаку — янтарю один пуд, киновари два фунта, яри веницейской один фунт, скипидару 20 фунтов; на починку в садах фигур и на Гроте — золота красного 20 книг; к молярной работе в садах решеток, кровель яри медянки 5 пуд, сурику старого подмоклаго 25 пуд, шмелти или лазори 1 пуд; к оконничной работе стекол ямбургских в Монплезир и во всех покоях на починку один ящик, лекальные в Армитаж; в зимния проходня стены ис полат зимних — ямбургских же стекол длиною в 11, ширтною в 8 дюймов или болше, как мерою будут, 200»¹²⁵.

Как мы видим, объем работ, которые выполнял голландский лаковый мастер с командой, год от года возрастал. По этой причине, в январе 1739 года Хендрик Ван Брумкорст потребовал отдать ему «для отправления лаковых, молярных, золотарных и оконничных работ два флигеля близ каменной (Большой — Б. М.) аранжереи»¹²⁶. Требование голландского лакового мастера было удовлетворено, причем из флигелей были выселены жившие там «садовые работники» — сотрудники Большой каменной оранжереи.

Здесь уместно привести наиболее интересные сведения об учениках и работниках Хендрика Ван Брумкорста. Большинство из них прилежно учились и старательно работали, но некоторым такая жизнь казалась скучной. Например, «лаковый» ученик Яким Колосов в 1740 году украл 40 стекол, привезенных с Лавинских стекольных заводов, и сбежал. Его поймали, но обошлось без наказания — Якима Колосова амнистировали «в правление бывшего герцога курлянского, та вина ему отпущена и освобожден без наказания». В 1742 году он же украл у «дворцового мясного подрядчика Савы Яковлева ветчины 57 окорков, да 6 полстей». Был изобличен, «бит плетми и отослан был

¹¹⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 166. Октябрь 1737. Л. 128–128 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 81 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 150–159 об.

¹²⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 202. Октябрь 1740. Л. 32–33.

¹²¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 235. Июнь 1743. Л. 146.

¹²² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 168. Декабрь 1737. Л. 184–184 об.

¹²³ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 168. Декабрь 1737. Л. 285–286.

¹²⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 174. Июнь 1738. Л. 306–306 об.

¹²⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 174. Июнь 1738. Л. 87–88.

¹²⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 181. Январь 1739. Л. 276–276 об.

по-прежнему в лаковые ученики». 17 сентября того же года от работы и учебы бежал. До 25 октября занимался ремонтом окон и вставлением в них стекол на Конюшенном дворе. Затем, по собственной инициативе, вернулся в команду голландского лакового мастера. За этот побег — «написан ведомства оной же Канцелярии в баталион в салдаты». 3 сентября 1743 года Яким Колосов утерял «указ и ордер», с которыми был послан в Петергоф. По этой причине, вновь от службы бежал. «И имел пропитание деланием вновь и починкою в разных местах у партикулярных людей окончин, понеже он тому оконнишному художеству обучился в бытность ево в лаковых ученика. А во оные де числа, будучи в Санкт Питербурхе в домех и ни у кого не жил и никому пристани не имел (...). А в ночное время он Колосов ночевал в разных местах в пустых домех». 14 октября того же года был пойман и отослан «к Военному суду в Санкт Питербурхскую Гарнизонную Канцелярию» для вынесения приговора и наказания¹²⁷.

Илья Колосов (был — ли он родственником или однофамильцем Якима установить не удалось) трижды совершал побег от работ и обучения «лаковому делу». 24 марта 1741 года, «по определению Канцелярии от строеней, а по представлению мастера Брумкорста, написан в баталион в салдаты. И, будучи в салдатах, паки бежал. Чего ради и отослан был к суду в Санкт Питербурхскую Гарнизонную Канцелярию. В которой, на суду, определено, за третичной побег, гонять спиц рутен чрез полк девять раз и определить в работу на год, а потом быть, по-прежнему, в салдатах. Которое наказание ему и учинено»¹²⁸. 28 февраля 1743 года «определено: за побег и за пьянство, помянутого салдата Колосова, по силе Военного Артикула 43 и 95 пунктов и указу 740 году июня 28 дня, бить кнутом и, вырезав ноздри перед полком, послать в Оренбургскую экспедицию в работу вечно»¹²⁹. Илью Колосова опять помиловали и оставили в солдатах батальона Канцелярии от строений. В августе 1743 года «за вторичной побег учинено наказания: гоня шпицрутен чрез полк 7 раз» и опять отправлен в батальон¹³⁰. Дальнейшую его судьбу установить не удалось.

Ежегодно к Хендрику Ван Брумкорсту направлялись «работные люди» для выполнения неквалифицированных работ. В 1735 году два таких работника «Борис Васильев сын» и «Яков Филиппов сын, прозванием Снарев» разобрали потолок и несколько раз крали со склада «лаковой мастерской» (ее местоположение установить не удалось) различные краски и другие материалы. Украденное они продавали «тайного советника сенатора и ковалера графа Михайла Гавриловича Головкина крестьянину ево Матвею Прохорову, которой имеет торг на оном (новом Морском — Б.М.) рынке сундуками заведомо краденых»¹³¹. Всего было украдено казенных материалов на 43 рубля 90 копеек. Эти деньги обязался вернуть казне подканцелярист Канцелярии от строений Константин Снарев (Яков Филиппов был его крепостным, отсюда и прозвище). Возврат денег затянулся до конца 1736 года. К этому времени «колодник» Борис Васильев, содержавшийся в Канцелярии от строений, умер 22 октября 1736 года¹³². Якова Филиппова били кошками «нещадно» и 31 декабря 1736 года отдали в распоряжение подканцеляриста Снарева¹³³.

Отметим, что обучаться «лаковому мастерству» тогда было престижно. Например, в феврале 1744 года садовый ученик Никита Савин попросил «определить бы, по желанию ево, в оконничники к лаковому мастеру Фонбрумкорсту»¹³⁴.

¹²⁷ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 239. Октябрь 1743. Л. 139–141.

¹²⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 231. Февраль 1743. Л. 50–50 об.

¹²⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 232. Март 1743. Л. 263.

¹³⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 237. Август 1743. Л. 45.

¹³¹ Там же. Ф. 470. Оп. 4 (83/517). Д. 9. 1735. Л. 1–4, 16–17.

¹³² Там же. Л. 20.

¹³³ Там же. Л. 33–33 об.

¹³⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 243. Февраль 1744. Л. 13–14 об.

Как опытный и умелый руководитель, Хендрик Ван Брумкорст не забывал поощрять лучших своих подмастерьев и учеников. Например, 31 августа 1736 года, «лаковому» ученику Авдею Александрову было присвоено звание «гезеля» по ходатайству его учителя¹³⁵. 3 января 1739 года, 1 августа и 3 октября 1743 года лаковый мастер просил увеличить жалованье своим подмастерьям (Ивану Попову, Авдею Александрову и Ивану Полякову) до 180 рублей в год. Руководство Канцелярии от строений 31 октября 1743 года определило всем троим жалованье по 120 рублей в год¹³⁶. Отметим, что подмастерье Иван Попов был достаточно состоятельным человеком, поскольку жил в собственном доме в Большой Переведенской слободе. Вообще, середина 1730-х — начало 1740-х годов — это, несомненно, пик карьеры Хендрика Ван Брумкорста. Со своей командой он выполняет огромное количество разнообразных «молярных, золотарных, лаковых и оконнишных» работ на государственных объектах северной столицы и ее окрестностей. Причем, около 2/3 этих работ — «оконнишные». Конечно, сам голландский лаковый мастер занимался, в основном, организацией и контролем качества.

В августе 1739 года Хендрик Ван Брумкорст ремонтировал «окончины» Большой каменной оранжереи. Вместе со своими учениками он заменил стекла «в другой половине, в верхнем и в среднем, и в нижнем ярусах»¹³⁷. Для этого ему потребовалось 20 ящиков «гамбургских» стекол. В этом же месяце он вставлял стекла в 20 «окончин в строящейся у церкви святого и праведного Симеона Богоприимца и святая Анны Пророчицы, на колоколне в башне каморку, в которой будут поставлены часы»¹³⁸. Для этой работы ему потребовалось 3 ящика «гамбургских» стекол.

К концу 1730-х годов голландский лаковый мастер стал главным «оконнишным» специалистом Северной столицы. Именно по этой причине, 15 ноября 1739 года ему было приказано вырезать 1250 стекол по трем лекалам «к строению курлянскому Его светлости герцогу Курлянскому»¹³⁹. Из документа, правда, не совсем ясно, какой из дворцов Бирона имелся в виду — в Рундале или в Митаве. 29 января 1740 года работа была закончена. Хендрик Ван Брумкорст потребовал изготовить деревянные ящики для перевозки стекол в Курляндию¹⁴⁰.

Подмастерья Иван Попов и Иван Поляков и 7 «лаковых» учеников, под присмотром Хендрика Ван Брумкорста, участвовали в оформлении праздников около Ледяного дома. По указу от 6 декабря 1739 года, они раскрашивали «24 линейных саней в виде зверей и птиц», изготовленных для маскарада¹⁴¹. Сам голландский лаковый мастер с 12 учениками, 3 февраля 1740 года, были привлечены «для убирания молярною и мраморною работами» фонтана и «элуминации, которые будут против новаго Ея императорского величества каменного дому (Зимнего дворца — Б. М.)»¹⁴².

Из приведенных выше документов следует, что смерть Анны Иоанновны и восшествие на престол Елизаветы Петровны практически не изменила привычный ход жизни и карьеру Хендрика Ван Брумкорста.

В начале осени 1742 года стало известно, что «Ея императорское величество всемилостивейшая государыня изволит воспринять поход Своего величества из Москвы в Санкт Петербурх сего текущего 742 году по первому зимнему пути». К приезду императрицы было приказано «сделать по перспективо дороге двои Триумфальные ворота,

¹³⁵ Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 153. Август – октябрь 1736. Л. 209–210.

¹³⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 239. Л. 295–296.

¹³⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 188. Август 1739. Л. 57–57 об.

¹³⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 188. Август 1739. Л. 115.

¹³⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 191. Ноябрь 1739. Л. 165–165 об.

¹⁴⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 193. Январь 1740. Л. 140–140 об.

¹⁴¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 192. Л. 21, 36–38.

¹⁴² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 194. Февраль 1740. Л. 4.

а имянно: в Аничковской слободе старые починить и убрать, как надлежит; другие — у Зеленого мосту, где прежние Триумфальные ворота были, вновь сделать»¹⁴³. Позолотой, отделкой «пателью» и окраской Аничковских Триумфальных ворот занимался Хендрик Ван Брумкорст¹⁴⁴.

В начале 1740-х годов в Коллегиях и канцеляриях утвердилась традиция развешивать в кабинетах портреты императрицы. «Поясной» портрет Елизаветы Петровны в резной раме, написанный И. Я. Вишняковым, появился в Канцелярии от строений в начале 1743 года. 22 марта и 2 мая того же года, руководство Штатс-Канторы обратилось к Канцелярии от строений с просьбой, «дабы потребную в Статс Кантору персону Ея императорскаго величества, определено было написать и в позолоченных рамах поставить против того, какая в Канцелярии от строеней персона Ея императорскаго величества учинена. И прислать в Статс Кантору без замедления»¹⁴⁵. 8 июня 1743 года резному мастеру Селлюраму было приказано изготовить раму для этого портрета по рисунку «архитектурии гезеля Ивана Сляднева». Покрыть позолотой готовую раму должен был лаковый мастер Хендрик Ван Брумкорст¹⁴⁶ «с согласия резного дела мастера Селлюрама»¹⁴⁷.

В июле 1743 года Хендрик Ван Брумкорст с командой, в частности, выкрасили «резные кракштейны» в Александро-Невской лавре¹⁴⁸ и, в рамках подготовки к тезоименитству императрицы, покрыли позолотой 3 дельфинов в фонтане у деревянного Летнего дворца Елизаветы Петровны¹⁴⁹.

Однако, вернемся в 1736 год. В августе этого года, в доме Хендрика Ван Брумкорста случился пожар. «В разборке (разборке — *Б. М.*) салдатами квартиры ево, разбито спириду и лаков 24 четвертных, в каждой четверти по 5 фунтов. Которые де поставлены были (предназначались для — *Б. М.*) в ново строящейся Ея императорскаго величества каменной Зимней большой дом в галдерюю для золочения, лаковой и мраморной работы». Всего было утрачено спирта и лаков на 80 рублей. Руководство Канцелярии от строений рассмотрело рапорт голландского лакового мастера об этой пропаже только 27 мая 1744 года. Было решено «выше писанных, утраченных во время пожару, лаков и спириду вина с него Брумкорста не взыскивать»¹⁵⁰. 29 мая 1744 года он умер¹⁵¹. Его место занял ставший к тому времени мастером Иван Попов¹⁵².

Дочери Хендрика Ван Брумкорста, «Ирина и Настасья Гендриковы» потребовали выплатить им жалованье их отца «по день его смерти». Сотрудники голландского лакового мастера подтвердили их родство и информировали руководство Канцелярии от строений о том, что у голландского лакового мастера остался еще и сын «Юрья Фон Брумкорст», посланный отцом за границу для обучения в 1734 или 1735 году¹⁵³. Несмотря на решение не взыскивать с голландского лакового мастера стоимость утраченного во время пожара 1736 года спирта, дочь Хендрика Ван Брумкорста Адриана, его зять инспектор Тимофей Фонармус и зять инспектора — главный садовый мастер Петергофа

¹⁴³ Гоф-интендантская Кантора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 226. Сентябрь 1742. Л. 154–155.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 227. Октябрь 1742. Л. 264–265.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 234. Май 1743. Л. 85–85 об.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 235. Июнь 1743. Л. 79.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 236. Июль 1743. Л. 271.

¹⁴⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 237. Август 1743. Л. 153 об.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 237. Август 1743. Л. 206–207.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 246. Май 1744. Л. 230–230 об.

¹⁵¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 247. Июнь 1744. Л. 29–29 об.

¹⁵² Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 250. Сентябрь 1744. Л. 285–288 об.

¹⁵³ Там же. Ф. 476. Оп. 4. Д. 439. 1744. Л. 3–4.

Бернгард Фок¹⁵⁴ обязались, при необходимости, выплатить стоимость этой недостачи¹⁵⁵. Кроме того, дочери обязались отослать полученные деньги их брату «за море». После длительных бюрократических проволочек, деньги дочерям были выданы¹⁵⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Документ о переводе Хендрика Ван Брумкорста из Адмиралтейской Коллегии в штат Канцелярии от строений

«В Канцелярию Городовых дел.

Доношение.

По указу Его императорского величества, определен я к лаковому делу, которое отправляетца в Кабинете Его императорского величества в Питер гофе и живу на квартире в Адмиралтействе, а ныне, ис той квартиры меня высылают вон для того, что оная квартира отдана Адмиралтейской Коллегии умершаго шаутбенахта жене. А ныне, того лаковаго дела, отправлять будет негде. И в том чинитца тому делу остановка (так в документе — Б. М.). А которое зделаное, чтоб не переломать.

Того ради, прошу, дабы повелено было, о деле того лаковаго дела, та-кож которое зделано на той квартире есть, чтоб не переломать ис Канцелярии Городовых дел определить Его императорского величества указом, чтоб того дела не попортить и то дело в той квартире отправить.

О сем доносит лаковаго дела мастер Гиндрик Фон Брункорст.
Н. Van Bronkhorst.

1722го году генваря в 26 день, по указу Его императорского величества, по выше писанному доношению, в Адмиралтейскую Коллегию взнести доношение. В котором написать, чтоб ис квартиры лаковаго мастера не высылать и быть ему в той квартире по-прежнему. Для того, что та работа нужнейшая и отправляетца в скором времени и штуки резныя, той работы, мелкия. И дабы, за переноскою, тем штукам не мучинить повреждения, та-кож и остановки. А как оной мастер, помянутую работу, окончит — и тот дом будет свободен.

Ульян Синявин, Федор Синявин».

Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 137. 1722. Л. 406–407. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Указ «действительного тайного советника и вице канцлера графа Андрея Ивановича Остермана» о приеме Хендрика Ван Брумкорста обратно в штат Канцелярии от строений.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строений, слушав выписки по прошениям лаковаго дела мастера Гендрика Брумкорста, поданным сентября 3, 731, да мая 1 чисел 732 годов под номерами 2114, 351. Которыми требует о выдаче ему жалованья

¹⁵⁴ Макаров Б. С. Голландские садовые мастера в Санкт-Петербурге. Первая половина XVIII века. СПб., 2013. С. 155–156.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 439. 1744. Л. 1–5.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 439. 1744. Л. 6–11.

прошлого 728 году генваря с 16, 730 году генваря по 4 число. А, понеже, в том 728 году генваря 4 дня, в присланном блаженные и вечно достойные памяти Его императорского величества Петра Второго из Верховного Тайного совета в Канцелярию от строеней (указе — пропущено — Б. М.) написано: декабря 30 дня Его императорское величество указал, по представлению оной Канцелярии, архитекторов и протчих мастеровых людей, которых кантракты окончились и впред нужды в них не имеетца, дав им заслуженное жалованье по указом, отпустить в их отчества. В том числе — оного мастера Брумкорста отослать к работам в Адмиралтейство. А ежели там не надобен, то отпустить же. И, оной мастер в Адмиралтейство не принят. И, по силе Его императорского величества указу, в Иностранную Коллегию, о даче ему пашпорта для проезду в ево отчество, поромеморию сообщено. А в Канцелярии от строеней апшит закреплен генваря 16 дня. Но, оной мастер, по многим призывам, в Канцелярии от строеней того апшита не принял. А жалованья ему в даче, помянутого генваря по 16 число. А в 1729 году сентября 1 дня, в письме действительного тайного советника и вице канцлера графа Андрея Ивановича Остермана написано: по указу блаженные и вечно достойные памяти Его императорского величества, помянутого мастера Брумкорста, повелено в службе содержать и давать ему жалованье по смерть ево. И чтоб принять ево в команду Канцелярии от строеней, и определить ево, с протчими мастеровыми людми, к делу, и давать ему Его императорского величества жалованья, против того, как напред сего получал из оной канцелярии. А в 730 году генваря 5, да декабря 8 чисел, в писмах гоф интенданта Мошкова писано: в прошлом 729 году, означенной мастер Брумкорст, по приказу действительного тайного советника и государственного вице канцлера, и ковалера графа Андрея Ивановича Остермана, работал в Москве у лаковой работы марта с 10, майя по 21 число, на Потешном дворе, а с 21 по октябрь месяц — в Слободком доме. И чтоб оному мастеру жалованье выдать ис Канцелярии от строеней. О чем, генералу мазору господину Сенявину от Его сиятельства и приказ был. А ис Канторы де Интендантских дел платить не надлежит. ПРИКАЗАЛИ: Ея императорского величества жалованье, реченному лакового дела мастеру Брумкорсту, по окладу ево, а имянно: прошлого 729 году марта з 10, по октябрь, в которых месяцах обретался он у работ в Москве, на 5 месяцев, на 21 день, також 728 году генваря с 16 числа, как он был отлучен, 729 году марта по 10 и октябрь того 730 году, генваря по 5 число, которого он вступил, по-прежнему, в команду, хотя он у работ в тех месяцах и не был. Токмо, по выше помянутому указу государя императора Петра Великого, повелено было ево Брумкорста в службе содержать и давать ему жалованье по смерть ево. И, ежели б Канцелярия от строеней в то время известна была о том, то б, за оным указом, к отпуску, ево Брумкорста, из службы в Верховный Тайный Совет и представлять было не надлежало. Итого: на год, на 11 месяцев, на 19 дней — 640 рублей 71 копейку выдать от росходу Канцелярии от строеней, на щет оной же Канцелярии щетной Комиссии, записав в росход с роспискою. И о том к росходу ассигновать. И как, по требованию оной Комиссии, на росплату за прошлые годы долгов, денги примутца, и, при присылке тех денег,

требовать в той Комиссии. О чем ныне, для ведома, в ту Комиссию послать ведение.

Антон Кормидон. Подписан июня 22 дня 1733 году».

Гоф-интендантская Контора МИДв // РГИА. Ф. 470. Оп. 5.
Д. 120. 1733. Л. 46–47. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Указ Петра I о том, чтобы «содержать» Хендрика Ван Брумкорста на русской службе «по смерти его».

«1728 июня в 26 день. Я, ниже имянованный, объявляю, что о лаковом мастере Брумкорсте, блаженной и вечно достойной памяти Его императорского величества, был приказ генералу маэору господину Синявину, чтоб его, по смерти, содержать и из службы не отпустить. А обучать бы ему лаковому художеству российских учеников. И за то, давать ему плату по рассмотрению. А такой приказ был, ему господину Синявину, до кончины Его императорского величества за год или малым чем боши, или менши.

Алексей Макаров».

Контора строений Его императорского величества домов и садов // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 616. 1728. Л. 455. Подлинник.

REFERENCES

- De Hollandse Hervormde Kerk in Sint-Petersburg. 1713–1927* / Bezorgen door Holtrop P. N., van Staaldouine Th. J. S. Dell 1. Kampen, 2003, 532 p. (In Dutch, in French, in Russian, in German)
- Gollandtsy i ikh tserkov' v Sankt-Peterburge, 1704–1927. Katalog vystavki* [The Dutch and their Church in St. Petersburg, 1704–1927. Exhibition catalog]. St. Petersburg, 2002, 135 p. (In Russian)
- Grabar' I. E. Osnovanie i zastroika Peterburga [Foundation and development of St. Petersburg]. *Russkaya arkhitektura pervoi poloviny XVIII veka* [Russian architecture of the first half of the 18th century]. Moscow, 1954. Pp. 93–117. (In Russian)
- Kovrigina V. A. *Nemetskaya sloboda i ee zhiteli v kontse XVIII – pervoi chetverti XVIII vv.* [The German settlement and its inhabitants at the end of the 18th – first quarter of the 18th centuries]. Moscow, 1998, 434 p. (In Russian)
- Makarov B. S. *Gollandskie sadovye мастера v Sankt-Peterburge. Pervaya polovina XVIII veka* [Dutch garden masters in St. Petersburg. The first half of the 18th century]. St. Petersburg, 2013. (In Russian)
- Makarov B. S. Iogann Kristian Ferster – «otets» russkogo tsementa [Johann Christian Foerster – the “father” of Russian cement]. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt. XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg. Biographical aspect. 18th–20th centuries]. Issue 11. St. Petersburg, 2018. Pp. 9–34. (In Russian)
- Pavlova M. A. Arkhitektorka Iogann Krest'yan Ferster i ego deyatel'nost' [Architect Johan Krestyan Foerster and his activities.] *Peterburgskie chteniya-97: materialy ehntsi-klopedicheskoi biblioteki* [Petersburg Readings-97: materials of the encyclopedic library «Sankt-Peterburg 2003»]. St. Petersburg, 1997. (In Russian)
- Pavlova M. A. Ferster (Fershter) Iogann (Yagan) Kristian Förster [Foerster (Fershter) Johann (Jagan) Christian Förster]. *Tri veka Sankt-Peterburga. Os'mnadsatoe stoletie: Ehntsi-klopediya* [Three centuries of St. Petersburg. The eighteenth century: An Encyclopedia]. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. P. 453. (In Russian)
- Petrov A. N., Petrova E. N., Raskin A. G., Arkhipov N. I. etc. *Pamyatniki arkhitektury prigorodov Leningrada* [Architectural monuments of Leningrad suburbs]. Leningrad, 1983, 615 p. (In Russian)
- Rastorguev V. I. *Voronezh – rodina pervogo Admiralteistva Rossii* [Voronezh is the birthplace of the first Admiralty of Russia]. Voronezh, 2007, 533 p. (In Russian)
- Semenova L. N. *Inostrannye мастера v Peterburge v pervoi treti XVIII veka* [Foreign masters in St. Petersburg in the first third of the XVIII century]. *Nauka i kul'tura Rossii XVIII veka* [Science and culture of Russia of the XVIII century]. Leningrad, 1984. Pp. 201–224. (In Russian)
- Ukhanova I. N. G. Brumkorst – peterburgskii master lakovogo dela (iz istorii “lakirnogo iskusstva” v Rossii pervoi chetverti XVIII veka) [Brumkorst – St. Petersburg master of lacquer (from the history of “lacquer art” in Russia in the first quarter of the 18th century)]. *Kul'tura i iskusstvo Petrovskogo vremeni. Publikatsii i issledovaniya* [Culture and art of the Petrovsky time. Publications and research]. Moscow, 1977. Pp. 174–182. (In Russian)

ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ I В ДВОРЦОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

► ЦАРСТВЕННЫЙ ВКУС И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАРКОВЫЕ ПРОГРАММЫ ПЕТЕРГОФА, ЦАРСКОГО СЕЛА И ПАВЛОВСКА

КОРНДОРФ АННА
СЕРГЕЕВНА

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Государственный институт искусствознания

125009, Российская Федерация, Москва, Козицкий переулок, 5

korndorf@mail.ru

Павильоны и парковые сооружения Петергофа, Царского села и Павловска рассматриваются в статье как мемориальные образы тех мест и событий, которые их заказчики хотели запечатлеть «для истории», потомков или личной памяти. Выбирая достойные запоминания события и образы, а также иконографические прототипы своих построек Петр I, Екатерина II и Мария Федоровна формировали своего рода императорскую «политику памяти», отчетливо осознаваемую современниками. Исследование «идеи памяти», заложенной в архитектурной программе трех крупнейших загородных императорских резиденций России XVIII века, и самих принципов ее репрезентации, позволяет обнаружить в хорошо знакомых сооружениях новый семантический уровень. Он напрямую связан с личной «историей» своего создателя, и — шире — отражает «исторический опыт» и способ мышления, характерный для времени в целом.

Ключевые слова: политика памяти, иконография, архитектурная программа, императорские резиденции, Петр I, Екатерина II, Мария Федоровна.

► ROYAL TASTE AND THE POLICY OF MEMORY: REALIZATION OF MEMORIAL PARK PROGRAMS AT PETERHOF, TSARSKOYE SELO, AND PAVLOVSK

ANNA SERGEEVNA
KORNDORF

Doctor of History of Art, Leading Researcher, State Institute for Art Studies

5, Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation

korndorf@mail.ru

In this paper, we review the pavilions and park structures at Peterhof, Tsarskoye Selo and Pavlovsk as memorial forms of definite places and situations that noble clients wanted to capture “for history,” posterity or personal remembrance. Peter the Great, Catherine the Great, and Maria Feodorovna formed a kind of imperial “memory policy” by choosing memorable episodes and figures, as well as iconographic prototypes for their constructions. Their contemporaries definitely recognized that approach. The review of the “idea of memory” that has been inherent in the architectural program of the three largest Russian suburban imperial residences of the 18th century and the principles of this “idea’s” representation empower us to see a new semantic level in the usual constructions. It relates to the personal “history” of its founder. Deeper, it shows the “historical experience” and the way of thinking that describes the essence of this era.

Keywords: memory policy, iconography, architectural program, imperial residences, Peter the Great, Catherine the Great, Maria Feodorovna.

Понятие «мемориальная программа», о котором пойдет речь на примере трех крупнейших загородных императорских резиденций России XVIII столетия, не подразумевает какой-то определённый тип архитектурных сооружений, а является, скорее, одним из инструментов исторического исследования разных стратегий культурной памяти трех российских монархов. Говоря об отдельных зданиях или о целых архитектурных комплексах как о носителе «мемориальной программы», мы задаем тем самым определенный ракурс их изучения. Предполагается, что обнаружение осознанной современниками (заказчиком, автором, посетителями), но подчас неявной, скрытой для потомков идеи памяти в архитектурной программе позволяет нащупать в произведении некий новый семантический уровень, напрямую связанный с личной, персональной «историей» своего создателя или — шире — отражающий «исторический опыт» и способ мышления времени в целом.

Рассматривать эту памятную составляющую имеет смысл сразу с нескольких сторон: в мемориальном аспекте — как поминовение чего-либо, в иконографическом — как обращение именно к тем архитектурным прототипам, которые могут служить наглядным «воспоминанием» об объекте памяти или «приближением» к нему, и в историко-философском — как способ трансляции и визуализации вкуса своего заказчика и культурных смыслов и воззрений своей эпохи.

Строго говоря, в допетровской России единственным видом меморативной архитектуры могла быть архитектура сакральная. Памятное или обетное храмостроение изначально содержало в себе идею поминовения того или иного события или святого. При Петре эта традиция в целом сохранялась, дополнившись, как и многие другие сферы, определенными новшествами. Прежде других появились монументы окказиональные — триумфальные врата, «столпы» и «томбы», знаменовавшие в основном воинские успехи Азовской и Северной кампаний¹. Но в целом Петр довольствовался старой традицией «культовых» мемориалов, стараясь расширить ее не за счет строительства табуированных православной церковью памятников или обелисков, а стремясь передать их мемориальную функцию другим, вполне легитимным с христианской точки зрения светским сооружениям.

Одним из них стал построенный в 1714–1725 годах по личному желанию Петра и под его неусыпным наблюдением ансамбль Нижнего парка в Петергофе, включающий три малых дворца: Монплеизр, Эрмитаж и Марли.

Долгое время считалось, что их строительство неразрывно связано с художественными впечатлениями царя от посещения загородных дворцов французской короны — Версаля и Марли, однако в последние годы исследователям удалось приискать каждому из этих павильонов собственный иконографический прототип. Для заложенного в 1714 году Монплезира (Monplaisir) таким образом оказался небольшой одноименный дворец в Шведте на Одере, который Петр имел удовольствие осмотреть в июле 1712 года².

Павильон Эрмитаж, предназначенный для уединенных трапез и оснащенный механическим подъемным столом, как выяснилось, был инспирирован визитом Петра I в охотничье шале Eremitagen датского короля Фредерика IV, расположенное в «Оленьем парке» (Dyrehaven) в местечке Йегерсборг на севере Копенгагена³. И, наконец, последний, строившийся параллельно с Эрмитажем павильон Марли задумывался как аллюзия на замок Монбижу (Schloss Monbijou) прусского короля Фридриха Вильгельма I и его супруги Софии Доротеи на северном берегу реки Шпрее под Берлином, где Петр в сопровождении Екатерины и свиты провел несколько дней в сентябре 1717 года. Не случайно при Петре новый павильон так и назывался «Монбижурский дом» или «Домик забавный» (Lusthaus)⁴, а свое название Марли ансамбль получил уже после смерти императора от расположенной по соседству «марлинской кашкады», образцом для которой действительно послужил большой центральный каскад («Река») парка Марли ле Руа французского короля⁵.

¹ Существует версия, что первые триумфальные врата в российской истории были воздвигнуты в честь отца Петра I — царя Алексея Михайловича — в завоеванном в ходе русско-польской войны 1654–1667 годов литовском городе Вильно.

² Первым исследователем, обратившим внимание на близость планировки ансамблей Бранденбургского Монплезира и сделанного Петром собственноручно в 1713 или начале 1714 года первоначального эскиза Монплезира в Петергофе, был С. Б. Горбатенко. См.: *Горбатенко С. Б.* Петергофский Монплеизр — плод немецких ассоциаций Петра I // Россия — Германия. Пространство общения. Материалы X Царско-сельской научной конференции. СПб., 2004. С. 133.

³ Павильон построен в 1694 году придворным архитектором датского короля Кристиана V Хансом ван Стенвинкелем Младшим. Подробнее об этом см.: *Корндорф А.* О неизвестном прототипе петергофского Эрмитажа // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. СПб., 2018. С. 240–255.

⁴ *Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 141.

⁵ Второй по величине каскад Марли ле Руа — «каскад Агриппины» — в свою очередь стал прообразом «Рунинного каскада» Нижнего парка Петергофа (впоследствии каскад «Шахматная гора»).

Более того, стало ясно, что за идеей каждого из этих павильонов стоит нечто большее — а именно общая архитектурно-мемориальная программа, возможно, совершенно спонтанная, но тем не менее отчетливо отражающая военно-политическую историю России через призму личных впечатлений ее монарха. Ведь кому бы Петр ни поручал строительство своих «люстхаузов» и фонтанов — А. Шлютеру, И. Браунштейну или Ж.-Б. А. Леблону, главным архитектором и создателем общей концепции сада всегда оставался он сам.

В этой программе каждому из павильонов Нижнего парка, непосредственно связанному в глазах императора и его приближенных со своим европейским прототипом, отводилась роль меморативного знака, своего рода «памятной вешки» в том грандиозном внешнеполитическом проекте по расширению территорий России на Балтике, реализация которого стала делом всей жизни Петра.

Риском предположить, что одним из определяющих для Петра факторов обращения к бранденбургскому Монплезиру в качестве образца для своей любимой загородной резиденции стало не столько впечатление, произведенное архитектурой дворца, сколько событие, произошедшее в нем. Дело в том, что именно здесь, в Шведте на Одере, было подписано союзное соглашение, по которому Пруссия впервые присоединялась к антишведской коалиции, а личная симпатия Петра и недавно вступившего в монаршие права Фридриха-Вильгельма обещала перерасти не только в крепкий военный союз, но и в государственную дружбу⁶.

Сближение с Пруссией было для Петра делом особенной важности, поскольку с начала 1710-х годов царь вынашивал планы по влиянию на «германские дела» и в связи с этим стремился к вхождению в тесный контакт с герцогствами, расположенными вблизи Балтийского побережья. Этого требовали политические и торговые интересы державы, желавшей упрочить свое положение на море. Но была и другая причина: путем политических и матримониальных комбинаций Петр стремился получить возможность оказывать давление на страны Священной Римской империи, принадлежавшие германской нации. По замыслу царя, это должно было придать международному положению России наибольшую устойчивость и обеспечить ей постоянную поддержку со стороны Австрии и других германских государств на случай шведского реванша или турецкого нападения. Одним из средств для достижения этих целей должны были стать

⁶ Согласно договору, заключенному в Шведте 6 октября 1713 года, Фридрих Вильгельм должен был немедленно разместить свои военные силы в Штеттине, на землях между реками Одер и Пене с городами Деммин, Вольгаст и Анклам. В качестве нейтральной силы прусские войска брали эту территорию в «секвестр» (залоговое присутствие) на время, пока воюющие стороны — Россия и Швеция — не выведут оттуда свои войска. Однако передача данных земель лишь в секвестр для прусского короля была недостаточной. Амбициозный Фридрих Вильгельм хотел более решительных действий, а именно — перехода шведских земель в Германии к Пруссии. Петр I, со своей стороны тоже понимал, что вхождение Пруссии в Северный союз должно сопровождаться уступкой определенных территорий. Для продолжения переговоров в феврале 1714 года в Россию с визитом прибыл прусский посланник В. А. Шлиппенбах. А в Берлине Фридрих Вильгельм I столь же дружелюбно встречал главу русского дипломатического ведомства Ф. А. Головкина, сообщив ему, между прочим: «Теперь я ни на кого так не надеюсь, как на царское величество, а главное, питаю особенную любовь к персоне его царского величества» (*Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Russland und Sweden. 1700–1713, Munchen, 1953. S. 163*).

Главным этапом этих переговоров и стало подписание оборонительного союза 1(12) июня 1714 года. По нему к Пруссии отходили Штеттин и все окрестные области до реки Пене. А Пруссия гарантировала оставление за Россией Карелии и Ингерманландии.

Благодаря заключению этого договора между монархами завязались настоящие теплые взаимоотношения: «Ваше царское Величество можете быть вполне убеждены, что я, со своей стороны, испытываю те же чувства и желания по отношению к Вам, и меня можете больше всего осчастливить, это если я найду возможность сделать это что-нибудь для удовольствия Вашего Царского Величества», писал Фридрих Вильгельм Петру. (цит. по: *Козлова Ю. А. Русско-пруссские отношения в годы Северной войны (1709–1717 гг.) // Преподаватель XXI в. 2018. № 1, ч. 2. С. 271*).

династические браки⁷, другим — упрочение союза с Пруссией и Саксонией. Строительство Монплезира началось как раз в тот момент, когда Петр, возлагая большие надежды на Северный союз, надеялся, что переломный момент в войне вот-вот произойдет, и победа уже не за горами. И хотя эти надежды оправдались лишь несколько лет спустя, договоренности, достигнутые в Шведе стали для царя первым важным успехом Северной войны и имели колоссальное значение для развития русско-пруссских отношений. Пруссия оставалась преданным российским союзником и оказывала реальную помощь на арене военных действий против Швеции. А Монплефир стал для царя своего рода памятником его дипломатическим успехам⁸. Пруссские коннотации петергофского Монплезира долгое время отчетливо ощущались современниками⁹, но, тем не менее, строительство Монплезира, по всей вероятности, еще не имело осознанной цели увековечить дипломатические успехи России в мемориальной программе павильонов Нижнего сада. Можно думать, что такой план созрел у Петра только в 1721 году, когда мирные переговоры со Швецией подходили к концу, и после семилетнего перерыва царь решил продолжить строительство Петергофа.

Так, Эрмитаж стал данью памяти самому славному эпизоду морского десанта Северной войны, дню, когда русский царь на борту «Ингерманландии» вышел из Дании во главе 70 кораблей объединенного русско-датско-англо-голландского флота. 5 августа 1716 года под императорским штандартом крупнейшая европейская эскадра двинулась к острову Борнхольм, чтобы нанести решающий удар по шведским силам и перенести театр военных действий с Балтики на территорию самой Швеции. Готовившаяся несколько месяцев операция ничем не закончилась, но Петр не мог забыть этот миг европейского признания своего полководческого таланта и славы России (увековеченный в виде особой медали¹⁰), даже несмотря на общий крах идеи совместного военного десанта в Скании, который призван был принудить Карла XII к быстрому заключению мира и стать поворотным пунктом в Северной войне.

Желая подчеркнуть связь своего павильона с этим знаменательным событием, Петр не только использует в качестве иконографического образца для него Эрмитаж датского короля, в окрестностях которого он, утомленный ожиданием начала операции

⁷ В 1710 году Петр выдал свою племянницу Анну Иоанновну за герцога Курляндского, в 1711 женил сына Алексея на принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской, свояченице германского императора, в 1716 выдал другую племянницу, Екатерину, за герцога Мекленбург-Шверинского. Впереди был еще один брачный союз, на который Петр делал большую ставку, — Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского (племянника шведского короля Карла XII, считавшегося наиболее вероятным кандидатом на шведский престол) с цесаревной Анной Петровной, состоявшийся в 1725 году уже после кончины Петра.

⁸ Во время своего второго заграничного турне Петр даже заказал план дворцового комплекса в Шведе для собственной библиотеки. Ныне план ансамбля дворца в Шведе на Одере, датированный декабрем 1717 года, хранится в составе коллекции чертежей Петра в Библиотеке РАН (НИОР. F° 266. Т. 5. Л. 7).

⁹ Например, французский посланник Жак де Кампредон писал в донесении своему королю от 8 сентября 1723 года: «Царь и принц поместились в маленьком домике, построенном в саду на берегу моря и названном “Mопplaisir” в подражание подобному же домику вблизи Берлина...» (цит. по: *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. М.; Л., 1961. С. 170). Справедливости ради стоит отметить, что в этом, часто цитируемом отзыве французский дипломат, бывавший в Пруссии лишь проездом, совершил либо топографическую ошибку (ведь Шведт располагался вовсе не поблизости от Берлина, а в 85 километрах, что по меркам Германии расстояние немалое и — более того — это уже Бранденбург), либо он имел в виду другой замок. Горбатенко предполагает, что Кампредон ведет речь о берлинском загородном дворце «Мон Бижу». Однако, на мой взгляд, для человека начала XVIII столетия «номиналистский» аспект гораздо важнее, чем сугубо иконографический, и указание на подобный «монплефир» куда существеннее его местоположения. Ибо именно «одноименность» выступает здесь гарантом правильно понятой преемственности.

¹⁰ На реверсе медали было выбито: «Владычествует четырьмя [флотами] при Борнголме».

и трехмесячным пребыванием в Копенгагене, неоднократно охотился, но и издает особое распоряжение: «... в Питергофе <...> к Армитажу сделать два балкона дубовые, как на корабле „Ингерманландия“, у окон железные решетки чистою работою» точно такого рисунка, какой был на корабле. Для этого мастер Мишель должен был зарисовать решетки, находившиеся на флагмане Балтийского флота. Этот, казалось бы, малозаметный эпизод строительства Эрмитажа, говорит о том значении, которое Петр придавал единственному моменту своего триумфа во время довольно бесславной из-за нерешительности союзников операции. Таким образом, стоящий на берегу Балтийского моря Эрмитаж должен был стать своего рода воспоминанием о визите царя в Данию и одновременно символом морского могущества России.

Наконец, последний из павильонов Нижнего парка Марли — Монбизу¹¹ вновь актуализировал прусские коннотации петровской внешней политики и был призван напоминать об исключительно перспективном с политической точки зрения пребывании Петра в качестве гостя прусской короны в берлинском Монбизу осенью 1717 года¹². Во время строительства павильона Петр планировал разыграть новую карту в хитроумной северо-европейской политической игре. Он сделал ставку на молодого герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского — племянника шведского короля Карла XII и кандидата на шведский престол, которому благодаря союзу с Пруссией удалось вернуть доставшийся Дании Гольштейн. В июне 1721 года по приглашению Петра герцог приехал в Петербург в качестве жениха одной из царских дочерей (какой именно, государь еще не решил) и был использован в качестве козыря российской дипломатии при обсуждении условий союза России и Швеции, заключенного 22 февраля 1724 года. В ноябре того же года наконец состоялось обручение Карла-Фридриха с цесаревной Анной Петровной, а брак был оформлен в 1725 году уже после смерти Петра.

Свою роль в этом «театре памяти» получили и другие постройки Нижнего сада¹³.

¹¹ Мысль о том, что ансамбль петергофского Марли навеян образами загородной усадьбы прусского короля Фридриха Вильгельма впервые высказал Гейрот в своем описании «Описание Петергофа» (1868), а затем вновь реанимировал Горбатенко. На первый взгляд, небольшой одноэтажный дворец Монбизу, возведенный Эозандером фон Гёте в том виде, в каком он известен по специально заказанной Петром в 1717 году копии генерального плана замка и его фасада, имеет не очень много общего с реально возведенным павильоном в западной части Нижнего парка Петергофа.

Между тем, здесь важно учитывать два обстоятельства. Во-первых, что Монбизу был в 1717 году перестроен и, во-вторых, что первоначальный план Марли претерпел в ходе строительства целый ряд серьезных изменений — например, по распоряжению Петра в 1721 году был надстроен второй этаж, который изначально не предполагался. Кроме того, большинство прообразов своих построек Петр трактовал весьма вольно, перерабатывая их согласно собственному вкусу. Следовать духу, а не букве — то есть формальным признакам образца — тенденция вообще характерная для барокко. Поэтому, если говорить о строительстве Марли прежде всего в контексте его мемориальной функции, то связь с прусским источником окажется не менее отчетливой, чем с французским тезкой. Тем более, что прототипом прусского дворца Монбизу, так же, как и копенгагенского Эрмитажа, был все тот же дворец любимой резиденции Людовика XIV Марли.

¹² Несмотря на позднейшее недовольство прусской королевской семьи поведением русского царя и его приближенных, о чем оставила хорошо известные красноречивые воспоминания Вильгельмина, сам Петр остался более чем удовлетворен визитом и «великими ассамблеями», устроенными в его честь в замке. Всего за месяц до этого в Амстердаме был заключен договор с Францией и Пруссией, который предусматривал благоприятное посредничество обеих этих держав при заключении мирного договора России со Швецией и — более того — обязывал Францию прекратить финансовую поддержку Карла XII.

¹³ В частности, имеются совершенно точные инструкции самого Петра относительно каскадов: «Кашкаду большую сделать во всем против Марлинской, которая против королевских палат. Оную препорцию можно сыскать из книги писанной, а не печатанной, которых две у меня в летнем доме». Причем для осуществления этого замысла Петра Браунштейн не удовлетворялся подаренной Петру во время путешествия рукописной книгой, а заказал через обер-комиссара Ульяна Синявина во Франции необходимые чертежи.

Таким образом, последние из построенных Петром петергофских павильонов — оснащённый по последнему слову техники уединённый банкетный павильон Эрмитаж и домик для гостей Марли — были не просто навеяны воспоминаниями о без малого двухлетнем путешествии «царской делегации» по Северной и Центральной Европе, но задумывались как своего рода мнемонические образы тех мест, где состоялись наиболее значимые для престижа России события, и тех государств, союзу с которыми русский государь был во многом обязан своей победой. По всей вероятности, Петр вынашивал план их создания с момента своего возвращения, но смог приступить к его реализации только когда исход Северной войны был предрешен, и принявший титул императора русский царь смог посвятить время и силы достойному его нового статуса преобразованию парадной резиденции, а воспоминания о встречах с монархами европейских держав окрасились в тона ретроспективного дружественного союза.

Идея связать новые постройки с последовавшими за Ништадтским мирным договором событиями внешнеполитической жизни России, включили *post factum* и Монпельез в общее смысловое поле мнемонической программы. В таком аддитивном принципе создания целого ансамбля путем постепенного пристроения и прибавления одного самостоятельного сооружения к другому не было ничего нового ни для европейской, ни для традиционной русской архитектуры. Новостью стала скорее способность барочного мышления образовывать особую конфигурацию из завязывающихся взаимных связей и соотражений соединяемых объектов.

Эта способность частей соотражаться и создавать общий смысловой резонанс целого, получившая соответствие в монадологии Лейбница, оказалась замечательным способом организации произведений, открытым и освоенным в эпоху барокко. Кажущееся отсутствие внутреннего единства и цельности замысла всегда предполагает в таких произведениях некий неявный слой, который способен задавать программу всему целому, будь то числовые отношения конструкции или риторическая схема. В нашем случае единство целого устанавливается единым пространством персональной памяти государя, в каковое помещено все содержащееся в ней, сколь бы разнородным оно ни было. Ведь именно память, по определению Лейбница, обретает качество той силы, что позволяет вместить единичное в универсум. Но память барокко еще не субъективна, и мир не может переживаться и воспроизводиться изнутри человеческого «я». Память по-прежнему сохраняет онтологический статус и идет от самого бытия, словно наслаиваясь на человека извне. Она перед ним и при нем, как все, что встретилось на его пути, а не внутри интериоризированного исторического процесса. Поэтому главным инструментом работы памяти, обеспечивающим равновесие «индивидуального опыта» и объективированного мира универсалий, для барокко становится эмблема. Саму возможность такой эмблематической памяти обеспечивает непрерывность аллегорического толкования любых вещей и явлений, традиция «сигнификативной речи», восходящая к историческим началам риторики и захватывающая эпоху барокко.

Внутреннее строение архитектурной мемориальной программы целиком вытекает из этого устройства памяти. Все непосредственные жизненные и в том числе архитектурные впечатления заведомо опосредуются смысловыми; любое воспоминание приобретает признаки репрезентативности и заключает в себе философско-исторический план. Всякая ситуация застывает, превращаясь в зрительную схему, которая тут же риторически и моралистски интерпретируется, становясь эмблемой, выражающей аллегорический общий смысл. Поэтому реальная событийность так легко превращается в эмблематические картины фейерверков, многодельные аллегории школьных пьес или декоративных врат, прославляющих петровские победы, и наоборот. Особенно

характерны в этом отношении эмблемы-наименования петровских кораблей¹⁴.

В архитектурной программе Петергофа этот принцип памяти манифестируется не менее отчетливо. Воспоминания царя о посещении резиденций европейских монархов и произошедших в них событиях представляется набором архитектурных образов, нуждающихся в дополнительной вербальной экспликации. Как эмблема не возникает произвольно по прихоти «инвентора», а опирается на риторический лексикон готовых слов-образов, известных по множеству соответствующих сборников, так и уже готовый архитектурный прототип воспринимается вместе со своим именем, которое неотрывно от него и его функции, как слово и девиз неотрывны от изобразительного образа эмблемы.

Эмблематичность архитектурного объекта подразумевает сопряженность его образа и слова, то есть говорящего названия, служащего раскрывающим функцию девизом («мое удовольствие», «хижина отшельника» и др.). Иконографические черты архитектурного прототипа в такой программе оказываются вторичны, главное — смысловые взаимоотношения с той ситуацией, в которой Петр увидел и воспринял данное здание.

По всей вероятности, взгляд сегодняшнего историка на события Северной войны существенно разнится с представлениями ее участников, и тот факт, что, приискивая иконографические образцы для своих новых садовых затей, Петр обращается к архитектурным впечатлениям, что лежат вне магистральных путей российской внешней политики, весьма примечателен. Но дело не в том, существенны или несущественны в исторической перспективе те события истории, значимость которых впечатляет царя: они есть выявление — и выявление действительно субъективное — скрытого роста памяти, живущей в государе как политическом деятеле и человеке, в его отношении к миру как подлежащему овладению со стороны человека. Увековеченная в архитектурной программе Петергофа память о них не размывается потоком времени, не гибнет, но в то же время остается и герметически замкнутой равновесной системой.

Конец ситуации, когда человек, помещенный между персональным деянием и коллективной памятью, должен сохранять баланс, назревает в России в середине XVIII века. В царствование Екатерины идея репрезентация памяти прорывает рамки эмблематического мышления, что находит выражение в знаменитом декларативном отказе императрицы от старых схем мемориализации. Готовя торжества, призванные увековечить в глазах современников и потомков заключение Кючук-Кайнарджийского мира, Екатерина II в письме к Гримму гневно обрушивается на традиционный репертуар архитектурной мнемоники: «Был составлен проект праздника, и все одно и то же, как всегда: храм Януса, да храм Бахуса, храм невесть какого чёрта и его бабушки <...>

¹⁴ Символично-аллегорическая номинация кораблей русского флота и раскрытие символа через девиз были практикой, заимствованной из западноевропейских стран. Особенно популярной она стала после возвращения Петра I из первого заграничного путешествия, во время которого он увлекся эмблемами, символами и аллегориями. Вот только некоторые из названий и девизов русских кораблей: «Бомба» — девиз «Горе тому, кому достанусь», «Черепаша» — «Терпением увидишь делу окончанье», «Спящий лев» — «Сердце его бдит», «Шага» — «Покажи мне суть лаврового венца», «Три рюмки» — «Держи во всех делах меру». Очень часто девизы и названия писались вместе на кормовых украшениях, поэтому нередко корабли именовались девизами наравне с названиями — например, в приказе по Азовской флотилии от 26 июля 1700 года сказано, что «...надобно морского каравана капитану Ивану Бекману на три корабля, именуемые: „Смертью его исцеляются“, „Крепость“, „Дверь отворена“, по полусажени дров для варения смолы». То есть первый из указанных в приказе кораблей — «Скорпион» — был назван не по имени, а по принадлежащему ему девизу. Документы свидетельствуют, что многие названия и девизы Петр I и его помощники заимствовали из популярных западноевропейских гербовников и эмблематических сборников. Многие корабли носили по два и более названий, чаще всего русское и его перевод на голландский, английский, немецкий или французский языки, например, «Баран» — «Трумель», «Еж» — «Игель», «Камень» — «Штейн»... (см.: *Каланов Н. А.* Имена петровских кораблей // *Mil. Press Flot*. URL: <https://flot.com/mess/kalanst1.htm> (дата обращения: 12.01.2022)).

устаревшие, несносные аллегии ...» — писала она. Императрица была права: теперь, когда Энциклопедия утвердила за памятью роль «матери» истории, «которая соединяет нас с прошлыми столетиями, показывая картину пороков и добродетелей, знаний и ошибок, а сведения о нас передает будущим столетиям» (Д'Аламбер), нужны были новые действенные средства репрезентации памяти. Отныне не то, что было, стихийно схватывается памятью как «нечто значимое» и достойное «увековеченья», а то, чему суждено стать; воплощаются не случившееся событие (как один из моментов, слагающихся во времени в сумму таких отдельных моментов) или впечатление, а судьба эпохи и судьба времени. Время и история, стирая грани между собой, превращаются в непрерывную бесконечность исторической памяти. Овеществление памяти для вечности выходит за границы текущего времени и даже самой эпохи и потому нуждается в подробном и наглядном прояснении своего смысла. Архитектура перестает быть эмблематичной и делается «говорящей». А сама память из эмблематической становится созидающей.

Эта простая, но определяющая черта ставит памятники екатерининской эпохи вне всех тех типов коммеморации, к которым привыкли предшественники. Все предыдущие архитектурные программы имели дело с памятью, обращённой вспять или же ввысь к универсуму, памятью как припоминанием былого или новым воплощением вечного, продолжением и интерпретацией уже случившегося или заранее заданного в настоящем. Они скорее конечная точка памяти, идущей от события в прошлом в правопреемное настоящее. Память в архитектурных программах Екатерины направлена вперед в будущее. Возводимые ею объекты, призваны не столько перебросить мост традиции из прошлого в современность или поддержать актуальный для Екатерины миф «*translatio imperia*», сколько нацелены из настоящего в грядущее. Этот вектор характерен и для политических прожектов императрицы. Так, если традиционный политический постулат «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать» — метафора, обращенная в прошлое, то новый «Греческий проект» — это брошенный в будущее призыв к освобождению Константинополя от варварства, свержению Оттоманской Порты и возрождению православного Греческого царства под эгидой российской монархини. Поэтому главная задача екатерининских памятников — создать образ настоящего, обращенный в будущее к потомкам, и, творя наперед память о сегодняшнем дне, повлиять на формирование будущего и заранее занять свое место в нем. Вполне просветительская идея.

Императрица не только создает первые в истории России «настоящие» памятники — «Медного всадника», колонны и обелиски в честь побед русской армии и флота, но именно при ней в отечественный обиход входит само слово «памятник» в сегодняшнем общеупотребительном смысле. Примечательно, что словари 1750-х годов еще «не знают» такого понятия и, публикуя в 1747 году свое переложение знаменитой тридцатой оды Горация, М. В. Ломоносов именуется стихотворение «Монументум»¹⁵ и начинает его с перифраза, определяющего суть отсутствующего в русском языке понятия как «знак бессмертия». В 1780-е годы, во время работы Э. Фальконе над скульптурой Петра, «монумент» и «памятник» уже в ходу почти на равных, а на излете века, переводя всю ту же оду Горация, Г. Р. Державин уже однозначно выбирает для названия слово «Памятник».

Такой бурный интерес к проблеме памяти и всевозможным способам ее запечатления — от исторических трудов и собирания фольклора до повального строительства надгробных монументов любимым лошадям и собачкам — разумеется, не был инспи-

¹⁵ Первое на русском языке переложение тридцатой оды Горация (кн. 3) «К Мельпомене» (*Exegi monumentum aere perennius...*), написанной в 23 году до н.э. Другие переложения и подражания этой оды делали Г. Р. Державин («Памятник»), К. Н. Батюшков («Подражание Горацию»), А. С. Пушкин («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), В. Я. Брюсов («Памятник — «Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен...»), А. А. Фет («Воздвиг я памятник вечнее меди прочной...»), А. П. Семенов-Тянь-Шанский, и др.

рирован «свыше», скорее, наоборот, пристальное внимание Екатерины к сохранению памяти было данью общему европейскому поветрию.

Обрушившееся на человека осознание непрерывности исторического процесса, а также расцвет масонских и мистических учений необыкновенно актуализировали в Европе идеи архитектурных сооружений, напрямую связанных с памятью. Гробницы и кладбища стали чуть ли не самой популярной темой архитектурных фантазий, а затем и реального зодчества. Общая мегаломания, завладевшая умами архитекторов, привела к появлению на свет двух новых типов мемориальных сооружений — кенотафов и храмов памяти. И если первый из кенотафов¹⁶, спроектированный Этьеном-Луи Булле в виде гигантской сферы, имел реальное посвящение Ньютоном — великому мистика и «механику Вселенной», то все последующие не имели ровным счетом никаких посвящений и несли в себе лишь абстрактную и очищенную от всего преходящего идею памяти.

Не менее примечательным объектом был и столь же утопический в своей грандиозности Храм памяти Клода-Николя Леду в Шо (Chaux). Центричная структура крестообразного в плане здания, поднимающегося уступами, как зиккурат, и обелиски по бокам напоминают многочисленные реконструкции Храма Соломона. Колонны покрыты изображениями мифологических сцен, посвященных героическим деяниям женщин, а храм в целом — память материнству и женщинам, обновляющим мир, разрушаемый воинами. Для Леду его город Шо был символом формирования нового человека и нового мира, поэтому архитектор мыслил его как алхимический кристалл познания. Таким образом, храм памяти от способа представить все человеческие знания и метода для запоминания речей трансформируется под влиянием масонских идей в инструмент для обучения. Нередко сама масонская ложа — и как духовная конструкция, и как идеальный архитектурный объект — осмысляется в это время в категориях храма памяти¹⁷.

В кругу этих и подобных им идей Екатерина II и задумала собственную мнемоническую архитектурную программу, воплощением которой стал комплекс сооружений, посвященных русско-турецкой войне, возводимый в 1770-х годах в любимой летней резиденции императрицы — Царском Селе. Примечательно, что эта программа, так же, как и программа петергофского Нижнего парка была инспирирована успехами России на театре военных действий. Но тем очевиднее различие между ними.

Идея отмечать победы русского оружия соответствующими памятниками появилась у императрицы чуть ли не одновременно с началом войны. Более того, первый же из этих памятников — Башня-руина в Царском Селе (Ю. Фельтен, 1771) должен был обозначить ее цели и стать наглядным символом всего «Греческого проекта». Башня-руина

¹⁶ Первые кенотафы (по-гречески — пустые гробницы) по преданию строились восточными правителями рядом с единственной настоящей, дабы запутать грабителей, которым пришлось бы слишком долго искать тот курган, под которым действительно покоился царь, а с ним и разнообразные материальные ценности.

¹⁷ По сравнению с системами памяти Джордано Бруно или Джулио Камилла масонская ложа — очень простой храм памяти. По сути, он предназначен для получения эффекта инициации посредством воспоминания образов и символов, воспринятых в ходе физического движения «сквозь» ложу-храм. Каждая степень соответствует одному из аспектов этого храма. Например, степень Ученика связана с «напоминанием» о месте человека в космической схеме вещей, в макром мире. Степень Подмастерья приводит посвященного с небес на землю и соответствует движению в материальном мире. Степень Мастера позволяет погрузиться дальше внутрь, в себя, в микрокосм человеческой психики. Таким образом, искусство памяти остается неотъемлемой частью масонского посвящения. А сам метод инициации призван, с одной стороны, интериоризовать храм памяти в душе, а с другой — создать соответствующую обстановку Ложи, чтобы духовный путь в этом, полном символов храме, напоминал о том мистическом здании, что обещан в вечном нерукотворном «доме» на небесах. Таким образом, Ложа могла совмещать в себе виртуальный Храм Памяти, воображаемый Храм Соломона, а также конкретные фиксированные мемориальные места, наполненные символическими образами, отсылающими к этим двум локусам.

«представляла собой как бы часть погребенных под землей античных развалин с маленькой турецкой надстройкой — аллегория дремлющей под османской властью великой Греции»¹⁸ — ушедшую в землю тосканскую колонну циклопических размеров, на верху которой поставлен готический павильон. К колонне примыкает огромная стена, прорезанная такой же огромной аркой. Все сооружение сложено из красного кирпича, на поверхности которого намеренно созданы трещины и выбоины, создающие впечатление глубокой древности. С турецкой темой это сооружение было бы трудно соотнести, если бы не надпись, помещенная на замковом камне арки: «На память войны, объявленной турками России, сей камень поставлен 1768 году».

Каждая победа привносила что-то новое в триумфально-мемориальную программу императрицы. Орловские ворота, Чесменская ростральная колонна, Крымская колонна и Кагульский обелиск, возведенные А. Ринальди в течение 1770-х годов, последовательно воплощали тему античности как «говорящей» памяти, накапливающейся в пространстве Царскосельского парка, чтобы рассказать потомкам о победах просвещенной императрицы над «варварами». Поставленная посередине Большого пруда Чесменская колонна¹⁹, в свою очередь, сделала этот водоем символом места битвы и превратила в водное пространство, игравшее в различных парковых аллегориях роль то Средиземного, то Черного морей — в зависимости от взаимодействия с различными монументами, посвященными той или иной победе. Екатерина II писала: «Когда война сия продолжится, то Царскосельский мой сад будет походить на игрушечку, после каждого славного воинского деяния воздвигается в нем приличный памятник. Битва при Кагуле <...> возродила в нем обелиск с надписью <...> морское сражение при Чесме произвело в великом пруде Ростральную колонну, взятие Крыма и высадка войск в Морее ознаменованы равным образом на других местах <...> Еще приказала я построить в лесочке храм Памяти, где все события, в оную войну бывшие, представлены на медальонах».

«Ключом» к аллегии, запечатленной в триумфальной части ансамбля, служили слова из оды «На взятие Очакова»: «Ты в плесках видишь в храм Софии». Эта фраза означала, что русские войска пересекут Черное море и займут Константинополь, чему соответствовала созданная архитектурная композиция. За озером, где стояла Ростральная колонна, символ морских побед, Чарльз Камерон построил собор Святой Софии. В XVIII столетии его считали копией константинопольской Айя-Софии. Таким образом, смысл парка заключал в себе политическое будущее — падение Турции и создание на месте Византии Греческой империи. На ее трон предполагали возвести второго внука императрицы Константина. И венценосная бабушка загодя дала ему имя, намекая на императора Византии Константина Великого.

Изображение в парковом ансамбле будущего — редкий случай в XVIII столетии, но еще более примечательно, что его сутью была инверсированная идея памяти, памяти, обращенной в будущее. А потому «сверхзадачей» любого памятника русского Просвещения было закрепление в сознании определенной концепции истории, легитимирующей политические цели и моральные принципы своего времени. Именно эта «содержательная» сторона всегда оставалась главной в архитектурных программах екатерининского времени, характерной особенностью которых стала не эмблематико-аллегорическая, а, если пользоваться выражением К.-Н. Леду, «говорящая» составляющая архитектуры.

Апофеозом царскосельской программы стало торжественное празднование

¹⁸ Швидковский Д. О. Чарльз Камерон и архитектура императорских резиденций. М., 2008. С. 298.

¹⁹ Хотя колонна, возведенная А. Ринальди в честь победы русского флота над турецким в битве при Чесме, напоминала монумент в память морских сражений лорда Гренвиля в английском парке Стоу, вероятно, и указанный мастеру императрицей как прототип его монументов, в Царском Селе были усилены как монументальность памятника, так и подчеркнута изобразительная сторона его аллегорического содержания. А. Ринальди вознес ростральную колонну на мощное каменное основание, создав целый искусственный остров.

в 1775 году заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора — событие, имевшее место в Москве на Ходынском поле, но со всей дидактической наглядностью бутафорской окказиональной архитектуры спрессовавшее в одномоментном впечатлении прираставшую годами мемориальную идею царскосельского ансамбля²⁰.

Разговор о различных путях, какими памятники и здания используются в мемориальной практике русских императорских резиденций XVIII века и о самих метаморфозах памяти, можно заключить еще одним показательным примером. Речь идет об ансамбле Павловского парка, каким он складывался в 1780-е годы после возвращения наследника престола Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны из двухгодичного путешествия по Европе, совершавшегося инкогнито под именем четы графа и графини Северных.

Маршрут путешествия по поручению Екатерины II был разработан Н. Б. Юсуповым и сыграл значительную роль в создании ансамблей Павловска и других резиденций наследника. И дело не только в том, что из этого Гран тура Павел Петрович и Мария Федоровна вернулись, привозя с собой множество художественных впечатлений,

²⁰ Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Османской империей завершил первую русско-турецкую войну 1768–1774 годов. Он не только подтвердил территориальные завоевания России в рамках предыдущего Белградского мирного договора 1739 года, но и принес империи важные опорные пункты в Крыму — порты Керчь и Еникале. По условиям мирного договора русские торговые корабли в турецких водах пользовались теми же привилегиями, что и французские и английские, а главное, Россия получила право иметь свой военный флот на Черном море и право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Торжества по этому случаю решено было провести в Москве. Императрица самолично разрабатывала их программу. Вот, что писала она по этому поводу в письме к Гримму: «В одно прекрасное утро я призвала к себе своего архитектора Баженова и сказала ему: Любезный мой Баженов, за три версты от города есть луг, представьте, луг это Чёрное море <...> из города туда ведут две дороги: ну вот одна из сих дорог будет Танаис (античное название Дона. — Д. Ш.), а другая Борисфен (Днепр. — Д. Ш.); на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; при устье другого вы устроите театр и назовете его Кинбурном. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставите Керчь и Еникале, две бальные залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устроите фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный <...> Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога. Правда, что море на твердой земле не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток». (цит. по: *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. С. 304).

Оформлением праздника на Ходынском поле руководил В. И. Баженов, который привлек к работе над чертежами и к возведению павильонов своего ученика М. Ф. Казакова.

Аналогичные сооружения с той же меморативной целью увековечить память о военных победах над Османской империей стали строиться и усадьбах участников сражений. Усадьба Михалково (ныне в границах Москвы) принадлежала во второй половине XVIII века герою русско-турецкой войны П. И. Панину, взявшему в 1770 году крепость Бендеры. В ней был построен усадебный дом, очевидно, в «готическом» стиле, который воспроизводил «одну из крепостей, взятых Паниным» (не сохранился). До наших дней дошли только «крепостные» башни нескольких въездов, возведенные из красного кирпича. В Яропольце, принадлежавшем генерал-фельдмаршалу графу З. Г. Чернышеву (в 18 км от Волоколамска) в 1774 году в ознаменование победы над Турцией на главной аллее парка был построен павильон «Мечеть», а рядом установлен обелиск в честь побед графа Румянцева-Задунайского. В другой своей усадьбе Черешенки З. Г. Чернышев приказал построить несколько сооружений в восточном стиле, в том числе «молдавский» дом и «турецкий» дом с театром. Они были деревянными и также не сохранились. Еще одна усадьба, Троицкое-Кайнарджи (в 21 км от Москвы), принадлежала фельдмаршалу и герою войны графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. В ней в августе 1775 года, после окончания Ходынских торжеств, продолжилось празднование заключения Кючук-Кайнарджийского мира, по случаю чего к древнему названию села «Троицкое» было присоединено название памятного турецкого местечка «Кайнарджи». В парке соорудили деревянный павильон, напоминавший одну из взятых полководцем крепостей (не сохранился), а площадки в местах пересечения аллей называли именами крепостей, взятых русскими войсками — Рымник, Кагул и т. д. (Подробнее об этом см.: *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций).

а также сундуков с книгами, мебелью, фарфором, бронзой, шпалерами, живописными полотнами, одеждой и драгоценностями. Но скорее в том, что с этого времени пространство Павловска и Гатчины, активно формировавшееся в соответствии со вкусом своих владельцев, можно рассматривать как особое, параллельное екатерининской эпохе, устроенное по законам наступающего времени сентиментализма. В этом отношении весьма примечательна очередная метаморфоза памяти, нашедшая отражение в архитектурной программе возводимых Ч. Камероном парковых павильонов в Павловске.

Если Гатчина связана скорее с именем наследника, то Павловск стал главным детищем будущей императрицы, которому она посвятила сорок лет своей жизни, превратив его аллеи, по образному выражению современника, в «маршруты своей памяти». И хотя эти слова сказаны в XIX столетии, уже в 1780-е годы смыслом архитектурной программы павловского парка становятся сентиментальные памятные знаки, призванные, трогая сердце, пробуждать память, которая уже осознала себя как таковую и в этом смысле стала одним из ключевых понятий сентиментализма. Облекаясь в архитектурную форму, мемориальные знаки могут обрастать рефлексией, служить рациональным целям реконструкции античных образцов или, напротив, руссоистского бегства к природе, но в любом случае они обретают смысл только в проникновении внутреннего, в мире психологически понятой памяти. Центр тяжести постепенно переносится с бытия и осознания ценности текущей исторической ситуации на внутреннее состояние человека, на его аффекты и эмоции, ибо теперь человек все более превращается из вообще «человека» в психологически разлагаемую душу. В своей работе о Руссо Жан Старобинский вводит понятие «гербаризм памяти», имея в виду особый механизм работы памяти, связанный с сохранением ее знаков.

Во время своих прогулок Руссо выбирает цветы и растения, а затем размещает их в своем гербарии. И когда по прошествии времени Руссо листает этот гербарий, его посещают воспоминания. Глядя на конкретное растение, Руссо мысленно переносится в то место, где он его сорвал. Цветок становится «памятным знаком». Разглядывая свой гербарий, Руссо пробуждает память о прогулках и мечтах, которые сопровождали их, он с прежней интенсивностью вновь переживает те же чувства. Таким образом меморативный знак существует для записи впечатления в память и одновременно дает доступ к этой памяти.

И если у Руссо таким меморативным знаком служит засушенное растение, сорванное в определенном месте и сохраненное среди книжных страниц, то на примере Павловска мы видим, что с таким же успехом сувениром памяти может быть и архитектурная форма.

Растение из гербария пробуждает у Руссо образ, освещенного солнечным светом пейзажа и прекрасного путешествия, оно заставляет его нынешнее сознание воссоздать прошлое состояние души и таким образом «служит цели исключительно внутренней: оно дает Жан-Жаку Жан-Жаку. Меморативный знак является, следовательно, медиацией, но такой, которая вводится для того, чтобы установить непосредственное присутствие воспоминания. Можно сказать, что эта медиация — медиация регрессивная, поскольку она далека от того, чтобы вызывать преодоление чувственного опыта, напротив, она должна проявить его во всей его целостности; она имеет дело только с оживлением предшествующего момента так, как он был пережит, без того, чтобы подчинять его усилиям познания, которое стремится постигнуть сущность времени. Засушенный цветок более действен, чем любая рефлексия; он вызывает спонтанное проявление образа прошлого в сознании, остающемся пассивным. Вновь обретший свое место в гербарии, цветок открывает Жан-Жаку самого себя и его далекое счастье, прекрасное путешествие, в которое он устремлялся ради того, чтобы открыть эти редкие, недостающие ему подвиды растений»²¹.

²¹ Starobinski J. Jean-Jacques Rousseau: La transparence et l'obstacle, suivi de Sept essais sur Rousseau. Paris, 1971. Pp. 292–293.

Описывая эту модель памяти как путешествия через воспоминания и воспоминания через путешествия, Старобинский практически описывает архитектурную программу Павловска. Уже для современников было очевидно, что его образы — это памятные сувениры о путешествии графов Северных по Европе. Сегодня, реконструируя маршрут и архитектурные впечатления наследника и его супруги, мы можем назвать источники, инспирировавшие ту или иную постройку: для Эрмитажа — это хижина монаха в парке родителей Марии Федоровны в Этупе, для Молочни — план Молочни герцога Вюртембергского, присланный лично Марией Федоровной из Швейцарии. Вольер, украшенный привезенными из Италии антиками, был своего рода вольной фантазией Камерона на тему терм Диаклетиана. Овальная остров Любви напоминал остров с павильоном Венеры в Шантийи, альбом видов которого Павел привез в Россию и неоднократно использовал как основу для своих заказов, там же, в Шантийи, он заимствовал и общее название парка — Сильвия.

Для Колоннады Аполлона можно приискать сразу несколько возможных прототипов, хотя проект был в целом утвержден еще до отъезда. Прежде всего это не только знаменитая колоннада Версаля, но и еще несколько подобных садовых храмов, поджидавших путешественников в роскошной резиденции герцога Карла Теодора Пфальцского в Шветценгене, а также храм Аполлона, который как свидетельство своей прежней расточительности и тяги к роскошествам продемонстрировал племяннице дядя Марии Федоровны, герцог Карл Евгений Вюртембергский в своем замке Хоэнхайм (Schloss Hohenheim) под Штутгартом, где в сентябре 1782 года он дал бал в честь прибытия дорогих гостей. Так или иначе, именно под впечатлением от этих визитов Мария Федоровна решила перенести уже выстроенную колоннаду в более живописное место.

Я не буду более подробно останавливаться на других примерах — суть от этого не меняется. Прогуливаясь по аллеям Павловска, Мария Федоровна могла вспоминать о милом вюртембергском доме и собственном путешествии. Еще одной темой стали личные, семейные воспоминания, начатые строительством обелиска об основании Павловска и затем продолженные Семейной рощей, состоящей из деревьев, посаженных членами семьи; храмом дружбы со статуей Екатерины в центре и окружающими ее шестнадцатью колоннами по числу живущих на тот момент родственников и детей Марии Федоровны, памятником сестре Фредерике, который после смерти родителей превратился в Мавзолей любимым родителям и, наконец, появившимся после смерти императора Павла «Мавзолеем супругу-благодетелю».

Таким образом, на примере трех важнейших императорских резиденций мы смогли проследить те метаморфозы, что претерпевала сама память в течение этого столетия, а также то, какое отражение это находило в личной политике памяти последовательно сменявших друг друга монархов и их архитектурных программах.

REFERENCES

- Arkhypov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets* [Petrodvorets]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ, 1961, 332 p. (In Russian)
- Dubyago T. B. *Russkie regulyarnye sady i parki* [Russian regular gardens and parks]. Leningrad, Gosstroyizdat, 1963, 341 p. (In Russian)
- Geyrot A. F. *Opisanie Petergofa* [Description of Peterhof]. 1501–1868. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1868, 132 p. (In Russian)
- Gorbatenko S. B. *Petergofskii Monplezir — plod nemetskikh assotsiatsii Petra I* [Peterhof Monplaisir — the result of German associations of Peter the Great]. *Rossiya — Germaniya. Prostranstvo obshcheniya Proceedings of the X Tsarskoselskaya scientific conference*. St. Petersburg: Publishing house of State Hermitage, 2004. Pp. 131–145. (In Russian)
- Grunwald K. *Franco-Russkie sousy* [Franco-Russian unions]. Moscow, 1968, 328 p. (In Russian)
- Hassinger E. *Bradenburg-Preussen, Rusland und Sweden, 1700–1713*. [Bradenburg-Prussia, Russia and Sweden]. Munchen, 1953, 234 p. (In German)
- Kalanov N. A. *Imena petrovskikh korably* [Names of Peter's ships]. Mil.Press Flot. Available at: <https://flot.com/mess/kalanst1.htm> (accessed: 12.01.2022). (In Russian)

Kozlova Y.A. Russko-Prusskie otnoshenia vo vremya Severnoy voiny (1709–1717) [Russian-Prussian relations in the times of the Northern War (1709–1717)]. *Prepodavatel XXI vek*. 2018. no. 1, part 2. Pp. 267–273. (In Russian)

Korndorf A. O neizvestnom prototipe petergofskogo Ermitazha [About the unknown prototype of the Peterhof Hermitage]. *Rossiya i Frantsiya: Kul'turnyi dialog v panorame vekov. Proceedings of the X International Petrovsky Congress*. St. Petersburg, European House Publ., 2018. Pp. 240–255. (In Russian)

Shvidkovsky D. O. *Charlz Kameron i arkhitektura imperatorskikh rezidentsii* [Charles Cameron and the architecture of imperial residences]. Moscow, Ulei Publ., 2008, 392 p. (In Russian)

Starobinski J. *Jean-Jacques Rousseau: La transparence et l'obstacle, suivi de Sept essais sur Rousseau* [Jean-Jacques Rousseau: Transparency and the obstacle, followed by Seven essays on Rousseau]. Paris, Gallimard, 1971, 567 p. (In French)

► ИНТЕРЬЕРЫ С ГОЛЛАНДСКОЙ ПЛИТКОЙ ВО ДВОРЦЕ А. Д. МЕНШИКОВА В ПЕТЕРБУРГЕ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

АНДРЕЕВА ЕКАТЕРИНА
АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж

190000, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

eandreeva@hermitage.ru

Петр I ввел в Петербурге моду на отделку интерьеров расписной фаянсовой голландской плиткой. Плиткой облицовывались помещения в его Летнем и Зимнем дворцах в Петербурге, в Монплезире и Марли в Петергофе. Во дворце А. Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге сохранились уникальные «плитковые» интерьеры. В 1717–1722 годах было создано тринадцать таких интерьеров, в шести из которых плитка покрывала все стены и потолки. Сюда входили личные покои хозяина, включая даже его спальню, покои свояченицы В. М. Арсеньевой, детские помещения и кухня. На сегодняшний день сохранилось четыре помещения, облицованных голландской плиткой. Здесь насчитывается более 24 тысяч плиток.

Статья посвящена истории создания «плитковых» интерьеров дворца Меншикова в контексте создания подобных интерьеров в Европе во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. Показаны особенности этих интерьеров, делающие их уникальными и отражающими вкус А. Д. Меншикова.

Ключевые слова: Дворец Меншикова, голландская плитка, А. Д. Меншиков, Санкт-Петербург, Петровская эпоха, Нидерланды.

Дворец светлейшего князя А. Д. Меншикова на набережной Васильевского острова, заложенный в августе 1710 году, является одним из первых построенных и самым ранним из сохранившихся каменных зданий Санкт-Петербурга. Здесь можно увидеть подлинные интерьеры петровского времени, в том числе облицованные расписной **фаянсовой плиткой**¹, сделанной в Республике Соединенных провинций (как в то время назывались Нидерланды) в 1710-х — начале 1720-х годов².

¹ Здесь и далее, выделенные **«курсивом»** термины см. в Терминологическом словаре.

² Андреева Е. А. 1) Где жил «полудержавный властелин»? // Родина: Российский исторический журнал. 2007. № 11. Ноябрь. Специальный выпуск: Россия Петра Великого. С. 91–92; 2) Дворец Меншикова на Васильевском острове (К 300-летию основания) // История Петербурга. 2012. № 1 (65). С. 41; 3) Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. СПб., 2013. С. 21–24, 85–89.

► INTERIORS WITH DUTCH TILES IN A. D. MENSHIKOV PALACE IN ST. PETERSBURG AS A UNIQUE MONUMENT OF THE PETRINE ERA

EKATERINA ALEKSANDROVNA
ANDREEVA

PhD in Historical Sciences, Senior Researcher,
State Hermitage Museum

34, Dvortzovaya emb., St. Petersburg, 190000,
Russian Federation

eandreeva@hermitage.ru

Peter the First introduced fashion in St. Petersburg for interior decoration with painted faience Dutch tiles. The rooms in his Summer and Winter Palaces in St. Petersburg, in Monplaisir and Marley in Peterhof were faced with tiles. In the palace of A. D. Menshikov on Vasilyevsky Island in St. Petersburg, unique “tiled” interiors have been preserved. In 1717–1722, thirteen such interiors were created, in six of which tiles covered all walls and ceilings. This included the personal quarters of the owner, including even his bedroom, the chambers of his sister-in-law V. M. Arsenyeva, children’s rooms and a kitchen. Present time, four rooms lined with Dutch tiles have been preserved. There are more than 24 thousand tiles here.

The article is devoted to the history of the creation of “tiled” interiors of the Menshikov Palace in the context of the creation of similar interiors in Europe in the second half of the 17th — the first third of the 18th centuries. The features of these interiors are shown, making them unique and reflecting the taste of A. D. Menshikov.

Keywords: Menshikov Palace, Dutch tiles, A. D. Menshikov, St. Petersburg, Peter’s era, Netherlands.

В Нижних Землях плитка производилась с XVI века. В начале века итальянские гончары переехали в богатые и экономически развитые Южные Нидерланды — Антверпен и Брабант. Первым в Антверпене появился выходец из Кастель Дуранте (Castel Durante), некий Гвидо ди Савино (Савини, Guido di Savino, Savini), отмеченный в архивах еще в 1508 году. Он изменил свое имя на более звучное по-фламандски — Гвидо Андрис (Guido Andries) и укоренился здесь, женившись в 1512 году на местной жительнице. Гвидо Андрис начал производство майолики. Это были глиняные горшки, тарелки, а также плитка, покрытые белой глазурью и расписанные в желтый, синий, оранжевый и зеленый цвета³.

За Гвидо Андрисом в 1513 году последовал Джованни Франческо (Giovanni Francesco), ставший затем Яном Франсом (Jan Frans), из итальянской Брешии. Впоследствии его сын женился на вдове Гвидо Андриса и взял на себя управление мастерской «Den Salm» (Лосось)⁴.

С началом Восьмидесятилетней войны (или Войны за независимость Нидерландов от испанской короны), поскольку Антверпен оказался в центре военных действий, купцы, художники и ремесленники оставили город, уехав в северные провинции. Многие из мастеров-керамистов, которых к середине XVI века насчитывалось более тридцати, бежали из города и основали мастерские в северных провинциях. У Гвидо Андриса было много сыновей, продолживших дело отца, которые также переместились на север. Их имена встречаются среди основателей новых мануфактур в северных провинциях Нижних Земель. Так, Йорис Андрис (Joris Andries), в 1564 году поселился в Мидделбурге (провинция Зеландия); Адриан Богарт (Adriaen Bogaert) — в 1565 году отправился в Харлем (недалеко от Амстердама), Карстиан ван ден Абель (Carstiaen van den Abeele) в 1584 году создал мастерскую в Амстердаме. Интересно, что еще один сын Гвидо — Яспер Андрис (Jasper Andries), вместе с Якобом Янсенем (Jacob Jansen) поехал чуть дальше в... Англию и поселился в Норвиче в 1567 году и так далее. Итак, во второй половине XVI века гончарные мастерские появились одновременно в Харлеме, Амстердаме, Мидделбурге, Делфте, Роттердаме, Утрехте и Харлингене, а также в Лондоне и Норвиче⁵.

Изначально плитка была напольной, но постепенно «перешла» с пола на стену: вначале только одним рядом, на стыке стены и пола. А уже в XVII веке плитками стали облицовывать каминные, кухни, лестничные пространства, входные зоны. На протяжении XVII века мастера работали над созданием оптимального состава керамической массы: более прочной, менее ломкой и при этом более тонкой. Таким образом, если в конце XVI века ширина плитки находилась в пределах 15–18 мм, то в 70-х годах XVII века стала 7–8 мм⁶. Кроме того, нужно было найти оптимальное соотношение, при котором прошедшая **первый (утильный) обжиг** плитка при **втором обжиге** расширялась (при нагревании) и сужалась (при остывании) одинаково **с заглушенной глазурью**, которой покрывали плитку перед нанесением на нее росписи. В результате, на голландской плитке второй половины XVII и XVIII веков очень редко можно встретить образовавшийся при обжиге **цек** на глазури.

На протяжении XVI–XVII веков менялась форма плитки: квадратная, прямоугольная, ромбовидная. Во второй половине XVII века основной стала квадратная плитка со стороной 5 дюймов (примерно 13 × 13 см), реже — 6 дюймов (примерно 15 × 15 см).

³ Lemmen H. van. Delftware. Oxford, 2010. P. 10; Oczko P., Pluis J. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. Maltbork, 2018. T. I. S. 38.

⁴ Oczko P., Pluis J. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. T. I. S. 38.

⁵ Lemmen H. van. Delftware. P. 10; Oczko P., Pluis J. Gabinet Farfurowy w pałacu w Wilanowie: Studium historyczno-ikonograficzne. Warszawa, 2013. S. 15–16; Oczko P. The Scripture on Tiles: Dutch Tiles as an Example of the Biblical Culture of Everyday in the Republic. In: Werkwinkel. Journal of Low Countries and South African Studies. Poznań, 2015. Vol. 10. S. 68; Oczko P., Pluis J. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. T. I. S. 38–39.

⁶ Pluis J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930. (Third, revised and enlarged edition). Leiden, 2013. Pp. 81–84; Lemmen H. van. Delftware. Pp. 6–15.

Голландский дюйм варьировался в разных регионах от 2,57 до 2,65 см. Таким образом, самый распространенный размер плитки — от 12,8 до 13,2 см.

Первые плитки были полихромными: синие, зеленые, желтые и оранжевые цвета. С 1620-х годов в подражание китайскому фарфору, цветовая гамма большинства плиток стала бело-синей (подглазурная роспись оксидом кобальта по белой заглазуренной оловянно-свинцовой глазури). С середины XVII века приобрел популярность еще один цвет — пурпурный (оксид марганца). Иногда в росписи одной плитки использовался и кобальт, и марганец. Были разные варианты: пурпуром обводился только *трек*, или рамка и *угловые мотивы*, а основной рисунок наносился синим цветом. В редких случаях в роспись синей краской вносился цветной элемент (например, парус корабля), в основном желтым или оранжевым цветом⁷.

Как показал анализ сохранившихся в интерьерах дворцов и выявленных в результате археологических работ, привезенные в петровское время в Петербург из Нидерландов плитки были квадратными со стороной 5 дюймов (128–132 мм) и около 7 мм толщиной, с синей (оксидом кобальта) и (или) пурпурной (оксидом марганца) росписью.

Здесь следует отметить, что голландские расписные фаянсовые плитки появились в России, а точнее — в Москве, почти за двадцать лет до основания Петербурга: во дворце фаворита царевны Софьи князя В. В. Голицына, в Охотном ряду, была спальня в «верхних покоях», отделанная голландской плиткой в 1685–1689 годах⁸.

Вместе с тем, безусловно, моду на отделку интерьеров расписной фаянсовой плиткой ввел царь Петр I, который познакомился с этим отделочным материалом еще в конце XVII века во время путешествия по Нидерландам в составе Великого посольства. Согласно сведениям «Походного журнала», царь был в Делфте два раза в 1698 году, но оба раза лишь проездом: «По утру проехали город Делевт» (от 8 января) и «По утру поехали и проехали город Шхидам на левой стороне. Проехали город Делфт в полдни, проехали город Лейден...» (от 28 апреля)⁹. Источники не оставили нам свидетельств того, побывал ли тогда Петр I на какой-нибудь из фаянсовых мануфактур.

Первые заказанные царем плитки прибыли в Петербург в 1714 году и, по всей видимости, пошли на отделку интерьеров Летнего дворца¹⁰. В 1718 году прибыла новая партия голландских плиток для отделки шести интерьеров в «Маленьких палатках» — флигеле с личными покоями царской семьи в третьем Зимнем дворце Петра I¹¹. Голландскими плитками были также отделаны три помещения в Монплезире и поварня в Марли.

⁷ Lemmen H. van. Delftware. Pp. 6–8; Pluis J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930. Pp. 81, 105, 362, 371–373, 385.

⁸ См. об этом сюжете подробнее: Андреева Е. А. Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: историография вопроса // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. № 4 (12). СПб., 2016. С. 216–219. URL: <http://spbhistorystudies.ru/wp-content/uploads/2019/11/poyavlenie-gollandskoy-raspisnoy-fayansovoy-plitki-v-rossii-vo-vtoroy-pолоvine-xvii-nachale-xviii-v-istoriografiya-voprosa.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

⁹ Журнал 206 года // Походный журнал 1695–1704 г. СПб., 1853. С. 1, 16–17.

¹⁰ Ответное письмо Б. И. Куракина из Гааги Петру I от 8/19 декабря 1713 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIII. Вып. II. М., 2003. С. 491, Примеч. к № 6290. См. об этом подробнее: Андреева Е. А. Нидерландские, русские и китайские керамические плитки и немецкие изразцы раннего Петербурга // Архитектурная археология. 2021. № 3. С. 88–103.

¹¹ «Роспись что роздано денег за подрядную работу нынешняго 1718 году» // Российский государственный исторический архив. Ф. 467 (Контора от строений Е. И. В. домов и садов). Оп. 1. Кн. 7в. № 222. Л. 291, 301; Баженова Е. М. Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов: Коллекция Государственного Эрмитажа // Музей-4: Художественные собрания СССР: Сб. статей. М., 1983. С. 66; Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I: Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 98. См. об этом подробнее: Андреева Е. А. Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: историография вопроса // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. № 4 (12). СПб., 2016. С. 212–235.

Вслед за царем, плитками стали облицовывать свои петербургские дворцы его приближенные. По всей видимости, первым стал генерал-адмирал и брат царицы Марфы Матвеевны Ф. М. Апраксин. Исследователь И. В. Саверкина выявила документ о заказе в 1714 году из Нидерландов через купца Х. Брандта «1000 плиток *ценинных*, по белой земле синий кулер», то есть с синей краской (оксид кобальта) на белом фоне заглашенной глазури¹². Плитка для их отделки была доставлена на берега Невы в 1714 или 1715 годах.

Согласно выявленным документам, облицовка плиткой во дворце Меншикова началась на несколько лет позже. Первые «плитковые» комнаты появились в 1717 году, основная же часть интерьеров была декорирована в 1719–1722 годах. Всего насчитывалось тринадцать «плитковых» помещений, из них сохранилось четыре.

Пока не удалось выявить документов о заказе плиток в Нидерландах. Светлейший князь А. Д. Меншиков мог заказывать плитки через нидерландского купца К. Брантса или через русского посланника в Амстердаме князя Б. И. Куракина¹³. Вместе с тем, знакомство автора настоящего исследования с фондом К. Брантса в Городском архиве Амстердама не дало результатов¹⁴.

Немногочисленные документы, выявленные в фондах Походной и Домовой канцелярий А. Д. Меншикова, позволяют установить, что за отделку «плитковых» комнат отвечал служитель двора светлейшего князя старый подьячий Иван Борисов и находившийся при нем подьячий Наум Вельямин. Так, 1 августа 1720 года И. Борисов отчитывался перед светлейшим князем: «Четыре полаты убранством плитками и с протчими фигуры в сих скорых числах в отделке будут»¹⁵.

В тех случаях, когда заказанных из Нидерландов плиток для отделки того или другого помещения не хватало, А. Д. Меншиков приобретал у царя заказанные им плитки для своих дворцов. К примеру, в октябре 1717 года И. Борисов, по распоряжению светлейшего князя, просит царского гоф-интенданта П. И. Мошкова отпустить два ящика плиток, записав «на щот его светлости»¹⁶. Кроме того, как удалось установить, существовал «взаимозачетный» обмен плитками разного типа росписи между царскими дворцами и дворцами А. Д. Меншикова: в 1720 году в меншиковский дворец из царского было взято несколько ящиков плиток, но в царский дворец «взаимно» не поставлено. И поэтому гоф-интендант П. Мошков в июне следующего года просит доставить в царский дворец означенные ящики плиток, «понеже есть в том нужда»¹⁷.

Все тринадцать «плитковых» помещений дворца А. Д. Меншикова находились на втором этаже, в восточной части. Четыре из них относились к личным покоям светлейшего князя: Парадная приемная (не сохранилась), Спальня Меншикова, Предспальня, Кабинет из прихожей. Плитками был выложен покой свояченицы

¹² Саверкина И. В. Быт петербургского общества 1-й четверти XVIII века (по материалам фонда Ф. М. Апраксина в ЦГА ВМФ) // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конференции. СПб., 1992. С. 84–87.

¹³ См. об этом: Дорощева Л. П. 1) Расписные голландские плитки в петербургских дворцах в петровское время // Первоначальные строения Санкт-Петербурга (Итоги, исследования, открытия): Тезисы докладов Второй научн. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999. С. 21; 2) «Музей голландских плиток» во дворце А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. СПб., 2003. Вып. 1. С. 117; 3) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотекa. № 24–25. М., 2007. С. 70.

¹⁴ Archieven van het Van Brants – Rus Hofe en van Christoffel van Brants // Stadsarchief Amsterdam. F. 404. no. 183–189.

¹⁵ Письмо подьячего И. Борисова А. Д. Меншикову от 1 августа 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 5.

¹⁶ Письмо подьячего Старорусской приказной палаты Ивана Борисова гоф-интенданту П. И. Мошкову от 6 октября 1717 г. (по ст. стилю) // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. Ф. 84. Ед. хр. 30. Л. 57 об. – 58.

¹⁷ Письмо гоф-интенданта П. И. Мошкова А. Д. Меншикову от 14 июня 1721 г. (по ст. стилю) // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 779. Л. 10.

светлейшего князя В. М. Арсеньевой (Варварин покой). Еще в четырех интерьерах были детские (утрачены). Плитки также использовались в отделке кухни, располагавшейся между покоями В. М. Арсеньевой и детскими (утрачена). Назначение еще трех несохранившихся помещений не определено: одна «плитковая» находилась между спальней В. М. Арсеньевой, кухней и детскими, еще две — на детской половине за детским залом¹⁸.

В шести интерьерах плитками были отделаны все стены, и потолки (в их число входят и все дошедшие до нашего времени помещения). **1** В остальных случаях плитками были облицованы только стены. В трех помещениях отделка стен плитками сочеталась с «литьем». Еще в одной «плитковой» (вероятно, это утраченная парадная приемная князя) отделка плитками сочеталась с панелями, а потолок украшала живопись по холсту (подобное отделочное решение потолка присутствует в еще одном сохранившемся подлинном интерьере Меншиковского дворца — знаменитой «Ореховой»)¹⁹.

А. Д. Меншиков прожил в этом дворце только 17 лет, поскольку в сентябре 1727 года по указу императора Петра II он с семьей был отправлен в ссылку. В 1732 году в комплексе зданий бывшей меншиковской резиденции разместился Кадетский корпус, именуемый первоначально Сухопутным шляхетским кадетским корпусом, ставший с 1800 года Первым кадетским корпусом. Кадетский корпус просуществовал здесь до 1918 года. В центральной части дворца Меншикова в 1730–1740-е годы были размещены преподаватели и служащие корпуса с семьями. Приспособление дворца под учебное заведение потребовало внесение ряда изменений: стала неуместной нарядная декоративная отделка фасада и интерьеров, что привело к изменению внешнего облика и перепланировке помещений. Работы производились по проекту М. Г. Земцова. Первые ремонтные работы были произведены уже в 1731 году. Во времена существования Кадетского корпуса дворец неоднократно перестраивался, расширялся и ремонтировался. Таким образом, за 310 лет своего существования дворец Меншикова во многом утратил свой первоначальный облик, претерпел значительные изменения, переделки и так далее²⁰.

На сегодняшний день сохранились лишь четыре «плитковые» интерьера, три из которых относились к личным покоям Александра Даниловича: Предспальня, Спальня Меншикова, Кабинет из Прихожей, а также примыкающий к ним Варварин покой (покой В. М. Арсеньевой).

Дворец состоит из центральной части, построенной в 1710–1711 годах (прямоугольная в плане с двумя боковыми ризалитами на южном фасаде, выходящими на Неву). Вероятно, в 1712 году с северной (дворовой) стороны, были пристроены три почти квадратных в плане ризалита. В центральный ризалит была встроена дубовая лестница. Два боковых ризалита позднее были продолжены на север прямоугольными флигелями²¹.

Помещения дворца устроены по анфиладному принципу. Отделанные плитками Предспальня, Спальня А. Д. Меншикова, и несохранившаяся Парадная приемная находятся в центральной части дворца. Примыкающая к Спальне светлейшего князя и также сохранившая первоначальную (не плитковую) отделку Ореховая находится в восточном ризалите южного фасада и является угловым помещением. Кабинет из прихожей, Варварин покой и не сохранившие свою историческую отделку еще девять «плитковых», в том числе кухня и детские, находились в восточном флигеле с северной (дворовой) стороны. **2**

Первое парадное помещение восточной половины — Предспальня является последним помещением входной анфилады. От нее расходятся две анфилады — направо

¹⁸ См. об этом: *Андреева Е. А.* Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 125–135.

¹⁹ Там же. С. 127–131.

²⁰ *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. С. 33, 41.

²¹ Там же. С. 25–26.

в Спальню хозяина дома и налево — в Кабинет из прихожей. Сейчас в Предспальне три окна, два из них смотрят на север (во двор) и одно на восток. В правом углу расположена прямоугольная угловая печь с бело-синими изразцами петербургского производства 1740–1750-х годов с изображением букета цветов, перевязанного лентой²². ❸

Спальня Меншикова, тоже проходная, небольшая по размеру, на два окна, выходящих на восток. Вторая дверь из Спальни ведет в угловое помещение, выходящее на Неву, — Ореховую. В Спальне Меншикова имеется угловая прямоугольная печь, воссозданная при реставрационных работах во дворце в 1890-х годах. Изразцы сделаны на заводе Харламова.

Кабинет из прихожей расположен между Предспальной и Варвариным покоем. Помещение проходное, два окна выходят на юг на Неву. Альков (арка) делит помещение на две неравные части. По всей видимости, первоначально это были два помещения. В части, расположенной до арки, есть угловая прямоугольная изразцовая печь в три яруса с колонками в среднем ярусе. Печь переделана в 1767 году, причем для облицовки использовались оставшиеся от старых печей изразцы петровского времени петербургского производства²³. В части за аркой имеется дверь для прохода в Варварин покой (возможно, сделана позднее). Возле двери в Предспальню еще одна дверь, ведущая в небольшое треугольное помещение с окном, расположенное на угловом стыке основной части дворца и с восточным флигелем.

Варварин покой, также как и Кабинет из прихожей, разделен на две неравные части альковом. Сейчас здесь два окна, выходящих на Неву. Первоначально это было угловое помещение. В 1727 году был заложен фундамент под симметричную западной восточную пристройку, которая из-за ссылки Меншикова была построена уже при Кадетском корпусе в 1758–1759 годах²⁴. Тогда же Варварин покой перестал быть угловым помещением. Печь такая же, как в Кабинете из прихожей. ❶ Третья подобная печь находится в Ореховой. Они все были сделаны в 1767 году.

По всей видимости, из Варварина покоя и (или) Кабинета из прихожей существовал проход в другие помещения восточного флигеля, в том числе в кухню, детские и другие «плитковые».

За время пребывания в здании дворца Меншикова Кадетского корпуса девять «плитковых» интерьеров были утрачены, а сохранившиеся помещения претерпели существенные изменения. О том, как они выглядели первоначально, можно узнать лишь из документов того времени.

Обнаружено несколько кратких описей дворца Меншикова 1732 года. Одна из них в 1909 году была опубликована в «Шукинском сборнике». Это «Описание дома Меншикова в Петербурге» представляет собой краткое перечисление помещений с сохранением прежних «меншиковских» названий: «Плитковая палата», Ореховая, «спальня Княжая», «Кабинет из прихожей», «Прихожая пред спальнею», «Спальня Варварина», «детские покои» и т.д. В фонде «Первого Кадетского корпуса» в Российском государственном военно-историческом архиве удалось найти также подробную опись дворца Меншикова, составленную М. Шванвицем в 1734–1735 годах²⁵.

В описи М. Шванвица содержится описание всех тринадцати «плитковых» комнат, в том числе и дошедших до нашего времени.

²² Андреева Е. А. Отопительные приборы первой четверти XVIII в. на примере дворцов А. Д. Меншикова в Петербурге и пригородах // Меншиковские чтения – 2015: Научный альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 41.

²³ Там же. С. 40–41.

²⁴ Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 55. Рис. 24; С. 61.

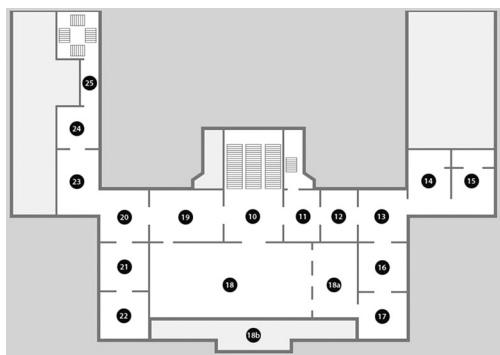
²⁵ Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. С. 60–65, 138–155.

1 Варварин покой во Дворце А. Д. Меншикова
Октябрь 2021
Личный архив Е. А. Андреевой

4 Предспальня во Дворце А. Д. Меншикова.
Правое окно, на месте которого до 1970 г.
была дверь на галерею
Октябрь 2021
Личный архив Е. А. Андреевой

2 План 2-го этажа Дворца А. Д. Меншикова
№ 13. Предспальня
№ 14. Кабинет из прихожей
№ 15. Варварин покой
№ 16. Спальня А. Д. Меншикова
№ 17. Ореховая
№ 18а. Парадная приемная
Государственный Эрмитаж

5 Музей Франса Халса (Харлем, Нидерланды).
Камин, выложенный плиткой и плитус
из плитки
Апрель 2018
Личный архив Е. А. Андреевой

3 Предспальня во Дворце А. Д. Меншикова
Октябрь 2021
Личный архив Е. А. Андреевой

6 Интерьер на ферме (Провинция Утрехт,
Нидерланды)
Сентябрь 2014
Личный архив Е. А. Андреевой

Перед нами следующее описание кухни: «26. Кухня, в ней очаг да печь кирпичные на ножках железных; стены убраны плитками; в стене шкаф вверху ореховой, а ис-под сосновой; одно окно с окончиною в свинце; двои двери на петлях и крюках железных, в том числе одне обиты сукном красным, и при них защелка железная, а другие дубовые с стеклами; под ними две полки»²⁶. Кухня была небольшая — с одним окном. Здесь находились кирпичный очаг для приготовления еды и кирпичная печь, оба на ножках. Стены были облицованы плиткой, по всей видимости, не до потолка, потому что наверху в стене был вмонтирован ореховый шкаф.

Еще одно помещение описано так: «20. Полата, в ней комель, убран плитками галанскими, стены убраны плитками ж; одни двери, обиты сукном красным, на петлях и крюках железных, при ней защелка железная; одно окно с окончиною в замаске; в стене один шкаф»²⁷. Итак, небольшое помещение с одним окном, со встроенным в стену шкафом. Стены облицованы плиткой (возможно, до потолка). Помещение отапливалось камином, также облицованным голландскими плитками.

А вот так выглядела Парадная приемная: «31. Полата, а в ней печь израцатая анбурская, под нею решетка железная; стены убраны панелеми и галанскими плитками, а потолок росписан живописью по холсту; два окна с окончинами в замаске; одна дверь дубовая створная на петлях и крючьях железных, при ней замок медной с ключем; в стенах четыре зеркала, в том числе одно розбито. Плитки многие выбиты и потручены, у створной двери задвижки одной нет»²⁸. Парадная приемная отапливалась печью с «гамбургскими» изразцами. По низу стен шли деревянные панели, далее плитки. Отделка которых сочеталась с четырьмя зеркалами. Интересная подробность: к 1735 году уже плитковая отделка в этом помещении пришла в негодность.

Есть также описание Кабинета из прихожей: «22. Полата с надворной стороны, а в ней печь обрасцовая живописная и при ней комель, убран литьем; два окошка с окончинами, воилоками обиты, в замаске; трои двери на петлях и крюках железных, обиты сукном красным. У одних дверей сукно попорчено; при оных одна защелчка железная; стены и потолок убраны плитками и резным литьем; двойные двери в нужник»²⁹. Итак, существовали два окна, три двери, то есть был проход в северной стене в несохранившиеся помещения восточного флигеля. Помещение отапливалось совмещенной изразцовой печью с камином (подобное отопительное устройство сохранилось в Летнем дворце Петра I в Петербурге). Текст описи гласит: «двойные двери в нужник» говорит о том, что небольшое треугольное помещение на стыке основной части дворца и восточного флигеля, в которое ведет дверь из Кабинета из прихожей, ни что иное как «нужник», то есть туалет.

Необычно описание Предспальни: «28. Полата, а в ней комель, убран плитками галанскими; в середине одно зеркало болшое, попорчено в трех местах; по сторонам четыре малые длинные. Стены и потолок убраны галанскими плитками. А в ней канторка деревянная; стены обиты полотном, а потолок подкрашен живописною работою, а в ней комель штукатурной работы. Во оной полате и канторке четыре окошка... Пол шахматной дубовой и березовой; во оной каморке шкаф з двумя дверми...»³⁰.

Итак, в этом помещении дорогой пол из наборного дубового и березового паркета, выложенный в шахматную клетку. Камин, также как стены и потолок, облицован голландской плиткой, а кроме того, в него вставлены одно большое и четыре «малых», видимо узких и длинных зеркал по сторонам. Кроме того, речь идет о деревянной

²⁶ Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. С. 175.

²⁷ Там же. С. 174.

²⁸ Там же. С. 176.

²⁹ Там же. С. 175.

³⁰ Там же. С. 175–176.

7 Двор Артуса (Гданьск, Польша)
Сентябрь 2015
Личный архив Е. А. Андреевой

9 Дворец Хет Лоо
Апрель 2008
Личный архив Е. А. Андреевой

8 Ванная комната во Дворце на Воде в Лозенках
Варшава, Польша
Сентябрь 2015
Личный архив Е. А. Андреевой

10 Летняя столовая во дворце Хет Лоо
Апрель 2008
Личный архив Е. А. Андреевой

11 Вестибюль 1-го этажа Неборовского
(Небуровского) дворца
Сентябрь 2006
Фотография Дариуса Чепьял

конторке, стены которой обтянуты тканью, а потолок расписан. И непонятно количество окон — называется четыре и в помещении, и в конторке.

Проливает свет на вопрос о конторке «Ведение» архитектора Карло Джузеппе Трезини 1740 года о ремонтных работах во дворце. Здесь кратко перечислены помещения. Под номером семь значится: «Деревянная канторка на углу галереи за ветхостию надлежит сломать»³¹.

При А. Д. Меншикове по внутреннему фасаду второго парадного этажа была устроена деревянная открытая галерея. Из «Ведения» 1740 года следует, что деревянная конторка была сделана в угловой части деревянной галереи, то есть на стыке центральной части дворца и восточного флигеля. То есть, в том месте, где находился нужник, в который можно было попасть из Кабинета из прихожей.

Как же попадали в эту деревянную конторку из Предспальни? В XIX веке деревянная галерея была перестроена в крытую каменную, которая просуществовала вплоть до 1970 года, когда была снесена по проекту архитектора А. Э. Гессена. Со времени постройки и до 1970 года из Предспальни существовал выход вначале на деревянную, а потом на каменную галерею (на месте правого окна, выходящего на север). Эта дверь в 1970 году при сносе галереи по проекту А. Э. Гессена была переделана в окно³². 4

Так в чем же уникальность тринадцати «плитковых» интерьеров дворца Меншикова, созданных в 1717–1722 годах?

Во-первых, она заключается в количестве помещений, полностью облицованных плиткой, поскольку ни в одном дворце в России или в Европе подобного не встречается. Примечательно количество плиток, которые пошли на отделку этих интерьеров. В сохранившихся четырех интерьерах, где все стены и потолки облицованы плиткой, насчитывается около 24 тысяч плиток, то есть примерно по шесть тысяч плиток на одно помещение. Таким образом, на отделку шести подобных интерьеров требовалось около 36 тысяч плиток. Кроме того, отделка плиткой была еще в семи помещениях, и ими также выкладывали каминны.

Подобного количества интерьеров или плиток во дворцах, домах или на фермах в Нидерландах тогда не было. В то время делали плинтус из плитки, облицовывали каминны, кухни, подсобные помещения: кладовки, входные зоны, лестницы, переходы и так далее. 5 Чаще всего плитку выкладывали на уровень примерно 1–1,2 м от пола. Лестничные и кухонные пространства обычно выкладывались до потолка, в том числе облицовывали своды. Такая отделка плиткой XVII века сохранилась в частных домах Делфта, Харлингена, Утрехта, а также на фермах в провинции Утрехт и других местах³³. 6

В XVII веке голландская плитка достаточно успешно поставлялась на экспорт. Существовали даже специальные экспортные варианты росписи плиток. Отдельвались голландской плиткой интерьеры в немецких землях, в Польше, в Испании, в Португалии, во Франции³⁴.

Один из первых престижных заказов последовал от Людовика XIV: для создания Фарфорового Трианона в Версале в 1668–1670 годах через парижского купца Клода Реверана были заказаны плитки в Роттердаме. Фарфоровый Трианон был снесен

³¹ Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. С. 251.

³² Михайлов Г. В., Галочкин В. К., Бурковская И. В. Предспальня: Техно-рабочий проект реставрации. Л., 1979 (рукопись).

³³ Oczko P. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. Т. II. Malbork, 2018. S. 16–17. Выражаю глубокую благодарность нидерландским коллегам: главному специалисту по нидерландской плитке Я. Плайсу (Jan Pluis) за консультации и специалисту по утрехтской плитке Петеру Спрангерсу (Peter Sprangers) за консультации и экскурсию по домам и фермам с голландской плиткой XVII–XVIII вв. в Утрехте и окрестностях.

³⁴ Lemmen H. van. Les carreaux de Hollande dans les chateaux d'Europe In Chateaux de faïence XIV-e – XVIII-e siècle. Marly, 1993. Pp. 70–71.

в 1687 году. Роттердамскими плитками был облицован один из павильонов в Марли (утраченный во время Великой Французской революции)³⁵.

Единственный сохранившийся во Франции интерьер, где стены и пол сплошь облицованы голландской плиткой, — это ванная комната в замке Рамбуайе. Она была сделана позднее «плитковых» интерьеров Меншиковского дворца — в 1730-е годах³⁶.

Самый яркий пример в Польше — Фарфоровый кабинет в королевском дворце Вилянув под Варшавой, отделка которого датируется 1690 годом. Здесь все стены облицованы плиткой, которых насчитывается 1956 штук³⁷.

Самое большое число домов и дворцов, облицованных голландской плиткой в XVII–XVIII веках, находилось в Гданьске. Здесь обычно вестибюли и лестницы выкладывались плиткой до потолка³⁸. После Второй мировой войны сохранилось всего несколько помещений, облицованных плиткой. **7**

Во Дворце на Воде в Лазенках (Варшава) было облицовано голландскими плитками два интерьера. Плитки датируются 1690–1700 (производство Утрехт) и 1720–1730 годами (производство Амстердам, мануфактура «De Twee Romeinen»). На сегодняшний день здесь насчитывается 755 плиток, из которых 646 подлинны и 109 — плитки, воссозданные в 1953–1954 годах польскими мастерами Романом и Хеленой Гусарскими³⁹. **8**

Подобная отделка была распространена и в немецких землях. Например, павильон Пагоденбург в парке Нюмпенбург в Западном Мюнхене, построенный Жозефом Эффнером в 1716–1719 годах в восточном стиле. Голландские плитки должны были имитировать китайский фарфор⁴⁰.

Вторая уникальная особенность плитковых интерьеров Дворца Меншикова заключается в том, что плиткой облицована не только кухня, как это было принято в Нидерландах, а личные покои самого светлейшего князя, членов его семьи и даже детские комнаты. По всей видимости, это единственные в своем роде спальня и детские, выложенные плиткой.

Третья уникальная особенность состоит в том, что в шести интерьерах плитками были отделаны не только все стены, но и плоские потолочные перекрытия. **3**

Подобная отделка, когда все стены и потолки облицованы плиткой, встречается в Нидерландах во дворце Хет Лоо в Апельдорне. **9** Дворец был построен в качестве летней резиденции для принца Оранского и штатгальтера Республики Соединенных провинций Вильгельма III. В 1685–1702 годах голландской плиткой здесь были выложены стены и сводчатые перекрытия потолка летней столовой на первом этаже⁴¹. **10**

Эта столовая стала образцом для создания подобной сводчатых столовых в немецких дворцах — Ораниенбауме в земле Ангальт (Дассау) и в Бранденбурге⁴². Резиденцию в Ораниенбауме для жены принца Иоганна Георга Второго Ангальт-Дессау принцессы Генриетты Катарины, урожденной принцессы Оранской-Нассау, создавал голландец Корнелис Рикваерт, поэтому не удивительно, что летняя сводчатая столовая в цокольном этаже облицована голландской плиткой конца XVII века⁴³.

³⁵ Lemmen H. van. Les carreaux de Hollande dans les chateaux d'Europe In Chateaux de faïence XIV-e – XVIII-e siècle. Marly, 1993. P. 70.

³⁶ Bentz B. Rambouillet In Chateaux de faïence XIV-e – XVIII-e siècle. Marly, 1993. Pp. 99–102.

³⁷ Czeko P., Pluis J. Gabinet Farfurowy w patacu w Wilanowie. Studium historyczno – ikonograficzne. Warszawa, 2013. S. 23.

³⁸ Czeko P. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. T. II. S. 49–81.

³⁹ Ibid. S. 166.

⁴⁰ Joliet W. Die Geschichte der Fliese. Köln, 1996. S. 200–202.

⁴¹ Czeko P. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. T. II. S. 33.

⁴² Joliet W. Die Geschichte der Fliese. Köln, 1996. S. 117.

⁴³ Czeko P. Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. T. II. S. 25.

Но это всё касается сводчатых потолков. Примеров облицовки плиткой плоских потолков в Нидерландах и немецких землях не выявлено.

Отделка плиткой плоского потолка известна только в одном дворце — Дворце князей Радзивиллов в польском Неборове. Этот дворец в 90-е годы XVII века строил голландский архитектор из Утрехта Тилман ван Гамерен. Здесь полностью отделан плиткой огромный вестибюль с лестницей. Это самый большой объем отделки голландской плиткой в Польше — около 10 тысяч штук.⁴⁴ Точных сведений о том, когда именно интерьер облицевали плиткой, не имеется. Специалисты атрибутируют плитки 1720 годами, то есть тем же временем, что и плитки во дворце Меншикова в Петербурге. В 1766–1768 годы, после смены владельца, интерьер был переделан, но на его отделку пошли первоначальные плитки. Таким образом, нам неизвестно, сделан ли был плиточный потолок в 1720-е или же в 1766–1768 годах⁴⁴. Итак, пока получается, что либо отделка дворцов шла одновременно, либо дворец Меншикова является первым дворцом с отделкой плиткой плоских потолков.

Итак, «плитковые» интерьеры дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге уникальны своим количеством и объемом плитки, которая пошла на их отделку; тем, что здесь было облицовано плиткой шесть плоских потолочных перекрытий. Важно также и то, что это были жилые комнаты, спальня и детские. Они были задуманы А. Д. Меншиковым и созданы при нем и, безусловно, отражают его вкус.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Терминологический словарь

Глухая (заглушенная, непрозрачная) глазурь — см. *Эмаль*.

Глазурь — 1) Стекловидный слой, дающий плитке ее блестящую поверхность. В зависимости от состава, глазурь бывает прозрачным, непрозрачным (опак) или окрашенной. Оксид олова при смешении дает непрозрачную белую глазурь. Простая (одноцветная) свинцовая глазурь прозрачная⁴⁵. 2) Глазурь (полива) — стеклообразный сплав на свинцовой основе, которым покрывают глиняные изделия⁴⁶.

Глухая (заглушенная, непрозрачная) глазурь — см. *Эмаль*.

Заклушенная (глухая, непрозрачная) глазурь — см. *Эмаль*.

Мотив — повторяющийся декоративный элемент композиции⁴⁷.

Оловянная глазурь — применение тонкого слоя оловянной глазури на поверхности не белого тела (основания) плитки обеспечивает белую основу, которую можно раскрашивать⁴⁸.

Первый (утильный, бисквитный) обжиг — первый грубый обжиг керамических изделий, при котором происходит спекание черепка, и он становится водонепроницаемым. Первый обжиг сформированного и подсушенного глиняного квадрата плитки производился в муфельной печи при температуре около 950–1000 °С, а при современном обжиге оптимальная температура — 1020 °С⁴⁹.

⁴⁴ *Oczko P.* Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. Т. II. S. 150–151.

⁴⁵ *Pluis J.* De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930. P. 115.

⁴⁶ Словарь терминов // *Баранова С. И.* Московский архитектурный изразец XVII века. М., 2013. С. 127.

⁴⁷ Там же. С. 127.

⁴⁸ *Pluis J.* De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930. P. 132.

⁴⁹ *Ibid.* P. 109; *Lemmen H. van.* Delftware. P. 6; Словарь терминов // *Баранова С. И.* Московский архитектурный изразец XVII века. С. 128.

Второй (политой) обжиг — обжиг керамических изделий, прошедших утильный обжиг и покрытых глазурью⁵⁰.

Трек — предварительный контур, сделанный по трафарету. Наносится тонкой кистью. Цвет трека может отличаться от цвета основного изображения⁵¹.

Угловой мотив (corner motif (англ.), hoekmotief (нидерл.)) — отдельные от основного сюжета росписи плитки изображения в углах плитки. На ранних плитках угловые заполняют большую часть плитки. Со второй половины XVII века их размер уменьшается, поэтому размер углового мотива в некоторых случаях может быть показателем датировки плитки⁵².

Фаянсовая плитка — это глиняное изделие из бело-серой или желтоватой массы с пористым (то есть проницаемым жидкостями, в отличие от фарфора) черепком, который в изломе представляет шероховатый землистый вид⁵³.

Цек — трещины в глазурочном слое.

Ценинное керамическое изделие — покрытое заглушенной оловянной глазурью. Название происходит от немецкого Zin или польского zing — «олово». Термин встречается в русских документах XVII–XVIII веков⁵⁴.

Эмаль — 1) Представляет собой непрозрачный (глухой) стекловидный покров, маскирующий цвет черепка и сглаживающий фактуру и рельеф поверхности. Эмали являются вязкими смолами и оплавляются на черепке без значительного растекания. Эмали могут быть белыми — неокрашенными или цветными — окрашенными в различные цвета путем введения в их состав солей и окисей металлов⁵⁵. 2) Непрозрачная (глухая) глазурь, перекрывающая цвет керамического черепка⁵⁶.

REFERENCES

Andreeva E. A. Dvoretz Menshikova na Vasil'evskom ostrove (K 300letiyu osnovaniya) [Menshikov Palace on Vasilievsky Island (To the 300th anniversary of foundation)] *History of St. Petersburg*, 2012. no. 1 (65). Pp. 40–46. (In Russian)

Andreeva E. A. Gde zhil «poluderzhavnyi vlastelin»? [Where did the “semi-power ruler” live?]. *Rodina: Russian historical journal*. 2007. no. 11. November. Special issue: Russia of Peter the Great. Pp. 91–93. (In Russian)

Andreeva E. A. Niderlandskie, russkie i kitaiskie keramicheskie plitki i nemetskie izraztsy rannego Peterburga

[Dutch, Russian and Chinese ceramic tiles and German tiles of early Petersburg]. *Architectural archeology*. 2021. no. 3. Pp. 88–103. (In Russian)

Andreeva E. A. Otopitel'nye pribory pervoi chetverti XVIII veka na primere dvortsov A. D. Menshikova v Peterburge i prigorodakh [Heating devices of the first quarter of the 18th century on the example of the palaces of A. D. Menshikov in St. Petersburg and suburbs]. *Menshikov readings 2015: Scientific almanac*. Ch. scientific ed. P. A. Krotov. St. Petersburg, XVIII century Publ., 2015. Vol. 6 (15). Pp. 32–45. (In Russian)

⁵⁰ Словарь терминов // Баранова С. И. Московский архитектурный изразец XVII века. С. 128.

⁵¹ *Pluis J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930*. P. 132: *Lemmen H. van. Delftware*. P. 6.

⁵² *Pluis J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930*. P. 535.

⁵³ Крупский А. К. Фаянс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1902. Т. XXXV: Усинский пограничный округ-Фенол. С. 387–388; см.: *Pluis J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930*. P. 114.

⁵⁴ Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. II. URL: <http://www.rusarch.ru/filippov1.html> (дата обращения: 14.06.2021).

⁵⁵ Филиппова С. В. Архитектурная майолика. М., 1956. С. 26.

⁵⁶ Словарь терминов // Баранова С. И. Московский архитектурный изразец XVII века. М., 2013. С. 127.

- Andreeva E. A. *Peterburgskaya rezidentsiya A. D. Menshikova v pervoy treti XVIII v.: Opisanie palat, khorom i sada: Issledovanie i dokumenty*. [Petersburg residence of A. D. Menshikov in the first third of the 18th century: Descriptions of the chambers, the choir and the garden]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2013, 360 p. (In Russian)
- Andreeva E. A. Poyavlenie gollandskoi raspisnoi fayansovoi plitki v Rossii vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII v.: istoriografiya voprosa [The appearance of Dutch painted faience tiles in Russia in the second half of the 17th — early 18th centuries: the historiography of the issue] *Petersburg Historical Journal: Studies in Russian and General History*. 2016. no. 4 (12). Pp. 212–235. Available at: <http://spbhistorystudies.ru/wp-content/uploads/2019/11/poyavlenie-gollandskoy-raspisnoy-fayansovoy-plitki-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xvii-nachale-xviii-v-istoriografiya-voprosa.pdf> (accessed: 14.06.2021). (In Russian)
- Baranova S. I. *Moskovskii arkhitekturnyi izrazets XVII veka v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo ob'edinnogo muzeya-zapovednika Kolomenskoe-Izmailovo-Lefortovo-Lyublino* [Moscow architectural tile of the 17th century in the collection of the Moscow State United Museum-Reserve Kolomenskoye-Izmailovo-Lefortovo-Lyublino]. Catalogues of the stock collections of the Moscow State United Museum-Reserve Kolomenskoye-Izmailovo-Lefortovo-Lyublino. Moscow, Moscow State United Museum-Reserve Publ., 2013, 136 p. (In Russian)
- Bazhenova E. M. Izraztsy v inter'erakh pervykh Zimnikh dvortsov: Kolleksiya Gosudarstvennogo Ehrmitazha [Tiles in the interiors of the first Winter Palaces: Collection of the State Hermitage]. *Museum4: Art Collections of the USSR. Collection of articles*. Moscow: Soviet artist Publ., 1983. Pp. 66–70. (In Russian)
- Bentz B. Rambouillet. *Châteaux de Faïence, XIVe – XVIIIe siècle, exhibition catalogue*. Marly: Museum-Promenade of Marly-le-Roi-Louveciennes Publ., 1993. Pp. 99–102. (In French)
- Dorofeeva L. P. Gollandskie plitki v inter'erakh dvortsa A. D. Menshikova v Sankt-Peterburge [Dutch tiles in the interiors of A. D. Menshikov in St. Petersburg] *Pinakoteka*, 2007. Vol. 24–25. Pp. 70–77. (In Russian)
- Dorofeeva L. P. "Muzej gollandskikh plitok" vo dvortse A. D. Menshikova v Sankt-Peterburge ["Museum of Dutch tiles" in the palace of A. D. Menshikov in St. Petersburg]. *Sobshcheniya Rossiisko-Niderlandskogo nauchnogo obshchestva*. Ed. G. V. Vilibakhov, N. P. Kopaneva. St. Petersburg, Evropejskij dom Publ., 2003. Vol. 1. Pp. 115–134. (In Russian)
- Dorofeeva L. P. Raspisnye gollandskie plitki v peterburgskikh dvortsakh v Petrovskoe vremya [Painted Dutch tiles in St. Petersburg palaces in the time of Peter the Great]. *The original buildings of St. Petersburg (Results, research, discoveries): Abstracts of the Second Scientific Conference of the Summer Garden and the Palace-Museum of Peter I*. St. Petersburg, 1999. Pp. 20–24. (In Russian)
- Filippov A. V. *Drevnerusskie izraztsy* [Old Russian tiles]. Moscow, 1938. Vol. II. Available at: <http://www.rusarch.ru/filippov1.html> (accessed: 14.06.2021). (In Russian)
- Filippova S. V. *Arkhitekturnaya maiolika* [Architectural majolica]. Ed. S. G. Tumanov. Moscow, Promstroyizdat Publ., 1956, 156 p. (In Russian)
- Joliet W. *Die Geschichte der Fliese* [The history of the tile]. Koln, Rudolf Müller GmbH & Co. KG Publ., 1996, 247 p. (In German)
- Krupskii A. K. Fayans [Faience]. *Ehntsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. St. Petersburg: Semyonovskaya Typolitography Publ., 1902. Vol. XXXV. Pp. 387–388. (In Russian)
- Lemmen H. van. Les carreaux de Hollande dans les châteaux d'Europe [Dutch tiles in European castles]. *Châteaux de Faïence, XIVe – XVIIIe siècle, exhibition catalogue*. Marly: Museum-Promenade of Marly-le-Roi-Louveciennes Publ., 1993. Pp. 69–77. (In French)
- Lemmen H. van. *Delftware*. Oxford: Oxford Publ., 2010, 48 p.
- Mikhailov G. V. *Zimnie dvortsy Petra I: Arkhitektura i khudozhestvennoe ubranstvo. Sobytiya i lyudi* [Winter Palaces of Peter I: Architecture and Artistic Decoration. Events and people]. St. Petersburg: Publishing House of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2002, 224 p. (In Russian)
- Mikhailov G. V., Galochkin V. K., Burkovskaya I. V. *Predspal'nya: Tekhno-rabochii proekt restavratsii* [Pre-bedroom: Techno-work project of restoration]. Leningrad, 1979 (unpublished manuscript). (In Russian)
- Oczko P. The Scripture on Tiles: Dutch Tiles as an Example of the Biblical Culture of Everyday in the Republic. *Werkwinkel. Journal of Low Countries and South African Studies*. 2015. Vol. 10. Pp. 67–88.
- Oczko P., Pluis J. *Gabinet Farfurowy w pałacu w Wilanowie: Studium historyczno-ikonograficzne* [The Faience Room in Wilanów Palace. A Study in Its History and Iconography]. Warszawa: Małgorzata Jurko Publ., 2013, 199 p. (In Polish)
- Oczko P., Pluis J. *Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. Vol. 1: Umywalnia na Zamku Wysokim w Malborku. Jej historia i wystró* [Dutch tiles in the former Polish and neighboring lands. Vol. 1: Wash-room at the High Castle in Malbork. Its history and décor]. Malbork: Castle Museum in Malbork Publ., 2018, 270 p. (In Polish)
- Oczko P. *Holenderskie flizy na dawnych ziemiach polskich i ościennych. Vol. 2: Mody i wnętrza* [Dutch tiles in the former Polish and neighboring lands. Vol. 2: Fashion and interior]. Malbork: Castle Museum in Malbork Publ., 2018, 287 p. (In Polish)
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Drevlekhranishche Publ., 2003. Vol. XIII. Pt. II: (June 14 – December 1713). Rep. ed. A. A. Preobrazhensky, 678 p. (In Russian)
- Pluis J. *The Dutch Tile. Designs and Names. 1570–1930*. 3rd ed., revised and enlarged. Leiden: Primavera Pers Publ., 2013, 712 p. (In Dutch, in English)
- Saverkina I. V. Byt peterburgskogo obshchestva 1i chetverti XVIII veka (po materialam fonda F. M. Apraksina v TSGA VMF) [Life of St. Petersburg society in the 1st

quarter of the 18th century (based on the materials of the F. M. Apraksin fund in the Central State Archive of the Navy)]. *Peterburgskie chteniya (k yubileyu goroda): Tezisy dokladov konferentsii*. St. Petersburg, 1992. Pp. 84–87. (In Russian)

Trubinov Yu. V. *Palaty svetleishego knyazya Menshikova* [Chambers of His Serene Highness Prince Menshikov]. St. Petersburg, Levsha Publ., 2003, 170 p. (In Russian)

Yurnal 206 year [Camping magazine 206]. *Camping magazine 1695–1704*. St. Petersburg, 1853, 416 p. (In Russian)

► ПРАДЕД ВО ДВОРЦЕ ПРАВНУКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИХАЙЛОВСКОГО ЗАМКА

ЛЕТИН ВЯЧЕСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат культурологии, доцент,
Ярославский государственный театральный институт

150000, Российская Федерация, Ярославль,
ул. Депутатская, 15/43

liotin@yandex.ru

Исследование посвящено месту образа Петра I в репрезентативной программе власти Павла I, реализованной в парадных залах бельэтажа Михайловского замка в Петербурге. Автор указывает на идеологическую взаимосвязь с прадедом — Петром Великим, крайне важную для императора Павла I, которую он всячески стремился подчеркнуть в создаваемом им ансамбле Михайловского замка. Чувствуя себя идейным наследником великого преобразователя, император Павел продемонстрировал свою духовную связь с Петром I на примере дворцовых интерьеров, и в частности, в декорации Воскресенского зала и в памятнике на центральной части плафона в галерее Рафаэля. Метафизический аспект образа Петра I отчетливо проявляется в «Храме Минервы» — центральной части триптиха плафона работы И.-Я. Меттенлейтера в галерее Рафаэля, где он присутствует в виде памятника-бюста в левой части композиции. В итоге образ Петра I занял в репрезентативной программе Михайловского замка одно из ключевых мест.

Ключевые слова: Дворец, Михайловский замок, Павел I, Петр I, репрезентативная программа, символическое пространство.

Образ Петра Великого является ключевым компонентом репрезентативных программ российских правителей на протяжении всего XVIII века. Это своеобразный камертон, по которому настраивались декорации интерьеров, прокладывались маршруты путешествий, составлялись программы торжественных церемоний. На протяжении столетия близость к нему правящего монарха или, что чаще — монархини, приобретала различные смыслы: супружество (Екатерина I); кровное родство (Елизавета Петровна); духовное родство (Анна Иоанновна; Екатерина II). В небольшие сроки царствований Петра II, Иоанна Антоновича и Петра III репрезентативные программы их правлений не успевали сформироваться или же была ликвидированы.

В русле этой традиции соотнесения собственной персоны и своего царствования с великим предком складывается и репрезентативная программа императора Павла I. Этот традиционный момент в павловском репрезентативном дискурсе приобретает еще и острую субъективно-личностную окраску в связи со слухами о сомнительном происхождении Государя. Борясь с ними, император активно декларирует как мотив

► GREAT-GRANDFATHER IN THE GREAT-GRANDSON'S PALACE: THE HISTORICAL DISCOURSE OF THE MIKHAILOVSKY CASTLE

VYACHESLAV
ALEKSANDROVICH LETIN

PhD in Culture Studies, Associate Professor,
Yaroslavl State Theatre Institute

15/43, Deputatskaya st., Yaroslavl, 150000,
Russian Federation

liotin@yandex.ru

The study is devoted to the place of the image of Peter I in the representative program of the power of Paul I, implemented in the front halls of the mezzanine of the Mikhailovsky Castle in St. Petersburg. The author points to the ideological relationship with his great-grandfather — Peter the Great, which is extremely important for Emperor Paul I, which he tried in every possible way to emphasize in the ensemble of the Mikhailovsky Castle he created. Feeling like the ideological heir to the great reformer, Emperor Paul demonstrated his spiritual connection with Peter I on the example of palace interiors, and in particular, in the decorations of the Resurrection Hall and in the monument on the central part of the plafond in the Raphael Gallery. The metaphysical aspect of the image of Peter I is clearly manifested in the "Temple of Minerva" — the central part of the triptych of the plafond by I.-Ya. Mettenleiter in the Raphael Gallery, where he is present in the form of a bust monument on the left side of the composition. As a result, the image of Peter I took one of the key places in the representative program of the Mikhailovsky Castle.

Keywords: Palace, Mikhailovsky Castle, Paul I, Peter I, representative program, symbolic space.

кровного, так и духовного родства с Петром I. В свою очередь это находит активное воплощение в композициях и декорациях его «дворцовых» проектов: Гатчине, Петергофе и Михайловском замке.

Данное исследование продолжает тему петровской парадигмы в дворцовых программах Павла I¹. Его целью является анализ концепции власти в ее историческом дискурсе в репрезентативном пространстве Михайловского замка. В работе предполагается обобщить и проанализировать «петровский текст» резиденции Павла I в пространственном, историческом и метафизическом аспектах.

1. Пространственный аспект «петровского текста» Михайловского замка связан со спецификой места, выбранного Павлом I для его строительства места, в пространстве Петербурга. Он был обусловлен тремя взаимосвязанными между собой причинами. Известно, что император родился в Летнем дворце Елизаветы Петровны, ранее стоявшем на этом месте. При этом здание Летнего дворца было напрямую связано с событиями дворцового переворота, возведшего на престол его мать в июне 1762 года. Так что разрушением елизаветинского дворца и строительством собственной резиденции Павел I символически «стирал» память об обеих царственных родственницах-узурпаторшах и, одновременно, закреплял в городском пространстве это место исключительно за собой. При этом оно для самого Павла I было важным не только в связи с фактом его рождения. В свое время Елизавета Петровна построила здесь Летний дворец, визуально-пространственными переключками этого места с соответствующими дворцами и Петропавловским собором крепости, связанными с членами ее семьи. Так, по мнению Е. М. Болтуновой, «на символическом уровне перед дворцом императрицы находились ее отец император Петр I, ее мать императрица. Екатерина I, ее сестра — Анна Петровна герцогиня Голштинская, а за спиной — ее муж граф А. Г. Разумовский»².

Для Павла I значимой станет исключительно связь с Петром I. Соотнесение правнука с прадедом началось с детства Павла Петровича и, вероятно, с учетом обстоятельств 1762 года, инициировано его матерью-императрицей. Так на портрете работы художника А. П. Лосенко, написанном в следующем после дворцового переворота году (1763, ГМЗ «Гатчина») юный цесаревич изображен с гравированным портретом великого прадеда в руках. А комнаты для его учебных занятий выходили окнами на «петровское» Адмиралтейство. Так что золотистый льющийся в окна свет-сияние на картине Лосенко — это своеобразное «отеческое» благословление царственного ребенка. Став императором, Павел I визуализирует эту связь, акцентируя свою близость и пространственно, и концептуально. Так в гатчинском дворце в Нижней тронной зале портрет Петра I стал частью тронного места, наряду с сенью балдахина и подножием. Он занимал все пространство стены непосредственно за спинкой кресла³. В ходе реконструкции Петергофа Павел I воспринимался едва ли не земной проекцией Петра Великого. В Нижнем парке Петергофа Павел I символически сопоставил себя с Петром I, дополнив ансамбль «петровских» объектов Нижнего парка собственными сооружениями.

Однако, во всей своей полноте петровская тема в репрезентативной программе власти императора Павла I воплотилась в ансамбле Михайловского замка. Она разворачивается как во внешнем окружающем дворец пространстве, так и пространстве его интерьеров. Здесь образ Петра I уже не «павловский» акцент палимпсеста символи-

¹ *Летин В. А.* Правнук «во дворе» прадеда: репрезентация Павла I в пространстве Петергофа // От «царского огорода» к музею-заповеднику: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018. С. 301–304.

² *Болтунова Е. М.* Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 32: Петровское время в лицах – 2006. СПб., 2006. С. 52–60.

³ *Болтунова Е. М.* Трон Великого Петра: К вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 5. М., 2008. С. 496–511.

ческого универсума, как было в Гатчине или Петергофе, а лейттема репрезентативной программы власти императора Павла I, раскрывающаяся в религиозном, историческом и культурном аспектах.

Прежде всего, Михайловский замок встраивается в цепь петровских объектов, нанизанных на композиционную ось: юг — север. Скульптура Петра I работы Б.-К. Растрелли на площади Коннетабля предвещает въезд в Воскресенские ворота замка с юга. С северной стороны его территория граничит с петровским Летним садом, в котором стоит петровский же Летний дворец. Замыкает эту ось «домик Петра I», расположенный на противоположном берегу Невы. В городском пространстве шпиль колокольни замка вступает в переключку со шпильками на «петровских объектах» — Петропавловским собором в крепости и Адмиралтейством. При этом заметим, что на собор открывается вид из окна углового будуара личных покоев императора.

Связь этого дворца с петровскими объектами акцентируется и символическими значениями архитектурных решений и декора фасадов здания.

Так героико-триумфальная идея растреллиевского монумента тематически поддерживается архитектурным решением парадного въезда в замок в виде триумфальной арки Воскресенских ворот. Само название ворот апеллирует с бытовавшей со времен Елизаветы Петровны аллегорией, переосмысливавшей религиозное событие Воскресения Христа в качестве политической метафоры: воскрешение петровских начинаний. Так, в храмах елизаветинской эпохи Воскресение — это один из главных мотивов религиозной программы. Так в иконостасах храмов елизаветинской эпохи, имеющих непосредственное отношение к императрице, образ Воскресения Христа занимает центральное положение вместо традиционного Спаса в силах. Это можно видеть в московском соборе Климента папы Римского на Пятницкой улице⁴ и ярославской церкви Николы Надеина⁵. Автором концепции, а, возможно, и отчасти исполнителем последнего был «первый российский актер» Ф. Г. Волков.

Кульминационным в этом ряду является композиция «Воскресение Христово» на фоне притвора придворной церкви Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце (изначально Ф. Фонтенбассо, возобновлена П. В. Басиным после пожара 1837 года). Павел I наследует и развивает эту аллегория, переводя ее из сферы религиозной в сферу историческую.

Еще одно метафорическое сопоставление Павла I и Петра I присутствует непосредственно на фасаде дворца в барельефе тимпана фронтона «История заносит на свои скрижали славу России», выполненного скульптором П. Стаджи. На флангах композиции даны две аллегорические фигуры — Градостроения/Архитектуры и Кораблестроения/Навигации, представленные женскими фигурами с соответствующими атрибутами. С каждой из них изображены помощники путти. Мальчуган, ассистирующий аллегории архитектуры, развернул перед ней чертеж, в котором угадывается план Михайловского замка, а те, что изображены со стороны аллегории Навигации, задумались над чертежом здания, благодаря полукруглому — «алтарному» — выступу на одном из торцов, напоминающего храм. Наиболее близким архитектурным сооружением, соответствующим этому плану, являлась Исаакиевская церковь (Г.-И. Маттарнови, 1717–1727) петровского времени.

Так, павловский дворец сопоставляется с одним из значимых храмов петровского времени, «сохранившемся» к началу строительства дворца только на чертежах. При том, что Павел, вероятно, «игнорирует» елизаветинскую и екатерининскую версии Исаакиевского собора, обозначая тем самым, важную для него преемственность.

К тому же в расположенном над триумфальной аркой въезда Воскресенском зале размещались шесть полотен, иллюстрирующих важнейшие для Павла I моменты в истории России.

⁴ Баранов П. Л. К вопросу об особенностях иконостаса церкви Климента папы Римского на Пятницкой улице в Москве // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 2. 2012. С. 365–370.

⁵ Федорычева Е. А. Церковь Николы Надеина в Ярославле. М., 2003.

На аттике северного фасада представлены барельефы работы Ф. Тибо, раскрывающие основные идеи государственного кредо правителя: «Покровительство искусствам», «Восстановление порядка в финансах», «Реформа юстиции», «Учреждение полиции и безопасности», «Восстановление навигации»⁶. Обращение фасада к Летнему саду и, соответственно, к Летнему дворцу Петра I, символически превращает скульптурную композицию в своеобразную клятву верности заветам великого предка, воспринятых и реализуемых его законным во всех отношениях потомком. Наконец, шпиль над Михайловским храмом замка на его западном фасаде делает дворец Павла I в городской панораме равнозначным «петровским» зданиям — Адмиралтейству и царской усыпальнице — Петропавловскому собору.

Таким образом, Михайловский замок не только пространственно и зрительно соотнесен с «петровским текстом» петербургского пространства, но и в силу масштабности архитектурного проекта В. И. Баженова и В. Бренны играет в нем доминирующую роль. Благодаря чему император Павел I воспринимается в пространстве Петербурга как кровный наследник и идейный преемник Петра Великого.

2. Исторический аспект «петровского текста» Михайловского замка связан с местом фигуры Петра I в репрезентативной программе царствования Павла I в пространстве апартаментов бельэтажа Михайловского замка. Образ Петра I появляется в интерьерах Михайловского замка дважды — на исторических полотнах в декорации Воскресенского зала и в виде памятника на центральной части плафона в галерее Рафаэля.

Воскресенский зал — просторное светлое помещение. Ощущение парадности создается в нем золотистым искусственным мрамором облицовки стен. Зал открывает парадную анфиладу помещений бельэтажа дворца, предвеляя Тронную залу. Специально для него было создано шесть полотен со сценами из Российской истории: Д.-А. Аткинсон «Крещение великого князя Владимира» и «Победа Дмитрия Донского над татарами» (1775 – не ранее 1831, ГТГ); Г. И. Угрюмов «Взятие Казани Иваном Грозным» и «Призвание Михаила Федоровича Романова на царство» (1764–1823, ГРМ), В. К. Шебуев «Полтавская баталия» (1777–1855, местонахождение неизвестно), В. П. Причетников «Соединение российского и турецкого флота и проход его через Босфор» (1767–1809, местонахождение неизвестно). В соотношении себя с историей своей страны Павел I здесь прибегает к тому же приему, что и Екатерина II в Петергофском Большом зале, представив на стенах барельефы из древнерусской истории (А. М. Иванов «Крещение великой княгини Ольги под именем Елены», воссоздано Г. Л. Михайловой и Э. П. Масленниковым; М. И. Козловский «Возвращение Святослава с Дуная после победы над печенегами», воссоздано Г. Л. Михайловой и Э. П. Масленниковым), двенадцатью портретами представителей дома Романовых — вдоль стен над окнами, и тремя портретами предшественниц на троне работы И. Д. Бухгольца (Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны). На западной стене располагались 4 полотна работы Р. Петона, представлявшие эпизоды Чесменского боя.

В собственном дворце Павел I отказывается от репрезентации темы династии. Зато развивает тему государственной власти. И оформление Воскресенского зала как раз и представляет реализацию концепции царской власти Павла I, в ее историческом аспекте. К сожалению, в полной мере мы не можем составить о ней полного впечатления, так как места нахождения двух картин из шести не известны. Но по сохранившимся полотнам можно выявить три закономерности. Павловский вариант власти, в отличие от петергофского екатерининского, исключительно маскулинный. Все правители — мужчины, разных возрастов. Помимо героико-триумфальной темы, здесь присутствует и религиозная. Так что исторические правители-персонажи картин демонстрируют традиционно рыцарские — маскулинные же — качества: Владимир, принимающий

⁶ Карпова Е. В. Рельефы северного и восточного фасадов Михайловского замка // Дворцы Русского музея. Сборник статей. СПб., 1999. С. 75–84.

Крещение, — смирение; Дмитрий Донской, участвующий в битве, — отвагу; Иван IV, принимающий царственных пленников из Казани, — милосердие; юный Михаил Романов, приносящий клятву, — верность.

Природа власти в пространстве Воскресенского зала сакральна. Так, золотистый цвет искусственного мрамора здесь символизирует и царственность, и божественное сияние, «освящая» тем самым важные вехи российской истории. На картинах же фигуры правителей выделены золотистым светом. При этом они еще и соотносены с сакральным пространством или же атрибутом. Так киевский князь Владимир и царь Михаил Федорович изображаются в храмах, перед иконостасами в важные для них (и их государств) моменты жизни: первый становится христианином, второй — царем. Сцена боя с участием московского князя Дмитрия Донского лишена религиозных символов, которые здесь показались бы неуместными. Но противопоставление христианского воинства русских и «язычников» татар создается за счет костюмов и оружия: стилизованных русских доспехов и восточных одеяний, а также головных уборов, кривых сабель. Иван IV изображен рядом со стягом с образом Спаса Нерукотворного. Боевое знамя полураскрыто, что символизирует окончание боя. И могущественный царь-победитель великодушно принимает пленных татар под свое покровительство, простирая над ними свою десницу.

Особый интерес в этой связи приобретает полотно с изображением московского царя Иоанна IV. Образцами для него послужили два произведения искусства: растрелиевский Петр I, стоящий перед замком на площади Коннетабля, и князь Владимир с картины А. П. Лосенко «Владимир перед Рогнедой».

Художник Г. И. Угрюмов, изображая Иоанна IV на коне под стенами Казани, воспроизводит в этом образе композицию конного памятника Петру I перед дворцом. В этой исторической «ретроспективе» оказывается, что образ первого русского царя, строится по примеру первого российского императора. Сближение этих двух правителей происходило еще при жизни Пера I, а впоследствии оно стало характерной чертой его репрезентации как «первого монарха»⁷. Так визуализировалась историческая перспектива Иоанн IV — Петр Великий — наследующий им Павел I.

А вот костюмы Иоанна IV и, кстати сказать, Михаила Федоровича восходят к костюму князя Владимира с картины «Владимир перед Рогнедой» художника А. И. Лосенко — учителя Г. И. Угрюмова. Из буквальных иконографических совпадений здесь можно назвать красные сапоги и мантии. Красные сапоги здесь ассоциируются с «иконописными» кампагами святых князей-воинов, которые, в свою очередь, были заимствованы из парадного костюма византийских императоров. Символизируют они благородство и царственность. На обоих персонажах с угрюмовских картин — мантии европейского образца, как и на картине А. П. Лосенко. Заметим, что и А. П. Лосенко «своему» Владимиру придал черты портретного сходства с Петром I⁸.

Из неявных иконографических соответствий можно отметить «совпадение» золотого цвета рубахи Владимира с позолотой кирасы с крестом Иоанна IV и общий тип блестящих рубах на Владимире (золотая) и на Михаиле Федоровиче (серебряная). Золотой и красный цвета в парадной живописи — символы царственности⁹. Поскольку в изображенной на полотне сцене юный Романов только призывается на царствование, то на нем не золотое, а серебряное одеяние, символизирующее духовную чистоту и благородство героя.

⁷ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Киевская Московская Русь. М., 2002. Т. II. Кн. 1. С. 457–478.

⁸ Летин В. А., Вищенья К. С. Театральный дискурс живописи А. П. Лосенко // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 4 (6). С. 95–114.

⁹ Пчелов Е. В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. С. 140–150.

Как видим, даже с учетом отсутствия полотна с Полтавской баталией присутствие Петра I в Воскресенском зале заметно. К тому же, растреллиевская скульптура императора — триумфатора видна из окон на южной стене зала.

3. Метафизический аспект образа Петра I в Михайловском замке проявляется в «Храм Минервы» — центральной части триптиха плафона работы И.-Я. Меттенлейтера в галерее Рафаэля. Здесь он появляется в виде памятника-бюста в левой части композиции¹⁰.

Центральное панно триптиха трехчленно. Каждая часть посвящена виду искусства: левая (та, где памятник Петру I) — скульптуре; центральная — живописи, правая — архитектуре. В контексте репрезентативной программы Павла I искусства занимают важное место. Так на парадном портрете кисти В. Л. Боровиковского (1800, ГРМ, Михайловский дворец) у ног Павла I, изображенного в коронационном облачении, располагаются атрибуты именно этих трех искусств: живописи (палитра с кистями), скульптуры (голова статуи), архитектуры (чертеж и циркуль). На аттике северного фасада Михайловского замка барельеф-«тезис» о покровительстве искусствам стоит первым в ряду пунктов программы царствования. Для Павла I — эстетика и мистика — искусство это один из способов познания человека, его духовного совершенствования. Три искусства, представленные на картине В. Л. Боровиковского и доминирующие на панно И.-Я. Меттенлейтера, можно соотнести с тремя сферами мироздания: физической (телесной), душевной (эмоциональной) и духовной (божественной).

Так что три части панно «Храма Мудрости» соответствуют трем этапам познания человека и мира. При этом каждая часть панно представлена как сцена создания произведения искусства, акцентируя именно процесс познания, а не результат.

Так в левой части композиции «Храма Мудрости» перед алтарем-бюстом Петру I — воздвигают статую в виде женской фигуры с тремя венками в которой опознается аллегория Любви к Отечеству (*Amor della Patria*)¹¹. Эта аллегория дана в «Иконологии» Ч. Рипа. Однако, в «Иконологии» это мужская фигура в доспехах, но с венками в обеих руках. Возможно, замена мужской фигуры на женскую была обусловлена ситуативно, поскольку брутальным героем здесь выступает адресат посвящения скульптуры. Возможно, здесь добавляется еще одно значение, характерное для аллегорических репрезентаций власти Петра: миф о Пигмалионе и Галатее. Здесь статуя Галатее символизирует созданную Петром страну. Именно с таким толкованием этот сюжет помещен скульптором Б.-К. Растрелли в виде рельефа на императорские доспехи при создании бюста Петра Великого. При этом искусство скульптуры символизирует мир физический, телесный. Однако скульптура преобразует тела — эстетизирует их. Памятник Петру I здесь представляет символический алтарь, вероятно, Отечества, с характерными атрибутами — символическими трофеями. Ему противопоставлена беломраморная дева — аллегория «Любви к Отечеству». Именно она является композиционным центром этой части. Изготовление этой девы может символизировать и рождение новой России, произошедшее по воле Петра I, как свершение его замысла.

Так что эту часть можно трактовать, и как начальный процесс познания человека, в основе духовных исканий которого должна лежать Добродетель, и как начало нового Государства, где патриотизм должен быть главным качеством личности правителя.

«Телесному» миру противостоит мир «душевный». В композиции «Храма Мудрости» — это правая часть панно. Здесь показан процесс строительства здания и представлены различные фазы обработки камня: от природной «скалы» до изящной

¹⁰ *Punak E. A.* Живописные плафоны Галереи Рафаэля Михайловского замка. К проблеме иконологического толкования // Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка: Альманах. СПб., 2014. Вып. XXV. С. 23–35.

¹¹ *Ripa C., Castellini G.Z., Tozzi P.P.* Della novissima iconologia. Padova, 1625. URL: <https://archive.org/details/dellanovissimaic00ripa/page/34/mode/2up> (дата обращения: 01.12.21).

капители. Обработка камня в масонском учении является символом духовной работы, сутью которой является усмирение природных страстей, приведение души к гармонии. Трудность работы над душевным самосовершенствованием показывается через физические усилия, с которыми персонажи обтесывают и перемещают каменные блоки.

Осевой фигурой здесь является архитектор (портрет В. Бренны) в красной мантии. Этот персонаж воплощает собой разум, победивший страсти. Именно под его руководством складывается здание, судя по плану под его рукой, Михайловского замка — метафоры Империи Павла I.

Наконец, в центральной части Аполлон и Минерва наблюдают и позируют сидящим перед ними художникам. Здесь же можно увидеть и представителей других видов искусств. Центральной фигурой «земного» плана является художник, обративший свой взгляд к зрителю. Это автопортрет И.-Я. Меттенлейтера. Персонажи в этой части созерцательно сосредоточены. Это область познания высшей мудрости. Наверное, ее божественной природы. Поэтому здесь сугубо умозрительный процесс.

Важным акцентами в композиции центральной части являются божества: Аполлон и Минерва, фигура художника (автопортрет И.-Я. Меттенлейтера) и мужская фигура, сидящая на ступенях лестницы. До настоящего времени эта фигура оставалась непознанной. Однако вынесение ее на первый план и помещение в центральной части композиции говорит о её важности в идейном замысле плафона. Свитки и книги, разложенные вокруг него, указывают, что перед нами интеллигент: либо философ, либо литератор, либо историк. То, что в свитках можно распознать карты, а сам персонаж пишет, а не размышляет или что-то декламирует, позволяет нам сделать выбор в пользу «историка». Сравнительный анализ иконографических аналогов, в виде дошедших до нас скульптурных портретов представителей античной культуры, позволил идентифицировать этого персонажа как Фукидида, автора «Пелопонесской войны». У персонажа с плафона галереи Рафаэля характерные для бюстов Фукидида черты лица и формы головы, причёски, бороды. Его появление на ступенях подножия «Храма Мудрости» вполне закономерно. Историк, наиболее приближенная к зрителю фигура соединяет прошлое и будущее. Базирующийся на идеях рационалиста Анаксагора и школе софистов Фукидид доверяет исключительно фактам. Он считает разум человека основой познания. Что вполне согласуется с общим замыслом этой части плафона.

Так что в метафизическом плане символически переосмысленный и художественно преображенный образ Петр I встраивается в систему символического универсума, становясь одной из его ключевых фигур. В контексте идейного замысла центральной части плафона Петр I (памятник) и Павел I (строящийся замок) сопоставляются друг с другом как важные этапы духовной работы и государственного строительства, которые должны, в итоге, привести страну к процветанию и гармонии.

Образ Петра I занимает в репрезентативной программе Михайловского замка одно из ключевых мест, что характерно для типичных программ российских правителей XVIII столетия. При этом в символической программе власти Павлом I синтезируются две характерные для «почитания» великого предка парадигмы: кровнородственная и духовно-родственная. При этом сама резиденция монарха оказывается своеобразной призмой, фокусирующей не только государственное, но и религиозно-философское, морально-этическое кредо императора.

REFERENCES

Baranov P. L. K voprosu ob osobennostyakh ikonostasa tserkvi Klimenta papy Rimskogo na Pyatnitskoi ulitse v Moskve [On the Peculiarities of the Iconostasis of the Church of Pope Clement on Pyatnitskaya Street in Moscow]. *Actual Problems of Theory and History of Art*. Vol. 2. 2012. Pp. 365–370. (In Russian)

Boltunova E. M. Petr Velikii v topografii grada Petrova: ideya preemstvennosti vlasti v simvolike imperatorskikh mest Sankt-Peterburga XVIII v. [Peter the Great in the Topography of Petersburg: The Idea of Succession of Power in the Symbolism of St. Petersburg Imperial Sites in the 18th Century]. *Translations of the State Hermitage*

Museum. XXXII. Personalities from Peter the Great's Time – 2006. St. Petersburg, the State Hermitage Publ., 2007. Pp. 52–60. (In Russian)

Boltunova E. M. Tron Velikogo Petra: K voprosu o semantike tronnykh zalov v Rossii XVIII v. [The Throne of Great Peter: On the Semantics of Throne Halls in Eighteenth-Century Russia]. *Russkaya antropologicheskaya shkola*. Trudy. Vol. 5. Moscow: RGGU Publ., 2008. Pp. 496–511. (In Russian)

Fedorycheva E. A. *Tserkov' Nikoly Nadeina v Yaroslavle* [Church of Nikola Nadein in Yaroslavl]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2003, 104 p. (In Russian)

Karpova E. V. Rel'efy severnogo i vostochnogo fasadov Mikhailovskogo zamka [Reliefs of the northern and eastern facades of the Mikhailovsky (Engineering) Castle]. *Dvortsy Russkogo muzeya. Sbornik statei*. St. Petersburg, Palace Editions Europe, 1999. Pp. 75–84. (In Russian)

Letin V. A. Pravnik «vo dvore» pradeda: reprezentatsiya Pavla I v prostranstve Petergofa [Great-grandson "in the yard" of the great-grandfather: the representation of Paul I in the space of Peterhof]. *From the "Royal Garden" to the Museum-Reserve: Collected articles based on the materials of the scientific and practical conference of the Peterhof State Museum-Reserve*. St. Petersburg: The Peterhof State Museum-Reserve, 2018. Pp. 301–304. (In Russian)

Letin V. A., Vishchenya K. S. Teatral'nyi diskurs zhivopisi A. P. Losenko [The theatrical discourse of painting by A. P. Losenko]. *World of Russian-speaking countries*. 2020. no. 4 (6). Pp. 95–114. (In Russian)

Panchenko A. M., Uspenskii B. A. Ivan Grozny i Petr Velikii: Kontseptsii pervogo monarkha [Ivan the Terrible and Peter the Great: Concepts of the first monarch]. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. 2. no. 1. Kievskaya Moskovskaya Rus'. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. Pp. 457–478. (In Russian)

Pchelov E. V. Simvolika rossiiskikh gosudarstvennykh regalii: tsveta i chisla [Symbolism of Russian state regalia: colors and numbers]. *RSUN/RGGU bulletin. "Literary theory, Linguistics, Cultural studies" Series*. 2010. no. 7 (50). Pp. 140–152. (In Russian)

Ripak E. A. Zhivopisnye plafony Galerei Rafaehlya Mikhailovskogo zamka. K probleme ikonologicheskogo tolkovaniya. [Painted plafonds of the Raphael Gallery of the Mikhailovsky Castle. On the Problem of Iconological Interpretation]. *Pages of the History of Russian Art. Vol. 25: Essays on the history of the Mikhailovsky (Engineering) Castle*. St. Petersburg, 2014. Pp. 23–35. (In Russian)

Ripa C., Castelini G. Z., Tozzi P. P. *Della novissima iconologia* [Of the newest iconology]. Padova, Pietro Paulo Tozzi, 1625, 734 p. Available at: <https://archive.org/details/dellanovissimaic00ripa/page/34/mode/2up> (accessed: 01.12.2021). (In Italian)

► РОЛЬ АРХИТЕКТОРА В МУЗЕИФИКАЦИИ ЛЕТНЕГО ДВОРЦА ПЕТРА I В ЛЕТНЕМ САДУ*

МАНТУРОВ МИХАИЛ
ВЛАДИМИРОВИЧ

Старший научный сотрудник,
Государственный Русский музей

191186, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4

manturov@yandex.ru

Летний дворец Петра I в Летнем саду Санкт-Петербурга является уникальным по своей сохранности памятником архитектуры первой четверти XVIII века. В его планировочной структуре и художественном убранстве отразилась личность его создателя императора Петра I. Путь к всеобщему признанию его уникальных художественных и мемориальных особенностей был долгим и противоречивым. Он завершился только к концу первой четверти XX века. Дворец Петра I был музеефицирован в результате последовательной деятельности трех архитекторов В. Н. Талепоровского, О. М. Равицкой и Н. Е. Лансере. Затем в 1935 году дворец получил статус «памятника архитектуры, находящегося под государственной охраной». Это постановление окончательно установило его общественный статус и определило его использование в качестве музейного объекта.

Ключевые слова: здание-памятник, Дворец Петра I в Летнем саду, музеефикация, архитектор.

► THE ROLE OF THE ARCHITECT IN THE MUSEUMIFICATION OF THE SUMMER PALACE OF PETER I IN THE SUMMER GARDEN**

MIHAIL VLADIMIROVICH
MANTUROV

Senior Research Fellow,
State Russian Museum

4, Inzhenernaya st., St. Petersburg,
191186, Russian Federation

manturov@yandex.ru

The Summer Palace of Peter I in the Summer Garden in St. Petersburg is an architectural monument of the first quarter of the 18th century, unique due to its integrity. Planning structure and artistic decoration of The Summer Palace reflected the personality of its creator, Emperor Peter I. The path to recognition of its unique artistic and memorial features was long and contradictory and ended only by the end of the first quarter of the 20th century. The museumification of the palace was the result of the successive activities of architects V. N. Taleporovsky, O. M. Ravitskaya and N. E. Lancere. Then, in 1935, The Summer Palace of Peter I received the status of “an architectural monument under state protection”. This decree finally established its public status and determined its use as a museum.

Keywords: listed building, Palace of Peter I in the Summer Garden, museumification, architect.

Летний дворец Петра I в Летнем саду Санкт-Петербурга известен как памятник культурного наследия первой четверти XVIII века. Его отличительной особенностью являются почти полностью сохранившиеся в первоначальном виде фасады и частично интерьеры. Дворец был построен в 1711–1714 годах архитекторами Доменико Трезини и Андреасом Шлютером.

Изучение истории музеефикации дворца Петра I дает возможность выявить роль архитектора в этом сложном и порой противоречивом процессе. На начальном этапе она является определяющей в силу специфики этой профессии. Только архитектор способен оценить памятник во всей полноте его архитектурных, художественных и конструктивных особенностей.

В процессе изучения и музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду последовательно принимали участие следующие архитекторы: Владимир Николаевич

* Участие архитекторов В. Н. Талепоровского, О. М. Равицкой и Н. Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду

** Participation of architects V. N. Taleporovsky, O. M. Ravitskaya and N. E. Lancere in the creation of the Palace Museum “Summer Palace of Peter I” in the Summer Garden

Талепоровский (1884–1958)¹, Ольга Михайловна Равицкая (1889 – после 1954)² и Николай Евгеньевич Лансере (1879–1942)³.

Летний дворец Петра I представляет собой небольшое двухэтажное здание с простой и рациональной планировкой. Наличие на 1-м и 2-м этажах кухонь и отхожих мест, вероятно, свидетельствует о существовании традиции разделения жилого дома на мужскую и женскую половины. Дворец изначально строился как летняя резиденция, которая располагалась на территории создаваемого одновременно с ним Летнего сада и, следовательно, он не был включён в систему регулярной городской застройки. Этим объясняется наличие почти равноценных по своему художественному решению четырех фасадов. Из них только южный выделяется наличием над главным входом рельефной композиции на тему воинской славы России. Статус любого здания в XVIII веке определялся общественным положением его владельца. Следовательно, это небольшое здание получило статус «дворца» вследствие того, что оно предназначалось для пребывания царствующей особы и его семьи.

Летний дворец Петра I в планировке и художественной отделке отражает вкусы и образ жизни своего владельца императора Петра I. Это зримый образ исторической личности в его частной повседневной жизни. Этим объясняется для нас его исключительная мемориальная и историческая ценность.

История трансформации жилого здания, каковым изначально строился Летний дворец в Летнем саду, в дворец-музей была сложной и порой противоречивой. Так, после смерти Петра I Летний дворец по-прежнему использовался по своему прямому назначению — он являлся жилым зданием. Дворец оставался летней резиденцией для членов правящей династии, а в дальнейшем и высших сановников империи.

В первой половине XIX века И. Пушкарев в своем «Описании Санкт-Петербурга», в частности, пишет: «Зимой этот Дворец запирается, и посетители могут обозревать его только весной и летом, когда никем не занят»⁴. Из этой публикации следует, что дворец, оставаясь жилым зданием, одновременно являлся мемориальным памятником, доступным для осмотра.

Первый опыт размещения в Летнем дворце музейной экспозиции связан с празднованием в 1903 году 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга. В Летнем саду и Летнем дворце экспонировалась «Юбилейная выставка в память Державного основателя С. Петербурга»⁵. Устроители выставки рассматривали Летний дворец как исторический памятник — зримый образ эпохи Петра I и одновременно как выставочное пространство. В экспозиции, развернутой в залах дворца, были представлены мемориальные предметы, принадлежавшие Петру I, а также исторические материалы и художественные произведения, отражавшие характерные черты придворного быта первой четверти XVIII века в России.

К этому же времени относятся первые публикации исследований по истории строительства и бытования Летнего дворца Петра I, основанные на архивных и эпистолярных источниках. Но натуральных исследований дворца эти авторы не производили.

Впервые натурные исследования дворца по средствам архитектурных обмеров в 1911–1913 годах осуществил Владимир Николаевич Талепоровский. На время проведения обмеров он являлся студентом архитектурного отделения Высшего художественного

¹ Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1915. Ч. 2. С. 394.

² Личное дело О. М. Равицкой // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 876.

³ Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Ч. 2. С. 350.

⁴ Пушкарев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. Ч. I. СПб., 1839. С. 312.

⁵ Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга. СПб., 1903.

училища при Императорской Академии художеств. Эти обмеры он выполнил в процессе прохождения учебной практики. В собрании Научно-Исследовательского музея при Российской Академии художеств хранятся кроки этих обмеров. Они свидетельствуют, что в процессе работы над обмерами Талепоровский провел скрупулёзное исследование архитектурных и конструктивных особенностей здания⁶. В 1913 году он опубликовал альбом этих обмеров, выполненный им в технике офорта⁷. В составе альбома десять листов, на которых представлены перспективный вид дворца со стороны сада, южный и западный фасады, планы первого и второго этажей, продольный и поперечный разрезы, а также виды сохранившихся наиболее значимых в художественном отношении интерьеров дворца. Это отделка лестницы с деревянным рельефным изображением Минервы и так называемой Зеленой комнаты на втором этаже дворца.

Таким образом, к началу XX века Летний дворец, оставаясь по прежнему жилым зданием, находившимся в ведении Санкт-Петербургского дворцового управления, входившего в состав Министерства Императорского Двора и уделов, одновременно является и мемориальным памятником, посвященным личности императора Петра I, доступным для осмотра⁸.

В нашем распоряжении есть свидетельство современника: рассказ А. И. Куприна «Домик», в котором подробно описывается посещение дворца Петра I в Летнем саду. Действие рассказа относится к 1904 году. В нем указана точная дата посещения — первый день православной Пасхи. Дано описание Летнего сада, где с мраморной скульптуры уже сняты зимние футляры. В описании посещения дворца указано, что вестибюль оборудован вешалками для посетителей, которые должны снимать верхнюю одежду, входя в здание. Для осмотра открыты только залы второго этажа. В описании экспозиции упоминается французский гобелен, подаренный Петру первому во время его пребывания в Париже в 1717 году. Одно из помещений именуется «картиной галереей», где среди других экспонируется работа Тинторетто. В описании столовой упоминается стол из простого соснового дерева, столовая утварь и маленькое окошко в кухню, характеризующее личные пристрастия Петра I во время трапезы⁹.

Революционные события 1917 года в России нашли свое отражение в судьбе Летнего дворца Петра I в Летнем саду. Временное правительство, придя к власти, реформировало Министерство Императорского Двора и уделов. Оно разделило недвижимое имущество свергнутой династии Романовых по следующему принципу. Императорские дворцы, находившиеся в распоряжении царствующего императора, — такие, как Зимний, Большой Петергофский и другие, были национализированы, а великокняжеские дворцы и усадьбы были признаны частной собственностью их владельцев — Великих князей Романовых. Следовательно, Летний дворец был национализирован Временным правительством в марте 1917 года.

После октябрьского переворота в составе нового правительства — Совета народных комиссаров РСФСР — был учреждён Народный комиссариат имуществ Республики, в ведение которого поступило бывшее Министерство Императорского Двора. Декрет СНК РСФСР «О национализации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего императорского дома», изданный 13 июля 1918 года, окончательно

⁶ Талепоровский В. Н. Альбом обмеров Летнего Дворца Петра I в Летнем саду (кроки). 1911–1913 // Научно-Исследовательский Музей при РАХ. Отдел архитектуры.

⁷ Талепоровский В. Н. Альбом гравированных обмеров Летнего Дворца Петра I в Летнем саду. 1913 // Научно-Исследовательский музей при РАХ Отдел архитектуры. Инв. № АГ-1600 — АГ-1615.

⁸ Обзоры о деятельности Отдела государственных имуществ Комиссариата Народного просвещения за период с 27.02.1917 по 7.11.1918 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

⁹ Куприн А. И. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1968. Т. 6. С. 28–32.

определил правовой статус дворца Петра I в Летнем саду¹⁰. Он становится государственной собственностью. Тогда же, летом 1918 года, открываются для осмотра бывшие императорские дворцы в пригородах Петрограда. Вероятно, одновременно с ними был открыт для осмотра и Летний дворец Петра I. Дворец экспонировался в том состоянии, каким его застали революционные события 1917 года. Так, даже летом 1918 года комиссаром и хранителем дворца Петра I в Летнем саду назначили члена Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце Николая Алексеевича Габилева¹¹. Который принял хранившиеся во дворце художественно-исторические предметы согласно имеющейся описи от старшего служителя Зимнего дворца Гаврилова¹². Следовательно, дворец, несмотря на революционные события в стране, находился под охраной государства.

В Петрограде с 1918 по 1920 год в составе Музейного отдела Губернского комитета политического просвещения работала экскурсионная секция, которую в 1921 году реорганизовали в Петроградский экскурсионный институт¹³. Одним из направлений научной работы созданного института являлась подготовка методических разработок и пособий для проведения тематических экскурсий в Петрограде и его ближайших пригородах. В 1923 году институт публикует адресованную организаторам экскурсий и экскурсоводам брошюру «Летний Сад при Петре I»¹⁴. В этом издании публикуются подробные сведения о создании и бытовании Летнего сада. А в описании Летнего дворца Петра I приводится подробная характеристика особенностей художественной отделки и назначения интерьеров, а также осуществляется попытка атрибуции мифологических сюжетов рельефных композиций на фасаде здания. Летний сад и Летний дворец, как следует из упомянутой публикации, являются музейным объектом, доступным для осмотра.

В 1924 году вышла в свет адресно-справочная книга «Весь Ленинград», где в разделе Музеи, находящиеся в ведении Петроградского отделения Главнауки, указан Петровский дворец в Летнем саду¹⁵. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, в фонде Ленинградского отделения Главнауки, хранятся материалы, характеризующие состояние Летнего сада и Летнего дворца в первые годы Советской власти. В этих документах отражены расходы на содержание и текущий ремонт здания Летнего дворца и указан предполагаемый доход в 1924–1925 годах от входной платы за посещение. Есть также упоминание о планируемых на 1925 год ремонтных работах на фундаменте, кровле и в интерьерах дворца¹⁶. Также в этих материалах есть данные, что дворец все ещё не оборудован электрическим освещением.

Осенью 1924 года в Петрограде произошло катастрофическое наводнение, в результате которого пострадали Летний сад и Летний дворец Петра I. Уже весной 1925 года, здание Летнего дворца осматривает комиссия под председательством архитектора Н. Е. Лансере. Она констатировала: «общее состояние дворца, несмотря на наводнение 23 сентября 1924 года, удовлетворительное, наружная штукатурка почти не повреждена и требует лишь окраски»¹⁷. Вскоре Летний дворец Петра I распоряжением Наркомата

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918 г. № 52. Ст. 583.

¹¹ Журнал исходящих бумаг Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце. 1917–1918 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

¹² Отчеты сотрудников и членов историко-художественной комиссии о своей деятельности. 14 марта – 13 июля 1918 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 78, 78 об.

¹³ Смирнова А. Г. Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) Экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (Вестник РГУ). 2012. № 6 (86). С. 58–77.

¹⁴ Карлсон А. В. Летний сад при Петре I. Пг., 1923.

¹⁵ Весь Ленинград на 1924 год. Адресная и справочная книга. Л., 1924. С. 92, 93.

¹⁶ Летний Петровский дворец // ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 1179. Л. 3.

¹⁷ ГРМ. Отдел рукописей. Фонд ГРМ (I). Оп. 6. Д. 465. Л. 2.

просвещения РСФСР передается в ведение Историко-Бытового отдела Русского музея¹⁸. Осуществление работ по музеефикации дворца было поручено Н. Е. Лансере, являвшемуся одним из хранителей ИБО и одновременно председателем Строительного комитета Русского музея¹⁹. С этого времени начались работы по музеефикации Летнего дворца в соответствии с разработанными сотрудниками Историко-Бытового отдела критериями по созданию историко-бытовых экспозиций.

Первым хранителем Летнего дворца в составе Историко-Бытового отдела Русского музея назначили Ольгу Михайловну Равицкую²⁰. Это назначение было вполне закономерным. О. М. Равицкая закончила в 1916 году женский архитектурный институт Е. Ф. Багаевой и была оставлена при институте для изучения русского зодчества²¹. В 1919 году её избрали на должность ассистента по разряду русского зодчества Академии истории материальной культуры. В этой должности она оставалась до 1929 года. Работая в Академии, она принимала участие в осуществлении обмеров памятников русского зодчества в Новгороде. Одновременно она состояла в должности архитектора при Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР. С 1922 года Равицкая являлась архитектором-хранителем Петропавловской крепости, а с 1924 года — также и архитектором-хранителем Исаакиевского собора²². За время работы хранителем Летнего дворца Петра I ею были выполнены обмеры всех помещений дворца и составлены профессионально обоснованные рекомендации по отводу грунтовых и ливневых вод от фундамента и стен здания²³.

Осенью 1925 года, в связи с празднованием 200-летия со дня основания Российской Академии наук, в залах Летнего дворца была развернута выставка «Русский быт первой четверти XVIII века», устроители которой с марксистских позиций попытались характеризовать личность Петра I и проводимые им реформы в России. Был издан краткий путеводитель по выставке, составленный заведующим Историко-Бытовым отделом М. Д. Приселковым, где он сформулировал стоявшую перед создателями выставки задачу так: «Цель выставки — дать посетителю по возможности всестороннюю картину русского быта первой четверти XVIII века»²⁴. Выставка работала с 8 сентября по 15 октября 1925 года и закрылась с наступлением холодов, так как дворец по-прежнему оставался летним зданием и не мог эксплуатироваться в холодное время года²⁵. В последующие годы в Летнем дворце в теплое время года в залах второго этажа была представлена историко-бытовая экспозиция, посвященная быту первой четверти XVIII века. А залы первого этажа использовались для проведения временных выставок, отражающих научные интересы Историко-Бытового отдела Русского музея.

В 1929 году Н. Е. Лансере публикует монографию «Летний дворец Петра I», в которой дал подробное описание архитектурных и художественных особенностей здания-памятника²⁶. В этой монографии, не потерявшей своей научной ценности и сегодня, он опирался на исследования своих предшественников и, в частности, на обмеры дворца, выполненные В. Н. Талепоровским, часть из которых он использовал в качестве иллюстраций.

¹⁸ ГРМ. Отдел рукописей. Фонд ГРМ (I). Оп. 6. Д. 465. Л. 1.

¹⁹ Мантуров М. В. Н. Е. Лансере — хранитель историко-бытового отдела Русского музея, 1922–1931 годы // Коллекции и коллекционеры: сб. статей по материалам научной конференции. Выпуск XVI. СПб., 2009. С. 263–273.

²⁰ ГРМ. Отдел рукописей. Фонд ГРМ (I). Оп. 10. Д. 382. Л. 1.

²¹ Личное дело О. М. Равицкой // ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 876.

²² Личное дело О. М. Равицкой // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-341. Оп. 2. Д. 88.

²³ Отдел рукописей ГРМ. Фонд ГРМ (I). Оп. 6. Д. 465. 1925 г. Л. 7, 18; Фонд ГРМ (I). Оп. 10. Д. 382. Л. 5.

²⁴ Приселков М. Д. Русский быт первой четверти XVIII в. Выставка к 200-тию Академии Наук. Л., 1925. С. 3.

²⁵ Отчеты о работе Музея и его отделов за 1924–1925 г. // ГРМ Отдел рукописей. Фонд ГРМ (I). Оп. 6. Д. 359 Л. 23.

²⁶ Лансере Н. Е. Летний дворец Петра I. Л., 1929.

К началу 1930-х годов музеефикация Летнего дворца, проводившаяся под руководством Н. Е. Лансере, была уже завершена. В публикации 1930 года она характеризовалась следующим образом: «В нижнем этаже выставка, освещающая экономические и политические факторы эпохи расцвета торгового капитала начала XVIII в., Северную войну, управление и бытовые черты эпохи. В верхнем этаже — обстановка дворца начала XVIII века»²⁷. Следовательно, на первом этаже дворца размещалась экспозиция, характеризующая с марксистских позиций исторические события первой четверти XVIII века. А на втором была представлена научно обоснованная реконструкция жилого интерьера петровского времени.

Термин музеефикации применительно к памятнику культурного наследия — в данном случае Летнему дворцу Петра I, — используется в настоящей публикации для характеристики единственно возможного использования его в качестве музейного объекта, предназначенного для экспонирования. И в этом его главное отличие от других памятников культурного наследия, в которых размещаются музеи различного профиля, часто не связанного с историческими и художественными особенностями здания, в которых они располагаются²⁸.

Музеефикация памятника архитектуры — это всегда компромисс между стремлением сохранить первоначальный облик памятника и необходимостью создать условия для эксплуатации его как общественного здания, отвечающего необходимым стандартам комфорта и безопасности. Это длительный и многогранный процесс, который состоит из нескольких периодов. Первый из них — осознание присущих данному памятнику уникальных художественных и мемориальных особенностей, которые выделяют его из ряда других близких по времени создания памятников. Он характеризуется публикациями исследований, посвященных истории создания и бытования памятника. Далее следует натурное изучение памятника, и роль архитектора на этой стадии является определяющей, так как только архитектор в силу специфики своей профессии способен увидеть и оценить здание во всей полноте его художественных и конструктивных особенностей. Следующим этапом становится поиск концепции сохранения и использования памятника. В нем принимают участие люди с различной специализацией, часто далекие от непосредственно музейной деятельности. Это поиск оптимального сочетания различных факторов, направленных на удовлетворение потребностей общества, предъявляемых к памятникам культуры на данном историческом этапе своего развития.

Каждый из архитекторов, названных в этом сообщении, внес свой вклад в процесс музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду.

Владимир Николаевич Талепоровский был первым исследователем дворца, занимавшийся изучением архитектурных и конструктивных особенностей здания, сохранившихся со времени постройки, и затем опубликовавший эти материалы²⁹.

Ольга Михайловна Равицкая, будучи хранителем дворца, занималась решением чисто утилитарных задач по сохранению и эксплуатации здания в условиях, возникших в результате катастрофического наводнения, произошедшего в 1924 году. Для её работы было характерно стремление оградить дворец от разрушительного воздействия окружающей среды.

Николай Евгеньевич Лансере, наряду с научными изысканиями по истории строительства и художественного убранства дворца, занимался и практической деятельностью, устройством временных выставок, а затем и созданием постоянной экспозиции.

²⁷ Государственный Русский музей. Справочник на июнь, июль и август 1930 г. для организаторов экскурсий и посетителей музея. Л., 1930.

²⁸ Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; редкол.: В. Л. Янин (пред.) и др. Т. 1. М. 2001. С. 390–393.

²⁹ *Королев Е. В.* Талепоровский В. Н. и создание художественного музея в Павловском дворце // Музей 10. Художественные собрания СССР. М., 1989. С. 253–261.

Свои научные исследования и практический опыт по музеефикации дворца Петра I в Летнем саду он обобщил в своей монографии «Летний дворец Петра I».

В начале 1934 года, в связи с реорганизацией Государственного Русского музея, из его состава выводится Историко-Бытовой отдел³⁰. Летний дворец Петра I передается в ведение Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (далее УДПЛ)³¹. При этом все экспонаты, находившиеся в залах дворца и входившие в собрание Государственного Русского музея, при передаче дворца были вывезены и остались в составе его коллекций. Так завершился первый опыт музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду, осуществлённый сотрудниками Историко-Бытового отдела Русского музея во второй половине 20-х — начале 30-х годов XX века.

При передаче дворца был составлен Акт, отражающий техническое состояние здания³². Сопоставление Акта, составленного при получении Государственным Русским музеем Летнего дворца в 1925 году, с Актом его передачи в ведение УДПЛ, дает возможность проанализировать изменения в техническом состоянии основных конструкций здания за период с 1924 по 1934-й годы. Наводнение 1924 года, как выяснилось, имело пагубные последствия для дворца, которые проявились только спустя какое-то время после этого события. Эти последствия выразились в осадке грунта под фундаментом, которые привели к трещине в наружной стене здания. Эти обстоятельства стали одним из оснований для проведения уже в середине 50-х годов XX века комплексной реставрации дворца, проведенной под руководством архитектора А. Э. Гессена³³.

В 1935 году Президиум ВЦИК СССР утверждает «Список памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной». В составе этого Списка значится под № 28/189 «Летний сад с решетками, Летним дворцом Петра I, двумя павильонами, газонами, статуями и памятником Крылову»³⁴. Это постановление окончательно установило статус Летнего дворца Петра I как здание — памятник первой четверти XVIII века и определило его единственно возможное использование в качестве музейного объекта.

В настоящее время Летний сад и Летний дворец Петра I включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО как уникальные памятники XVIII века, сохранившиеся со времени основания Санкт-Петербурга. Летний сад и Летний дворец Петра I в настоящее время являются одним из филиалов Государственного Русского музея.

REFERENCES

Ezhagodnik Obshchestva Arkhitektorov — Khudozhnikov. Vypusk 10 [The Architects — Artists Society Yearbook. Issue 10]. St. Petersburg, Tipografiya T-va A. F. Marksa Publ., 1915. (In Russian)

Gosudarstvennyi Russkii Muzei. Spravochnik na iyun', iyul' i avgust 1930 g. dlya organizatorov ekskursii i posetitelei Muzeya [The State Russian Museum. Guide for June, July and August 1930 for tour organizers and visitors of the museum]. Leningrad, 1930, 4 p. (In Russian)

Grabar' I. E. (ed.). *Istoriya russkogo iskusstva. T. III. Peterburgskaya arkhitektura v XVIII i XIX veke* [The history

of Russian art. Vol. III. Petersburg architecture in the 18th and 19th centuries]. Moscow, I. Knebel' Publ., 1910, 584 p. (In Russian)

Karlson A. V. *Letnii sad pri Petre I* [The Summer Garden under Peter I]. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1923, 68 p. (In Russian)

Kedrinskii A. A., Kolotov M. G., Ometov B. N., Rasikin A. G. *Vosstanovlenie pamyatnikov arkhitektury Leningrada* [Restoration of architectural monuments of Leningrad]. Leningrad, Stroiizdat Publ., 1983, 311 p. (In Russian)

³⁰ Приказ народного комиссара по просвещению РСФСР № 211 от 13 марта 1934 года. § 1, п. 3 // ГРМ. Отдел рукописей. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 103. 1934 г. Л. 9.

³¹ ГРМ. Отдел рукописей. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1026. 1934 г. Л. 2, 3.

³² Там же. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1016. Протокол комиссии по реконструкции Музея, акты передачи зданий Музея, докладные записки о работе отделов, штатная ведомость. 1934 г. Л. 5.

³³ *Кедринский А. А., Колотов М. Г., Ометов Б. Н., Раскин А. Г.* Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1987. С. 85–113.

³⁴ Списки памятников архитектуры, находящиеся под государственной охраной // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 16. Д. 22. Л. 6.

- Kondakov S. N. *Yubileinyi spravochnik Imperatorskoi Akademii khudozhestv. 1764–1914* [Anniversary reference book of the Imperial Academy of Arts. 1764–1914]. St. Petersburg, R. Golike and A. Vil'borg Publ., 1915. P. 2, 454 p. (In Russian)
- Korolev E. V. Taleporovskii V. N. i sozдание khudozhestvennogo muzeya v Pavlovskom dvortse [Taleporovskiy V. N. and the creation of an art museum in the Pavlovsk Palace]. *Muzei 10. Khudozhestvennyye sobraniya SSSR*. Moscow, 1989. Pp. 253–261. (In Russian)
- Kuprin A. N. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected Works in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1968. Vol. 6, 830 p. (In Russian)
- Lansere N. E. *Letnii dvorets Petra I* [The Summer Palace of Peter I]. Leningrad, The State Russian Museum Publ., 1929, 69 p. (In Russian)
- Manturov M. V. N. E. Lansere — khranitel' istoriko-bytovogo otdela Russkogo muzeya, 1922–1931 gody [N. E. Lansere — curator of the history and everyday life department of the Russian Museum, 1922–1931]. *Collections and collectors. Collection of articles based on the materials of the scientific conference*. Issue XVI. St. Petersburg, The State Russian Museum Publ., 2009. Pp. 263–273. (In Russian)
- Priselkov M. D. *Russkii byt pervoi chetverti XVIII v. Vystavka k 200-letiyu Akademii Nauk* [Russian everyday life in the first quarter of the 18th century. Exhibition dedicated to the 200th anniversary of the Academy of Sciences]. Leningrad, The State Russian Museum Publ., 1925, 6 p. (In Russian)
- Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya: v dvukh tomakh* [Russian Museum Encyclopedia in Two Volumes]. Moscow, Progress Publ., Ripol Classic Publ., 2001. Vol. 1. 414 p. (In Russian)
- Pushkarev I. I. *Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov S.-Peterburgskoi gubernii* [Description of St. Petersburg and the district towns of St. Petersburg governorate]. St. Petersburg, 1839, part 1, 506 p. (In Russian)
- Smirnova A. G. *Iz istorii otechestvennoi ekskursionnoi shkoly: Petrogradskii (Leningradskii) Ekskursionnyi institut (1921–1924 gg.)* [From the history of the national excursion school: Petrograd (Leningrad) Excursion Institute (1921–1924)]. RSUH/RGGU Bulletin. Moscow, 2012. no. 6 (86). Pp. 58–77. (In Russian)
- Uspenskii A. I. *Imperatorskie dvortsy* [Imperial palaces]. Moscow, A. I. Snegireva Publ., 1913. Vol. I. Pp. 245–278. (In Russian)
- Ves' Leningrad na 1924 god. Adresnaya i spravochnaya kniga* [All Leningrad in 1924. Address and reference book]. Leningrad, Izd. Leningradskogo Gublispolkoma Publ., 1924, 920 p. (In Russian)
- Yubileinaya vystavka v pamyat' derzhavnogo osnovatelya Sankt-Peterburga* [Anniversary exhibition in memory of the sovereign founder of St. Petersburg]. St. Petersburg, R. Golike and A. Vil'borg Publ., 1903, 109 p. (In Russian)

► ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ В XVIII–XIX ВВ.

СЛАВНИТСКИЙ НИКОЛАЙ
РАВИЛЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, архивист,
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

197046, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 3

slavnitski@bk.ru

Ботик Петра Великого – так называемый «дедушка русского флота» в XVIII–XIX веках неоднократно использовался в различных церемониях, целью которых было прославление побед России и памяти Петра I. Первой церемонией стала торжественная встреча Ботика в Санкт-Петербурге в мае 1723 года, куда он был доставлен из Москвы. Первоначально его установили в адмиралтействе, в августе того же года Петр I решил устроить смотр Балтийского флота «в присутствии» ботика, для чего судно отправили в Кронштадт, а затем 30 августа, когда праздновалась годовщина заключения Ништадского мира, ботик использовался при этом торжестве. Его в тот день доставили по Неве в Санкт-Петербургскую крепость, где он был оставлен как памятник начала российского флота.

Тогда же Петр I указал выводить ботик ежегодно для парада 30 августа, но после его кончины данное распоряжение не выполнялось. Императрица Елизавета Петровна попыталась возродить традиции такого парада, и в 1744 и 1745 годах ботик дважды торжественно выводили из крепости, однако продолжения не последовало.

В последующее время судно использовалось в церемониях всего три раза – в 1803 году в ходе празднования 100-летия Санкт-Петербурга, затем в 1836 году император Николай I устроил вывод ботика в Кронштадт для смотра Балтийского флота (повторение петровской церемонии). В третий раз ботик был использован в ходе празднования 200-летия со дня рождения Петра I в 1872 году.

Затем до 1928 года ботик продолжал храниться в Петропавловской крепости в качестве реликвии (и иногда Ботный дом посещали экскурсии), затем он был передан в Петергофский музей-заповедник, а в 1940 году – в военно-морской музей.

Ключевые слова: Северная война, Петр Великий, Ништадский мир, Петропавловская крепость, Кронштадт.

Ботик Петра Великого — так называемый «дедушка русского флота» в XVIII–XIX веках неоднократно использовался в различных церемониях, целью которых было прославление морских побед России и памяти Петра I.

► THE USE OF PETER THE GREAT'S BOAT IN SOLEMN CEREMONIES IN THE 18TH–19TH CENTURIES

NIKOLAY RAVILIEVICH
SLAVNITSKY

PhD in History, Archivist,
Museum of the History of St. Petersburg

3, Peter and Paul Fortress, St. Petersburg,
197046, Russian Federation

slavnitski@bk.ru

Peter the Great's boat was the so-called "grandfather of the Russian fleet" in the 18th–19th centuries. was repeatedly used in various ceremonies, the purpose of which was to glorify the victories of Russia and the memory of Peter I. The first ceremony was the solemn meeting of Botik in St. Petersburg in May 1723, where he was brought from Moscow. Initially, it was installed in the Admiralty, in August of the same year, Peter I decided to arrange a review of the Baltic Fleet "in the presence" of a boat, for which the ship was sent to Kronstadt, and then on August 30, when the anniversary of the conclusion of the Nishtad Peace Treaty was celebrated, the boat was used in this celebration. He was taken that day along the Neva to the St. Petersburg Fortress, where he was left as a monument to the beginning of the Russian fleet.

At the same time, Peter I ordered to display the boat annually for the parade on August 30, but after his death, this order was not carried out. Empress Elizaveta Petrovna tried to revive the traditions of such a parade, and in 1744 and 1745. the boat was solemnly taken out of the fortress twice, but there was no continuation.

Subsequently, the ship was used in ceremonies only three times – in 1803 during the celebration of the 100th anniversary of St. Petersburg, then in 1836 Emperor Nicholas I arranged for the boat to be taken out to Kronstadt for a review of the Baltic Fleet (a repetition of the Peter's ceremony). The boat was used for the third time during the celebration of the 200th anniversary of the birth of Peter I in 1872.

Then, until 1928, the boat continued to be kept in the Peter and Paul Fortress as a relic (and sometimes the Botny House was visited by excursions), then it was transferred to the Peterhof Museum-Reserve, and in 1940 – to the Naval Museum.

Keywords: Northern War, Peter the Great, Treaty of Nystad, Peter and Paul Fortress, Kronstadt.

Первой такой церемонией стала торжественная встреча в Санкт-Петербурге весной 1723 года. В «Журнале Санкт-Петербургской крепости» указано, что он появился в ходе праздновании пасхи 14 апреля: «В праздник Светлага Христова воскресения пополуночи в 3-м часу выпалили с горда для сигналу из трёх пушек, и потом начался у Троицы, також и у протчих церквей к заутрени благовестить, и как у троицы обшед со святыми образы, кругом церкви и на входе в церковь запели Христос воскрес, тогда палили с города первый раз из 17 пушек, а во чтение на литории святого Евангелия, второй раз, для сигналу из трёх пушек, по которому съезжались на всех буярах для провожания ботика на Котлин остров, и как того же числа пополудни в 7-м часу оный ботик пошёл, и будет против крепости тогда оному отдана честь из 51 пушки а со оного ответствовали токмо из трех»¹. Секретарь голштинского посольства Ф.-В. Берхгольц в своем дневнике о ботике в тот день не упоминает², но он, в принципе, мог пропустить данную церемонию.

В «Журнале» указано также, что ботик в тот день был отправлен в Кронштадт, где царь намеревался провести смотр Балтийскому флоту в его «присутствии», но смотр этот состоялся позже.

А вот относительно ботика в церемонии празднования дня рождения Петра I расхождений нет. И в «Журнале»³, и у Ф. В. Берхгольца⁴ указано, что 27 мая император лично отправился в Шлиссельбург, оттуда приплыл на нем в Александро-Невский монастырь, а 30 мая при пушечной стрельбе с Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей прибыл в столицу: «При появлении ботика «отдан был ему комплемент пушечною стрельбою со всего города (Петропавловской крепости)» один залп, а потом лейб-гвардия (построенная у Троицкой пристани) беглым огнем один же залп, и потом с Адмиралтейства»⁵.

Смотр Балтийскому флоту, который производился на ботике возле Котлина острова (Кронштадта) состоялся 11 августа того же года⁶. А 30 августа он был задействован в праздновании годовщины Ништадтского мира, и в тот же день был торжественно, при отдании салюта из 21 пушки, введен в Санкт-Петербургскую крепость и поставлен в Государевом бастионе⁷. Правда, никаких мер для его сохранения тогда принято не было. По данным Ф. Ф. Веселаго, ботик первоначально стоял под открытым небом, и лишь в феврале 1724 года его прикрыли брезентом (крашеной парусиной), и сам каземат защитили от дождя и снега старыми парусами⁸.

30 августа 1724 года состоялось торжественное перенесение мощей Александра Невского в «Невский монастырь». В этой церемонии снова был задействован ботик, отвезенный туда 30 августа. В тот же день «по пушечной стрельбе из Невского монастыря палили с города из 31 пушки, его величество был в Невском монастыре на освящении новопостроенной каменной церкви також и для встречи святых мощей святого благоверного и великого князя Александра Невского»⁹. На следующий день император прибыл на ботике в крепость, причем ему салютовали из 21 пушки, после чего «Дедушка

¹ Журнал Санкт Петербургской крепости // Библиотека Академии наук. Отдел рукописей, редкой книги и картографии. Ф. 57. № 31. 7. 14. Л. 111 об. – 112.

² Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–5 // Юность державы. М., 2000. С. 49.

³ Журнал Санкт Петербургской крепости. Л. 108 об. – 109.

⁴ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. С. 76–79.

⁵ Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота // Русская старина. СПб., 1871. Т. 4. С. 470.

⁶ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. С. 123; Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота. С. 471–473.

⁷ Журнал Санкт Петербургской крепости. Л. 114, 108 об. – 109.

⁸ Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота. С. 475.

⁹ Журнал Санкт Петербургской крепости. Л. 126.

русского флота» был поставлен на прежнее место¹⁰. После этого было принято решение праздник Святого Александра Невского «торжествовать» не 23 ноября, а 30 августа, в день перенесения его мощей¹¹.

Тогда же Петр I приказал выводить ботик ежегодно для парада 30 августа, но после его кончины данное распоряжение уже не выполнялось. Императрица Елизавета Петровна, как известно, при вступлении на престол провозгласила принцип возвращения к традициям своего отца — основателя Санкт-Петербурга, и некоторые традиции действительно постаралась восстановить. Это как раз коснулось церемонии вывода ботика для парада.

30 августа 1744 года «в 8 часов, приняв приказ от господина генерал-лейтенанта и обер-коменданта и кавалера Игнатъева, чтоб вышеписанный ботик, взяв на буксир галерою, следовать к Александро-Невскому монастырю вверх по Неве реке, почему тот ботик от пристани к галере был буксирован двумя 12-весельными шлюпками; и как с оным от пристани отвалили, то, в тот самый момент, поднят на корме оного ботика флаг белый с синим Андреевским крестом (на носу) гюйс и (на мачте) вымпел, и того часа с галеры учинен был салют из 13 пушек; и когда с галеры оной ботик принят был на буксир и выступили в поход с битием в барабан и с игранием музыки, на трубах и литаврах, то, в самой тот час, из Петербургской крепости учинен салют из 21 пушки, и потом следовала Адмиралтейская крепость; и с ботика оным ответствовало из 3 пушек, сколько на оном находилось, которому ответствовало с ботика из 3 же пушек.

По полудни того ж числа в 1 часу прибыли против монастыря Александро-Невского, и тогда учинен был салют с ботика из 3 да с галеры из 12 пушек, на что из монастыря ответствовали равным числом, и против оного монастыря легли на якорь, и галера убрана была флагами и вымпелами.

По окончании молебна из монастыря палили из пушек, а потом из галеры выпалено из 13 пушек.

В 5-м часу, приняв приказ от вышепомянутого господина генерал-лейтенанта и обер-коменданта Игнатъева, чтоб с ботиком следовать обратно к Санкт-Петербургской крепости, и подняв якорь, пошли от того монастыря, и тогда учинен салют из 21, а на ответствовано с ботика из 3, с галеры из 12 пушек; при том же в монастыре продолжался и колокольный звон, а галера с барабанным боем и игранием на трубах и литаврах следовала. Помянутой яхтенный и буерной флот за противным ветром не дошел до монастыря, стоял на якоре выше летнего его императорского величества летнего дому, на Неве реке, и когда галера с ботиком поверсталась против его, то с оного флота учинен был салют из всех пушек, которому с ботика ответствовали из 3 пушек.

В 6-м часу прибыли к Санкт-Петербургской крепости и от галеры отдан был буксир, а ботик принят для буксирования к пристани двумя 12-весельными шлюпками, тогда с галеры выстрелено из 13 пушек, и не доходя пристани, с ботика учинен был салют крепости из 3, а ему ответствовано с той крепости из 21 пушки, а потом из адмиралтейства, и оной ботик к пристани приведен благополучно, который в тот же час господином генерал-лейтенантом и принят и поставлен в его надлежащее место в той крепости¹².

Эта же церемония (примерно в том же порядке) повторилась в 1745-м году, но после этого она прекратилась. В 1746 и 1750 годах делались приготовления к выводу ботика, но оба раза он не состоялся¹³.

В последующее время судно использовалось в церемониях всего три раза — в 1803 году в ходе празднования 100-летия Санкт-Петербурга. 16 мая 1803 года «Дедушка

¹⁰ Журнал Санкт Петербургской крепости. Л. 126 об.

¹¹ Там же. Л. 127.

¹² *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота. С. 476–477.

¹³ Там же. С. 479.

русского флота» находился на палубе стоявшего на Неве 110-пушечного линейного корабля «Гавриил», где почетными стражами являлись четыре столетних моряка петровского времени¹⁴.

Затем в 1836 году император Николай I устроил вывод ботика в Кронштадт для смотра Балтийского флота, намереваясь повторить петровскую церемонию. 25 июня 1836 года комендант Санкт-Петербургской крепости А. Я. Сукин получил предписание о том, что «государю императору благоугодно, чтобы хранящийся в Санкт-Петербургской Петропавловской крепости ботик Петра Великого, торжественно показан был, по высочайше утвержденному церемониалу, Балтийскому флоту, и вследствие сего его величество повелеть изволил взять сей ботик из крепости 28 сего июня»¹⁵.

Для принятия ботика 28 июня в 9 часов утра капитан над гребным портом отправился на катере под своим флагом от Главного Адмиралтейства к Петропавловской крепости. За ним следовал Адмиралтейств-совет на катере под адмиралтейским флагом, которому крепость салютовала 15 выстрелами, на что с катера отвечали равным числом залпов. Прибыв в крепость, Адмиралтейств-совет принял ботик от А. Я. Сукина, и они в присутствии императора рапортовали о его приеме-передаче. Капитан над портом взял ботик на буксир своего катера и повел его вниз по Неве (при этом крепость отсалютовала ему 31 выстрелом). Затем ботик был взят на буксир пароходом «Охта», который отвел его в Кронштадт. 2 июля он был поставлен на пароход «Геркулес» и на следующий день «произвел смотр» Балтийскому флоту. После этого он был таким же образом отведен в Санкт-Петербург, а на следующий день сдан коменданту крепости¹⁶.

В третий (и последний) раз ботик был использован в ходе торжественного празднования 200-летия со дня рождения Петра I в 1872-м году.

В Москве Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии решило устроить Политехническую выставку и приурочить ее к 200-летию юбилею Петра I. Разместилась она внутри Кремля, вокруг него во временных павильонах и в здании Манежа¹⁷. Организаторы обратились с просьбой привезти на выставку ботик Петра Великого, хранившийся в Санкт-Петербурге, а также аналогичное судно, имевшееся в Переяславле-Залесском Владимирской губернии. Формулировалось это намерение следующим образом: «Владимирской губернии, Переславского уезда, в здании, принадлежащем дворянству, хранится тоже ботик императора Петра I, оставшийся от прежней его величества флотилии на Переславском озере, где великим монархом положено основание нашего русского флота...»¹⁸.

С отправлением ботика из Санкт-Петербурга никаких сложностей не возникло — 28 мая (то есть за два дня до праздника) он был торжественно вывезен из крепости в присутствии наследника престола, а также генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, который вручил коменданту расписку в приеме ботика за своей подписью. После этого «дедушка русского флота» был установлен на баржу, которая отправилась по Неве к Путиловской пристани под императорским штандартом, при салютовании с крепости, «в сопровождении катеров с комендантом и другими начальствующими лицами, под их личными флагами»¹⁹. Церемониал отправления ботика тоже был

¹⁴ Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота. С. 479.

¹⁵ Предписание Н. А. Меншикова коменданту крепости А. Я. Сукину // РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 272. Л. 4.

¹⁶ Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота. С. 479–482.

¹⁷ Никитин Ю. А. Выставочный Петербург. От экспозиционной залы до Ленэкспо. Череповец, 2003. С.10.

¹⁸ Обращение Владимирского губернского статистического комитета к министру внутренних дел // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 34.

¹⁹ Русский инвалид. 1872. № 119. 31 мая. С. 2–3.

утвержден императором еще 29 марта 1872 года²⁰. От Путиловской пристани в Санкт-Петербурге ботик был на поезде отправлен в Москву. По прибытии туда он был спущен в устье реки Яузы, а оттуда — по реке Москве к Кремлю²¹.

А для осмотра ботика, хранившегося в селе Веськово, был командирован корабельный инженер-поручик А. Боярский, который 20 марта доложил, что «перенесение ботика на политехническую выставку может повлечь за собой окончательное его разрушение». Поэтому было предложено ограничиться отправкой на выставку следующих предметов: фуганок, топор, кочедык, колодку для плетения лапти, шесть блоков разной величины, а с яхты «Анна» — фок-мачты²². 21 апреля эти обстоятельства были доложены императору, после чего окончательно приняли решение не отправлять это судно на выставку, ограничившись упомянутыми выше «реликвиями»²³, а на Плещеевом озере решено было устроить празднование юбилея²⁴.

Еще один «ботик, принадлежавший по преданию Петру Великому», обнаружился в селении Дубках, близ Новой Ладоги. Начальник I-го (Петербургского) округа путей сообщения обратился в комиссию с предложением перевезти его в столицу к празднованию юбилея, но ему объяснили, что в Москву отправляется ботик Петра, а судно, хранившееся в Дубках, разрешили перенести в Новую Ладогу, чтобы там тоже торжественно отпраздновать юбилей Петра I²⁵.

При подготовке празднования 200-летия Санкт-Петербурга в 1903-м году, в первоначальном плане, разработанном Городской думой, задумывалось также участие ботика в торжествах, однако «дедушку русского флота» тогда не стали задействовать в церемонии, а ограничились лодкой-верейкой, хранившейся в Домике Петра I.

До начала 1930-х годов ботик продолжал храниться в Петропавловской крепости в качестве реликвии (и иногда Ботный дом посещали экскурсии), затем в сентябре 1933 года он был передан на временное хранение в Петергофские дворцы-музеи и парки, где находился в одном из Вольеров Нижнего парка, а в августе 1940 г. — передан в Центральный военно-морской музей²⁶.

REFERENCES

Nikitin Yu. A. *Vystavochnyi Peterburg. Ot ekspozitsionnoj zaly do Lenekspo* [Exhibitionary St. Petersburg: from Exhibition Hall to Lenexpo]. Cherepovets, Poligrafist Publ, 2003, 203 p. (In Russian)

Veselago F. F. *Dedushka russkogo flota* [The Grandfather of Russian Fleet]. *Russkaia Starina*. Vol. 4. 1871. Pp. 463–482. (In Russian)

²⁰ Церемониал торжественного следования ботика Петра Великого // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 32–34.

²¹ Там же. Л. 35.

²² Проекты церемониала празднования 200-летия со дня рождения Петра Великого // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 21, 29–30.

²³ Доклад по канцелярии министерства внутренних дел // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 46.

²⁴ Отношение Владимирского губернатора министру внутренних дел // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 119.

²⁵ Министр императорского двора министру внутренних дел // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1905. Л. 73.

²⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 251а. Л. 14, 81. Д. 443. Л. 75. Автор выражает благодарность П. В. Петрову за информацию о времени передачи ботика в Петергоф и о хранении там.

► ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА И ТОРЖЕСТВА 1903 ГОДА В ЛЕТНЕМ САДУ

НОВИКОВА ОЛЬГА
ВАЛЕРЬЕВНА

Старший научный сотрудник,
Государственный Русский музей

191186, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4

novikov_vicktor@mail.ru

В 1903 году в Летнем саду прошла юбилейная выставка, в организации которой приняли участие владельцы Мраморного дворца. Она стала одной из первых экспозиции, посвященных истории царствования Петра I. Для выставки были использованы исключительно те экспонаты, которые были в стенах основанного им города. Экспозиция продемонстрировала высокий уровень коллекционирования в Санкт-Петербурге предметов петровского времени и показала возможность создания самостоятельного музея, посвященного жизни и деятельности Петра I.

Ключевые слова: Мраморный дворец, выставка, диорамы, Летний сад, Петр I.

Одной из самых ярких исторических личностей, вызывающей наибольший интерес, как среди историков и литераторов, так и среди художников и скульпторов является Петр Великий. Его имя называется в числе первых среди наиболее известных правителей России и одним из самых значимых российских исторических деятелей вообще. Он повлиял на русскую историю столь значительно, что внимание к его личности и его деятельности, вероятно, не угаснет никогда.

На протяжении XIX века в Российской империи юбилеи, где главным героем был державный основатель Санкт-Петербурга, отмечались неоднократно. В 1872 году Россия отпраздновала 200-летие со дня рождения императора Петра I, в 1803 и в 1903 годах — столетие и двухсотлетие Петербурга — города, чье рождение неотделимо от имени Петра I.

Празднества 1903 года прошли пышно и насыщенно, о чем сохранились многочисленные воспоминания современников, сообщения в прессе тех лет и фотографии Карла Буллы, запечатлевшие для нас виды парадного города и его убранства. Различные церемонии и народные гуляния продолжались несколько дней и охватили не только исторический центр Петербурга: Летний сад, Петроградскую сторону, Адмиралтейскую набережную, но и многие другие места. В юбилейные для города дни прибыли многочисленные делегации из зарубежных стран (почти 20 тысяч человек). В Летнем саду для них был дан роскошный обед.

Подготовка к торжествам началась задолго до их проведения — было выпущено большое число изданий, посвященных столице: от путеводителей до историко-статистических очерков. Проводились выставки, посвященные истории царствования первого императора. На экспозициях были представлены личные вещи Петра и предметы, характерные для его времени. В театрах показывались специально написанные пьесы. К юбилею были приурочены и спортивные состязания.

► ANNIVERSARY EXHIBITION AND CELEBRATIONS IN 1903 IN THE SUMMER GARDEN

OLGA VALERIEVNA NOVIKOVA

Senior Researcher, State Russian Museum

4, Inzhenernaya st., St. Petersburg, 191186,
Russian Federation

novikov_vicktor@mail.ru

In 1903, a jubilee exhibition was held in the Summer Garden, in the organization of which the owners of the Marble Palace took part. It became one of the first expositions dedicated to the history of the reign of Peter I. Only those exhibits that were within the walls of the city he founded were used for the exhibition. The exposition demonstrated the high level of collecting in St. Petersburg of items of the time of Peter the Great and showed the possibility of creating an independent museum dedicated to the life and work of Peter I.

Keywords: Marble Palace, exhibition, dioramas, Summer Garden, Peter I.

Великая княгиня Елизавета Маврикиевна, супруга великого князя Константина Константиновича, став в 1893 году «Августейшей покровительницей» Общества попечения о бедных и больных детях¹, и желая собрать как можно больше средств на нужды общества, приняла решение участвовать в подготовке праздника.

Императору Николаю II было подано прошение о том, что «Санкт-Петербургское Общество попечения о бедных и больных детях желает принять участие в предстоящем в 1903 году праздновании 200-летия со дня основания Столицы. Предполагается устроить временный музей и выставку предметов, относящихся по преимуществу к частной жизни Великого Основателя Санкт-Петербурга наподобие музея Гогенцоллернов в Берлине. Лучшим помещением для выставки был бы Летний дворец Петра Великого и примыкающий к нему небольшой площадью Летний Сад»².

29 января 1903 года император Николай II одобрил это начинание и «всемилошвейше соизволил предоставить дворец Императора Петра I в Летнем саду... для временного музея и выставки...»³.

В Обществе попечения о бедных и больных детях была создана комиссия по устройству экспозиции. В выставочную администрацию избрали: главным комиссаром Е. Г. Шварца⁴, его заместителем И. И. Лемана⁵, казначеем стала В. П. Хартулари, обязанности делопроизводителя поручили Кнерцер-Саба. Великий князь Константин Константинович принял на себя должность почетного председателя⁶. Заведовать устройством празднества всецело было предоставлено Р. Р. Голике⁷. Заседания комиссии проходили в Мраморном дворце. Первое собрание состоялось 19 января 1903 года. Все организационные вопросы, такие как оформление заявленных помещений и выдачу предметов из коллекции императорских дворцов и интендантского музея, решались министром Императорского двора бароном В. Б. Фредериксом.

Проект программы исторической выставки составил приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета В. М. Грибовский при участии преподавателя университета Н. В. Такжина.

Экспозиция занимала 14 залов и делилась на 5 отделов, характеризующих Россию эпохи Петра Великого. Каждый из разделов имел своего куратора проекта. Раздел, состоявший из военно-сухопутного дела, военно-морского и внутренних дел, взял на себя Козляков (инициалы отсутствуют), К. К. Случевский, В. М. Грибовский и И. Н. Божерянов. За отделом печати и народного образования вел наблюдение В. В. Сабанин, бытовым отделом, который должен был представить жизнь Петра,

¹ Общество содержало общежития, приюты, ясли, больницы, начальные школы и детские читальни, создавало новые убежища и детские столовые, покупало семейные квартиры для бедных женщин с малолетними детьми. Содержалось на членские взносы и пожертвования.

² Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. 1902–1903 гг. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Шварц Евгений Григорьевич (1843–1932) общественный деятель, член благотворительного Алексеевского общества дел милосердия, коллекционер живописи. В начале XX века неоднократно избирался предводителем дворян Новоладожского уезда. В 1918 году коллекция Е. Г. Шварца конфискована и передана в Русский Музей.

⁵ Леман Иосиф Иосифович (1866–?) член многих благотворительных комитетов, видный представитель Русского общества деятелей печатного дела. Владелец одного из крупнейших Санкт-Петербургских шрифтолитейных заводов. Библиофил и коллекционер. Входил в состав Попечительного совета при Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии наук.

⁶ Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. Л. 2, 7–8.

⁷ Голике Роман Романович (1849–1919), типограф и издатель.

а также выразить личность преобразователя занимались Ф. Г. Бернштам и Е. А. Сабанеев⁸.

Из биографии Петра I устроители выставки собирались показать его детство, жизнь в потешных селах, путешествия за границу, военные походы, строительную и промышленную деятельность, закладку Петербурга и Кронштадта, народное образование и просвещение, основание Академии наук, домашние дела и семейную жизнь, празднества и увеселения, болезнь и смерть императора.

В выставке приняли участие 30 учреждений и 28 частных лиц.

Предметы из Императорского Эрмитажа и Летнего дворца составили почти треть выставки и стали ее основой⁹. Экспонаты на выставку предоставили: Петербургский музей Гвардейской артиллерии, Артиллерийский исторический музей, музей Лейб-гвардии Преображенского полка, Морской музей, музей Санкт-Петербургской полиции, Интендантский музей, музей Академии художеств, Главный штаб, Академия наук, Священный Синод. Свои материалы, связанные с петровской эпохой, представили Мраморный и Екатерингофский дворцы, а также библиотеки: Императорская Публичная, Академии наук, Дирекции Императорских театров и Московской Синодальной типографии.

Для экспонирования в Летнем дворце предметы из собственных собраний дали коллекционеры А. В. Петров, граф Д. И. Толстой, барон Н. А. Врангель, В. В. Еропкин, А. А. Нарышкин, А. В. Сабанеев, З. Н. Юсупова, М. А. Апраксин и т. д.

Великая княгиня Елизавета Маврикиевна обратилась к наместнику Александровской лавры с просьбой выдать для выставки предметы, хранящиеся в лаврской ризнице: два фельдмаршальских жезла и кровать, на которой спал Петр I.

Всего на выставке насчитывалось 429 предметов¹⁰, из которых 22 экспоната происходили из Летнего дворца¹¹. Было представлено более 310 монет и медалей. Кроме того, демонстрировались токарный и печатный станки. Особое внимание привлекали комнаты, восстановленные в обстановке домашнего быта Петра I. Отдельную комнату занимала модель Саардамского домика Петра Великого.

Все расходы по устройству выставки брал на себя К. К. Баумвальд, известный немецкий предприниматель и владелец зоопарка. Он предоставлял в пользу Общества попечения о бедных и больных детях тысячу рублей и не менее 20% с валового дохода от предприятия. Кроме этого, К. К. Баумвальд назначил еще 3 тысячи рублей на изготовление открыток, посвященных празднеству¹².

Открытие экспозиции состоялось 9 мая в присутствии членов Государственного совета, министров, послов Германии, Италии и Великобритании, хранителя

⁸ Грибовский Вячеслав Михайлович (1867–1924) правовед, ординарный профессор кафедры истории русского права Санкт-Петербургского университета; Такжин Николай Викторович (1876–1951) преподаватель Санкт-Петербургского университета. Автор книги «Латинская пропедевтика для медиков»; Божерянов Иван Николаевич (1852–1919) искусствовед; Случевский Константин Константинович (1837–1904) поэт, писатель, драматург, переводчик; Сабанин Владимир Васильевич (1853–1907) директор-распорядитель Российского телеграфного агентства; Беренштам Федор Густавович (1862–1937) художник-архитектор, искусствовед; Сабанеев Евгений Александрович (1847–после 1917), архитектор.

⁹ Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. Л. 14–27.

¹⁰ Была издана опись выставки «Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга. Май 1903 г. Т-во Р. Голике и А. Вильборг». Она предварялась «Планом», где на двух этажах были обозначены 14 помещений с перечислением всех экспонатов.

¹¹ *Кальницкая Е. Я.* Исторические предпосылки и характер зарождения музейной деятельности в памятниках архитектуры Петербурга XVIII века. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/12\(81\)/kalnitskaya_12_81_182_190.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/12(81)/kalnitskaya_12_81_182_190.pdf) (дата обращения: 26.06.2020).

¹² Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8.

Императорского Эрмитажа А. И. Сомова, и других общественных деятелей. «В четыре часа в помещение выставки прибыл Августейший председатель выставочной комиссии — великий князь Константин Константинович. Его Высочество изволил осмотреть выставку, причем пояснения ему давали А. В. Сабанеева, Ф. Т. Козлянинов, Е. Г. Шварц, В. В. Сабанин, И. И. Леман и К. К. Случевский»¹³.

Входная плата на выставку составляла 2 рубля, весь доход с начала поступлений направлялся в пользу Общества попечения о бедных и больных детях. Вход в Летний сад также был платный.

Выставку в Летнем саду могли осматривать бесплатно учащиеся в группах по предварительным заявкам с 9 до 11 утра. В остальное время выставка приносила такой доход, что в Обществе попечения о бедных и больных детях предполагали учредить стипендию имени Петра Великого¹⁴.

Программа выставки, составленная приват-доцентом Императорского Санкт-Петербургского университета В. М. Грибовским, предусматривала массовые гуляния с торжественными шествиями с участием хоровых и спортивных обществ.

За несколько дней до празднеств, в воскресенье 11 мая в Летнем саду состоялось историческая процессия, которую возглавил сам Николай II. Она представляла точную копию парада, устроенного Петром Великим по случаю Ништадтского мира. Праздничное шествие состояло из 7 главных групп. В первой проходили герольды, возвещавшие о начале процессии, и солдаты, одетые в форму петровского времени. Во второй — народы разных стран в национальных костюмах (шведы, поляки, голландцы, испанцы, французы, китайцы и др.) Третий отряд изображал царскую потеху: шли карлики и шуты, за ними несли высокий паланкин, в котором сидели новобрачные карлики, одетые соответственно эпохе Петра I. В центральной, четвертой группе, среди своих войск шествовал сам Петр. Пятую возглавлял король Швеции Карл XII. Во главе шестой процессии находился бог Нептун. Его ладью сопровождали тритоны, эльфы, водяные и целый сонм других сказочных обитателей глубин. Завершала торжественный кортеж по аллее Летнего сада группа, прославляющая Петра Великого. Костюмы и аксессуары для 500 человек сделали по рисункам лучших художников. Режиссер парада С. А. Трефилов¹⁵ включил в праздничное прохождение и пиротехнический эффект — все шествие освещалось бенгальскими и потешными огнями¹⁶.

Комиссия по устройству выставки внесла предложение в специальный комитет при городской Думе по организации на Марсовом поле «Недели Петра» — особого народного празднества в память Петра Великого. Комитет обязался взять на себя ходатайство о разрешении предоставить на 8-дневный срок необходимые для указанного предприятия места на Марсовом поле¹⁷, где планировали установить огромные полотна-диорамы, изображающие различные моменты деятельности Петра. Были представлены следующие семь сюжетов: «Дедушка Русского флота», «Царь-плотник», «Полтавская битва», «Взятие Шлиссельбурга», «Петр I при закладке Санкт-Петербурга», «Петербургская Ассамблея» и «Петр I, спасающий людей в Лахте». Изготовление картин-диорам предоставили

¹³ Санкт-Петербургские ведомости № 125 от 10 (23) мая 1903 года.

¹⁴ Отчет Общества попечения о бедных и больных детях за 1903 г. СПб., 1905. С. 6. — «Выставка в Летнем дворце в Летнем саду предметов, касающихся жизни Петра I, дала чистого дохода 3 тысячи рублей».

¹⁵ Трефилов Сергей Александрович (1878–1927), русский драматург начала XX века (псевдоним Афанасьев).

¹⁶ Биржевая газета № 127 от 10 (23) мая 1903.

¹⁷ Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8.

молодым художникам Академии Художеств, ученикам мастерской И. Е. Репина¹⁸.

В своих воспоминаниях Я. А. Чахров, в то время студент четвертого курса и староста репинской мастерской, писал: «Илья Ефимович отнесся к этому сочувственно. Он пригласил меня к себе на совещание. Рассказал об этом срочном заказе. Выбрал из среды своих учеников наиболее зрелых и талантливых числом 14 человек на исполнение 7 картин-диорам. Размер диорам был установлен в 3,5 x 9 аршин. Меня просили взять заведование и организацию этой работы. Я собрал назначенных Ильей Ефимовичем товарищей, распределил темы, мы разбились на пары... Студенты стали собирать исторический материал, в Петровском дворце изучали мебель и другие предметы Петровской эпохи. Причем Илья Ефимович лично руководил работой. ... Илья Ефимович просмотрел и утвердил все эскизы, и мы немедленно начали работать на больших полотнах. Все картины были закончены к сроку и производили впечатление художественное и выразительное. Илья Ефимович остался доволен»¹⁹.

Тем не менее, семь диорамных павильонов были построены по проектам студента-архитектора Н. Ф. Беспалова не на Марсовом поле, как предполагалось изначально, а в Летнем саду, на аллее вдоль реки Фонтанки. Они представляли собой сооружения с полукруглой крышей, в глубине которых установили полотна, написанные в большом масштабе, где действующие лица изображались в натуральную величину и соединялись с «декоративными аксессуарами».

Одни живописные полотна дополняли манекены, одетые в солдатскую форму, пушки, обломки разбитых в бою повозок, оружие, ядра. Возле других стояли костюмированные статисты, лежали лодки, важную роль играли старинная утварь, сундуки и огромный глобус. Во всех диорамах доминировала фигура Петра I.

Для диорам бутафорские вещи и костюмы предоставили К. К. Баумвальд и А. В. Лейферт²⁰. Панорамные изображения в сопровождении Я. А. Чахрова осмотрели великий князь Константин Константинович и Р. Р. Голике. «Они остались очень довольны увиденным. С художниками был произведен расчет, и каждый получил в среднем по 800 рублей»²¹.

Картины-декорации столичная публика оценила очень высоко. «По мнению одного из обозревателей, «картины написаны очень сочно и ярко; обстановка и группировка действующих лиц сделана умело и эффектно»²².

В том же 1903 году эти диорамы приобрел у Петербургской Городской думы киевский коммерсант и коллекционер Артур Гашинский. Он увез их в Киев для экспонирования на выставке на Владимирской горке. В дальнейшем коммерсант планировал организовать их просмотры за границей. К сожалению, все «Петровские картины-диорамы» сохранились только на фотографиях Карла Буллы. В 1960-е годы предпринималась попытка их разыскать, но результатов получено не было.

Кроме диорам на Марсовом поле для увеселения народа предполагалось сделать 2–4 открытые сцены для постановки комедийных пьес и полузакрытую сцену

¹⁸ Э. Э. Лиссер и Л. И. П. Альбрехт написали «Взятие Шлиссельбурга»; А. И. Титов и А. А. Бучкури – картину «Полтавская битва»; В. М. Шульц и Н. К. Горенбург – «Дедушка русского флота»; В. И. Епифанова и К. А. Вешилов – «Петр I при закладке Санкт-Петербурга»; Я. А. Чахров и А. Любицкий – «Царь-плотник»; И. М. Грабовский и В. Ткаченко – «Петр I, спасающий людей в Лахте»; Е. А. Киселёва и Е. М. Малешевская – «Петербургская Ассамблея».

¹⁹ Дружинин А. А. Развитие диорамного искусства на Западе и в России в первой трети XIX – начале XX века // Искусствознание. 2013. № 3–4. С. 467.

²⁰ Лейферт Александр Васильевич (1867–1931) Один из самых известных мастеров сценического и маскарадного костюма. Его торговый дом «Братья А. и Л. Лейферты», располагавшийся на ул. Караванной, 4.

²¹ Дружинин А. А. Развитие диорамного искусства на Западе и в России в первой трети XIX – начале XX века. С. 468.

²² «Петровские» диорамы в Летнем саду // Нива. № 23. СПб., 1903. С. 463.

для представления «живых картин». Разные развлечения для публики следовали непрерывно одно за другим. Администрация праздника на время «Недели Петра» предоставила трибуны, где «за небольшую плату можно любоваться картиной народного гуляния»²³.

Для утоления жажды установили народную дешевую закусочную с продажей пива, меда и других напитков, кроме вина и водки. Так же был устроен и дорогой буфет-ресторан с продажей коньяка, ликеров и прочих напитков по высокой цене. Располагался он на Лебяжьей канавке, на особо выстроенной для этого барке в голландском стиле. Ресторан оставался открытым и после окончания праздника на все время открытия выставки. В первый день торжества в Летнем саду под открытым небом был устроен обед для приглашенных лиц, среди которых были мэры и бургомистры почти всех городов Европы. Писатель А. Плещеев оставил живописную зарисовку юбилейного обеда: «Меню состояло из тридцати блюд и подавались необыкновенной величины рыбы... Во время обеда много говорили, и было оживленно. Несмотря на то, что кушали двадцать тысяч человек, блюда подавались неостывшими и вкусными. Готовили их шестнадцать рестораторов и триста поваров. Мороженое было подано в виде башни, украшавшей здание Думы, помещавшейся по одним источникам на Невском проспекте, а по другим — на Литейной улице. Иностранцы уверяли, что сервис был образцовый. После обеда танцевали... Кавалеры, одетые в петровские костюмы, галантно приглашают дам, и весь этот шумный кортеж кружится среди тысяч бенгальских огней и воздушных шаров»²⁴. Праздничные гулянья с костюмированными шествиями продолжались в течение недели и прошли в разных районах города.

Выставка, посвященная Петру Великому, прошла также в Технологическом институте, где показывалось развитие школьного дела при Петре I и состояние учебных заведений Санкт-Петербурга в 1902–1903 годах. В физическом кабинете института демонстрировались диапозитивы о царствовании Петра из коллекции историка и журналиста М. И. Семевского.

Российское общество садоводства организовало в Таврическом дворце Петровскую Всероссийскую выставку садоводства. На экспозиции была устроена так называемая «петровская комната», в которой была выставлена «исполненная до мельчайших подробностей модель Стрельнинского дворца»²⁵.

На юбилей города откликнулось и Общество «Современного искусства», организовав выставку предметов петровской эпохи из частных коллекций князей Юсуповых, В. А. Дашкова, графа М. И. Бибикова, генерала Я. Ф. Фабрициуса.

Подводя итог, можно отметить, что выставка в Летнем Петровском дворце, ставшая одной из первых экспозиций, посвященной царствованию первого императора, наилучшим образом показала высокий уровень коллекционирования предметов петровского времени в северной столице, а также интерес к истории России начала XVIII века. Одновременно собранные воедино разного рода памятники петровской эпохи доказали возможность существования отдельного музея, посвященного жизни и деятельности Петра Великого.

Кроме того, «из-за недостатка времени к устройству большой выставки, могущей дать полную картину деятельности Великого Преобразователя, Комитет, состоящий под председательством великого князя Константина Константиновича, постановил воспользоваться для выставки исключительно теми памятниками жизни и деятельности Императора Петра Великого, которые найдутся в стенах основанного им Санкт-Петербурга»²⁶.

²³ Об участии великого князя в устройстве музея Петра I в Летнем саду. Описание экспозиции и список картин // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8.

²⁴ Петров В. Как праздновали юбилейные дни в Санкт-Петербурге в прошлом // Информационный центр «Меценат». URL: http://www.maecenas.ru/doc/2003_5_7.html (дата обращения: 26.06.2020)

²⁵ Мешкунов В. М. Петровские юбилейные выставки к 200-летию Санкт-Петербурга // Петербургские чтения 1993 г. Вып. 1 Культура Санкт-Петербурга XVIII–XX вв. СПб., 1993. С. 127.

²⁶ Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга., СПб., 1903. С. 1.

Основные цели выставки и празднеств в Летнем дворце, Летнем саду и на Марсовом поле — воздать дань уважения памяти Императора Петра I и рассказать широкой публике об основных преобразованиях первой четверти XVIII столетия — были достигнуты.

Благодаря различным мероприятиям, приуроченным к 200-летию основания города, жители и гости Санкт-Петербурга в той или иной мере смогли подробно узнать о жизни основателя города и сформировать представления об историческом прошлом.

Сверх того, общество «Петербургского попечения о бедных и больных детях» сумело собрать не только необходимую сумму для своего поддержания и развития, но и учредить стипендию им. Петра Великого.

REFERENCES

Druzhinin A. A. Razvitie dioramnogo iskusstva na Zapade i v Rossii v pervoi treti XIX — nachale XX veka. [Development of diorama art in the West and in Russia in the first third of the 19th–early 20th century]. *Art Studies Magazine*, 2013. no. 3–4. Pp. 447–477. (In Russian)

Kalnitskaya E. Ya. Istoricheskie predposylki i kharakter zarozhdeniya muzeinoi deyatel'nosti v pamyatnikakh arkhitektury Peterburga XVIII veka [Historical preconditions and the nature of the emergence of museum activities in the architectural monuments of St. Petersburg of the 18th century]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/12\(81\)/kalnitskaya_12_81_182_190.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/12(81)/kalnitskaya_12_81_182_190.pdf) (accessed: 26.06.2020). (In Russian)

Meshkunov V. M. Petrovskie yubileinye vystavki k 200-letiyu Sankt-Peterburga [Peter's anniversary exhibitions dedicated to the 200th anniversary of St. Petersburg.]. *St. Petersburg readings. Culture of St. Petersburg of the 18th–20th centuries*, 1993. no. 1. Pp. 127–129. (In Russian)

Otchet Obshchestva popечeniya o bednykh i bol'nykh detyakh za 1903 g. [Report of the Society for the Care of Poor and Sick Children for 1903], St. Petersburg, 1905, 43 p. (In Russian)

Petrov V. Kak prazdnovali yubilei v Sankt-Peterburge v proshlom [How anniversaries were celebrated in St. Petersburg in the past]. *Maecenas*. Available at: http://www.maecenas.ru/doc/2003_5_7.html/ (accessed: 26.06.2020). (In Russian)

«Petrovskie» dioramy v Letnem sadu [Peter's dioramas in the Summer Garden]. *Niva*. no. 23. 1903. Pp. 465–466. (In Russian)

Yubileinaya vystavka v pamyat' derzhavnogo osnovatelya Sankt-Peterburga [Anniversary exhibition in memory of the sovereign founder of St. Petersburg] St. Petersburg, 1903, 109 p. With a plan. (In Russian)

► МОНПЛЕЗИР НА СТРАНИЦАХ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ: ОТ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА К ОБЩЕДОСТУПНОМУ МУЗЕЮ

ПОГОНЩИКОВА АЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА

Архивист, Центральный государственный архив
литературы и искусства Санкт-Петербурга

191123, Российская Федерация, Санкт-
Петербург, ул. Шпалерная, 34, литера В

palena.spb@mail.ru

В данной статье рассматривается история одного из известнейших загородных дворцов Петра I – Монплезира. На основе опубликованных путеводителей по Петергофу и Монплезиру автор показывает, как менялось отношение власти к этому архитектурному памятнику, и как менялся статус дворца от мемориального комплекса петровской эпохи до общедоступного историко-бытового музея.

Ключевые слова: Петергоф, Монплеzir, путеводитель, мемориальный комплекс, общедоступный музей, идеология.

Монплеzir — небольшой дворец в голландском стиле, одна из первых построек Петергофа. Построенный с учетом предпочтений и вкусов императора Петра I, этот павильон был излюбленным местом пребывания монарха. Здесь принимали дипломатов, устраивали светские мероприятия и семейные торжества, решали важнейшие политические вопросы.

Уже с конца XVIII века Монплеzir упоминается в путеводителях и других видах обиходно-справочной литературы. Данные издания служили для обывателей основным источником информации об архитектурных и декоративных изысках дворцов и парков императорской резиденции.

По страницам путеводителей можно установить, как менялся Монплеzir, и как изменялось отношение власти к этому архитектурному памятнику.

Одно из первых описаний Монплезира, как, собственно, и всего Петергофа, можно встретить в сочинении И. Г. Георги «Описание столичного города Санкт-Петербурга»¹ 1794–1796 годов. Издание примечательно, прежде всего, тем, что в нем впервые представлено комплексное описание достопримечательностей Петергофа, занимающее отдельный раздел.

Этот раздел занимает около четырех страниц книги, однако содержит как ряд досадных неточностей, так и серьезные фактические ошибки. Пример, который затрагивает не только Петергоф: многие пригородные дворцы, построенные по моде начала — середины XVIII века Георги называет замками (или увеселительным замком, как в случае с Петергофом).

► MONPLAISIR ON THE PAGES OF GUIDEBOOKS: FROM THE MEMORIAL COMPLEX TO THE PUBLIC MUSEUM

ALENA ALEKSANDROVNA
POGONSHCHIKOVA

Archivist, Central State Archive of Literature
and Art of St. Petersburg

34B, Shpalernaya st., St. Petersburg, 191123,
Russian Federation

palena.spb@mail.ru

This article examines the history of one of the most famous country palaces of Peter the Great – Monplaisir. The author has carefully studied the published guides to Peterhof and Monplaisir, to show how the attitude of the authorities to this architectural monument has changed, and how the status of the palace has changed from the memorial complex of the Petrine era to a publicly accessible historical and everyday museum.

Keywords: Peterhof, Monplaisir, guidebook, memorial complex, public museum, ideology.

¹ Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оною, с планом. СПб, 1794–1796. [Ч. 1–3].

Из четырех страниц текста, отведенных под описание Петергофа, описание Монплезира занимает все один абзац и при этом содержит ряд ошибок. Автор фактически подменяет описание Монплезира описанием павильона Эрмитаж.

Георги называет Монплефир знаменитым павильоном императрицы Елизаветы Петровны, а в описательной части путает интерьеры Монплезира и павильона Эрмитаж. Так, например, он делает отсылку к столовой комнате, похожей на кухню Зимнего дворца, с подъёмным механизмом стола, который на самом деле находится в павильоне Эрмитаж, а не в Монплезире.

Более подробное описание Монплезира можно встретить в путеводительной литературе второй половины XIX века. В 1868 году время были опубликованы два издания, ставшие первыми путеводителями по Петергофу. Это — «Очерки Петергофа и его окрестностей»² Н. Г. Шарубина и «Описание Петергофа. 1501–1868»³ А. Ф. Гейрота. Хотя оба издания формально не назывались путеводителями, фактически они являлись таковыми по своей форме и содержанию. Сочинения Гейрота и Шарубина до сих пор пользуются большой популярностью среди читателей и регулярно переиздаются⁴.

У Шарубина Монплефир и прилегающий к нему садик описаны как единый архитектурно-ландшафтный комплекс. Автор подробно рассказывает читателям об архитектуре дворца, убранстве интерьеров, особенностях ландшафтного дизайна сада. Шарубин всячески подчеркивает значимость личных вкусов и пристрастий Петра I, отразившихся в оформлении интерьеров дворца, упоминает личные вещи императора, хранящиеся здесь, а также сообщает о деревьях (дубах и кедрах), посаженных лично царем. В дальнейшем, сведения о деревьях, посаженных лично Петром I и его дочерью Елизаветой Петровной, станут полулегендарными и будут многократно перепечатываться разными обиходно-справочными изданиями.

И с этого времени Монплефир начинает приобретать статус мемориального комплекса. Это уже можно отчетливо увидеть в «Описании Петергофа» Гейрота. Помимо, уже ставших традиционными описаний интерьеров, автор рассказывает о ремонтах и перестройках дворца. Гейрот пишет, что «Монплефир капитально реставрировался после наводнения в 1770 г., во второй раз в 1802 г. после сильной бури, бывшей в ноябре 1801 г., и в третий раз в 1825 г., после наводнения 7 ноября 1824 г., но, несмотря на исправления в голландском домике Монплезира, все в нем оставлено в том же самом виде, как было при императоре Петре I»⁵.

Венценосные потомки Петра I всячески пытались подчеркнуть преемственность императорской власти и старались сохранить наследие своего великого предка.

Во дворце бережно хранили артефакты петровской эпохи: личные вещи императора, его книги и мебель, художественные и антикварные коллекции.

Монархи любили посещать Монплефир. У Гейрота можно прочесть, что «... император Николай Павлович, почитая память великого предка своего Петра I, во время пребывания в Петергофе каждое утро, отправляясь в 8 часов из Александрии для занятий в свой дворцовый кабинет, ежедневно посещал Монплефир»⁶.

Иногда императорская семья с приближенными, собиралась здесь на вечерний чай. Помимо этого, в николаевское время в Монплезире продолжали устраивать празднества и балы.

² Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и окрестностей. СПб., 1868.

³ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа [1501–1868]. СПб., 1868.

⁴ См.: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа [1501–1868]. Репринтное воспроизведение издания 1868 г. Л., 1991. Петергоф: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа; Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 2018.

⁵ Петергоф. С. 174.

⁶ Там же. С. 178.

Историческая значимость и мемориальный статус Монплезира подчеркиваются и в путеводителе М. М. Измайлова⁷, изданного к 200-летию юбилею Петергофа, подводящему итоги первых двух столетий истории резиденции.

Как и Гейрот, Измайлов рассказывает читателям о роли Монплезира в русской истории. Он одним из первых в путеводительной литературе напоминает публике, что в деревянном корпусе Монплезира до своего воцарения жила великая княгиня Екатерина Алексеевна, и именно отсюда 28 июня 1762 года она отправилась в Санкт-Петербург⁸. Автор также упоминает, что, несмотря на свое неоднозначное отношение к Петергофу, Екатерина Алексеевна, ставшая уже императрицей, приезжая в Петергоф, любила пить кофе на морской террасе Монплезира.

Описывая Монплезирский садик, Измайлов отмечает не только дубы петровского времени, но и вспоминает приращение о дубе, посаженном Екатериной II в день её восшествия на престол.

В целом, стоит заметить, что комплексные путеводители по Петергофу XIX — начала XX веков дают схожее описание Монплезира. Авторы указывают на сформировавшийся к середине XIX века мемориальный статус дворца, подчеркивают трепетное отношение монарших особ к наследию своего великого предка, и способствуют формированию образа Петра I как легендарного строителя Петергофа.

В послереволюционное время этот мемориальный статус помог сохранить Монплефир в первозданном виде. Наряду с Большим дворцом, Эрмитажем, Марли и Коттеджем, он был признан уникальным памятником своей эпохи и превращен в общедоступный музей.

В первые десятилетия советской власти музеи Петергофа, бывшие еще совсем недавно недоступными императорскими резиденциями, вызвали большой интерес у публики. Однако небольшой штат музейных сотрудников не мог справиться с таким наплывом посетителей. Поэтому были созданы серии путеводителей, которые могли отчасти заменить экскурсовода. Путеводители по Монплезиру были написаны известным историком, автором юбилейного путеводителя по Петергофу М. М. Измайловым.

В 1930–1935 годах было опубликовано в общей сложности пять изданий, посвященных дворцу Монплефир, тиражом в 5000 экземпляров каждый⁹. Конечно, данные издания не могли соперничать с юбилейным путеводителем 1909 года ни по своему содержанию, ни по художественному оформлению, однако они пользовались огромной популярностью у читателей.

Справочники, написанные простым понятным языком, без множества сложных архитектурных и искусствоведческих терминов, подробно рассказывали читателям об интерьерах дворца, личности Петра I и его роли в истории России, а также объясняли посетителям правила поведения в музее.

К ставшим уже привычным сведениям о Монплезире добавилась информация об отдельных этапах жизни и неоднозначных фактах биографии императора. Например, упоминаются «Всепянейшие соборы» с участием Петра I и его приближенных, которые в 1930-е годы рассматривались властями как часть антицерковной политики императора, а возможно, и как зачатки классовой борьбы¹⁰. Однако подобные параллели, скорее всего, отражали политические реалии того времени, а не авторскую точку зрения.

К таким же особенностям той эпохи можно отнести и использование вульгарно-социологического метода при создании путеводителей в начале 1930-х годов.

⁷ Измайлов М. М. Путеводитель по Петергофу к 200-летию Петергофа. СПб., 1909.

⁸ Там же. С. 132.

⁹ См.: Измайлов М. М. 1) Монплефир: Дворец Петра I в Петергофе. [Л.], 1930; 2) Монплефир: Дворец Петра I в Петергофе. М.; Л., 1931; 3) Монплефир, Марли и Эрмитаж (Дворец и павильоны Петра). М.; Л., 1933; 4) Монплефир: Голландский домик Петра I. Л., 1934; 5) Монплефир: Голландский домик Петра I. Л., 1935.

¹⁰ Измайлов М. М. Монплефир: Дворец Петра I в Петергофе. М.; Л., 1931. С. 38–39.

Наполненный разными нелепостями и курьезами, этот метод сыграл дурную шутку с путеводителями Измайлова. Написанные с опорой на серьезную фактологическую базу, они порой не выдерживали внутреннюю логику повествования и противоречили сами себе. Так, например, в путеводителе «Монплеизр: Дворец Петра I в Петергофе» 1931 года Измайлов во введении называет Монплеизр «...интереснейшим памятником петровской эпохи»¹¹. Затем на протяжении большей части путеводителя, он подробно описывает личные вещи императора Петра I, собранные им художественные коллекции, а в заключении приходит к неожиданному выводу: «Современного посетителя интересуют не постельное белье, не халаты и ночной колпак Петра, а тот экономический, политический и бытовой характер эпохи, который может сделать понятным дальнейший исторический ход развития России, с неизбежностью приведший ее к Великой Октябрьской революции»¹². Однако, автор при этом не уточняет, как же следует показывать историко-бытовую экспозицию без повседневных предметов быта. Своим выводом автор указывает на очередное изменение статуса Монплеизра — от мемориального музея выдающейся личности к музею определенной эпохи.

Несмотря на все неточности, путеводители по Монплеизру 1930-х годов всё же внесли большой вклад в просвещение читателей и популяризацию экскурсионно-досуговой деятельности.

Спустя пару десятилетий, после Великой Отечественной войны, путеводители стали вспомогательным материалом для реставраторов, воссоздающих Монплеизр из руин. На страницах изданий сохранились подробные описания интерьеров, уникальные фотографии и рисунки, ставшие подспорьем при реконструкции облика разрушенного памятника XVIII века.

REFERENCES

Geirot A. F. *Opisanie Petergofa [1501–1868]*. [Description of Peterhof [1501–1868]]. St. Petersburg, Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1868, 132 p. (In Russian)

Geirot A. F. *Opisanie Petergofa [1501–1868]. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1868 g.* [Description of Peterhof [1501–1868]. Reprint reproduction of the 1868 edition]. Leningrad, Aurora Publ., 1991, 144 p. (In Russian)

Georgii I. G. *Opisanie rossiisko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostei v okrestnostyakh onogo, s planom. [CH.1–3]*. [Description of the Russian-Imperial capital city of St. Petersburg and the memorabilia in the vicinity thereof, with a plan. [Part 1–3]. St. Petersburg, imperatorskii Shlyakhetskii sukhoputnyi kadetskii korpus Publ., 1794–1796, 757 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Monplezir: Gollandskii domik Petra I.* [Monplaisir: The Dutch house of Peter I]. Leningrad, Upravlenie dvortsami i parkami Lensoвета, «Pechatnya» Publ., 1934, 8 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Monplezir: Gollandskii domik Petra I.* [Monplaisir: The Dutch house of Peter I]. Leningrad, tipografiya Lenoblispolkoma i soвета Publ., 1935, 8 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Monplezir: Dvoretz Petra I v Petergofe.* [Monplaisir: The Palace of Peter I in Peterhof]. [Leningrad], tip. Oblfo im. Kotlyakova v Lgr. Publ., 1930, 30 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Monplezir: Dvoretz Petra I v Petergofe.* [Monplaisir: The Palace of Peter I in Peterhof]. Moscow; Leningrad, Gos. izd. izobrazitel'nykh iskusstv, tip. im. Iv. Fedorova v Lgr. Publ., 1931, 40 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Monplezir, Marli i Ehrmitazh (Dvoretz i pavil'ony Petra I).* [Monplaisir, Marly and the Hermitage (the Palace and Pavilions of Peter the Great)]. Moscow; Leningrad, Lenizogiz, tip. im. Iv. Fedorova v Lgr. Publ., 1933, 64 p. (In Russian)

Izmailov M. M. *Putevoditel' po Petergofu k 200-letiyu Petergofa* [A guide to Peterhof for the 200th anniversary of Peterhof]. St. Petersburg, R. Golike and L. Vilborg Publ., 1909, 246 p. (In Russian, in French)

Petergof: Geirot A. F. Opisanie Petergofa; Sharubin N. G. Ocherki Petergofa i ego okrestnostei. [Peterhof: Geirot A. F. Description of Peterhof; Sharubin N. G. Sketches of Peterhof and its surroundings]. St. Petersburg, KRIGA Publ., 2018, 352 p. (In Russian)

Sharubin N. G. *Ocherki Petergofa i okrestnostei.* [Essays of Peterhof and the surrounding area]. St. Petersburg, tip. Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1868, 72 p. (In Russian)

¹¹ Измайлов М. М. Монплеизр: Дворец Петра I в Петергофе. М.; Л., 1931. С. 8.

¹² Там же. С. 40.

ПЕТРОВСКИЕ МЕСТА ПАМЯТИ

► ДОМА И ДОМИКИ В ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО*

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент, Российская академия
образования

119121, Российская Федерация, Москва,
ул. Погодинская, 8

bogdanov@raop.ru

Статья описывает работы по созданию фундаментального труда, посвященного важным мемориальным местам – домам Петра Великого. Эта книга представляется необычной ввиду особого подхода к ее созданию, заключающегося, прежде всего, в нестандартном дизайнерском подходе. Другим важным обстоятельством, повлиявшим на содержание труда, стал необычайно широкий спектр архитектурных объектов, выбранных для рассмотрения. Все дома, связанные с жизнью и деятельностью Петра I в многочисленных городах России, а также в Англии, Германии, Голландии, Эстонии и Латвии, подробно описаны и проанализированы разными авторами. Значительное внимание уделено авторами вопросам бытования, обстоятельствам пребывания царя в тех или иных городах. Отдельно рассмотрены мифы, связанные с поездками Петра I по России и Европе. Богато иллюстрированное издание предназначено как для специалистов, так и для всех интересующихся отечественной историей и культурой.

Ключевые слова: интерференция, код времени, новая реальность, матрица эпохи, мир, семиотика.

► HOUSE AND HOMES OF PETER THE GREAT

SERGEY IGOREVICH
BOGDANOV

Doctor of Linguistic, Professor, Corresponding
Member, Russian Academy of Education

8, Pogodinskaya st., Moscow, 119121, Russian
Federation

bogdanov@raop.ru

The article is devoted to the description of the work on the creation of a fundamental work dedicated to important memorial places – the houses of Peter the Great. This book seems unusual in view of the special approach to its creation, which consists, first of all, in a non-standard design approach. Another important circumstance that influenced the content of the work was the unusually wide range of architectural objects chosen for consideration. All houses associated with the life and work of Peter I in numerous cities of Russia, as well as in England, Germany, Holland, Estonia and Latvia, are described and analyzed in detail by various authors. Considerable attention is paid by the authors to the issues of existence, the circumstances of the king's stay in certain cities. The myths associated with the trips of Peter I around Russia and Europe are considered separately. The richly illustrated edition is intended both for specialists and for all those interested in Russian history and culture.

Keywords: interference, code of time, new reality, matrix of age, world, semiotics.

Сегодня у меня есть возможность коротко рассказать вам о достаточно длительном проекте, которым в течение почти девяти лет занимались тридцать с лишним человек из семи разных стран мира. Этот проект, безусловно, имеет научно-исследовательский характер и, конечно, носит научно-популярный характер. В результате реализации этого проекта появилась книга, которую я могу вам представить. Она так и называется: «Дома и домики Петра I». А кроме этого, возникла коллекция моделей этих домиков.

Несколько слов относительно участников проекта. Хочется выразить благодарность всем тем, кто принял в нём участие. Это действительно проект международный, и я хотел бы поблагодарить Библиотеку Российской академии наук, Государственный Русский музей, Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Домик Петра I в Заандаме в Нидерландах, Домик-музей Петра I в Эстонии, Кадриоргский художественный музей в Эстонии, Лодейнопольский историко-краеведческий музей, Московское государственное объединение музея-заповедника, Музей Заанс в Нидерландах, Музей-заповедник «Марциальные воды» в Республике Карелия, Мэрию города Заанстаден в Нидерландах, Нарвский музей в Эстонии, Национальный морской музей Великобритании, Национальный Полоцкий

* Данный доклад подготовлен на основе предисловия к изданию 2015 г.: Богданов С. И. Предисловие // Дома и домики Петра I. СПб., 2015. С. 7–12.

историко-культурный музей-заповедник в Белоруссии и Таллиннский городской музей. Благодарности заслуживает очень важный человек для этого проекта, без которого он бы, конечно же, не состоялся — это Владимир Васильевич Яковлев, директор научно-исследовательского Института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Предлагаемая вам книга «многогранная». Под одной обложкой объединены материалы, написанные не похожими друг на друга людьми, которых могут интересовать разные темы, да и цели тоже могут быть различными. Книга не построена на какой-то одной сквозной идее; очерки, входящие в состав книги, не созданы по определенной, жестко заданной инструкции (как это часто бывает, например, при составлении словарей). Этот проект задумывался как реализация практики интерференции: соединение, наложение друг на друга разного типа исторических материалов, возможно, даже различающихся взглядов и миропонимания авторов, что создает пеструю мозаику, так похожую на кафельную плитку нашей повседневной жизни. Преодолеть пестроту и возможную противоречивость в этой книге мы попытались двумя способами.

В первую очередь, это выбор участников проекта. Авторы, зачастую различные по жизненному опыту и менталитету, — это люди, безусловно, обладающие высокой квалификацией в той сфере знания (петровское время, судьба и перипетии жизни Петра Великого), которая стала основой нашей книги. Объединение знаний и эмоционально неравнодушного отношения этих людей к своему делу создает новый интеллектуальный и чувственный уровень нашего коллективного существования. В результате, с одной стороны, появления возможных противоречий и, с другой, наличия единомыслия в интерпретации тем и событий интересующего нас периода случайные черты блекнут, а главные становятся ярче. В действительности наши авторы (к ним относятся как те, кто принимал участие в создании книги, так и художники, моделисты, дизайнеры, вложившие свой вклад в реализацию проекта) вместе с Вами в коллективном творческом акте заново пытаются воссоздать когда-то уже звучавшую жизнь. И создается она не на основе научной гипотезы или в рамках какой-либо идеологемы, а путем соединения доступного знания, скрепленного разнообразием мыслей и чувств людей неравнодушных. В этом смысле мы все создаем, вероятно, жизнь, отличную от ушедшей эпохи, но при этом, быть может, даже в чем-то более реальную, чем простая совокупность событий и фактов XVIII века. «Большое видится на расстоянии» и, можно добавить, — с максимально возможных ракурсов.

Итак, эксперимент состоял в попытке создания нового объема мыслей и чувств путем привлечения людей разных и не случайных. Впрочем, у этого метода есть и своя обратная сторона. Каждый человек отличается фрагментарностью (в значении — «неполноты») доступных ему мыслей, эмоций и чувств. При соединении большого количества людей без твердых установок, как мыслить и переживать, возникает опасность появления увеличенной в разы общей фрагментарности. Для преодоления ощущения случайности и возможной отрывочности материалов, включенных в книгу, необходима общая основа (матрица, совокупность регистров), позволяющая поместить рожденные нами мысли и чувства, по определению фрагментарные, в организованное пространство, претендующее на законченность и полноту. Так вечная звездная россыпь на небе является основой для прочерчивания самых разных созвездий.

Отсюда дизайнерская (в самом содержательном смысле этого слова) идея, определяющая композицию нашей книги. В качестве «станового хребта» выбран русский алфавит в изводе гражданского шрифта Петра I. Вряд ли что-то может в большей степени претендовать на роль исходного генетического кода времени, нежели эта петровская азбука. С помощью букв, за которыми следуют тексты и материалы, можно зафиксировать (и даже создать) любую мысль, дать имя и обозначение любому переживанию.

Графическое представление языка позволяет хоть как-то понять и почувствовать природу того мира, в котором мы существуем. В этом смысле алфавит — идеальная, по определению исчерпывающая всеобщая праоснова. Наши фрагментарные материалы благодаря выбранному композиционному решению должны были оказаться в правильном месте, сформировав в совокупности, образно говоря, новое созвездие, не нарушив при этом общего пространства нашего коллективного знания. Хотелось бы, чтобы прелесть этого созвездия почувствовал читатель.

Кроме успокаивающей законченности гражданского шрифта Петра I, в очертаниях букв воплотилась воля, энергия и даже страсть императора. Достаточно посмотреть на сохранившуюся правку. Отказаться от использования этого материала в книге, описывающей эпизоды из жизни Петра, было бы неправильно. Наконец, реформа русской графики, осуществленная Петром, явилась одним из важнейших событий того времени, сохранившееся звучание которого мы и пытаемся ретранслировать в современность. В этом случае композиционное решение может являться в какой-то мере и ключом к эпохе.

Теперь несколько слов о создаваемом «созвездии». Оно существует как минимум в двух ипостасях.

Первая — материалы о домах и домиках Петра. Главное в этом концепте не столько история создания жилища, анализ масштаба архитектурного явления или способ дальнейшего использования зданий. Объединяющее начало в первую очередь состоит в идее фиксации момента короткой остановки, кратковременного привала, иногда «пикника на обочине» человека-творца на пути к предполагаемым великим свершениям (осуществленным или неосуществленным). Именно эти моменты существования в «малом масштабе», но в предчувствии «великого» и в расчете на его свершение, как показывает жизненный опыт, и являются для человека самыми счастливыми — «ничего главному человеку мало» (надпись на деревянной доске в домике Петра в Заандаме — искаженный перевод голландской поговорки «великому человеку ничто не мало», или, в интерпретации Н. А. Бестужева, «великий человек ничем не пренебрегает»).

Второй пласт представленных в книге материалов — очерки быта, совокупность поступков, высказываний, эмоциональных оценок Петра (как считающихся исторически подлинными, так и спорными, а также апокрифическими, но в любом случае не случайных). В совокупности с уже упомянутой замечательной правкой гражданского алфавита, сделанной рукой Петра, эти сведения позволяют построить «калейдоскопический» образ императора, не определяющийся какими-либо идеологемами, положенными в основу многочисленных жизнеописаний.

Как уже сказано выше, соединение мыслей и чувств значительного количества безусловно квалифицированных в своей сфере знания наших современников создает по отношению к иногда не известному нам историческому прошлому «новую реальность» и, что самое важное, глубоко не случайную. Отсюда — особая ценность мифа, принятого в общественном мнении и в представлениях о прошлом (далеко не всегда буквально соответствующего исторической реальности). Такого рода мифология зачастую делает явным то, что могло (или даже должно) было бы быть, но по каким-то причинам не состоялось. По отношению к эпохе, о которой мы никогда не будем обладать исчерпывающим знанием (да и возможно ли оно вообще), реальность факта уже не всегда так уж важна. Гораздо более важно в этой ситуации, чтобы «новая реальность» находилась бы в границах матрицы эпохи, воплощая системные, пусть даже виртуальные, закономерности, эту матрицу определяющие.

В этой связи особое внимание в книге уделяется мифу, историческому и современному. Примером этому является материал о «петровской» усадьбе в Пениках. В окрестностях, где еще в XVIII веке можно было любоваться садами, посаженными по приказу

Петра на Бронной горе, с которой и сейчас видно место приморского дворца императора и на которой должен был быть построен дворец, по оценке современников, «безусловно первый в Европе», сейчас создана «новая реальность» — усадьба, включающая Башню-маяк, домик Петра и конную скульптуру императора. Вся семиотика усадьбы, ее публичная история представляют собой попытку связать столь важное для нас прошлое со столь неясным будущим, построить мост во времени и пространстве в надежде на лучшее.

Над Бронной горой в ночное безоблачное время сияет вечная россыпь звезд, которая и служит нам основой для создания своих созвездий. Надеюсь, что представленная книга будет Вашим спутником на Вашем звездном пути из петровской эпохи в будущее.

► КРАСНЫЕ ХОРОМЫ ПЕТРА I – РЕЛИКВИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ЭТАПЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ПАМЯТНИКА

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА
АЛЕКСАНДРОВА

Старший научный сотрудник, хранитель,
Государственный Русский музей

191186, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4

nadejda.alexandrova@rambler.ru

Статья посвящена истории первого жилого здания города. Автор рассматривает важные периоды в жизни Домика Петра I: строительство, сохранение, становление музея. Особое внимание в статье уделено комплексной научной реставрации 1970-х годов, в результате которой реставраторам удалось максимально приблизить облик уникального памятника архитектуры начала XVIII века к первоначальному.

Ключевые слова: Домик Петра I, реставрация, музеефикация.

► THE RED MANSIONS OF PETER THE GREAT – THE RELIC OF ST. PETERSBURG. STAGES OF MUSEUMIFICATION OF THE MONUMENT

NADEZHDA ALEKSEEVNA
ALEKSANDROVA

Senior Researcher, Curator,
State Russian Museum

4, Inzhenernaya st., St. Petersburg, 191186,
Russian Federation

nadejda.alexandrova@rambler.ru

The article is devoted to the history of the first residential building of the city. The author examines important periods in the life of the Cabin of Peter I: construction, preservation, formation of the museum. Special attention in the article is paid to the complex scientific restoration of the 1970s, because of which the restorers managed to bring the appearance of a unique architectural monument of the beginning of the 18th century as close as possible to the original one.

Keywords: Cabin of Peter the Great, restoration, museumification.

Красные хоромы, Первоначальный дворец, Домик Петра I — названия первого жилого дома города, предназначенного стать столицей преобразенной России. Хоромы для царя срубили в мае 1703 года, вскоре после основания Санкт-Петербурга и закладки Петропавловской крепости. Петр I выбрал место для своего жилища вне крепости, на Березовом острове, у самого берега реки Невы, где была естественная гавань. Царю необходимо было следить за ходом планировочных и строительных работ своего нового города. Красные хоромы стали своего рода «прорабской» — здесь, по преданию, Петр I чертил план Петербурга.

Судьба первого жилого дома города складывалась благополучно, его почти не затронули катастрофы XX века. Домик Петра I — наиболее популярный музей, который занимает особое место в городе. Посещение музея традиционно входило в программу знакомства с Петербургом гостей со всего света. Степень изученности памятника достаточно высока¹, но, несмотря на это, периодически обнаруживаются важные документы, что является большой удачей.

Домик Петра I в Санкт-Петербурге выделяется среди петровских памятников, так как история его сохранения почти совпадает со временем постройки. Строительство защитного сооружения стало определяющим в истории памятника. По указанию Петра I галерею

¹ См.: Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 137–139; Булгаковский Д. Г., свящ. Домик Петра Великого и его святыня. СПб., 1891; Гессен А. Э. Реставрация Домика Петра I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 230–234; Зязева Л. К. Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983; Кареева Н. Д. Домик Петра I. СПб., 1998; Четверикова Н. В. Домик Петра I в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 454–461; Пунин А. Л. Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого. Градостроительное развитие новой столицы России и стилиевые особенности петровского барокко. СПб., 2014. Ч. 1. С. 16–19.

на каменных столбах над деревянными Красными хоромами, в 1723 году, юбилейном для города, построили по проекту архитектора Доменико Трезини. Это обстоятельство обусловило восприятие памятника как реликвии, связанной с великими начинаниями царя-реформатора². В дальнейшем сохранение Домика стало предметом особой заботы со стороны не только правителей России, но и всех поколений петербуржцев. Позднее, появилась традиция сохранять те дома, в которых жил или просто останавливался государь³.

В царствование дочери Петра I — Елизаветы Петровны — в 1740-е годы, после укрепления берега и необходимых ремонтных работ, в Домике была устроена часовня во имя Нерукотворного Образа Спасителя, приписанная к Троицкому собору. Образ Спаса — любимую икону Петра I — поместили в помещении столовой (чтимый образ ныне находится в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга). Часовня стала местом притяжения не только паломников, но и почитателей памяти Петра Великого⁴.

В отдельный и важный период истории памятника выделяются мероприятия, проведенные для сохранности памятника в период правления императора Николая I. 10 января 1844 года император разрешил перестройку защитной галереи и ремонт Первоначального дворца. Работы поручили архитектору придворной конторы Роману Ивановичу Кузьмину⁵. Продолжая традицию бережного отношения к петровскому мемориалу, архитектор в целом сохранил границы и облик прежней галереи, но изменил детали и использовал ряд строительных приемов (например, кирпичная кладка на манер голландской, без штукатурки), которые сделали ныне существующий футляр сооружением, отсылающим зрителя к любимому Петром дворцу Монплеизир. Кроме того, Кузьминым была устроена дренажная система под Домиком, которая поддерживает благоприятную для древесины среду. Тогда же произвели большие ремонтные работы в самом Домике: исправили фундамент, заменили полы и два нижних венца сруба, сделали ремонт окон и дверей, оббили стены и потолки холстом, окрасили фасады под кирпич.

По окончании перечисленных работ архитектор Кузьмин и старший-смотритель Первоначального дворца Одинцов составили документ — «Историческое описание дворца императора Петра Великого что на Петербургской стороне и достопамятностей в нём находящихся»⁶. Архитектор представил подробное описание произведенных работ, смотритель топографическую опись. Указанное Описание, обнаружено нами сравнительно недавно, в 2013 году. Оно хранится в Филиале Государственного архива Ярославской области в городе Угличе, куда попало в 1920-е годы из национализированной усадьбы потомков бывшего президента Гоф-интендантской конторы — Федора Петровича Опочинина⁷. Из Описания мы узнаем, что в 1844 году для интерьера Домика был изготовлен комплект мебели: шкафы, комоды, витрины, этажерка, кресла, стулья и «футляр для хранения скамейки Петра I», выполненные «из дерев Летнего сада времен Императора Петра Великого», а резные украшения «сделаны из лип Летнего сада», поваленных бурей летом 1840 года. Документ зафиксировал и тот заслуживающий отдельного внимания факт, что мебель для Домика исполнена «на манер шкафа императора Петра I

² Тарасова Н. И. «Сии вещи суть для россиянина драгоценны» // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 42.

³ Дома и домики Петра I СПб., 2015.

⁴ См.: Берташ А. свящ. Часовня. Домик Петра I в Санкт-Петербурге // Дома и Домики Петра I. СПб., 2015. С. 413–420.

⁵ Яковлев Н. Я. К истории строительства каменного футляра над Домиком Петра I в XIX веке (работы архитекторов придворного ведомства Р. И. Кузьмина и Н. М. Салько) // Страницы истории отечественного искусства XVII–XX века. ГРМ. СПб., 2007. Выпуск XIII. С. 282.

⁶ Александрова Н. А. Новые материалы к истории Домика Петра I: «Историческое описание дворца Императора Петра Великого, что на Петербургской стороне, и достопамятностей, в нем находящихся» // Страницы истории отечественного искусства. ГРМ. СПб., 2014. Выпуск XXIV. С. 228–237.

⁷ Там же. С. 236.

находящегося во дворце, что в Летнем саду»⁸. Следовательно, образцом для создания комплекта мебели в Домик Петра I послужил подлинный предмет петровского времени — мемориальный шкаф из Летнего дворца Петра I. Таким образом, в 1840-е годы не только провели мероприятия для сохранения памятника, но и проявили контекстуальный подход: внешне приблизив здание футляра к архитектуре петровского времени и насытив мебелью соответствующего стиля.

Забываясь об украшении петербургской святыни и создании присущего месту благолепия, в преддверии юбилея Петра Великого, в 1871 году, сад оградил чугунной решеткой с позолоченными двуглавыми орлами и вензелями Петра I. Ограду отлили на заводе Сан-Галли на средства прихожан часовни по высочайше утвержденным рисункам⁹. В 1874 году Санкт-Петербургская Городская дума передала Придворному ведомству земельный участок береговой линии от Первоначального дворца до Невы, где разбили внешний сад. На берегу построили причал с резной деревянной беседкой в русском стиле, а перед входом с причала установили бронзовый бюст Петра I на высоком постаменте красного гранита. В итоге, к концу XIX века в историческом центре Санкт-Петербурга сформировался особенный архитектурно-ландшафтный комплекс — деревянный Домик Петра I, защитный футляр над ним, сад с ажурными решетками, в котором до наших дней сохранились деревья, посаженные членами императорской семьи.

В 1890-е годы, по указанию Александра III, защитный футляр расширили двумя пристройками: с северной и южной стороны. Южная пристройка предназначалась для хранения лодки-верейки Петра I, где она находится и ныне. Лодка хранится рядом с Домиком с 1725 года, участвовала в официальной части юбилейных торжеств 1872 и 1903 годов.

После революции 1917 года Первоначальный дворец на Петроградской стороне вместе с часовней перешел из ведения Министерства Императорского двора в Народный Комиссариат имуществ республики. 23 февраля 1918 года на заседании художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце на Б. А. Надеждина было возложено подробное ознакомление с состоянием Первоначального дворца как памятника старины. Сохранились его письма, направленные в райисполком Петроградского района, в которых указывалось на исключительное художественно-историческое значение Домика Петра и содержались просьбы об обсуждении возможности ликвидации часовни Спасителя, как заслоняющей интерес к самому дворцу¹⁰.

Годы революции и Гражданской войны разорили страну. Архитектурные памятники нуждались в ремонте, музеи не получали ассигнований. В октябре 1921 года в Главном комитете по делам музеев (Главмузее) состоялось совещание о возможных источниках доходов. Поскольку резко сокращались расходы государства по охране музеев, последним предоставлялось право получать доходы, в том числе и от аренды строений. В связи с этим, администрация Музейного фонда и Петроградское Епархиальное управление заключили отношение. По его условиям, в часовне Спасителя беспрепятственно могли совершаться богослужения. При этом епархиальное управление несло полную ответственность за имущество Домика. В целях сохранения историко-художественного ансамбля не допускались ремонты, приспособления, перемещения предметов без предварительного согласия на это администрации Музейного фонда. Кроме того, церковные власти обязаны были допускать осмотр Домика экскурсиями и отдельными лицами, а также представителями администрации в установленные часы. За пользование Петровским

⁸ Александрова Н. А. Новые материалы к истории Домика Петра I. С. 228–237.

⁹ Смурова Т. М., Четверикова Н. В. История формирования территории Домика Петра и ее реконструкция // Проблемы реставрации и реконструкции памятников XVIII века. Тезисы докладов Третьей научно-практической конференции Летнего сада и дворца-музея Петра I. СПб., 2000. С. 11–15.

¹⁰ Александрова Н. А. К истории музея «Домик Петра I»: 20-е годы XX века // Страницы истории отечественного искусства. ГРМ. СПб., 2012. Выпуск XX. С. 286–291.

Домиком на вышеуказанных условиях Петроградское епархиальное управление уплачивало Музейному фонду ежемесячно, за месяц вперед 50 (пятьдесят) рублей золотом в переводе на дензнаки по текущему курсу Госбанка. Аренду Первоначального дворца рассматривали как временную необходимую меру. Икона Спасителя признавалась принадлежностью Домика, как один из музейных предметов. Отмечая «в принципе нежелательным зажигание свечей, лампад и кадил, вредно отражающихся на сохранности, тем не менее, находили временно возможным сдачу в наем одной из комнат». Средства от аренды направлялись на улучшение бедственного материального положения музеев и памятников, на зарплаты музейным сотрудникам. До конца 1920-х годов сохранялись условия, позволявшие соединять часовню и музей в домике Петра. Но политическая ситуация в стране вскоре изменилась, возросла роль идеологических факторов в сфере организации музейного дела. Постановлением Президиума Ленсовета от 7 января 1930 года было решено расторгнуть действовавший договор и административно передать Домик Петра I Государственному Русскому музею, а икону Спасителя передать церкви¹¹. Согласно акту, хранящемуся в архиве Государственного Русского музея, Домик Петра I с имуществом был принят 23 января 1930 года¹². Создание музейной экспозиции поручили Русскому музею совместно с музеем Революции. С этого времени в жизни Первоначального дворца на Петроградской стороне наступил принципиально новый этап: происходит профессионализация музейной работы. Позднее, 1 августа 1938 года, Домик присоединили к музею «Летний дворец-музей Петра I». Предметы этих двух музеев объединили в одну коллекцию. Несмотря на то, что акт приема-передачи музея не обнаружен, по записям в инвентарных книгах несложно определить состав экспозиции Домика Петра I.

Сразу после начала Великой Отечественной войны, в июне 1941 года, все экспонаты, кроме лодки-верейки были вывезены в тыл. Личные вещи Петра I, произведения декоративно-прикладного искусства эвакуировались вместе с экспонатами Летнего дворца: часть перевезли в Исаакиевский собор, часть была эвакуирована в город Сарапул (Удмуртия). Здание музея законсервировали: все стекла футляра закрыли тканью и зашили деревянными щитами, организовали круглосуточную охрану. Во время войны музей не понес серьезных повреждений и возобновил свою работу в 1944 году, причем его открыли для посетителей первым в городе. Для сохранения памятника в послевоенное время регулярно проводился текущий ремонт, необходимый для эксплуатации здания. В 1958 году в защитном футляре установили отопление, и с этого времени музей открыт для посетителей круглогодично.

Музеефикация памятника архитектуры — неразрывно связана с его реставрацией. К середине XX века, в связи с многочисленными ремонтами, элементы первоначальной архитектуры и отделки Домика частично были утрачены или искажены. Стены сруба многократно перекрашивались при каждом ремонте, в результате чего они покрылись грубой красно-бурой растрескавшейся корой. В конце 1960-х годов решено было провести генеральную реставрацию, задача которой состояла не только в устранении повреждений, причиненных зданию временем, но и в удалении всех поздних наслоений и искажений, образовавшихся на протяжении существования первого жилого строения Петербурга, с целью раскрытия его первоначального облика. Научным руководителем и автором проекта реставрации стал известный архитектор, крупнейший знаток архитектуры петровской эпохи Александр Эрнестович Гессен (1917–2000). Проекту реставрации предшествовал период тщательного комплексного изучения памятника. Заметная роль в этих работах принадлежит Лидии Константиновне Зязевой, хранителю Домика в 1970-е годы. Благодаря её усилиям, был обнаружен целый пласт архивных документов

¹¹ Александрова Н. А. К истории музея «Домик Петра I»: 20-е годы XX века. С. 286.

¹² Там же. С. 290.

начала XVIII века, связанных с историей памятника. В результате, в 1983 году появился путеводитель по музею. Используемые автором ранее неизвестные архивные материалы и историческая литература, несмотря на популярный характер изложения, поставили путеводитель в разряд полноценного монографического исследования.

Реставраторы удалили позднейшую отделку фасадов (пилястры из досок и карниз), открыли первоначальные формы сруба — шестигранные торцы венцов и роспись под кирпичную кладку. Самым сложным и длительным процессом являлась живописная реставрация окраски фасадов. Аналогов такой реставрации не существовало: Домик реставрировали как живописное полотно. Художник-реставратор Николай Николаевич Благовещенский, возглавлявший коллектив реставраторов живописи, отмечал, что методика технологического процесса определялась только экспериментально-практическим образом¹³. Реставраторы заложили 50 пробных расчисток и выяснили, что количество оригинальных бревен составило 43% от всей площади сруба. Было определено, что красочное покрытие неоригинальных бревен состоит из пяти масляных слоев, а оригинальных — из одиннадцати. Два нижних слоя идентичны по химическому составу: это охра красная с вкраплениями мела на олифе со свинцовым суриком. Известно, что Пётр хотел видеть новую столицу выстроенной в камне и похожей на европейские города, но поначалу город строился из дерева, поэтому предписывалось деревянные строения возводить из бруса, красить чернью и расписывать «в кирпич». ❶ Сохранившаяся роспись сруба Домика является единственным образцом такого рода.

Тщательной расчистке подверглись не только стены, но и внутренние наличники окон и дверей и полотна трех межкомнатных дверей. Под десятью слоями однотонных масляных окрасок реставраторы обнаружили полихромную роспись в виде цветочных гирлянд, а на дверях Кабинета и Столовой — пейзажи. Лучшее сохранилось живопись на дверном полотне из Столовой в Спальню, на которой изображён интерьер западноевропейского собора.

В результате реставрации 1970-х годов памятник преобразился. Помимо историко-мемориального значения, Домик приобрел совершенно новое качество: он стал одним из уникальных памятников оригинальной и своеобразной архитектуры важнейшего, переломного периода русской истории¹⁴. Кроме того, реставрационные открытия позволили осмыслить архитектурные формы первого жилого здания города, суждения о которых до этого сводились к русской или голландской традициям. Хранитель Домика, Наталья Владимировна Четверикова, в своем исследовании¹⁵ убедительно доказала, что в архитектуре Домика использован один из типов шведского срубного дома. Это обстоятельство породило предположения о перенесении готовой постройки с завоеванной Ингерманландской земли. Так летом 1703 года из готовых бревен разобранных домов Ниеншанца был построен один из первых домов в петровском «парадизе» для А. Д. Меншикова, дом которого находился недалеко от хором Петра I, на Троицкой площади. Более того, высказывается даже мнение, что Домик был перенесен из «чухонского» хутора¹⁶.

В довершение всего, раскрытая реставраторами роспись двери из столовой в спальню дала возможность современному нидерландскому исследователю, специалисту по голландской интерьерной живописи XVII века Бернарду Фермету провести

¹³ Благовещенский Н. Н. Первоначальная окраска Домика Петра I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 235–237.

¹⁴ Гессен А. Э. Жизнь архитектуры (Вопросы научной реставрации) // Восстановление памятников культуры. М., 1981. С. 82.

¹⁵ Четверикова Н. В. Домик Петра I в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 454–461.

¹⁶ Горбатенко С. Б. Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб., 2003. С. 52.

изыскания и предположить, что на дверном полотне изображен интерьер церкви Святого Бавона в Харлеме¹⁷. ②

О внутреннем убранстве Красных хором первых лет существования судить сложно, поскольку описей комнат не сохранилось. Современная экспозиция, за исключением некоторых изменений, была создана сразу после реставрации Домика, в конце 1970-х годов, она представлена произведениями живописи, графики и прикладного искусства начала XVIII века, в том числе мемориальными вещами. При создании экспозиции применен ансамблевый метод построения, который дает представление об эпохе и создает атмосферу петровского времени. Рассматривая экспозицию, мы сталкиваемся с исключительной ситуацией, когда экспонаты помещены в объект показа (Домик), как в своеобразную, драгоценную витрину.

Завершая обзор музеефикации Домика Петра I, можно обозначить несколько основных периодов: с 1703 по 1723 годы — начало сохранения; период с 1840-х по 1917 годы — комплексный подход к сохранению петровского наследия; 1917–1929 годы — сосуществование церковного учреждения и музея; с 1930 года — начало профессиональной музейной работы, в котором особое значение имеет период реставрации 1970-х годов.

В 2004 году Домик Петра I вошел в состав Государственного Русского музея. На новом витке истории памятника решено провести реставрацию здания защитного футляра и создать оптимальный климат для сохранения петровской реликвии, а также предусмотреть комфортные условия для многочисленных посетителей.

REFERENCES

- Aleksandrova N. A. K istorii muzeya "Domik Petra I": 20-e gody XX veka [To the history of the museum "Cabin of Peter I": the 20s of the XX century]. *Pages of the History of Russian Art. Papers of the State Russian Museum Conference 2012*. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2012. Issue XX. Pp. 286–291. (In Russian)
- Aleksandrova N. A. Novye materialy k istorii Domika Petra I: "Istoricheskoe opisanie dvorca Imperatora Petra Velikogo, chto na Peterburgskoj storone, i dostopamyatnostej, v nem nahodyashchihhsya" [New materials for the history of the Cabin of Peter I: "Historical description of the Palace of Emperor Peter the Great, on the St. Petersburg side, and the memorabilia in it"]. *Pages of the History of Russian Art. Papers of the State Russian Museum Conference 2013*. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2014. Issue XXIV. Pp. 228–237. (In Russian)
- Bertash A. Svyashchennik. Chasovnya. Domik Petra I v Sankt-Peterburge [The Priest. The chapel. Peter's Cabin in St. Petersburg]. *Doma i Domiki Petra I*. St. Petersburg, Skriptorium, 2015. Pp. 413–420. (In Russian)
- Blagoveshchenskij N. N. Pervonachal'naya okraska Domika Petra I [The original painting of the Cabin of Peter I]. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya*. 1976. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 230–234. (In Russian)
- Chetverikova N. V. Domik Petra I v Peterburge [The Cabin of Peter I in St. Petersburg] *Pamyatniki kul'turi. Novye otkrytiya*, 1995. Moscow. Nauka Publ., 1996. Pp. 454–461. (In Russian)
- Fermet B. Raspisnaya dver' v Domike Petra 1 v Sankt-Peterburge [Painted door in the Cabin of Peter I in St. Petersburg]. *Petrovskie pamyatniki v Rossii i Evrope: izuchenie, sohranenie i kul'turnyj turizm. Materialy VII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongress*. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2016. Pp. 73–83. (In Russian)
- Gessen A. E. Restavraciya Domika Petra I [Restoration of the Cabin of Peter the Great] *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya*. 1976. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 230–234. (In Russian)
- Kareeva N. D. *Domik Petra I: putevoditel po muzeju* [The Cabin of Peter the Great. A guide to the museum]. St. Petersburg, Ego Publ., 1998, 20 p. (In Russian)
- Punin A. L. *Sankt-Peterburg v epohy Petra Velikogo. Gradostroitel'noe razvitie novoy stolitsy Rossii I stilevy-osobennosti petrovskogo-barokko* [St. Petersburg in the era of Peter the Great. Urban development of the new capital of Russia and the stylistic features of the Petrovsky Baroque]. Pt. 1. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014, 211 p. (In Russian)
- Tarasova N. I. «Sii veschi sut dlya rossianina dragozenne» ["These things are precious for a Russian"]. *Homage to the founder of St. Petersburg: Dedicated to the 300th anniversary of St. Petersburg: Cat. of the Exhib. held in the State Hermitage*. St. Petersburg, Slaviya, 2003. P. 42. (In Russian)
- Yakovlev N. Ya. K istorii stroitel'stva kamennogo futlyara nad Domikom Petra I v XIX veke (raboty arhitektorov pridvornogo vedomstva R. I. Kuz'mina i N. M. Sal'ko).

¹⁷ Фермет Б. Расписная дверь в Домике Петра I в Санкт-Петербурге // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение и культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. СПб., 2016. С. 73–83.

[On the history of the construction of the stone case over the Cabin of Peter I in the XIX century (the work of the architect of the court department R. I. Kuzmin and N. M. Salko)]. *Pages of the History of Russian Art*. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2006. Issue XIII. Pp. 282–290. (In Russian)

Ziazeva L. K. *Domik Petra I: putevoditel po muzeju* [The Cabin of Peter the Great. A guide to the museum]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983, 56 p. (In Russian)

1 Роспись под кирпич
2021
Личный архив Н. А. Александровой

2 Роспись двери Домика из столовой в спальню
2021
Личный архив Н. А. Александровой

► ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИНТЕРЬЕРНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ В МУЗЕИФИЦИРОВАННОМ ДВОРЦЕ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

МЕЩЕРЯКОВ ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ

Заведующий отделом «Дворец Меншикова»,
Государственный Эрмитаж

199034, Российская Федерация, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 15

mescheryakov@hermitage.ru

Создание интерьерной экспозиции во Дворце Меншикова потребовало комплексного решения ряда вопросов, связанных с поисками документов, проектными предложениями и обсуждением на Ученом совете Государственного Эрмитажа предлагаемой концепции. Реставрация сохранивших отделку помещений восточной половины и воссоздание архитектурно-декоративной отделки помещений западной части здания позволили заполнить создаваемый музей мемориальными предметами и вещами петровской эпохи, находящимися в коллекции Эрмитажа.

Ключевые слова: Дворец Меншикова, интерьерная экспозиция, архитектурно-декоративное убранство, реконструкция интерьеров.

► THE EXPERIENCE OF THE CONSTRUCTION OF THE INTERIOR EXHIBITION IN THE MUSEIFIED PALACE OF ALEXANDER DANILOVICH MENSHIKOV IN ST. PETERSBURG

VLADIMIR VLADIMIROVICH
MESHCHERYAKOV

Head of Menshikov Palace Department,
State Hermitage Museum

15, Universitetskaya emb., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

mescheryakov@hermitage.ru

The creation of the interior exhibition in the Menshikov Palace required the comprehensive solution of several problems connected with the search for documents, design proposals and discussion of the proposed concept at the Academic Council of the State Hermitage Museum. The restoration of the surviving finishing works in the eastern half of the building and the restoration of the architectural and decorative decorations in the western half allowed the museum to be filled with the memorial objects and artefacts of Peter the Great's era which are in the Hermitage collection.

Keywords: Menshikov Palace, interior exhibition, architectural and decorative decoration, reconstruction of interiors.

Дворец Меншикова — одно из самых замечательных зданий эпохи начала каменного этапа строительства Санкт-Петербурга, сохранивших не только архитектурный облик, но и убранство интерьеров. **1**

Открытию в 1981 году музея предшествовал 25-летний период реставрационно-восстановительных работ. Столь продолжительный период позволил провести глубокие исследовательские работы памятника.

Архитектурный ансамбль дворца, сложившийся в ходе длительного поэтапного строительства, является результатом поисков и трансформации различных решений. Здесь, по словам М. Б. Пиотровского «была впервые заложена архитектурная традиция, ставшая впоследствии петербургской»¹.

В 1930-х годах историк архитектуры И. Э. Грабарь исследовал историю создания здания², дворец Меншикова был включён в число охраняемых памятников архитектуры. В середине 1950-х годов по инициативе ГИОП исследователем А. Н. Петровым было подготовлено научное обоснование реставрации здания. С 1956 по 1974 год под руководством архитектора — реставратора А. Э. Гессена был выполнен комплекс предреставрационных научно-исследовательских работ с реставрацией фасадов на 1768 год.

¹ *Пиотровский М. Б.* Памяти Александра Даниловича // Александр Данилович Меншиков. Первый Губернатор и строитель С.-Петербурга. Каталог выставки СПб., 2003. С. 5.

² *Грабарь И. Э.* История русского искусства. Т. 3: Архитектура. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. Архитектура. М., [1912]. С. 97–100.

С 1975 года авторским коллективом в составе Г. В. Михайлова, В. К. Галочкина, К. А. Кочергина было продолжено изучение памятника, сделаны дополнительные натурные раскрытия, проведено техническое обследование здания, его конструкций, разработана технологическая схема музея. Археологические изыскания и подтверждающие их архивные находки Ю. В. Трубинова позволили установить, что планировочная структура здания и архитектурные элементы находятся в пропорциональной взаимосвязи с горизонтальными и вертикальными членениями фасада. ² Чёткие закономерности прослеживались во всех частях здания, это позволило считать методику размерно-пространственной структуры убедительным обоснованием реставрации памятника на первую четверть XVIII века с достоверным воссозданием утраченных деталей³.

Самым значительным и пышным по оформлению в период первой четверти XVIII века был центральный корпус, южный фасад которого был декорирован гербом над парадным входом, поэтажными пилястрами разных ордоров и увенчан по центру аттиком со статуями, а боковые ризалиты были украшены фронтонами барочной формы с вазами и золочеными княжескими коронами⁴.

Как следует из документа 1737 года, «на... кровле... деревянных статуй... шесть, освидетельствовать резными мастерами»⁵, а в одном из документов, относящихся к 1742 году говорится о гербе Меншикова на главном фасаде и о надписи «Под оным в длину золотыми словами... по-латински...»⁶. (доблесть ведёт — фортуна сопровождает).

Исходными документальными источниками при воссоздании архитектурно-декоративного убранства южного фасада явились гравюра А. Ф. Зубова, рисунок Х. Марселиуса, существующая в настоящее время корона, венчающая кровлю Большого дворца Меншикова в Ораниенбауме⁷. Достоверность гравюры А. Зубова 1714 года была подтверждена в результате археологических изысканий, проведенных архитекторами в 1970-х годах в процессе реставрации.

Княжеские короны и вазы были воссозданы в 2002 году в технике гальваноластики⁸. ³

Для завершения композиции Южного фасада в 2005 году был разработан проект, предусматривающий восстановление скульптур на аттике. Вертикали статуй были неотъемлемой чертой облика здания. Скульптурная композиция имела общегосударственное значение, прославляющее Россию и Петра I⁹. В 2011 году

³ Денисов Ю. М., Трубинов Ю. В., Михайлов Г. В., Галочкин В. К. Ключ к воссозданию памятника // Строительство и архитектура Ленинграда. 1978. № 5. С. 33–37.

⁴ Акт государственной Комиссии от 29.12.1980 г. № 1629-р; Решение Ученого Совета ГИОП совместно с Эрмитажем от 25.12.1982 и 15.06.1989.

⁵ Ведомость о строении и починках в Кадетском доме 737 года // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1771. Л. 2.

⁶ О строениях и починках Кадетского корпуса. 1740 г. // Там же. Д. 1867. Л. 11. См. об этом: Мещеряков В. В., Саверкина И. В. К воссозданию архитектурного декора дворца Меншикова. Герб над глазным входом // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXII. Петровское время в лицах-2006: Материалы научной конференции, посвященной 25-летию открытия экспозиции Эрмитажа «Дворец Меншикова». СПб., 2006. С. 181–185.

⁷ Грабарь И. Э. История русского искусства. С. 100, 101; Павлова М. А. Историческая справка к эскизному проекту реставрации террас и северного фасада Большого дворца в Ораниенбауме. Корона // Архив Дворца Меншикова; Кулишева Н. С., Мещеряков В. В. Из истории воссоздания архитектурно-декоративного убранства Южного фасада дворца Меншикова: княжеские короны и вазы // Петровское время в лицах – 2002: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 100–105; Вилинбахов Г. В. Заключение об изображении короны на гравюре А. Ф. Зубова // Архив Отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа.

⁸ Акт государственной Комиссии от 29.12.1980 г. № 1629-р; 25.12.1982 и 15.06.1989.

⁹ Тюхменева Е. А. К вопросу об идейно-художественной программе скульптуры аттика переднего фасада дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге // Петровское время в лицах – 2006. СПб., 2006. С. 237–246; Мещеряков В. В. Архитектурно-декоративное убранство дворца Меншикова – княжеские короны и вазы, скульптурное убранство аттика // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 63. С. 49–54.

в рамках завершающего этапа работ на аттике здания были представлены модели скульптур в натуральную величину (скульптор В. В. Ларионов). Вопрос, связанный с поисками в архивах документального подтверждения идейной программы скульптурного убранства аттика, остаётся открытым.

Таким образом, находки, сделанные в процессе исследования и реставрации здания, выявили высокий художественный уровень архитектуры дворца, сделали его объектом музейной экспозиции, планировочных и декоративных решений как памятника переходного этапа развития русского искусства. Одним из элементов показа подлинности здания стал прием музеефикации фрагментов первой трети XVIII века — перекрытий, кладки, сводов, металлических креплений и архитектурного декора (карнизов, тяг и др.)¹⁰. 4

Нинель Васильевна Калязина, первая заведующая музея, автор концепции интерьерной экспозиции во Дворце Меншикова, с 1957 года участвовала в восстановлении Большого Петергофского дворца и дворца Монплеизир, а в 1971 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Интерьер первой четверти XVIII века: Новое в планировочном и архитектурно-декоративном решении интерьера». Определяя приоритетность понятия интерьера, как наиболее важной части архитектуры, она показала, что, архитектура — это среда, искусственно создаваемая человеком для своего обитания, на каждом этапе развития общества она определяется природными условиями, эстетическими воззрениями и материальными возможностями. Интерьер жилого здания, будучи естественной частью архитектуры, отражает достижения материальной и духовной культуры общества, отделку и использование жилья, семейные и общественные отношения, которые могут быть выражены и представлены предметами искусства и материального мира. Именно в первой трети XVIII века организация и отделка жилого интерьера в Европе становятся объектом предварительного замысла архитектора. Архитектурно-декоративное решение интерьера в его лучших образцах поднимается на уровень высокого искусства¹¹.

Поэтажная планировка музея с анфиладным расположением комнат восстанавливалась с учетом сохранения и реставрации помещений, сохранивших первоначальную отделку и приспособления остальных помещений для нужд музея.

Концепция создаваемой экспозиции основана на анализе подлинных уникальных интерьеров Петровского времени, а также письменных источников, изобразительного материала и архитектурных аналогов, изучении вещей, окружавших современников Петровских преобразований.

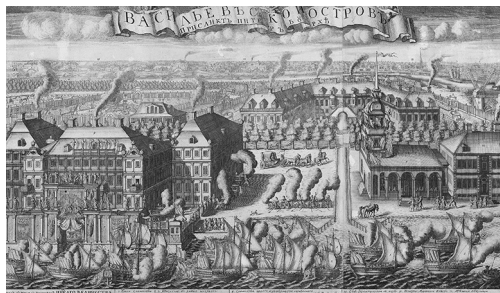
Архитектурно-декоративное решение сохранившихся интерьеров представляет несомненное художественное значение для истории русского искусства, так как по большей части является уникальным, не имеющим аналогий в других памятниках начала XVIII века. Прежде всего, это касается живописных плафонов на светские темы, отделки стен, потолков и печей керамическими плитками (изразцами) голландского типа. Изразцы как отделочный материал были известны в России давно¹².

Согласно исследованиям Л. П. Дорофеевой, плитковый декор дворца с сохранившимися четырьмя интерьерами, покрытыми 23 465 сине-белыми расписными изразцами, совершенно очевидно свидетельствует о новых тенденциях в русской культуре, связанных не только с эстетикой, но и появлением новомодных материалов, повышением

¹⁰ Калязина Н. В. Музей в Ленинграде – Дворец Меншикова // Музей 5. Художественные собрания СССР. М., 1984. С. 14.

¹¹ Калязина Н. В. Интерьер первой четверти XVIII в. Новое в планировочном и архитектурно-декоративном решении: Диссертация... канд. искусствоведения. Л., 1970 // Архив Отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа.

¹² Калязина Н. В. Музей в Ленинграде – Дворец Меншикова // Музей 5. С. 15.

- 1** Зубов А. Ф.
Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове
 1714
 Государственный Эрмитаж

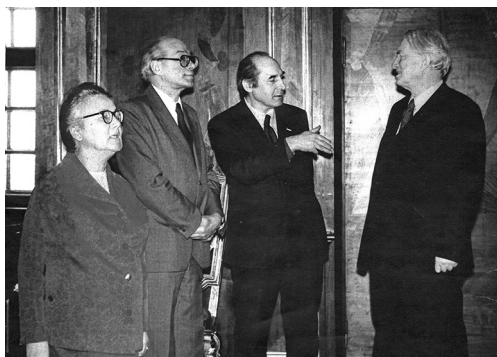
- 2** Рабочее совещание по реставрации.
 Архитектор-реставратор А. А. Кедринский, архитектор ГИОП Г. Г. Гетманская, искусствовед Ю. М. Денисов, архитекторы Государственного Эрмитажа И. В. Бурковская и В. К. Галочкин, начальник участка НПО «Реставратор» В. И. Михайкина, автор концепции экспозиции Н. В. Калязина, архитектор Государственного Эрмитажа Г. В. Михайлов, искусствовед Ю. В. Трубинов
 23 июля 1980
 Государственный Эрмитаж

- 3** Воссоздание корон и ваз Дворца А. Д. Меншикова в 2002 году
 Государственный Эрмитаж

- 4** Музеефикация кирпичной кладки сводов помещения цокольного этажа центрального корпуса Дворца А. Д. Меншикова
 Личный архив В. В. Мещерякова

- 5** Н. В. Калязина, Ю. М. Денисов, А. Э. Гессен, Б. Б. Пиотровский в Ореховой Дворца А. Д. Меншикова
 1980-е
 Государственный Эрмитаж

требований к гигиене и комфорту быта¹³.

Понять назначение покоев дворца удалось благодаря свидетельствам современников, а также архивным документам. В «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова»¹⁴ за 1726 и 1727 годы упоминаются такие помещения, как «предспальня», «плитковая» и «ореховая», где светлейший князь принимал иностранных дипломатов, военных и гражданский чинов, для решения важных государственных и административных вопросов. В «Описании дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С.-Петербурге, 1732 года»¹⁵ также содержатся сведения о назначении некоторых помещений¹⁶.

Экспозиция музея «Культура России первой трети XVIII века» обладает и мемориальным характером, поскольку связана с жизнью и деятельностью Александра Даниловича Меншикова — выдающейся личности петровской эпохи. В сохранившихся интерьерах воссоздана обстановка служебных и жилых парадных комнат. Являясь резиденцией первого генерал-губернатора, дворец выполнял функции и административно-общественного здания, где обсуждали вопросы строительства кораблей, кирпичных и стекольных заводов, давали указания архитекторам, скульпторам и художникам. Здесь Меншиков, как первый президент Военной коллегии занимался делами по организации армии. Во дворце проходили ассамблеи, дипломатические приемы, отмечались даты побед в Северной войне. Начиная с 1713 года губернатор занимался благоустройством городских кварталов столицы, постройкой каналов вокруг Адмиралтейства, руководил возведением дворцовых ансамблей в Петергофе, Стрельне и Ораниенбауме, строительством дорог к Петербургу и Волхову, строительством гавани и укреплений в Кроншлоте.

Дворец Меншикова был принят в эксплуатацию и передан Государственному Эрмитажу для создания там интерьерной экспозиции «Культура России первой трети XVIII в.»¹⁷. Инициатором создания во дворце Меншикова музея стал директор Государственного Эрмитажа Б. Б. Пиотровский, поскольку именно Эрмитаж обладал уникальным комплексом вещей петровской эпохи. **5**

Работу возглавили заведующая Отделом истории русской культуры Г. Н. Комелова и её заместитель Н. В. Калязина, занимавшаяся с 1971 по 1980 год разработкой предложений по музейному использованию памятника. В ОИРК появился новый сектор «Культура России первой трети XVIII в.», находящийся во Дворце Меншикова и возглавляемый Н. В. Калязиной. Сектор, изначально функционирующий, как филиал Государственного

¹³ *Дорофеева Л. П.*: 1) Дворец Меншикова. Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 96–159; 2) «Музей голландских плиток» во дворце Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-нидерландского научного общества. Вып. 1. СПб., 2003. С. 115–120; *Андреева Е. А.*: 1) Нидерландская расписная плитка во дворце Меншикова в Петербурге: типологизация, датировка и уточнение места производства // Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах — 2013. К 400-летию Дома Романовых (1613–2013). СПб., 2013. Т. LXX. С. 47–61; 2) Голландское влияние в отделке интерьеров петровского времени на примере дворца Меншикова в Петербурге // Санкт-Петербург–Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб. С. 96–109; 3) Плитки с библейскими сюжетами во дворце А. Д. Меншикова в Петербурге: происхождение, источники, аналоги // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб., 2018. Вып. 8. С. 622–636.

¹⁴ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой М., 2004.

¹⁵ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С.-Петербурге, 1732 года // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 137–141.

¹⁶ *Саверкина И. В.* История создания экспозиции «Дворец Меншикова. Культура России первой трети XVIII века» // «Здесь память прошлого еще жива вокруг». Дворец Меншикова: 1711–2011. К 300-летию дворца Меншикова и к 30-летию экспозиции «Культура России первой трети XVIII века» во дворце Меншикова. СПб., 2011. С. 181.

¹⁷ Решение Ленгорисполкома № 770 от 1 сентября 1969 г.: об организации в здании филиала Гос. Эрмитажа экспозиции «Культура России первой трети XVIII в.: рукопись // Архив Отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа.

Эрмитажа, стал новым музеем города. Основу открывшегося 18 февраля 1981 года музея составили сохранившие свое декоративное убранство, восемь отреставрированных помещений восточной части здания.

Устроители пошли по пути экспонирования в отреставрированных интерьерах только подлинных материалов из собрания Государственного Эрмитажа. Предметы высочайшего художественного и исторического уровня заполнили новую постоянную экспозицию Государственного Эрмитажа, разместившуюся во Дворце Меншикова.

Следует отметить, что смешение предметов самого разного происхождения — характерная черта обстановки петровского времени, когда Петр I открыл «окно в Европу» и товары многих стран стали прибывать в Петербург. Одним из самых характерных и показательных в этом отношении по составу и разнообразию собранных произведений искусства и быта, несомненно, был дом Меншикова — генерал-губернатора города и прибалтийских земель, богатейшего человека в России, близкого Петру I. Пользуясь своими правами Меншиков приобретал привозимые товары одним из первых или заказывал их через своих агентов и торговых посредников в Европе¹⁸.

Документальную основу при выборе предметов для музея составили описи домов и конфискованного имущества А. Д. Меншикова, счета на покупки, аналогии с другими интерьерами.

В подборе экспонатов принимали непосредственное участие сотрудники всех отделов Государственного Эрмитажа (истории русской культуры, истории западноевропейского искусства, истории античного мира, Востока, нумизматики, арсенала, научной библиотеки).

В результате, во дворце были собраны редкие для своего времени вещи, например, китайский и японский фарфор, голландский фаянс, стол в английском стиле и итальянская мебель, европейская живопись, английское и немецкое серебро, итальянская и античная скульптура, европейские шпалеры, часы и многое другое.

Широкую ретроспективу предметов, принадлежавших Меншикову и находящихся в настоящее время в художественных собраниях музеев России (живопись, скульптура, хрустальные кубки с гербом Меншикова, часы, оружие и пр.) привёл А. А. Дутов в статью к каталогу выставки¹⁹.

Характер живописного собрания, которое Меншиков собирал в подражание Петру I, позволили Н. В. Калязиной воссоздать экспозицию кабинета с живописью²⁰.

«Дубовый шкаф, сохранившийся от времен Меншикова», упомянут в архивных материалах конца XIX века²¹ и, как отметила в 1923 г. К. Ползикова-Рубец, «А. А. Крутецкий приобрел для музея сундук, принадлежавший Варваре Михайловне»²². Эти вещи находятся в экспозиции плитковых комнат.

Скульптурное собрание Меншикова было реконструировано благодаря исследованиям С. О. Андросова. Часть статуй были переправлены в Летний сад, Петергоф

¹⁸ Калязина Н. В. Музей в Ленинграде — Дворец Меншикова // Музей 5. С. 20.

¹⁹ Дутов А. А. Мемория А. Д. Меншикова в собраниях музеев // «Здесь память прошлого еще жива вокруг». С. 19–74.

²⁰ Калязина Н. В., Саверкина И. В. Живописное собрание А. Д. Меншикова // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 54–61; Комелова Г. Н. 1) Первый русский миниатюрист Г. С. Мушкинский: Материалы к истории портретной миниатюры первой четверти XVIII века в России // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., 1974. С. 175–176; 2) Русская миниатюра на эмали XVIII — нач. XIX века. СПб., 1995. С. 91.

²¹ Дорофеева Л. П. 1) Русская наборная мебель в экспозиции дворца Меншикова // Русская культура первой четверти XVIII в. Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 62–78; 2) Сундук. Северная стена, шкаф // Дворец Меншикова. Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 133–135.

²² Ползикова-Рубец К. Дворец Меншикова. СПб., 1923. С. 16.

и Царское Село, статуя «Правосудие» Альвизе Тальяньетра установлена в 1939 году в центральной нише главного марша Иорданской лестницы Зимнего дворца²³.

В настоящее время скульптура из сада дворца Меншикова находится: в Летнем саду — Милосердие, Правосудие, Слава (Пьетро Баратта), Сивилла Дельфийская (Джованни Бонацца); в Царском Селе — Геркулес, Иола, Марс, Аполлон (Антонио Тарсия); Аполлон (Пьетро Баратта); Сивилла Ливийская (Джованни Бонацца); Мир, Великолепие (Джузеппе Дземиниани); Любовь в родине, Добродетель, попераяющая порог (Бортоломодоло); Сивилла Персидская (Джованни Дзордзони); в Петергофе — Нептун, Тритон, Нимфа (Антонио Торсия); Олимпия, Адонис (Франческо Кабианка); в Эрмитаже — Правосудие (Альвизе Тальяньетра)²⁴.

Реконструкцию книжного и нумизматического собрания, связанного с историческими событиями и победами в Северной войне, которое могло находиться в доме Меншикова, сделали Н. В. Калязина и И. В. Саверкина²⁵.

Пара карманных часов, подаренных в 1887 году императору Александру III последним из рода князем Владимиром Александровичем Меншиковым, находятся в экспозиции дворца Меншикова. Их принадлежность А. Д. Меншикову убедительно доказана Л. А. Яковлевой²⁶.

Проявившийся в XVIII веке живой интерес европейских стран к культуре Востока отражает интерьерная экспозиция с китайскими обоями, китайским и японским фарфором (так, символику изображений на китайских обоях исследовала М. Л. Рудова, а историю появления «кэсов» в собрании Эрмитажа описала М. Л. Меньшикова)²⁷.

Продолжение разработки проектов реставрации уникальных интерьеров дворца было поручено авторскому коллективу архитекторов-реставраторов: Г. В. Михайлову, В. К. Галочкину и И. В. Бурковской.

В 1986 году были открыты интерьерные экспозиции «Токарня», «Матрозная», «Шпалерная», «Большой зал», «Кордегардия»²⁸.

²³ Андросов С. О. 1) Об одной статуе из собрания А. Д. Меншикова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 49. С. 13–16; 2) О скульптурных коллекциях А. Д. Меншикова и Ф. М. Апраксина // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 88–99; 3) Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999; 4) Петр Великий и скульптура Италии. СПб., 2004.

²⁴ Дутов А. А. Мемория А. Д. Меншикова в собраниях музеев. С. 21.

²⁵ Саверкина И. В. 1) Вещный мир семьи Меншиковых // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 121–125; 2) К истории конфискации имущества А. Д. Меншикова // Петровское время в лицах. Краткое содержание докладов научных чтений памяти А. Д. Меншикова. СПб., 1998. С. 39–42; 3) Неизвестная коллекция Петровского времени: Нумизматическое собрание А. Д. Меншикова // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 343–350; 4) Описи имущества частных лиц как источники по истории русской культуры первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; 5) Изделия в «китайском вкусе» в интерьерах Петровского времени: (На примере дворцов А. Д. Меншикова) // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова: Сборник научных трудов. СПб., 1992. С. 79–87; 6) История создания экспозиции «Дворец Меншикова. Культура России первой трети XVIII в.» // «Здесь память прошлого еще жива вокруг». С. 181–185.

²⁶ Яковлева Л. А. 1) Часы, принадлежавшие А. Д. Меншикову // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1985. Т. 50. С. 11–14; 2) Часы // Дворец Меншикова. Художественная культура. 1986. С. 128.

²⁷ Арапова Т. Б. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII — первой четверти XVIII века: К истории культурных контактов Китая и России в XVII–XVIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1989. Т. 27. С. 109–116; Рудова М. Л. Китайские обои первой четверти XVIII века во Дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н. В. Калязиной. Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 79–82; Меньшикова М. Л. К истории китайских шелковых шпалер «кэсы» из коллекции Петра I // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2004. Т. 62. С. 112–119.

²⁸ Мещеряков В. В. Итоги реставрации дворца Меншикова на Васильевском острове // Петровское время в лицах. 1998. С. 30–31.

В «Кордегардии» на своем первоначальном месте, указанном на «Плане кадетскому каменному дому»²⁹ середины XVIII века, в центре северной стены, была восстановлена печь, облицованная зелеными «муравлеными» изразцами, по аналогии с сохранившейся печью Петра I в Кадриорге³⁰. 6 Фрагмент подлинного муравленого изразца, найденного при реставрационно-строительных работах в культурном слое здания, был вмонтирован в воссозданный изразец печи.

В перспективе, можно говорить о воссоздании не сохранившейся отделки интерьерной экспозиции в помещениях «Канторки» и «Секретарской». При этом несомненный интерес представляют сохранившиеся в Наугольных палатах первоначальные варианты окраски стен в парадных покоях первого и второго этажей (раскрыты в 2020 году, Студия 44). Описание помещений выполнено М. Шванвицем в 1735 году³¹.

В Поварне под сохранившимся вытяжным колпаком был восстановлен по аналогам очаг с использованием подлинных кирпичей XVIII века от разобранного на улице Белинского дворового флигеля (реставратор В. П. Машников).

Декоративная отделка парадных интерьеров второго этажа с 1710 по 1717 год менялась трижды: от первоначальных плафонов в темперно-масляной живописи по штукатурке работы мастера оружейной палаты Г. Одольского 1711–1712 годов на светскую патристическую тему с изображением Петра I (исследователь М. Г. Колотов)³², вторая декоративная роспись Луи Каравака 1715–1716 годов, окраска и обивка тканью стен, до плиткового убранства стен и потолков и плафона Ф. Пильмана с отделкой стен персидским орехом в Ореховой (по проекту, согласно выводам Н. В. Калязиной, архитектора Ж.-Б. А. Леблона).

Наличие сохранившейся темперной живописи по штукатурке подтверждается двумя музейфицированными фрагментами на потолке Предспальни под плитковым убранством и тремя слоями живописной росписи по дереву, раскрытой на поверхности дверных полотен Ореховой (ГЭ. Инв. № ДМДП 6/1–2, кат. №) обнаруженных в 1970-х годов³³. 7

Первый вариант восстановления интерьера Ореховой предложил архитектор-реставратор Александр Эрнестович Гессен (устройство механизма для спуска — подъема живописного плафона Пильмана для возможности показа первоначальной фрески с изображением Петра I). Однако, по объективным техническим причинам это не могло быть реализовано. В 1989 году В. В. Мещеряковым было найдено решение и разработан новый проект³⁴, в результате чего пятичастный живописный плафон Пильмана был установлен поверх сохранившейся первоначальной фрески Ореховой без повреждения ее живописного слоя. Таким образом, было завершено восстановление интерьера Ореховой на 1717 год.

²⁹ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 766. Л. 1. Цит. по: *Калязина Н. В.* Историческая справка. Рукопись.

³⁰ Эскиз воссоздания В. В. Мещерякова; рабочий чертёж И. В. Бурковской: рукопись. 1986 // Архив Отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа; *Мещеряков В. В.* О музейфикации дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Памятник архитектуры. От дворца к музею. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2012. СПб., 2013. С. 61.

³¹ Опись бывшей резиденции А. Д. Меншикова, приложенная к «Доношению» Г. Еремиаса в канцелярию Кадетского корпуса от 26 августа 1735 г., составленная М. Шванвицем при передаче гофмейстерской должности капитану Г. Еремиасу // *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада: исследование и документы. СПб., 2013. С. 156–221.

³² *Колотов М. Г., Трубинов Ю. В.* Плафоны Меншиковского дворца в Ленинграде // *Искусство*, 1977. № 1. С. 61.

³³ Протоколы Заседания Комиссии по новому дереву (под председательством И. Н. Ухановой, научное обоснование В. В. Мещерякова и Е. И. Игнатъевой): № 4 от 27.10.2005 и № 21 от 02.11.2006. рукопись; *Мещеряков В., Игнатъева Е.* // Эрмитаж. Новости 2008. № 3, июнь-июль. С. 6; *Игнатъева Е. И.* К истории интерьера петровского времени: двери с росписью из дворца А. Д. Меншикова. // Петровское время в лицах — 2010. Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 169–184.

³⁴ *Мещеряков В. В.* Пояснительная записка и рабочий проект крепления плафона Пильмана в Ореховой. Рукопись.

В помещениях западной половины на втором этаже не сохранилось первоначальной отделки, поэтому определяющим источником необходимых сведений являлось само здание. Натурные исследования подтвердили принцип симметрии, заложенный в планировку европейских зданий дворцового типа эпохи барокко. Сохраняя подлинными архитектурные объемы, оконные и дверные проёмы, мы исходили из того, что в декоративном убранстве интерьера возможны элементы реконструкции³⁵.

Основные положения по архитектурно-декоративному решению экспозиции западной половины были разработаны Н. В. Калязиной с учётом аналогий из симметричной восточной части здания и документов сохранившихся описей интерьеров начала XVIII века. Варианты научных графических реконструкций интерьеров были выполнены в 1987 году архитектором-реставратором Эрмитажа И. В. Бурковской по описям: Ораниенбаумского дворца А. Д. Меншикова (1728 года), дома Меншикова «у Боровицкого мосту», Лефортовского дворца при Меншикове, Яузского дворца (1699 года)³⁶.

В парадной отделке дворцов петровского времени в России преобладало использование декоративных тканей и шелка восточной работы. Описи имущества Меншикова свидетельствуют о наличии у него большого количества восточных тканей и предметов прикладного искусства. Согласно документам домашней канцелярии Меншикова, есть множество упоминаний о покупках лаковых восточных «кабинетцев», угловых столиков, часов, китайских шёлковых тканей и прочего³⁷.

Продолжая работу над концепцией создания интерьерной экспозиции в западной (женской) половине дворца, Нинель Васильевна Калязина в 1981 году пригласила Анастасию Борисовну Васильеву во дворец Меншикова для реставрации китайских шелковых обоев конца XVII — начала XVIII века. **8**

Васильева участвовала в возрождении десятков памятников и объектов послевоенного Ленинграда, в 1960-е годы начала реставрацию китайских шелковых обоев для Коронной и Диванной комнат Большого дворца Петергофа³⁸. Обои из Екатерингофского дворца, находящиеся в Эрмитаже, были в руинированном состоянии со значительными утратами: загрязненные, многократно проклеенные бумагой, картоном, холстом — требовалась большая реставрация. Разработанная Васильевой универсальная методика реставрации, в которой использовались натуральные красители и традиционные китайские рецепты, была одобрена Реставрационным советом Государственного Эрмитажа. «Не каждому дано справиться с подобной задачей. Надо очень хорошо знать технику восстановления восточных тканей, их особенности», — говорила Н. В. Калязина в 1983 году. А. Б. Васильева создала мастерскую по реставрации китайских обоев и воспитала учеников-реставраторов. Процесс реставрации занял 12 лет кропотливой работы.

При определении назначения помещения помещений западной половины было принято во внимание описание, сделанное Мартыном Шваншицем в 1732 году³⁹.

Первая комната от сеней — Передняя (название, согласно описи Шваншица). Комната имеет точно такие же размеры, как и передняя князя в восточной половине, разделённая перегородкой на конторку и секретарскую. При отделке в 2006 году стен

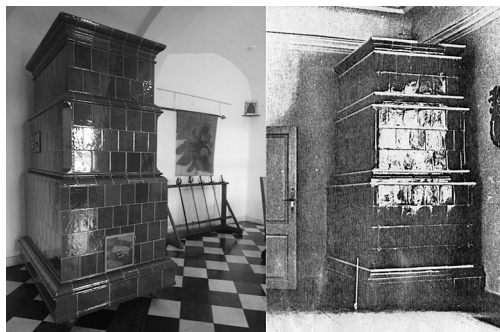
³⁵ Жаркова Н. Ю. Некоторые принципы организации и декора дворцовых интерьеров в Петербурге первой трети XVIII века // Русская культура первой четверти XVIII века. СПб, 1992. С. 27–38; Мещеряков В. В. К созданию экспозиции интерьерного типа во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2001. С. 64–65.

³⁶ Павлова М. А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века. СПб., 2006.

³⁷ Калязина Н. В. Материалы к проекту архитектурно-декоративной экспозиции 4-х комнат западной половины 2-го этажа Дворца Меншикова на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. 1998 г.

³⁸ Хвостова Г. А. Ранний юбилей. Реставраторы // Ленинградский рабочий. № 18 (2475). 6 мая 1983. С. 12.

³⁹ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова, в С.- Петербурге, 1732 года // Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 137–141.

6 Воссозданная на прежнем месте муравленая печь (по аналогии с сохранившейся печью в Домике Петра I в Кадриорге)
2019
Личный архив В. В. Мещерякова

7 Дверные полотна Ореховой Дворца А. Д. Меншикова с тремя слоями живописной росписи по дереву
2015
Личный архив В. В. Мещерякова

8 Н. В. Калязина и А. Б. Васильева
1983
Личный архив В. В. Мещерякова

9 Кабинет с живописью. Воссоздание в 1998 году первоначального интерьера Ореховой Дворца А. Д. Меншикова
Личный архив В. В. Мещерякова

Западной Передней был использован штоф, изготовленный по образцу фрагмента французской шелковой ткани конца XVII века, хранящейся в Эрмитаже.

Изготовлением ткани со сложным рисунком и большим количеством цветных нитей в течение трех лет занималась московская Государственная научно-реставрационная мастерская «Старинные ткани» (под руководством художника по тканям Елены Анатольевны Захарковой) при Министерстве культуры России. Мастерская появилась в послевоенные годы, когда группа художников во главе с З. Милявской нашла старые жаккардовые станки и мастеров-ткачей, работавших с начала XX века на мануфактуре фабрикантов братьев Сапожниковых. Для восстановления памятников отечественной культуры была организована ткацкая мастерская при Академии архитектуры с целью достоверного воссоздания старинных тканей. Полный цикл технологического процесса: от обработки натурального шелка-сырца до готовой продукции, предусматривал только натуральное сырье и использование натуральных красителей и трав⁴⁰.

В Западной приёмной шелковые китайские обои, заключённые в деревянные рамы, экспонируются в виде ширм.

Детали интерьера, составляющие архитектурно-декоративный фон экспозиции, — такие как панели, тяги и профили, аналогичны сохранившимся в симметричных помещениях восточной половины здания и являются «съёмными», не нарушая подлинных архитектурных объёмов выявленных и восстановленных в процессе раскрытий в период до 1980 года. Верхняя часть стен декорирована подлинными китайскими расписными шёлковыми обоями начала XVIII века в дубовых профилированных рамах в виде ширм. Низ стен выполнен дубовыми панелями с профилями и тягами, аналогичными сохранившимся первоначальным профилям в симметричном помещении на восточной половине здания. Фрагменты голландских плиток «Розы на стеблях», обнаруженные в перекрытии под полом, наряду с архивными данными о замене расколотых плиток дощатыми панелями, дали основание нижнюю часть стен оформить дубовыми панелями с плитковым заполнением. Гладкий потолок оформлен рамой, а стены антаблементом, фризом и карнизом с профилями, аналогичными профилям плиткового плафона в симметричном помещении Предспальни. Камин воссоздан на историческом месте из кирпича и оштукатурен по аналогии с каминами в Марли.

При создании экспозиции Кабинета с живописью (воссоздание первоначального варианта отделки симметричного помещения Ореховой с обивкой стен синим сукном и плафоном — фреской) были приняты во внимание графические изображения интерьеров конца XVII века, которые видели Пётр I и Меншиков в 1697–1698 годах. Сюжеты картин подобраны в соответствии с сохранившимися описями живописного собрания А. Д. Меншикова, насчитывавшего более 140 картин, и дают представление о тематике и качестве работ⁴¹. В качестве плафонов в этом и смежном помещении Спальни княгини в 1999 году были установлены выполненные художниками О. А. Шведерской и А. Ф. Кабаниным (последняя работа Н. В. Калязиной в качестве научного консультанта) современные живописные копии (с элементами реконструкции) первого и второго слоёв фресок Ореховой, закрытых плафоном Пильмана и недоступных посетителям. **9**

Таким образом, комплексное решение интерьерной экспозиции в помещениях, утративших художественную отделку, позволило показать подлинные предметы петровского времени на вновь созданном, научно-обоснованном архитектурно-декоративном фоне⁴². Такой метод сложен в реализации, но наиболее убедителен для

⁴⁰ Родионова Г. В. «Здесь память прошлого еще жива вокруг». С. 224–225.

⁴¹ Подробнее о картинной галерее А. Д. Меншикова см.: Калязина Н. В., Саверкина И. В. Живописное собрание А. Д. Меншикова 1992. С. 54–61.

⁴² Калязина Н. В. Интерьер пер. четв. XVIII в. Новое в планировочном и архитектурно-декоративном решении: диссертация ... канд. Искусствоведения: рукопись // Архив Отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа.

восприятия представленных экспонатов и повествования об эпохе, поскольку позволяет наглядно показать посетителям музея интерьеры петровского времени, сохранившиеся в воспоминаниях современников.

Совершив заграничные путешествия, Петр I стал законодателем мод. Старался не отставать от него и Меншиков. Функции Государственного Эрмитажа, хранилища сокровищ мирового искусства, общеизвестны — это собрать, сохранить, изучить и показать. В полной мере это проявилось и при формировании создаваемой экспозиции и объектов показа во Дворце Меншикова, который с 1996 года получил статус отдела. В 1982–1990 годах в музее продолжался процесс коллекционирования — появилось собрание архитектурно-декоративной керамики изразцовых печей конца XIX — начала XX века⁴³; в 2006 году Государственный Эрмитаж стал обладателем коллекции малогабаритных печей западноевропейского производства, которые находятся во Дворце Меншикова⁴⁴. Также в отделе хранится собранная коллекция документальных материалов, посвященная истории Первого кадетского корпуса, который располагался во дворце А. Д. Меншикова с 1732 по 1918 год. Большую часть коллекции отдел «Дворец Меншикова» получил в дар от И. Б. Харитоновой и А. Ю. Ладвеза, потомков А. А. Крутецкого (1880–1958), офицера-воспитателя корпуса и хранителя музеев во дворце А. Д. Меншикова до 1925 года. Другая часть документов по реставрации дворца А. Д. Меншикова сформировалась из рисунков и рабочих чертежей, созданных архитекторами во время исследовательских и реставрационных работ во дворце А. Д. Меншикова во второй половине XX века⁴⁵.

В настоящее время Дворец Меншикова является комплексным музейным объектом в составе Государственного Эрмитажа, который осуществляет: научную, храниТЕЛЬСКОЮ, культурно-просветительскую и представительскую деятельность.

REFERENCES

Andreeva E. A. Gollandskoe vliyanie v otdelke inter'erov petrovskogo vremeni na primere dvortsa Menshikova v Peterburge [Dutch influence in the decoration of the interiors of Peter the Great's time by the example of the Menshikov Palace in St. Petersburg]. *Sankt-Peterburg–Niderlandy: XVIII–XXI vv.* [St. Petersburg – Netherlands, 18th–19th centuries]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom, 2013. Pp. 96–109. (In Russian)

Andreeva E. A. Niderlandskaya raspisnaya plitka vo dvortse Menshikova v Peterburge: tipologizatsiya, datirovka i utocnenie mesta proizvodstva [Dutch painted tiles in the Menshikov Palace in St. Petersburg:

typologization, dating, and clarification of the place of production]. *Translations of the State Hermitage Museum. Vol. 70. Personalities from Peter the Great's Time – 2013. Proceedings of the Conference.* St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2013. Pp. 47–61. (In Russian)

Andreeva E. A. *Peterburgskaya rezidentsiya A. D. Menshikova v pervoi treti XVIII v.: Opisanie palat, khorom i sada: issledovanie i dokumenty* [Petersburg's residence of A. D. Menshikov in the first third of the XVIII century]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya. 2013, 359 p. (In Russian)

Andreeva E. A. Plitki s bibleiskimi syuzhetami vo dvortse A. D. Menshikova v Peterburge: proiskhozhdenie, istochniki, analogi [Tiles with Biblical scenes in the Menshikov Palace in St. Petersburg: Origin, sources, analogues]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statei.* Vol. 8. St. Petersburg, 2018. Pp. 622–636. (In Russian)

Andreeva O. S. Pervyi kadetskii korpus [The First Cadet Corps]. *The First corps of Cadets in Menshikov's palace.* St. Petersburg, 2007. Pp. 15–20. (In Russian)

⁴³ Мещеряков В. В. 1) О коллекции печей во Дворце Меншикова (XVIII–XX вв.) // Петровское время в лицах. Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 154–157; 2) Знать цену ценностей // Ленинградская панорама 1988. № 9. С. 35.

⁴⁴ Собрание переносных приборов в коллекции Эрмитажа // На рубеже веков... Искусство эпохи модерна. Научное издание. СПб., 2006. С. 145–152.

⁴⁵ Андреева О. С. 1) Первый кадетский корпус // Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. СПб., 2007. С. 15–20; 2) Первый Кадетский корпус. Музеи во дворце Меншикова до 1928 г. // «Здесь память прошлого ещё жива вокруг». Дворец Меншикова: 1711–2011. К 300-летию дворца А. Д. Меншикова и к 30-летию экспозиции «Культура России первой трети XVIII века» во дворце А. Д. Меншикова. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 77–166.

- Andreeva O. S. Pervyi Kadetskii korpus. Muzei vo dvortse Menshikova do 1928 g. [The First Cadet Corps. Museums in the Menshikov Palace before 1928]. *"Around this place the memories are alive". Alexander Menshikov's palace: 1711–2011*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2011. Pp. 77–166. (In Russian)
- Androsov S. O. *Ital'yanskaya skulptura v sobranii Petra Velikogo* [Italian sculpture in the collection of Peter the Great]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, 270 p. (In Russian)
- Androsov S. O. O skulpturnykh kollektsiyakh A. D. Menshikova i F. M. Apraksina [On the Sculpture Collections of A. D. Menshikov and F. M. Apraksin]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvorets Menshikova* [Russian culture of the first quarter of the 18th century. Menshikov Palace. Collection of articles]. St. Petersburg, 1992. Pp. 88–99. (In Russian)
- Androsov S. O. Ob odnoi statue iz sobraniya A. D. Menshikova [About a Statue from the Collection of A. D. Menshikov]. *State Hermitage Museum reports*. Vol. 49. Leningrad, 1984. Pp. 13–16. (In Russian)
- Androsov S. O. *Petr Velikii i skulptura Italii* [Peter the Great and Sculpture from Italy]. St. Petersburg, ARS Publ., 2004, 418 p. (In Russian)
- Arapova T. B. Kitaiskie izdeliya khudozhestvennogo remesla v russkom inter'ere XVII – pervoi chetverti XVIII veka: K istorii kul'turnykh kontaktov Kitaya i Rossii v XVII – XVIII vv. [Chinese Handicrafts in the Russian Interiors of the 17th – First Quarter of the 18th Century: Towards the History of the Cultural Contacts between China and Russia in the 17th–18th Centuries]. *Translations of the State Hermitage Museum*. Vol. 27. Leningrad, 1989. Pp. 109–116. (In Russian)
- Grabar' I. E. *Istoriya russkogo iskusstva. T. 3: Arkhitektura. Peterburgskaya arkhitektura v XVIII i XIX veke* [History of Russian art. Vol. 3: Architecture. Petersburg Architecture in the 18th and 19th Centuries]. Moscow, I. Knebel', [1912], 584 p. (In Russian)
- Denisov Yu. M., Trubinov Yu. V., Mikhailov G. V., Galochkin V. K. Klyuch k vossozdaniyu pamyatnika [The key to the reconstruction of the monument]. *Stroitel'stvo i arkhitektura Leningrada* [Construction and Architecture of Leningrad]. 1978. no. 5. Pp. 33–37. (In Russian)
- Dolgova S. R., Lapteva T. A. (eds.). *Trudy i dni Aleksandra Danilovicha Menshikova. Povsednevnye zapiski delam knyazya A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg.* [The labours and days of Alexander Danilovich Menshikov. The Daily Affairs Notes of Prince A. D. Menshikov, 1716–1720, 1726–1727]. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury, 2004, 646 p. (In Russian)
- Dorofeeva L. P. «Muzei gollandskikh plitok» vo dvortse Menshikova v Sankt-Peterburge [“Museum of Dutch Tiles” in the Menshikov Palace in St. Petersburg]. *State Hermitage Museum reports*. Vol. 1. St. Petersburg, 2003. Pp. 115–120. (In Russian)
- Dorofeeva L. P. Russkaya nabornaya mebel' v ehkspozitsii dvortsa Menshikova [Russian decorated furniture in the exposition of the Menshikov Palace]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvorets Menshikova* [Russian culture of the first quarter of the 18th century. Menshikov Palace. Collection of articles]. St. Petersburg, 1992. Pp. 62–78. (In Russian)
- Dorofeeva L. P. Sunduk. *Severnaya stena, shkaf* [Trunk. North wall, cupboard]. *Dvorets Menshikova. Khudozhestvennaya kul'tura ehpokhi. Istoriya i lyudi. Arkhitekturnaya khronika pamyatnika* [Menshikov Palace. Art culture of the epoch. History and people. Architectural chronicle of the palace]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986. Pp. 133–135. (In Russian)
- Dutov A. A. Memoriya A. D. Menshikova v sobraniyakh muzeev [A. D. Menshikov memorial in museum collections]. *"Around this place the memories are alive". Alexander Menshikov's palace: 1711–2011*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2011. Pp. 19–74. (In Russian)
- Zharkova N. Yu. Nekotorye printsipy organizatsii i dekora dvortsovykh inter'erov v Peterburge pervoi treti XVIII veka [Some principles of the organisation and decoration of the palace interiors in Petersburg in the first third of the 18th century]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvorets Menshikova* [Russian culture of the first quarter of the 18th century. Menshikov Palace. Collection of articles]. St. Petersburg, 1992. Pp. 27–38. (In Russian)
- "Around this place the memories are alive". Alexander Menshikov's palace: 1711–2011*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2011, 255 p. (In Russian)
- Ignat'eva E. I. K istorii inter'era petrovskogo vremeni: dveri s rospis'yu iz dvortsa A. D. Menshikova. [To the History of the Interior of Peter the Great's Age: Painted Doors from Alexander D. Menshikov Palace]. *Translations of the State Hermitage Museum*. Vol. 52. *Personalities from Peter the Great's Time – 2010. Proceedings of the Conference*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2010. Pp. 169–184. (In Russian)
- Kalyazina N. V. Muzei v Leningrade – Dvorets Menshikova [Museum in Leningrad - Menshikov Palace]. *Muzei. Khudozhestvennye sobraniya SSSR* [Museum. Art Collections of the USSR]. Vol. 5. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1984. P. 14. (In Russian)
- Kalyazina N. V., Dorofeeva L. P., Mikhailov G. V. *Dvorets Menshikova: Khudozhestvennaya kul'tura ehpokhi. Istoriya i lyudi. Arkhitekturnaya khronika pamyatnika* [Menshikov Palace: Art culture of the epoch. History and People. Architectural chronicle of the palace]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986, 218 p. (In Russian)
- Kalyazina N. V., Saverkina I. V. Zhivopisnoe sobranie A. D. Menshikova [Pictorial collection of A. D. Menshikov Palace]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvorets Menshikova* [Russian culture of the first quarter of the 18th century. Menshikov Palace. Collection of articles]. St. Petersburg, 1992. Pp. 54–61. (In Russian)
- Kolotov M. G., Trubinov Yu. V. Plafony Menshikovskogo dvortsa v Leningrade [Plafonds of the Menshikov Palace in Leningrad]. *Iskusstvo* [The Art]. 1977. no. 1. Pp. 60–66. (In Russian)
- Komelova G. N. Pervyi russkii miniatyurist G. S. Musikiiskii: Materialy k istorii portretnoi miniatyury pervoi chetverti XVIII veka v Rossii [The First Russian Miniature Artist G. S. Musikiy: Materials of the History of Portraiture in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. *Russkoe iskusstvo pervoi chetverti XVIII veka*.

Materialy i issledovaniya [Russian art of the first quarter of the 18th century. Materials and Studies]. Moscow, 1974. Pp. 168–182. (In Russian)

Komelova G. N. *Russkaya miniatyura na ehmalii XVIII – nach. XIX veka* [Russian enamel miniatures of the 18th – early 19th centuries]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995, 332 p. (In Russian)

Kulisheva N. S., Meshcheryakov V. V. Iz istorii vossozdaniya arkhitekturno-dekorativnogo ubranstva Yuzhnogo fasada dvortsa Menshikova: knyazheskie korony i vazy [From the history of reconstructing the architectural and decorative decoration of the Southern Facade of the Menshikov Palace: princely crowns and vases]. *Personalities from Peter the Great's Time – 2002. Proceedings of the Conference*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2002. Pp. 100–105. (In Russian)

Menshikova M. L. K istorii kitaiskikh shelkovykh shpal'er «kesiy» iz kolleksii Petra I [To the history of Chinese silk “kesi” skewers from the collection of Peter the Great]. *State Hermitage Museum reports*. Vol. 62. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2004. Pp. 112–119. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. Arkhitekturno-dekorativnoe ubranstvo dvortsa Menshikova – knyazheskie korony i vazy, skulpturnoe ubranstvo atika [Architectural and decorative decoration of the Menshikov Palace – princely crowns and vases, sculptural ornamentation of the attic]. *State Hermitage Museum reports*. Vol. 63. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2005. Pp. 49–54. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. Itogi restavratsii dvortsa Menshikova na Vasil'evskom ostrove [Results of the restoration of the Menshikov Palace on Vasilevsky Island]. *Personalities from Peter the Great's Time. Proceedings of the Conference in memory of A. D. Menshikov*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 1998. Pp. 30–31. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. K sozdaniyu ehkspozitsii inter'ernogo tipa vo dvortse Menshikova [On creation of the interior exposition of the Menshikov Palace]. *Problemy russkoi kul'tury XVIII veka. Konferentsiya pamyati N. V. Kalyazinoi* [Problems of Russian culture in the 18th century. Conference in Memory of N. V. Kalyazina]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2001. Pp. 64–65. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. O kolleksii pechei vo Dvortse Menshikova (XVIII-XX vv.) [On the collection of stoves in the Menshikov Palace (18th – 20th centuries)]. *Personalities from Peter the Great's Time – 2005: Proceedings of the Conference*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2005. Pp. 154–157. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. O muzeefikatsii dvortsa Menshikova v Sankt-Peterburge [On Menshikov Palace Museumization in St. Petersburg]. *Pamyatnik arkhitektury – ot dvortsa k muzeyu. Sbornik statei* [Architectural Monument. From the palace to the museum. Conference Proceedings]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2013. Pp. 58–65. (In Russian)

Meshcheryakov V. V. Znat' tsenu tsenostei [Know the value of values]. *Leningradskaya panorama* [Leningrad Panorama]. 1988. no. 9. P. 35. (In Russian)

Meshcheryakov V. V., Saverkina I. V. K vossozdaniyu arkhitekturnogo dekora dvortsa Menshikova. Gerb nad glaznym vkhodom [To recreate the architectural décor of the Menshikov Palace. Coat of Arms above the Eye Entrance]. *Translations of the State Hermitage Museum*. Vol. 32. *Personalities from Peter the Great's Time – 2006. Proceedings of the Conference*. Vol. 32. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2006. Pp. 181–185. (In Russian)

Opisanie doma kn. Aleksandra Danilovicha Menshikova, v S.-Peterburge, 1732 goda [Description of the House of Prince Alexander Danilovich Menshikov in St. Petersburg, 1732]. *Shchukinskii sbornik* [Shchukin Collections]. Vol. 8. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1909. Pp. 137–141. (In Russian)

Pavlova M. A. *Inter'ery Bol'shogo Oranienbaumskogo dvortsa XVIII – serediny XIX veka* [Interiors of the Grand Oranienbaum Palace in the 18th and mid 19th centuries]. Oranienbaumskie chteniya [Oranienbaum Readings]. Vol. 6. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2006, 238 p. (In Russian)

Piotrovskii M. B. Pamyati Aleksandra Danilovicha [In memory of Alexander Danilovich]. *Aleksandr Danilovich Menshikov. Pervyi Gubernator i stroitel' S.-Peterburga. Katalog vystavki* [Alexander Danilovich Menshikov. The First Governor and Builder of St. Petersburg. Exhibition Catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ.: ARS Publ., 2003. P. 5. (In Russian)

Polzikova-Rubets K. *Dvoretz Menshikova* [Menshikov Palace]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1923, 20 p. (In Russian)

Rudova M. L. Kitaiskie oboi pervoi chetverti XVIII veka vo Dvortse Menshikova [Chinese wall-paper of the first quarter of the 18th century in the Menshikov Palace]. *Problemy russkoi kul'tury XVIII veka. Konferentsiya pamyati N. V. Kalyazinoi* [Problems of Russian culture in the 18th century. Conference in Memory of N. V. Kalyazina]. St. Petersburg, 2001. Pp. 79–82. (In Russian)

Saverkina I. V. Istoriya sozdaniya ehkspozitsii «Dvoretz Menshikova. Kul'tura Rossii pervoi treti XVIII veka» [History of creation of the exhibition “Menshikov Palace. Russian Culture of the First Third of the 18th Century”]. *“Around this place the memories are alive”. Alexander Menshikov's palace: 1711–2011*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2011. Pp. 181–185. (In Russian)

Saverkina I. V. Izdeliya v «kitaiskom vkuse» v inter'erakh Petrovskogo vremeni: (Na primere dvortsov A. D. Menshikova) [Articles in “Chinese taste” in interiors of the times of Peter the Great: (The example of the palaces of A. D. Menshikov)]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvoretz Menshikova* [Russian culture of the first quarter of the 18th century. Menshikov Palace. Collection of articles]. St. Petersburg, 1992. Pp. 79–87. (In Russian)

Saverkina I. V. K istorii konfiskatsii imushchestva A. D. Menshikova [To the history of A. D. Menshikov's property confiscation]. *Personalities from Peter the Great's Time. Proceedings of the Conference in memory of A. D. Menshikov*. St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ehrmitazh Publ., 1998. Pp. 39–42. (In Russian)

Saverkina I. V. Neizvestnaya kollektsiya Petrovskogo vremeni: Numizmaticheskoe sobranie A. D. Menshikova [The Unknown Collection of Peter the Great: the Numismatic Collection of A. D. Menshikov]. Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 1987 [Cultural Monuments. New discoveries. 1987]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 343–350. (In Russian)

Saverkina I. V. Opisi imushchestva chastnykh lits kak istochniki po istorii russkoi kul'tury pervoi chetverti XVIII v. [Inventories of Property of Individuals as Sources for the History of Russian Culture of the First Quarter of the 18th Century]. Cand. Diss. Abstract. St. Petersburg, 1995. (In Russian)

Saverkina I. V. Veshchnyi mir sem'i Menshikovykh [The Menshikov family world of things]. *Petr Velikii i ego vremya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 290-letiyu Poltavskoi pobedy* [Peter the Great and His Time. Materials of the conference devoted to the 290th anniversary of the victory in Poltava]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 1999. Pp. 121–125. (In Russian)

Sobranie perenosnykh priborov v kollektsii Ehrmitazha [Collection of portable devices in the Hermitage collection]. *Na rubezhe vekov... Iskusstvo ehpokhi moderna* [At the turn of the century... Art of the Art Nouveau era]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2006. Pp. 145–152. (In Russian)

Tyukhmeneva E. A. K voprosu ob ideino-khudozhestvennoi programme skulptury attika perednego fasada dvortsa A. D. Menshikova na Vasil'evskom ostrove v Peterburge [On the Ideological and Artistic Program of the Sculpture of the Atticus of the Front Facade of the Palace of A. D. Menshikov on Vasilevsky Island in St. Petersburg]. *Translations of the State Hermitage Museum. Vol. 32. Personalities from Peter the Great's Time – 2006. Proceedings of the Conference*. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2006. Pp. 237–246. (In Russian)

Yakovleva L. A. Chasy [Clock]. *Dvorets Menshikova. Khudozhestvennaya kul'tura ehpokhi. Istoriya i lyudi. Arkhitekturnaya khronika pamyatnika* [Menshikov Palace. Art culture of the epoch. History and people. Architectural chronicle of the palace]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986. P. 128. (In Russian)

Yakovleva L. A. Chasy, prinadlezhavshie A. D. Menshikovu [The clock which belonged to Alexander Menshikov]. *State Hermitage Museum reports*. Vol. 50. Leningrad, 1985. Pp. 11–14. (In Russian)

► ИСТОРИЯ МАРЦИАЛЬНЫХ ВОД В ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

ГОЛЬДЕНБЕРГ МИХАИЛ
ЛЕОНИДОВИЧ

Кандидат педагогических наук, директор,
Национальный музей Республики Карелия

185035, Российская Федерация, Республика
Карелия, Петрозаводск, пл. Ленина, 1

goldengora@yandex.ru

Статья посвящена постоянной экспозиции Национального музея Республики Карелия, в которой представлено пребывание Петра I в Карелии. В статье показано, как на выставке представлены предметы, связанные с Петром I и его эпохой. Основная идея статьи — открытие первого в России курорта — Марциальные Воды. Экспозиция отражает историю поездок Петра в Карелию с целью лечения. В статье анализируются основные отличия лечения Петра на курортах Европы от условий в России. В статье анализируется, как это достигается музейными средствами.

Ключевые слова: постоянная экспозиция, реконструкция, концепция экспозиции, тематическая структура, методика работы с экспозицией.

► HISTORY OF MARCIAL WATERS IN THE PERMANENT EXHIBITION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KARELIA

MIKHAIL LEONIDOVICH
GOLDENBERG

PhD in Pedagogy, Director, National Museum
of the Republic of Karelia

1, Lenin sq., Petrozavodsk, Republic of Karelia,
185035, Russian Federation

goldengora@yandex.ru

The article is devoted to the permanent exhibition of the National Museum of the Republic of Karelia, which presents the stay of Peter I in Karelia. The article reflects how the exhibition presents items related to Peter I and his era. The main idea of the article is the opening of the first resort in Russia — Marcial Waters. The exhibition reflects the history of Peter's visits to Karelia for the purpose of treatment. The article analyzes the main differences between the treatment of Peter in the resorts of Europe and the conditions in Russia. The article analyzes how this is achieved by museum means.

Keywords: permanent exposition, re-exposition, exposition concept, thematic structure, methods of work with the exposition.

Постоянная экспозиция в ее новой редакции появилась в Национальном музее Республики Карелия в 2010 году после окончания реконструкции, реставрации и приспособления под музей ансамбля зданий на Круглой площади. Визиты Петра I в Карелию 1719, 1720, 1722 и 1724 годах, а также события, связанные с Северной войной и нашедшие свое отражение в истории нашего края, должны были найти свое отражение в постоянной экспозиции музея. С этой эпохой связана и история первого российского курорта, получившего по воле Петра название — Марциальные Воды.

В 2019 году, по случаю 300-летнего юбилея, экспозиция, посвященная истории курорта Марциальные Воды, была реконструирована. Зал, в котором находилась губернская типография, сейчас назван Петровским. Концепция экспозиции задумывалась с учетом ряда сложностей. Перед музейными сотрудниками стояла непростая задача. Во-первых, следовало показать не только историю курорта, но также и общероссийские, европейские и мировые события: преобразования Петра Великого, перипетии Северной войны, сложные международные отношения. Это требовало многогранного показа явления, связанного с открытием Марциальных Вод, основанием здесь курорта, визитами Петра с целью лечения. Во-вторых, сложностью было практическое отсутствие предметов-оригиналов, связанных с Петром I. Ведь всякий музей — это мир подлинников. Эту проблему решили за счет подлинных вещей петровской эпохи или же предметов, приписываемых устойчивыми мифами об их непосредственной принадлежности к Петру. Конечно, использованы и макеты, и манекен, изображающий самого Петра, а также реплики, копии и так далее. Концепция новой экспозиции включила в себя: многоаспект-

ный показ истории курорта Марциальные Воды, опору на предметный ряд и изображение, показ влияния этого события на историю Карелии, связь этого события с явлением петровских преобразований.

В первой витрине Петровского зала находятся 21 единица хранения. Среди них главенствующее положение занимает восковая фигура Петра. Два предмета — стул и подсвечник — атрибутированы эпохой Петра, а по некоторым источникам их авторство приписывается даже самому Петру. Стул явно являет собой кустарное производство. Царга трапецевидная, сиденье «жесткое», с изображением грифонов. Ножки скреплены двумя проножками с поперечной перекладиной. Передние ножки фигурной формы с рельефной резьбой, в виде накладывающихся друг на друга дисков. Задние ножки стула прямые, переходят в высокую спинку с изображением грифонов и растительного орнамента. Боковые устои с горельефным изображением голов львов, дополнены фигурным навершием.

Подсвечник находится на массивном круглом основании, укрепленном деревянным стержнем в виде точеной балясины, декорированной росписью. Верхняя часть «венца» окована и имеет несколько гнезд для свечей.

Петр приезжал на курорт лечиться. В витрине есть портрет врача Л. Блументроста, который сыграл большую роль в признании марциальной воды целебной и повлиял на решение Петра открыть курорт именно здесь.

Петр приезжал на воды обычно с большой свитой. С целью приема царя был построен дворец. Об этом в витрине повествует литая чугунная мемориальная доска о постройке В. И. Генниным дворца для Петра I на Марциальных Водах в 1718 году. Изготовленная в заводских условиях доска имеет прямоугольную форму с бортиком. Надпись на ней гласит: «Строено радениемъ і трудамі артилеріи полковніка і олонецкаго команданта господина Георгія Вилгелма ГенНина 1718 году».

В витрине находится изображение церкви святого апостола Петра, построенной рядом с дворцом в 1720 году, при участии в ее проектировании самого Петра. Еще одно изображение относится к уникальному алтарю, который имеет ряд отклонений от православных коннотаций.

В 2019 году в Петровском зале появилась карта «Петр I на курортах минеральных вод Западной Европы и Карелии». В краткой аннотации к карте указывается, что впервые Петр I познакомился с европейскими лечебницами во время Великого посольства в Европу. Тогда он посетил в 1698 году курорт Баден, расположенный южнее Вены. Царь распорядился искать подобные полезные воды на территории России. Петр I посетил Баден повторно в 1708 году, но полного курса лечения там не проходил. Однако, здоровье царя с каждым годом всё ухудшалось. Этому способствовали колоссальные нагрузки, связанные с напряженной работой по преобразованию России, практически непрерывные войны и постоянные разъезды Петра по разным регионам России и странам Европы, его вредные привычки и нездоровый образ жизни.

На карте Баден отмечен как первый курорт, увиденный Петром в Европе. Однако, воду он там не пил. На карте помечен Карлсбад (ныне курорт Карловы Вары в Чехии), который царь посетил в сентябре 1711 года. Здесь он прошел полный курс лечения, которое принесло улучшение здоровья. В сентябре 1712 года он снова посетил Карлсбад и 23 дня принимал термальные ванны и пил минеральную воду, начав с 4,5 литров в день и доведя объем до 9 литров. Лечение дало положительный эффект.

Карта дает понять посетителям, что Петр искал оптимальную минеральную воду, но безуспешно. Однако, в 1715 году здоровье неутомимого реформатора вновь ухудшилось. В связи с этим, в июне 1716 года он лечится минеральной водой в Бад-Пирмонте (ныне на севере Германии). В июне 1717 года Петр I четыре недели пьет железистую воду на знаменитом курорте в Спа (ныне Бельгия). Именно здесь, он еще раз поручает Сенату

искать минеральную воду в России. Эти курорты отмечены на карте, которая повествует только о тех курортах, на которых царь пил воду.

Вскоре Петр I узнал, что еще в 1714 году в Карелии, недалеко от Кончезерского завода, Иван Ребоев открыл источники железистой минеральной воды и сам излечился от многих болезней. Придворные врачи исследовали воду и назвали ее марциальной в честь бога железа Марса. Они рекомендовали царю пить эту воду.

Петр I перестает лечиться на курортах Европы и приезжает с этой целью в Карелию. Марциальная вода благотворно повлияла на его здоровье. Он лечится теперь исключительно минеральной водой только на курорте Марциальные воды, который Петр I основал как первый курорт России, издав об этом указ 20 марта 1719 года. Карту сопровождает лента времени, которая явно указывает на приоритет Марциальных вод по отношению к курортам Западной Европы.

Лента времени:

Баден — 1698, 1708 ► Карлсбад — 1711, 1712 ► Бад-Пирмонт — 1716 ► Спа — 1717
► Марциальные воды — 1719, 1720, 1722, 1724.

Карта и большая витрина дают возможность проводить как тематическую экскурсию по истории первого русского курорта Марциальные Воды, так и включать этот важный сюжет в истории нашего края в обзорную экскурсию. Посетители теперь имеют возможность получить не только общее представление об этом важном историческом явлении, но и вступить в диалог с гидом. Темы для дискуссий зависят от возрастных и психолого-педагогических особенностей посетителей. Наиболее интересными являются темы, связанные с фактором Северной войны в основании курорта, переплетением истории Марциальных Вод с историей металлургических заводов, особенно Кончезерского. Много вопросов у посетителей вызывает состав свиты Петра, которая пребывала с ним на курорте, образ жизни царя как курортника, пациента.

Есть тема медицинской составляющей в этой истории: врачи Петра I, состояние его здоровья, состав воды, технология ее употребления, поиск минеральных источников в России и медицинские аспекты, повлиявшие на принятие решения в пользу карельского курорта.

Карта западноевропейских курортов дает возможность провести диалог с посетителями в компаративном ключе, сравнив пребывание Петра I на курортах Западной Европы и на Марциальных Водах. В Европе Петр I находился в центре довольно развитой по тем временам цивилизации, с соответствующей инфраструктурой, а в Карельских лесах и болотах ему непросто было даже передвигаться. Для этого вокруг дворца и источников были сооружены специальные настилы фашинного типа, останки которых были обнаружены в результате археологических раскопок, приуроченных к 300-летию курорта, организованных Национальным музеем Республики Карелия в 2019 году. Сейчас их результаты обобщаются и не исключено, что фрагменты упомянутых настилов появятся впоследствии в постоянной экспозиции Петровского зала музея.

► К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ ПОБЕДЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ГОРОДЕ АЗОВЕ

МАМИЧЕВ ЕВГЕНИЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ

Директор, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

346780, Российская Федерация, Ростовская область, Азов, ул. Московская, 38/40

azovmuzey-reserve@mail.ru

ГРУНСКАЯ НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

Заведующий историческим отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

346780, Российская Федерация, Ростовская область, Азов, ул. Московская, 38/40

azovmuzey-reserve@mail.ru

БУРЛАКА ВИКТОРИЯ ОЛЕГОВНА

Старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

346780, Российская Федерация, Ростовская область, Азов, ул. Московская, 38/40

azovmuzey-reserve@mail.ru

Статья посвящена важному значению взятия Азова Петром I в 1696 году. Специально для завоевания Азова был создан первый военно-морской флот России. Азовская победа Петра I принесла России выход в море, военно-стратегический центр на юге, стала началом последующих преобразований во всех сферах жизни страны, прологом превращения России в морскую державу. Азовский музей-заповедник сохраняет и популяризирует реликвии, связанные с именем Петра Великого. К 350-летию юбилею Петра I музей осуществляет выставочные, издательские, культурно-просветительские проекты, которые, вместе с яркой реконструкцией осады Азова 1696 года, станут данью памяти и уважения Петру Великому, чьей первой победой стало завоевание Азова.

Ключевые слова: Взятие Азова, Пётр Великий, создание флота, выход в море, Азовский музей, юбилейные проекты.

► ON PRESERVATION OF THE MEMORY OF PETER THE GREAT'S FIRST VICTORY IN THE CITY OF AZOV

EVGENY EVGENYEVICH
MAMICHEV

Director, Azov Museum-Reserve

38/40, Moskovskaya st., Azov, Rostov Region, 346780, Russian Federation

azovmuzey-reserve@mail.ru

NATALIA VIKTOROVNA GRUNSKAYA

Head of History Department, Azov Museum-Reserve

38/40, Moskovskaya st., Azov, Rostov Region, 346780, Russian Federation

azovmuzey-reserve@mail.ru

VIKTORIA OLEGOVNA BURLAKA

Senior Research Associate, Azov Museum-Reserve

38/40, Moskovskaya st., Azov, Rostov Region, 346780, Russian Federation

azovmuzey-reserve@mail.ru

The article is dedicated to the importance of the conquest of Azov by Peter the Great in 1696. The first Russian navy was built specifically for the seizure of Azov. Peter's victory provided Russia with access to the sea, with the creation of a military-strategic center in the south, became the beginning of subsequent transformations in all spheres of the country's life, a prologue to the transformation of Russia into a maritime power. The Azov Museum-Reserve preserves and popularizes relics associated with the name of Peter the Great. By the 350th anniversary of Peter the First, the museum carries out exhibition, publishing, cultural and educational projects which together with a vivid reconstruction of the 1696 Siege of Azov will become a tribute to the memory and respect for Peter the Great whose first victory was the conquest of Azov.

Keywords: conquest of Azov, Peter the Great, Creation of Navy, Exit to Sea, Azov Museum, Anniversary Projects.

Известно, что своё служение России Пётр I отсчитывал от Азовских походов. Сохранилась собственноручная запись царя: «Зачал служить с первого Азовского походу бомбардиром»¹.

Азовские походы Петра I — один из решающих эпизодов российской истории. В начале царствования Петра Россия стояла перед проблемой выбора своей судьбы. Великая страна не имела прямого выхода ни к западным, ни к южным морям. Южные районы страны ежегодно подвергались нападениям крымских татар, поддерживаемых Османской империей. Территория разорялась, сотни русских людей уводили в плен и продавали в рабство. Пётр начал свой выбор политического курса именно со взятия Азова — ключевого турецкого военного пункта в дельте Дона, закрывавшего русским судам выход в Азовское и Черное моря.

Как известно, осада турецкой крепости в Первом Азовском походе 1695 года не увенчалась успехом. И как бы парадоксально это ни звучало, но именно благодаря поражению в первом Азовском походе, Россия под Воронежем смогла построить свой первый военный флот. Созданный почти нечеловеческими усилиями и с большими финансовыми затратами, российский военный флот выполнил свое предназначение: он дал возможность во втором Азовском походе захватить крепость и закончить войну.

Взятие Азова в результате походов Петра I имело огромное политическое, военно-стратегическое и историческое значение. Следствием этой победы было повышение международного авторитета России². Наша страна одержала тогда первую крупную победу над сильным противником — Османской империей. Это был новый, решительный шаг в политике России на юге, осуществлявшей до Петра I только оборонительные задачи. Был ликвидирован важный турецкий форпост в Приазовье, набеги со стороны Азова на русские земли прекратились. Россия получила выход в море и военно-стратегическую базу на юге. Специально для взятия Азова был создан и участвовал в осаде русский военный флот.

Азовская победа повлекла за собой включение в российскую цивилизацию обширных регионов, использование новых природно-экономических ресурсов. Под контролем Петра I строился Азов, Таганрог, а в округе было возведено ещё несколько крепостей³. Царь привлекал в район Азова значительные людские и экономические ресурсы, что способствовало развитию Азовского края. Важность Азова, как центра государственной власти на юге России Пётр ценил всегда. В 1708 году была учреждена Азовская губерния⁴. Азовский губернатор Иван Андреевич Толстой (предок Льва Толстого) был назначен царём на свой пост бессрочно и управлял подведомственной ему территорией на принципе единоначалия.

Взятие Азова имело важное значение для самого Петра I. Азов — это достойное начало великого государственного деятеля великой страны. Завоевав Азов, русский царь Пётр I с Великим Посольством ехал в Европу победителем. При этом Азов стал первой крепостью в России, построенной с применением новейшей европейской фортификации.

Ростовская область гордится тем, что Азов и Донской край стали первыми объектами, которые привлекли силы и энергию великого преобразователя России Петра Великого.

Полагаем, что изучение и популяризация исторического наследия петровской эпохи являются основной задачей учреждений культуры в преддверии 350-летия со дня рождения Петра Великого, которое будет широко отмечаться в нашей стране в 2022 году. В рамках этих мероприятий Азовский музей принял у себя передвижную выставку

¹ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 372.

² Бурлака В. О. Азов-город с тысячелетней историей // Очерки истории Азова. Азов, 2009. Вып. 12. С. 154.

³ Перепечева Л. Б. Азов — пограничная крепость России конца XVII — начала XIX вв. // Очерки истории Азова. Азов, 2006. Вып. 11. С. 39.

⁴ Перепечева Л. Б. Азов-пограничная крепость России. С. 135–136.

Липецкого музея народного и декоративно-прикладного искусства «Забавные истории о том, как царь Петр в Липецке бывал». На выставке были представлены глиняные игрушки, созданные по мотивам липецких легенд о Петре I, рисунки в стиле лубочных картинок, народные предания о пребывании Петра Великого на Липецких железодельных заводах и в их окрестностях. В рамках проекта посетители смогли поучаствовать в интерактивной игре «Азовские походы» и в мастер-классе по раскраске картинки на петровские сюжеты.

В период ковидной онлайн-деятельности, ко дню рождения Петра I, Азовский музей представил на своем сайте материал о первом военном походе Петра I на Азов и роли молодого царя в этом событии. Посетители также познакомились с первым изданием книги выдающегося российского историка второй половины XIX века, профессора Дерптского университета А. Г. Брикнера (1834–1896), автора «История Петра Великого», хранящимся в фондах научной библиотеки Азовского музея-заповедника.

Петровское время в собрании Азовского музея-заповедника представлено коллекциями нумизматики, фалеристики, оружия и отдельными предметами. Большинство этих подлинных предметов было передано в 1960–1970-е годы Азовскому музею на постоянное хранение крупнейшими музеями страны: Государственным Эрмитажем, Государственными музеями Московского Кремля, Артиллерийским музеем.

Большой интерес представляет подлинная медаль «В память взятия Азова 28 июля 1696 года». Выполнена она неизвестным русским медальером, отчеканена в серебре небольшим количеством экземпляров. Такой тип памятной медали с русскими надписями стали выпускать в России после возвращения Петра Первого из Великого посольства по примеру европейских медалей.

Уникальная петровская реликвия, которой обладает музей — маховое колесо от точильного (токарного) станка Петра I. Колесо было передано в Азовский музей на постоянное хранение в 1976 году Государственными музеями Московского Кремля. Оно экспонируется в пороховом погребе — памятнике военно-инженерного искусства XVIII века.

Ещё один раритет петровского времени — знамя 8-й стрелецкой конной сотни начала XVIII века. Передано на постоянное хранение в 1976 году Государственными музеями Московского Кремля. Знамя ранее экспонировалось в экспозиции музея. Сейчас оно хранится как особо ценный, нуждающийся в сложной реставрации экспонат.

Азовская земля тоже хранит следы памяти петровской эпохи. Раскопки археологов Азовского музея-заповедника приносят интересные находки. Так, в 2020 году за пределами Азовской крепости был найден подлинный предмет XVII века — железный бердыш. Эта находка вполне могла принадлежать стрельцу петровской армии. Азовский музей ведёт постоянные раскопки, и будем надеяться, что в культурных слоях крепости будет найден еще не один артефакт того времени.

Уникальным памятником петровской эпохи являются сохранившиеся в Азове сооружения первой в России бастионной земляной крепости конца XVII — начала XVIII века: Алексеевский горнверк и валы Азовской крепости. Сооружения первой в России земляной крепости бастионного типа были построены по приказу Петра I после взятия Азова у турок в 1696 году. Сегодня Азовская крепость — объект культурного наследия федерального значения.

В преддверии 350-летия со дня рождения Петра Великого, которое будет отмечаться в нашей стране в 2022 году, музей проводит целый ряд важных мероприятий.

Уже переиздан буклет, посвященный истории Азовских походов Петра I.

В 2022 году пройдет выставка «Азов. Петр. Виктория», на которой будут представлены экспонаты из фондов музея-заповедника. В рамках Международного дня музеев планируется проведение театрализованной программы «Петровская ассамблея», также планируется провести цикл детских программ.

Запланированы совместные проекты по петровской тематике с Государственным музеем истории Санкт-Петербурга и Государственным музеем-заповедником «Петергоф».

Среди многочисленных культурно-просветительских мероприятий, издательских и выставочных проектов, важнейшим станет проведение фестиваля военно-исторических клубов «Осада Азова», который пройдёт на территории исторического памятника петровской эпохи — валов Азовской крепости.

REFERENCES

Burlaka V. O. *Azov – gorod s tysyacheletnei istoriei* [Azov – a city with a thousand-year history]. *Studies in Azov history*. Azov, Azov Museum-Reserve Publ., 2009. no. 12. 367 p. (In Russian)

Perepechaeva L. B. *Azov – pogranichnaya krepost' Rossii* [Azov – a frontier fortress of Russia]. *Studies in Azov history*. Azov, Azov Museum-Reserve Publ., 2006. no. 11. 383 p. (In Russian)

Ustryalov N. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [History of Peter the Great's reign]. Vol. 2. St. Petersburg, 1858, 588 p. (In Russian)

► ИСТОРИЯ ЗЕМЛЯНКИ ПЕТРА I И СОЗДАНИЕ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА «ДОМ ПЕТРА I В ДЕРБЕНТЕ»

АБДУЛЛАЕВА МИНА
НУРИЕВНА

Директор, Музейный комплекс «Дом Петра I в Дербенте»

368600, Российская Федерация, Республика Дагестан, Дербент, ул. 3. Космодемьянской, д.16а

mina-abdullaeva@mail.ru

В данной статье автор ставил целью описание новых страниц истории Каспийского (Персидского) похода 1722 года, которые открылись в связи с появлением в Дербенте музея «Дом Петра I». Музей был открыт на том самом месте, где останавливался русский император во время первой кампании Персидского похода. Великий русский император, которого в Дагестане называли «белым падишахом», придавал огромное значение овладению Дербентом. «Дом Петра I в Дербенте» — единственное место на юге России и Кавказа, связанное с личностью Петра I и историей Персидского похода. В 2022 году на государственном уровне будет отмечаться юбилей первого русского самодержца — Петра Великого. 23 августа 2022 года исполняется 300 лет с начала Персидского (Каспийского) похода. Объектом исследования стали материалы по истории Персидского (Каспийского) похода, истории домика-землянки Петра I в памятных записях, публикациях, иллюстрациях, а также экспонаты «Дома Петра I в Дербенте».

Ключевые слова: Дербент, землянка, павильон-колоннада, Каспий, присоединение, Низовой корпус.

На самом юге России, на западном побережье Каспийского моря расположен один из древнейших городов мира — Дербент, возраст которого, по последним научным данным, насчитывает 2000 лет¹, а начиная с первых поселений — 5000 лет. Дербент — это город-музей, музей под открытым небом, где на сегодняшний день насчитывается более 400 памятников федерального и регионального значения. В 2003 год лишь некоторые из них (цитадель, Нарын-кала, древний город и крепостные сооружения Дербента) были включены в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Среди памятников Дербента, заслуживающих особого внимания и связанных с историей России, Кавказа, Дагестана, важнейшее место занимает выявленный памятник культурного наследия «Домик (землянка) Петра I». Музей был открыт в 2015 году на том самом месте, где останавливался первый русский император во время первой кампании Персидского (Каспийского) похода 1722–1723 годов. Согласно историческим свидетельствам, во время пребывания в Дербенте Петра I в августе 1722 г., для императора был

► THE HISTORY OF THE DUGOUT OF PETER I AND THE CREATION OF THE MUSEUM COMPLEX “HOUSE OF PETER I IN DERBENT”

MINA NURIEVNA ABDULLAeva

Director, Museum complex “House of Peter I in Derbent”

16a, Z. Kosmodemyanskoy st., Derbent, Republic of Dagestan, 368600, Russian Federation

mina-abdullaeva@mail.ru

In this article, the author aimed to describe new pages in the history of the Caspian (Persian) campaign of 1722, which were opened in connection with the appearance of the Museum “House of Peter I” in Derbent. The museum was opened at the very place where the Russian emperor stayed during the first campaign of the Persian campaign. The great Russian emperor, who was called the “white padishah” in Dagestan, attached great importance to the mastery of Derbent. “The house of Peter I in Derbent” is the only place in the south of Russia and the Caucasus associated with the personality of Peter I and the history of the Persian campaign. In 2022, the anniversary of the first Russian autocrat, Peter the Great, will be celebrated at the state level. August 23, 2022 marks 300 years since the beginning of the Persian (Caspian) campaign. The object of the study was materials on the history of the Persian (Caspian) campaign, the history of the dugout house of Peter I in memoirs, publications, illustrations, as well as exhibits of the “House of Peter I in Derbent”.

Keywords: Derbent, dugout, pavilion-colonnade, Caspian Sea, accession, Grassroots Corps.

¹ Гаджиев М. С. Дербент — памятник мировой истории и культуры // Мавраев. Махачкала, 2015. № 2 (7). С. 5.

сооружен небольшой домик, получивший в дальнейшем название «Землянка Петра I». Объект был расположен на территории Дубары, в 100 м к западу от берега моря и в 50 м к югу от северной крепостной стены.

Предыстория Персидского похода

После окончания Северной войны со Швецией (1700–1721 гг.) и подписания Ништадтского мира Петр I приступил к реализации своего давнего плана — крупного похода на Восток с целью овладения западным побережьем Каспия.

В XVII–XVIII вв. Дагестан стал ареной борьбы между Ираном, Турцией и Россией. Было немало причин для совершения Каспийского (Персидского) похода русского императора Петра I. Во-первых, правительство России стремилось укрепить свое влияние на Кавказе, в частности и в Дагестане, и на первый план выдвигались экономические и дипломатические средства. Во-вторых, для России это был стратегический регион внешней политики. В течение нескольких столетий Закавказье было объектом борьбы между Турцией и Ираном, принося народам неисчислимые бедствия. К XVIII веку положение соперничающих сторон изменилось. Иран был ослаблен, а закрепление Османской Турции в Закавказье было невыгодным для России, так как увеличилась бы протяженность границ с Турцией, отношения с которой не были миролюбивыми. Кроме того, России пришлось бы расстаться с мечтой о прохождении караванных троп из Ирана в Западную Европу через Россию.

Поводом для похода послужило убийство и ограбление русских купцов в Шемахе. Подготовка к походу велась уже давно. В 1714 году царь подписал указ Сенату под названием «О горных народах, каким образом их в нашу сторону склонить». Одновременно о Дагестане и Иране собирались сведения политического, экономического и военного характера. В 1715 году царь направил в Иран дипломата Артемия Волынского и в особой инструкции поставил перед ним задачу добиться восстановления торговых связей и льгот русским купцам, торгующим в Иране и на подвластных землях, а также выведать политическое влияние Турции и Ирана в Дагестане.

Еще до похода Петр посылал на Каспийское море экспедиции с целью составления карты моря и описания его берегов и гаваней.

Зимой 1721–1722 гг. в приволжских городах (Нижний Новгород, Тверь, Углич, Ярославль) началась спешная постройка военных и грузовых судов и к июлю 1722 года было построено и сосредоточено в Нижнем Новгороде до 200 островских лодок и 45 ластовых судов. В город были к этому времени стянуты и необходимые для похода войска, в числе которых находились оба гвардейских полка.

За неделю до начала похода был издан императорский «Манифест к народам Кавказа и Персии». Авторство Манифеста принадлежало бывшему господарю Молдавского княжества, князю Дмитрию Кантемиру, заведовавшему походной канцелярией Петра I. Отличное знание восточных языков позволило Кантемиру сыграть в этом походе значительную роль. Он изготовил арабский наборный шрифт, организовал специальную типографию, которая печатала на татарском, турецком и персидском языках переведенный самим же Кантемиром текст Манифеста Петра I, где император заверял население этих краев, что «ему не причинят вреда, если они не будут противиться русским». Для распространения этого Манифеста из Терки был послан Андрей Лопухин, а с ним 30 представителей народов Дагестана.

В Персидском походе участвовало около 50 000 человек, в том числе 5000 матросов, 22 000 пехотинцев, 9000 кавалеристов, а также иррегулярные войска (казаки, калмыки и др.). Летом 1722 года русская армия во главе с Петром I вышла из Астрахани на судах, а конница отправилась пешим путем из Царицына. Армия шла двумя путями — сухопутным, под командованием генерала М. А. Матюшкина, и морским, на 274 судах, под командованием генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. 27 июля Петр I высадился

в Аграханском заливе, где ему пришлось ожидать прибытия кавалерии, испытывавшей немало трудностей от сильнейшей жары и недостатка воды.

5 августа царь двинулся к Таркам, а на следующий день за Сулакской переправой его встречали с подарками горские владетели. «Первым Адиль-Герейшевкал», который поспешил заверить Россию в своей благонадежности. В середине августа из Дербента было получено известие от наиба Имама Кули-бека, что там Манифест Петра I принят и «жители ждут царя, проявляя покорность и повиновение». Майор Наумов и 12 казаков отправились в Дербент для подготовки пышного приема к приезду императора. Петр прогостил у шамхала несколько дней и на прощание получил от хозяина в подарок шелковый персидский шатер и дорогого аргамака серой масти со сбруей из чистого золота. 18 августа, оставив шамхалу 12 солдат «в виде почетного караула», армия Петра I вышла из Тарков и двинулась к Дербенту.

Взятие Дербента

Одной из главнейших стратегических задач Каспийского (Персидского) похода было овладение Дербентом, как важнейшим политическим, экономическим пунктом на южных рубежах России. 23 августа 1722 года российские войска подошли к Дербенту. Педагог-историк Е. И. Козубский в своей книге «История города Дербента» пишет: «за версту от города его встречал наиб с большим числом знатных жителей и, пав на колени, поднес государю 2 серебряных ключа на серебряном блюде, покрытом богатою персидскою парчею и произнес речь, в которой благодарил Великого императора за то, что он принял их под свое покровительство». Кроме ключей, в дар Петру I была преподнесена первая в Европе рукопись местной исторической хроники «Дербент-наме»².

«Войска под троекратным пушечным салютом прошли со стен через город и стали лагерем на юго-востоке от города в полумиле от берега». Сам Петр I в письме Сенату писал: «Правда, что сии люди нелицемерно и любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»³. За мирную сдачу города Имам Кули-Бек был назначен Петром I правителем города, пожалован чином генерал-майора и постоянным годовым жалованием.

Петру I приписывают при вступлении в город следующие слова: «Теперь я поставил ногу в края Кавказа и получил крепкое основание на водах Каспия»⁴.

В Дербенте царь обратил внимание на исторические памятники, дал указания ученым Кантемиру, Герберу, Соймонову, находившимся в его свите, сделать описание древностей города. Ко всем воротам были поставлены караулы и в цитадель введен гарнизон с артиллерией. Комендантом крепости был назначен полковник Юнкер. Современник писал, что Петр I жил в цитадели Нарын-Кала, в ханском дворце. Там он ожидал прибытия морской флотилии из Астрахани. В течение нескольких дней ежедневно он выходил из своей комнаты, в которой не было окон с выходом на море. Наконец, ему это надоело, и Петр, со своим взрывным и энергичным характером, проявил себя. Он собственноручно пробил окно с видом на Каспийское море, «прорубил окно на Восток».

К приезду императора в нижней приморской части города было построено небольшое земляное укрепление-землянка, или хижина. Строение представляет собой прямоугольную полуземлянку, сооруженную в вырытом специально для это котловане глубиной до 0,4 метров. Размеры землянки составляют примерно 8,4 x 3,7–3,9 метров. Внутри землянка разделена поперечной стеной с межкомнатным проходом на два помещения. Рассмотрев землянку Петра I, возникает вопрос: «Почему он остановился в землянке?». Можно выделить несколько причин. Этот пеший поход от Таркова до Дербента был не из легких, и как писал Петр I адмиралу К. И. Крюйсу, «марш сей, хотя не далёк, только

² Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 77.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 78.

зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров»⁵. Жара вынудила Петра I остричь свои длинные волосы, из которых позже был сделан парик для восковой фигуры императора, изготовленной Б. К. Растрелли и представленной ныне в Эрмитаже. Другой причиной является агорафобия Петра I. Император равнодушно относился к помещениям с высокими потолками. Даже когда останавливался в больших помещениях, натягивали над кроватью полог, тем самым уменьшая высоту потолка. Неподалеку от землянки располагался гарнизон императора. И ему было важно находиться среди своих солдат и офицеров. Также, с военной точки зрения, было разумно разместиться в нижней приморской части города (Дубары), так как Петр Алексеевич ожидал прибытия морской флотилии.

Занятием Дербента первоочередная цель военной компании 1722 года была завершена. 30 августа Петр I выступил из Дербента. Дальнейшее продвижение русских войск задержалось, так как громадная русская армия, имевшая растянутые коммуникации, из-за неожиданного шторма оказалась без запасов продовольствия и фуража — мука на судах подмокла. В армии начался массовый падеж лошадей. Сохранившегося продовольствия и фуража хватило лишь на месяц. Петр I решил приостановить поход и возвратиться в Астрахань. Поручив командование дербентским гарнизоном полковнику Юнкеру, 7 сентября царь выступил в обратный путь.

Осенью 1722 года император с основными силами возвратился в Астрахань, а 13 декабря «имел торжественный въезд в Москву»⁶. В честь взятия Дербента была построена триумфальная арка с надписью «Сию крепость построил сильный и храбрый, а владеет ею сильнейший и храбрый»⁷ (считалось, что Дербент основан Александром Македонским).

В 1849 году по приказу кавказского наместника князя М. С. Воронцова вокруг землянки была устроена каменная ограда по проекту инженер-штабс-капитана Гершельма.

В XIX веке вокруг ограды был разбит сквер, где проходили общественные мероприятия. Это знаковое сооружение привлекало не только российских, но и зарубежных путешественников, посещавших Дербент. В 1858 году Дербент вместе с князем Багратионом-Мухранским посетил Александр Дюма-старший и оставил следующее описание памятника: «Первый предмет, покоривший нас — сырцово-саманное сооружение необычной конструкции; оно было защищено двумя пушками, окружено решеткой, на двух каменных столбах имелись две даты: 1722 и 1848, и надпись: «Первое отдохновение Петра Великого»⁸.

В 1862 году вместо прежней ограды был возведен прямоугольный павильон-колоннада под железной кровлей, исполняющий роль своеобразного каменного футляра для защиты памятника от разрушения.

В советские годы павильон был приспособлен под хозяйственные нужды, а в 1950-е годы использовался в качестве жилого помещения и долгое время считался утерянным. Пространство между колоннами заложили тогда кирпичом, а землянка была разрушена и засыпана, над ней были сооружены деревянные полы. И только в 2014 году, в рамках подготовки празднования 2000-летия Дербента, Группа «Сумма» и Благотворительный фонд «Пери» провели строительные, археологические, восстановительные работы по возвращению святыни⁹.

По словам архитектора Э. А. Абдуллаева, первоначальной целью проекта было восстановление павильона-колоннады 1862 года, как архитектурного и исторического

⁵ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 2009. С. 606.

⁶ Гусейнов Г. Энциклопедия города Дербента. Махачкала, 2015. С. 383.

⁷ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 2009. С. 607.

⁸ Борисенко Т. Памятник геополитического значения // Проджи. Махачкала, 2015. № 4 (49). С. 18.

⁹ Гамзатова П. Р. Уникальный Музейный комплекс «Дом Петра I в Дербенте» // Мавраевъ. Махачкала, 2015. № 2 (7). С. 18–22.

памятника XIX века. Каково же было удивление, когда в результате вскрытия полов были обнаружены остатки полуподземного строения. На уровне нижнего (раннего) пола в ямке для опорного столба археологи обнаружили наиболее интересные и важные находки — две маленькие медные монетки-полушки образца 1718–1722 гг. На лицевой стороне их изображен двуглавый орел, на оборотной — надписи «ВРП» (Всея России Повелитель), «полушка» и год. Данные находки как раз относятся ко времени Персидского похода и документируют первый период существования землянки.

В 2014 году были проведены масштабные археологические раскопки близ раскопанной землянки Петра I, в результате которых был выявлен некрополь дербентского гарнизона Низового корпуса Русской Императорской армии, относящегося к 1722–1735 годам. Было исследовано 228 погребенных, захороненных по христианским нормам. При 47 погребенных найдены нательные кресты, в основном конца XVII — первой трети XVIII века. В исторических документах информация об этом кладбище отсутствует¹⁰. 21 января 2015 года останки солдат дербентского гарнизона были торжественно, с религиозными и воинскими почестями, перезахоронены на Воинском кладбище Дербента. Выявленные руины полуземлянки накрыты стеклянным саркофагом для защиты от внешнего воздействия.

На 7-м Международном Петровском конгрессе, собравшем представителей 11 стран и России 5–7 июня 2014 года в Санкт-Петербурге, город Дербент был принят в Ассамблею петровских городов и удостоен знамени программы «Путь Петра Великого» за значительный вклад в изучение и сохранение наследия великого русского императора.

Итоги Персидского похода

12 сентября 1723 года в Санкт-Петербурге был подписан русско-иранский трактат, по которому к России отошли города Дербент, Баку и Решт, а также бывшие иранские провинции Ширван, Гилян, Мазандеран и Астрабад (Гурган).

Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. стал масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики России на Востоке. Петр I считал свой поход лишь началом борьбы за владение берегами Каспия и установление протектората над Закавказьем.

Со времен Петра Великого началось всестороннее изучение ресурсов и недр Восточного Кавказа. Участники похода оставили важные описания, материалы, относящиеся к региону. Важнейшие сподвижники Петра I А. П. Волынский и А. И. Лопухин в своих журналах подробно описали социально-экономическое и политическое состояние Дагестана и Ширвана в тот период. В результате пребывания Петра Первого в Дербенте научный мир узнал о существовании рукописи истории Дербента — «Дербент-наме». Участник похода князь Д. К. Кантемир впервые дал описание Дербента. Здесь он осмотрел крепость, провел измерения, срисовал обнаруженные арабские надписи. Это исследование было изложено в сборнике «Восточная коллекция». В пути Д. К. Кантемир вел литературный дневник, в который записал легенды о городе и рассказы о крепостных сооружениях со слов местных жителей.

Другой участник похода, подполковник артиллерии русской армии И. Г. Гербер, дал интересные описания, важные сведения того времени в книге «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» (1728). Он же составил карту Восточного Кавказа, которая была издана Академией Наук в 1736 году.

Исследовательские работы, начатые при Петре I, были продолжены другими русскими учеными, такими как С. Гмелин, А. Гильденштедт, Н. Паллас, С. Броневский, Б. Дорн, Ю. Клапрот, П. Бутков, С. Соловьев и многие другие.

Будучи уже в России, Петр I продолжал интересоваться Дербентом и оказывал городу продовольственную помощь. По его указанию была построена «гавань по чертежу»,

¹⁰ Борисенко Т. Памятник геополитического значения. С. 18.

были отремонтированы оборонительные стены, ворота и другие сооружения. Генерал-майору Матюшкину — командующему гарнизонами и Прикаспийским краем — было поручено предоставить льготы купцам для беспошлинного провоза через Дербент товаров для торговли с Россией; разрешить поселяться «торговому люду в Дербенте, содержать оных в крепком охранении и поступать с ними таким образом, дабы от них никаких жалоб произойти не могли»¹¹; предоставить к услугам купцов русские суда на Каспийском море.

Известно, что по берегу Каспийского моря были расположены многочисленные нефтеносные источники. Уже в XIX веке, русское правительство принимало активные меры по устройству нефтепромыслов и увеличению добычи нефти в Прикаспии.

Все это способствовало расширению торговых связей прикаспийской области с Россией и другими странами. Немалое значение в развитии торговых отношений в этом крае играл Дербент.

По указаниям Петра велась поиски красящих веществ, в частности марены, начали возделывать шафран. Особое внимание было обращено на развитие виноградарства и виноделия. Для этого Петр Алексеевич выписал из Астрахани специалистов-виноделов. В Дербенте был построен винный завод, который уже осенью 1723 года произвел 2000 ведер вина. Из Венгрии был выписан майор Туркул для организации производства красного и белого вина.

В окрестностях города русский император создал целый ряд «дворцовых хозяйств», именуемых в официальных документах «садами и огородами Его Императорского Величия». Хозяйства эти состояли из садов и огородов, в которых росли яблоки, гранаты, инжир, груши и другие фрукты.

Предпринятые Петром I меры благоприятно сказались на росте торговли в Дербенте, что определило ориентацию населения на Россию. В городе активизировались ряды русских, грузинских, армянских купцов; развивалось производство оружия, предметов быта, украшений; строились маленькие заводы по производству водки, мукомольные мельницы. Император имел большие планы разведения шелкопряда, а также наметил программу «использования дагестанской шерсти на русских суконных и шерстяных фабриках».

В дальнейшем постоянно увеличивается также ассортимент вывозимых из Астрахани в Дагестан товаров. 13-летнее господство России в этом регионе, несмотря на национально-колониальный характер политики русского правительства, способствовало дальнейшему экономическому развитию Дагестана, расширению торговых связей с Россией и народами Кавказа.

Вхождение Дагестана в состав Российской империи имело важные последствия. Прогрессивная роль России по отношению к Дагестану сказалась не только на экономическом сотрудничестве и установлении политических связей, но и в развитии культуры и просвещения. Последствием Персидского похода стало начало изучения истории, языков, этнографии, быта народов Дагестана. И можно смело утверждать, что становление российской государственности на территории Дагестана также начинается с Петра Великого.

Заключение

Среди многочисленных уникальных памятников Дербента домик-землянка Петра I занимает особое место и заслуживает особого внимания всего российского народа.

Музейный комплекс «Дом Петра I в Дербенте» является единственным на юге России и Кавказа историко-мемориальным памятником, посвященным Петру I и истории Персидского похода, в целом, восточной политике русского императора.

¹¹ Козубский Е. И. История города Дербента. С. 79.

REFERENCES

Borisenko T. Pamyatnik geopoliticheskogo znacheniya [A Monument of Geopolitical Significance]. *Prozhi*. Makhachkala, 2015. no. 4 (49). Pp. 16–21. (In Russian)

Gadzhiev M. S. Derbent – pamyatnik mirovoi istorii i kul'tury [Derbent – a Monument of World History and Culture]. *Mavraev*. Makhachkala, 2015. no. 2 (7). Pp. 5–20. (In Russian)

Gamzatova P. R. Unikal'nyi Muzeinyi kompleks «Dom Petra I v Derbente» [Unique Museum Complex “House of Peter the Great in Derbent”]. *Mavraev*. Makhachkala, 2015. no. 2 (7). Pp. 18–22. (In Russian)

Guseinov G. Ya. *Ehntsiklopediya goroda Derbenta* [Encyclopedia of Derbent]. Makhachkala, Lotos Publ., 2015, 576 p. (In Russian)

Kozubskii E. I. *Istoriya goroda Derbenta* [History of Derbent]. Temir-Khan-Shura, Russkaya Tipografiya Publ., 1906. XII, 464 p. (In Russian)

Pavlenko N. I. *Petr Velikii* [Peter the Great]. Moscow, Mir ehntsiklopedii Avanta+, Astrel' Publ., 2010, 829 p. (In Russian)

► ПАМЯТЬ О ЛИЧНОСТИ ПЕТРА I В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ВОРОНЕЖА

МАЗУР МАРИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА

Руководитель, Департамент культуры
Воронежской области

394036, Российская Федерация, Воронеж,
ул. Карла Маркса, 51

m_mazur@govvrn.ru

В статье освещается тема памятников Петру I на территории Воронежской области. Автор характеризует архитектурную сторону обозначенной темы. Объект исследования – сохранение памяти о великом русском царе-реформаторе в Воронежском крае. Её актуальность обусловлена тем, что Петр I имел непосредственное отношение к Воронежу и его развитию в конце XVII – первой четверти XVIII веков. В общей сложности он 13 раз побывал в городе. Общая протяженность его пребывания составила около 500 дней. Именно по указанию Петра Алексеевича Воронеж стал местом строительства регулярного русского военно-морского флота. На местных верфях было сооружено более 1200 кораблей. Данный факт предопределил развитие губернского города до революции 1917 года в России. Жители города сохраняли память о Петре I, его преобразованиях. О бережном отношении к имени царя свидетельствует и то, что в 20-е годы XX века, когда скульптуры монархов начали «падать» по всей стране, горожане отстояли уникальный памятник преобразователю работы А. Е. Шварца (1860 год). В статье анализируются не только объекты культурного наследия – памятники эпохи Петра I (Успенский храм, Алексеевский Акатов монастырь, церковь святителя Николая Чудотворца), но и посвященные царю и флоту монументы (Губернский сквер, Адмиралтейская площадь), а также вновь создаваемые (копия первого русского линейного корабля «Гото Предестинация» с экспозицией по истории флота) и проектируемые мемориалы (Дом Гарденина с экспозицией, посвященной сподвижникам Петра в Воронеже). Отдельное внимание уделяется памятникам царю в архитектурном пространстве малых городов региона: Павловск, Острогжск, Бобров, Новохоперск. В заключении подчеркивается, что сохранение памяти о личности Петра Великого, его масштабной реформаторской деятельности для Воронежа имеет стратегическое значение.

Ключевые слова: Петр I, Воронеж, архитектурное пространство, памятник.

► THE MEMORY OF THE PERSONALITY OF EMPEROR PETER I IN THE ARCHITECTURAL SPACE OF VORONEZH

MARIA ALEXANDROVNA
MAZUR

Head, Department of Culture of the Voronezh
Region

51, Karl Marx st., Voronezh, 394036, Russian
Federation

m_mazur@govvrn.ru

The article highlights the topic of monuments to Peter I on the territory of the Voronezh region. The author characterizes the architectural side of the designated topic. The object of the study is to preserve the memory of the great Russian tsar-reformer on the example of the Voronezh Region. Its relevance is due to the fact that Peter I was directly related to Voronezh and its development at the end of the 17th – first quarter of the 18th centuries. In total, he visited the city 13 times. The total length of his stay was about 500 days. It was on the instructions of Peter Alekseevich that Voronezh became the site of the construction of the regular Russian navy. More than 1,200 ships were built at local shipyards. This fact predetermined the development of the provincial city before the 1917 revolution in Russia. Residents of the city preserved the memory of Peter I and his transformations. The careful attitude to the name of the tsar is also evidenced by the fact that in the 20s of the twentieth century, when sculptures of monarchs began to fall all over the country, citizens defended a unique monument to the converter by A. E. Schwartz (1860). The article analyzes not only cultural heritage sites – monuments of the era of Peter I (Assumption Church, Alekseevsky Akatov Monastery, St. Nicholas Church), but also monuments dedicated to the tsar and the fleet (Petrovsky Square, Admiralty Square), as well as newly created (a copy of the first Russian battleship "Goto Predestinatciya" with an exposition on the history of the fleet) and projected memorials (Gardenin House with an exposition dedicated to the companions of Peter in Voronezh). Special attention is paid to the preservation of the memory of the tsar in the architectural space of small towns in the region: Pavlovsk, Ostrogzhsk, Bobrov, Novokhopersk. In conclusion, it is emphasized that the preservation of the memory of the personality of Peter the Great, his large-scale reform activities for Voronezh is of strategic importance.

Keywords: Peter I, Voronezh, architectural space, monument.

Петр I, бесспорно, является одной из ключевых фигур мировой истории и одним из величайших российских монархов. Для Воронежа и Воронежской области личность Петра Великого и его широкая преобразовательная деятельность имеет особое значение. Воронеж в силу различных природно-географических, политических, экономических и исторических обстоятельств стал свидетелем многих месяцев трудовых будней царя-реформатора.

Царь Петр I в 1696–1722 годах приезжал в город 13 раз и провел здесь более 500 дней, придав тем самым Воронежу статус временной столицы государства, главной южной военно-морской базы Российского государства, места создания регулярного военно-морского флота России¹.

Сохранение памяти о личности Петра Великого, его масштабной реформаторской деятельности для Воронежа имеет стратегическое значение. В архитектурном пространстве города в настоящее время бережно сохраняются и воссоздаются объекты культуры — памятники петровского наследия.

В пределах территории современной Воронежской области выделено четырнадцать памятников архитектуры, некоторые из которых представлены в самом Воронеже.

Уникальным памятником, связанным с деятельностью Петра I в Воронеже и периодом кораблестроения, является Успенская Адмиралтейская церковь, строившаяся в 1690–1695 годах. Это старейшее здание Воронежа, где были освящены спускаемые на воду корабли. Внутри церкви установлены мемориальные доски, посвященные Петру I, а также создателям воронежского военно-морского флота адмиралам Ф. М. Апраксину и К. И. Крюйсу. На фасаде храма закреплены памятные знаки в честь закладки кораблей в 1696 году и в память о строительстве первого российского линкора «Гото Предестинация»².

Также с Успенским храмом тесно связана деятельность епископа Митрофана — покровителя корабелов и духовного пастыря Петра I на Воронежской земле. Архиерей жертвовал деньги на строительство военного флота, улаживал межнациональные и межконфессиональные конфликты между рабочими и иностранными мастерами-корабелами, и именно им был освящен в Успенской Адмиралтейской церкви Андреевский флаг, впервые поднятый на первом русском линейном корабле «Гото Предестинация»³.

К памятникам церковной архитектуры — свидетелям пребывания Петра Великого в Воронеже следует отнести один из старейших монастырей города, построенный в 1620 году, — Алексеевский Акатов монастырь⁴, ныне действующий женский монастырь Воронежской епархии, и церковь святителя Николая Чудотворца, история которой началась еще в 1712 году⁵.

В 1674 году в Акатовом монастыре был возведен первый в Воронеже каменный храм с колокольней во имя святителя Алексия Московского. В 1700 году, в связи с устройством корабельных верфей на реке Воронеж, указом царя Петра I Воронежский Успенский монастырь был упразднен, а его братия и имущество переведены в Акатов монастырь, который стал управляться архимандритами⁶.

Никольский храм стал свидетелем новых преобразований, вызванных реформами Петра I. С потерей южных земель губернские учреждения Азова были переведены в Воронеж, где наряду с местной губернской властью теперь появились и органы управления пятью провинциями, созданными на Азовских землях. Стала понемногу оживать

¹ *Комолов Н. А.* Воронежские страницы в биографии Петра Великого. Воронеж, 2019. С. 25.

² *Акиншин А. Н.* Храмы Воронежа. Воронеж, 1994. С. 23–24.

³ Там же. С. 26–27, 48.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ *Коробанов А.* Твердыня веры. Никольский храм города Воронежа. Воронеж. 2015. С. 5.

⁶ *Акиншин А. Н.* Храмы Воронежа. С. 105–107.

гражданская жизнь; средства, которые раньше шли на военные нужды, теперь использовались для развития Воронежского края.

В этот период времени, в 1712 году, был заложен новый каменный храм в 40 саженьях (примерно 85 метров) от того места, где некогда стояла Димитриевская церковь⁷. С 1717 года его строили на пожертвования горожан крестьяне Ярославского уезда Ф. Гладец и А. Шлухохлыстов, а с 1718 года — крестьянин того же уезда К. Остафьев с сыном.

В 1720 году строительство было завершено, и храм был освящен во имя святого Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца; придел освятили в честь Димитрия, великомученика Солунского⁸.

Таким образом, к настоящему времени архитектурными памятниками — современниками визитов Петра I в Воронеж являются три церкви. Гражданских строений конца XVII — первой четверти XVIII веков не сохранилось.

Ещё один раздел памятников Петру Великому в архитектурном пространстве города Воронежа — это мемориалы, посвященные царю и его деятельности. К таким объектам культурного наследия относится памятник Петру I скульптора А. Е. Шварца, архитекторов А. А. Кюи и Д. И. Гримма, торжественно открытый в 1860 году. Эта бронзовая скульптура на момент открытия была первым памятником императору в провинциальном городе и четвертым монументом в честь царя-реформатора в России⁹. До его появления были только такие известные памятники, как Медный всадник (Э. Фальконе), памятник перед Михайловским замком (Б. Растрелли) и скульптура в Кронштадте (Т. Жак).

Пространство рядом с воронежским памятником — парковая зона, которая получила название в честь Петра — Петровский сквер. В 1901 году в сквере был создан фонтан и установлено 40 скамеек. Важно заметить, что памятник был сохранён в годы советского «лихолетья», когда скульптуры царей разрушались по всей стране.

При оккупации Воронежа немецкими войсками во время Великой Отечественной войны монумент был вывезен на переплавку. Однако уже в 1956 году памятник был воссоздан скульпторами Н. П. Гавриловым и Г. А. Шульцем. Пьедестал, на котором стоит скульптура Петра I, сохранился с 1860 года, выполнен из розового павловского гранита. Около памятника было размещено 5 корабельных орудий¹⁰. В 2011 году, к 425-летию Воронежа, Почта России выпустила конверт с изображением памятника Петру I в Петровском сквере.

Ещё один крупный архитектурный ансамбль, связанный с деятельностью императора — Адмиралтейская площадь. Она была торжественно открыта 7 сентября 1996 года, в День города. Площадь посвящена 300-летию российского флота, инициатором строительства которого в Воронеже выступил Пётр Великий. В память о воронежской верфи установлены роstralная колонна и триумфальная арка. Оформление площади выполнено по проекту, разработанному архитектором А. И. Аном в творческой мастерской главного художника города А. М. Яновского. В комплекс площади органично вписался и Успенский Адмиралтейский храм¹¹.

Наряду с сохранением перечисленных объектов культурного наследия, в настоящее время правительством Воронежской области активно ведется работа по воссозданию памятников петровского наследия. Одной из таких уникальных петровских точек притяжения туристов в Воронеже является действующая копия первого российского

⁷ Коробанов А. Твердыня веры. Никольский храм города Воронежа. С. 7–10.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Кононов В. И. Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках. Воронеж, 2005. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Попов П. А. Воронеж: История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 27.

линейного корабля «Гото Предестинация». Это полноразмерный макет оригинала, построенного на Воронежской верфи по проекту Петра I. Вместе с другими кораблями, «Гото Предестинация» составила ядро русской эскадры на Азовском море, что позволило закрепить за Россией Азовское побережье, пусть и на незначительный срок¹².

Воссозданный в 2014 году корабль, максимально имитирующий облик первого российского линейного корабля конца XVII — начала XVIII веков, стал уникальным проектом, историко-культурным и познавательно-развлекательным комплексом. В экспозиции размещены элементы старинного корабельного снаряжения, детально воссоздано вооружение с полным комплектом необходимых инструментов для обслуживания орудий, максимально подробно представлены предметы быта офицеров и нижних чинов команды. Все это дало возможность в полном объеме воспроизвести условия службы и быта на военном судне начала XVIII века.

В числе наиболее значимых перспективных проектов, посвященных сохранению культурно-исторического наследия петровской эпохи, стоит отметить реконструкцию объекта культурного наследия «Дом Гарденина». Усадьба Гарденина — один из старейших городских историко-архитектурных усадебных комплексов Воронежа. Основной объем дома был построен в конце 1720-х — начале 1730-х годов. В 1735 году дом упоминается как уже существующий на территории усадьбы П. Гарденина¹³.

Потап Никитин Гарденин (1689–1746 годы) принадлежал к числу богатейших людей Воронежа первой половины XVIII века. С 1726 года был совладельцем, а затем, с 1729 года — владельцем суконной мануфактуры, основателем известной в крае династии суконных фабрикантов, в 1744–1746 годах главой Воронежского губернского магистрата. Основал усадьбу в предместье, куда переселился из дома, стоявшего близ Успенской церкви. При Потапе Гарденине здание было двухэтажным и прямоугольным в плане. В середине XVIII века (вероятно, в 1760-е годы) его сыновья расширили дом. Тогда же сформировался окончательный облик здания¹⁴.

В планирующемся историко-культурном центре предполагается размещение экспозиции «Петр I и его сподвижники в Воронежском крае», где будут представлены подлинные материалы, полученные при археологических раскопках на месте Петровского цейхгауза, документы из Российского государственного архива древних актов, образцы мебели, предметов быта. Один из разделов экспозиции будет отражать роль воронежских купцов в деле строительства русского флота.

Реализация указанного проекта будет иметь не только стратегическое значение в деле сохранения отечественного культурно-исторического наследия, но и станет новой вехой в развитии культурной и туристской инфраструктуры Воронежской области.

Богатое наследие Петра I заметно не только в архитектурном пространстве города, но и на территории Воронежской области. Следующие малые петровские города являются очень знаковыми с точки зрения объекта нашего исследования:

1. Павловск, основание которого связано с решением Петра I перенести корабельные верфи из Воронежа ближе к Азовскому морю,
2. Острогжск, где в 1696 году состоялась встреча Петра с гетманом Украины Мазепой и казаками, оказавшими помощь в осаде крепости Азов,
3. Новохоперск, где была заложена верфь для строительства малых судов,
4. Бобров, где в первые годы царствования Петра I шли заготовки корабельного леса для строительства флота.

Кроме вышеперечисленных городов, необходимо отметить, что в регионе есть несколько объектов, связанных со строительством Петром I флота. Это Тавровская,

¹² *Расторгуев В. И.* Воронеж — родина первого Адмиралтейства. Воронеж, 2007. С. 31.

¹³ *Митин В. А.* Усадьбы города Воронежа XVIII, XIX, XX веков. Воронеж, 2004. С. 29–30.

¹⁴ Там же. С. 31.

Хоперская, Павловская, Икорецкая, Ступинская, Рамонская, Чертовицкая и Коротоякская верфи. Памятники планируется включить в перечень объектов культурного наследия. Это необходимо для их государственной охраны, минимизирования рисков их разрушения и развития с точки зрения туристической индустрии.

Изучение, сохранение и воссоздание ценных, уникальных памятников петровской эпохи в архитектурном пространстве города Воронежа и региона остаются весьма значимыми мероприятиями как для сохранения исторической памяти и богатого наследия, духовного возрождения общества, так и для развития культуры Воронежской области и страны в целом.

REFERENCES

Akin'shin A. N. *Khramy Voronezha* [Churches of Voronezh]. Voronezh, VGU Publ., 1994, 213 p. (In Russian)

Komolov N. A. *Voronezhskie stranicy v biografii Petra Velikogo* [Voronezh Pages in the Biography of Peter the Great]. Voronezh, VGU Publ., 2019, 102 p. (In Russian)

Kononov V. I. *Voronezh. Istoriya goroda v pamyatnikakh i memorial'nykh doskakh* [Voronezh. The History of the City in Monuments and Plaques.]. Voronezh, Centr dukhovnogo vrozozhdeniya Chernozemnogo kraya Publ., 2005, 349 p. (In Russian)

Korobanov A. *Tverdnyya very. Nikol'skij khram goroda Voronezha* [The Stronghold of Faith. St. Nicholas Church of Voronezh]. Voronezh, Izdatel'skij otdel Voronezhskoj mitropolii Publ., 2015, 72 p. (In Russian)

Mitin V. A. *Usad'by goroda Voronezha XVIII, XIX, XX vekov* [Estates of Voronezh of the XVIII, XIX, XX centuries]. Voronezh, Nikitinskoe Publ., 2004, 223 p. (In Russian)

Popov P. A. *Voronezh: Istoriya goroda v nazvaniyakh ulic* [Voronezh. The History of the City in Street Names]. Voronezh, Kvarta Publ., 2003, 447 p. (In Russian)

Rastorguev V. I. *Voronezh – rodina pervogo Admiraltejstva* [Voronezh is the Birthplace of the First Admiralty]. Voronezh, VGU Publ., 2007, 533 p. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Сохраняя память. Петергоф в документах
и воспоминаниях**

► ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА АРХИТЕКТУРЫ В. Ф. ШИЛКОВА

ПЕТРОВ ПАВЕЛ
ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор исторических наук, заведующий
отделом музейных исследований,
Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Российская Федерация, Санкт-
Петербург, Петергоф, ул. Разводная, д. 2

petrov@peterhofmuseum.ru

АШИХМИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Специалист по музейным исследованиям,
Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Российская Федерация, Санкт-
Петербург, Петергоф, ул. Разводная, д. 2

alexseyashihmin@mail.ru

Ключевые слова: Петр I, Петергоф, императорские
резиденции, садово-парковое искусство, офорт.

► AN OUTLINE ON THE LIFE AND WORK OF THE ARCHITECTURAL HISTORIAN V. F. SHILKOV

PAVEL VLADIMIROVICH
PETROV

Doctor of Historical Sciences, Head
of the Department of Museum Studies,
Peterhof State Museum-Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russian Federation

petrov@peterhofmuseum.ru

ALEKSEI ALEKSEEVICH ASHIKHMIN

Specialist of Museum Studies, Peterhof State
Museum-Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russian Federation

alexseyashihmin@mail.ru

Keywords: Peter the First, Peterhof, imperial
residences, garden art, etching.

350-летняя годовщина со дня рождения императора-преобразователя Петра I побуждает обратить пристальное внимание на оценку его деяний отечественными историками и искусствоведами. Следует отметить, что историография петровской эпохи необычайно обширна и в ней особое место занимают исследования по истории петровской архитектуры, формированию архитектурного облика Санкт-Петербурга и его пригородов в первой четверти XVIII века. Многие видные историки, как например, И. Э. Грабарь, Н. И. Архипов, А. Г. Раскин, В. С. Воинов, В. Г. Долбнин, Н. В. Калязина, В. А. Коренцвит, С. Б. Горбатенко, в разные годы плодотворно занимались изучением различных аспектов, связанных со строительством дворцово-парковых ансамблей при Петре I. Особое место в этом ряду занимают работы историка архитектуры В. Ф. Шилкова. Он одним из первых в конце 1940-х — начале 1950-х годов обратился к изучению вопросов создания дворцово-парковых комплексов Петербурга и его окрестностей в начале XVIII века. В частности, Владимир Федорович написал статью «Четыре рисунка Петра I по планировке Петергофа»¹, где ввел в научный оборот и проанализировал собственноручные рисунки Петра Великого с планами Петергофа и участка Монплезира, выполненные им, вероятно, в период 1711–1716 годов. В других своих статьях Шилков подробно рассмотрел деятельность иностранных архитекторов в Петербурге и окрестностях, в частности Ж.-Б. А. Леблон, А. Шлютера и И.-Ф. Браунштейна

¹ Шилков В. Ф. Четыре рисунка Петра I по планировке Петергофа // Архитектурное наследие: сборник. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 35–40.

в Петергофе, а также изучил историю сооружения ряда петергофских фонтанов².

Необходимо также отметить его серию офортов «Петровский Петергоф» и очерк к ним, где он предложил собственное видение того, как выглядели дворцы, фонтаны и парки резиденции в царствование Петра I, историческую справку «Петровский Петергоф (композиция планировки и зеленых насаждений)», описывающую в хронологическом порядке процесс создания Нижнего парка и Верхнего сада, и целый ряд других исторических справок, посвященных объектам Петергофа и его окрестностей, которые ныне хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф»³.

Владимир Федорович Шилков родился 20 апреля (3 мая) 1903 г. в поселении при станции Мураши Халтуринской волости Вятской губернии⁴. Отец его был служащим, мать — домохозяйкой⁵. Свой трудовой путь Владимир Федорович начал в 1921 г. конторщиком в Управлении Кизеловских копей в Западноуральском угольном бассейне. В одной из своих анкет В. Ф. Шилков даже указал Кизел как место своего рождения. За два года работы здесь он занимал последовательно должности помощника счетовода и чертежника-техника при строительном отделе⁶. Вероятно, тогда же у него возник интерес к архитектуре.

Параллельно с работой В. Ф. Шилков закончил школу второй ступени и летом 1924 г. поступил на педагогический факультет Пермского государственного университета⁷. В Пермском университете он отучился год, а затем летом 1925 г. его зачислили на архитектурный факультет Ленинградского высшего художественно-технического института (ЛВХТИ)⁸. Главный упор в программе тогда делался на архитектурное проектирование, поэтому в ходе своего обучения Владимир Федорович неоднократно проходил практику на стройках Ленинграда⁹.

30 марта 1930 г. В. Ф. Шилков завершил свое обучение в институте и планировал остаться в аспирантуре¹⁰. Однако в апреле 1930 г. ЛВХТИ был упразднен, а его архитектурный факультет объединен с Ленинградским институтом инженеров коммунального строительства (ЛИИКС)¹¹. Владимира Федоровича перевели туда сверхштатным ассистентом по дисциплине «Архитектурное проектирование», где он преподавал два года¹².

В октябре 1932 г. Академия художеств была воссоздана и Шилкова вскоре восстановили в должности ассистента на архитектурном факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры, где работал вплоть до конца 1940-х годов. В 1937 г. его перевели на должность доцента, хотя диссертацию на звание кандидата наук он защитил лишь после войны¹³.

² Шилков В. Ф. 1) Архитекторы-иностранцы при Петре I // Русская архитектура первой половины XVIII века: исследования и материалы. М., 1954. С. 118–166; 2) Каскад «Шахматная гора» и «Римские» фонтаны в Петродворце // Архитектурное наследие. Вып. 9. М.; Л., 1959. С. 176–180; 3) Архитекторы-иностранцы при Петре I // История русского искусства. М., 1960. Т. 5. С. 84–115.

³ Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар.

⁴ Село Белозерье Халтуринского района Кировской области.

⁵ Личное дело ассистента кафедры «Архитектурное проектирование» В. Ф. Шилкова // ЦГА СПб. Ф. Р-4398. Оп. 14. Д. 851. Л. 1.

⁶ Шилков В. Ф.: [личное дело] // ЦГА СПб. Ф. Р-2482. Оп. 14. Д. 173. Л. 6.

⁷ Личное дело студента педагогического факультета В. Ф. Шилкова // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 3950.

⁸ В настоящее время — Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина.

⁹ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-341. Оп. 10. Д. 972. Л. 10.

¹⁰ Личное дело ассистента кафедры «Архитектурное проектирование» В. Ф. Шилкова. Л. 23.

¹¹ В будущем — СПбГАСУ.

¹² Личное дело ассистента кафедры «Архитектурное проектирование» В. Ф. Шилкова. Л. 12–16.

¹³ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова. Л. 3, 5–7.

Начиная с 1930 г., сразу же после выпуска из института, Владимир Федорович активно участвовал в проектировании различных объектов в Ленинграде и других регионах страны. Всего за 1930-е годы он принял участие в 20 градостроительных проектах, из которых три были реализованы¹⁴. Кроме того, был участником многих архитектурных конкурсов, как единолично, так и в составе групп. Самый известным из них был закрытый конкурс эскизных проектов Дома Советов в Ленинграде в 1936 году¹⁵.

В связи с началом Великой Отечественной войны, 30 июня 1941 г. Шилков был призван в Красную Армию. Он прослужил до 6 июля 1942 г. на Карельском фронте в 34-м батальоне аэродромного обслуживания, в качестве начальника маскировочной службы. За свою военную службу был награжден орденом Отечественной войны II степени и двумя медалями («За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945»)¹⁶.

В июле 1942 г. В. Ф. Шилков вернулся на должность доцента в Академии художеств и преподавал там до октября 1948 года. В это время он сосредоточил свое внимание на изучении истории отечественной архитектуры, и особенно — петербургской архитектуры петровской эпохи. Такой поворот во многом был обусловлен возросшей необходимостью восстановления после войны многих пострадавших архитектурных памятников. Городу требовались специалисты — историки, архитекторы, искусствоведы — чтобы обеспечить научную составляющую реставрации.

В конце войны Шилков стал сотрудничать с Государственной инспекцией по охране памятников (ГИОП) г. Ленинграда. Он вошел в состав Научно-экспертного совета и Ученого совета ГИОП при Ленгорисполкоме. В 1944 и 1946 годах осуществлял архитектурный надзор за реставрацией зданий бывшей Биржи и Двенадцати коллегий¹⁷. По заданию инспекции занялся анализом ландшафтов Английского парка. В 1945 г. он закончил разработку этой темы и представил ее в качестве диссертации на соискание степени кандидата архитектуры. Работу хорошо оценили как в ГИОПе, так и в Академии художеств¹⁸.

По результатам успешной работы об Английском парке инспекция поручила Шилкову разработку истории Верхнего сада и Нижнего парка. С этого времени он стал активно заниматься петровской эпохой в истории Петергофа, Стрельны и окрестностей.

В октябре 1948 г. В. Ф. Шилков уволился из Академии художеств и пришел на работу в отдел теории и истории Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР. Первоначально он занимал здесь должность старшего научного сотрудника, а с июня 1949 г. дополнительно исполнял обязанности начальника отдела¹⁹. В это время отдел активно работал над различными научно-исследовательскими проектами: составление

¹⁴ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова. Л. 2 об. — 3 об.

¹⁵ Там же. Л. 4 об., 9; *Аракчеев Б. С., Авдеев В. Г., Лобанова Т.* Ленинградский Дом Советов: архитектурные конкурсы 1930-х годов: каталог. СПб., 2006.

¹⁶ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова. Л. 6, 11.

¹⁷ Протокол № 7 Научно-экспертного совета по охране памятников Ленинграда (НЭС ГИОП). 12 ноября 1946 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 1; Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова. Л. 5, 10.

¹⁸ Историко-художественный анализ ландшафтов Английского парка в Петродворце. Тезисы. Ленинград, 1944–1945 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-17а. Л. 1–21; *Шилков В. Ф.* Английский парк [1945] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-43а. 59 л.; *Катонин Е. И.* Заключение о диссертационной работе архитектора-художника Владимира Федоровича Шилкова под названием «Анализ ландшафта Английского парка в Петродворце (1944–1945 гг. Ленинград). Январь 1946 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-17а. Л. 22–24; *Курбатов В. Я.* Отзыв на работу Шилкова // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-17а. Л. 26–27; *Пилявский В. И.* Заключение по работе архитектора В. Ф. Шилкова // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-17а. Л. 28–29.

¹⁹ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова. Л. 1.

«Краткого курса по истории архитектуры», увраж-исследования и другие работы²⁰.

В течение последующих 10 лет работы в Академии архитектуры Шилков активно изучал историю петербургской архитектуры XVIII века, и особенно петровскую эпоху. Это отразилось на его публикационной деятельности (см. список трудов). В ходе работы сотрудничал с такими известными деятелями культуры и искусства, как И. Э. Грабарь, А. И. Гегелло, В. И. Пилявский и другие. В 1958 г. В. Ф. Шилков возвратился к преподавательской деятельности: стал доцентом Ленинградского заочного инженерно-строительного института, где преподавал вплоть до выхода на пенсию в 1974 г.²¹

На рубеже 1970–1980-х годов Шилкова привлекли к работе по сбору исторических материалов, для последующего признания Стрельны памятником истории и культуры. Он выявлял различные источники по истории ансамбля, составлял паспорта объектов. Надо полагать, что примерно тогда же, он написал краткие исторические справки по владениям и паркам в пригородах Петербурга, которые хранятся в его личном архиве²².

Владимир Федорович Шилков был женат на Павлине Вигдоровне Шилковой (Бронфман). В 1930–40-х годах они проживали на Васильевском острове, затем в 1950-е переехали на Петроградскую сторону. Владимир Федорович умер в 1990 году, Павлина Вигдоровна — в 1999 году. Они похоронены на Преображенском Еврейском кладбище²³.

В качестве приложения к сборнику представлена ранее не публиковавшаяся работа В. Ф. Шилкова «Петровский Петергоф. Офорты на картоне по архивным исследованиям автора», которая дает возможность наглядно представить, как мог выглядеть Петергоф во времена Петра I. Работа состоит из двух частей: текстовой (включает очерк и перечень архивных источников с цитатами) и иллюстративной (десять пар офортов и фотографий).

Имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры работы хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф» и в фонде Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Оба они являются неполными. В первом отсутствуют фотографии, но есть два экземпляра текстовой части. Во втором представлена только иллюстративная часть (за исключением фотографии **3**), на которой должны быть Марлинская аллея и дворец «Марли»). Все офорты в первом экземпляре подписаны автором. Во втором подписан только офорт **3***.

Текстовая часть, два варианта которой хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф», представляет собой машинопись. Оригинал помещен на склеенных листах 1–24, а копия — на отдельных листах 37–60. В обоих имеются правки, которые, однако, не повторяются. Обложка и офорты исполнены в технике сухой иглы. Экземпляр из Новгородского музея-заповедника более чистый, чем из архива ГМЗ «Петергоф». Фотографии были сделаны Шилковым, они показывают послевоенное состояние ансамбля.

Публикуемый экземпляр поступил в ГМЗ «Петергоф» в 1999 г. в составе личного архива В. Ф. Шилкова. Музей выкупил архив у вдовы автора — П. В. Шилковой. В его

²⁰ Шилков В. Ф., Петров А. Н., Гримм Г. Г. и др. Краткий курс истории русской архитектуры (1 редакция) // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 88; Шилков В. Ф. Новая Голландия // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 177; Шилков В. Ф. Краткий курс истории русской архитектуры. Раздел: Архитектура Петербурга петровской эпохи // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 179; Шилков В. Ф. и др. «История архитектуры СССР». Раздел 1. «Периодизация истории архитектуры СССР и распределение материалов по темам». Раздел 2. «Тематическая программа, списки памятников, программа необходимых исследований и 5-летний план работ по разделам истории архитектуры Петербурга» // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 180.

²¹ Грабарь И. Э. Письма, 1941–1960. М., 1983. С. 264–265.

²² См. список трудов В. Ф. Шилкова.

²³ Личный листок члена Союза советских архитекторов В. Ф. Шилкова // Там же. Л. 7, 10 об.; Шилков В. Ф. (1903–1990) // Еврейское кладбище. URL: https://jekl.ru/searching?product_id=39853 (дата обращения: 03.02.2022).

* Так как авторская нумерация не различает офорты и фотографии, мы позволили себе сделать это с помощью графических элементов.

составе 41 единица хранения, в том числе коллекция фотографий Петергофа, его окрестностей, а также фото различных чертежей и гравюр. Среди прочего, здесь также имеются и фотокопии публикуемых офортов²⁴. Материалы в архиве датируются периодом между 1943 и 1984 годами. Примерно половина единиц хранения относится к 1943–1951 годам и посвящена истории и реставрации Петергофа. Часть материалов относится к началу 1980-х годов и связана с признанием Стрельны в качестве памятника истории и культуры СССР. Остальные документы — это недатированные исторические справки по объектам в пригородах Петербурга. Они сделаны на одинаковой бумаге и, судя по всему, на личной печатной машинке В. Ф. Шилкова: одни и те же литеры не пропечатаны и дописаны от руки. На оборотах многих листов расположены рукописные редакции справок.

Второй экземпляр рукописи Шилкова поступил в Новгородский музей-заповедник в 2006 г. в составе подаренной коллекции А. Н. Одинокова, члена Новгородского общества любителей древности. Помимо работы В. Ф. Шилкова, музею тогда были переданы произведения русских графиков, а также редкие книги XVIII–XX вв. Как любезно сообщил А. Н. Одинокоев, офорты и фотографии В. Ф. Шилкова он приобрел в букинистическом магазине в Санкт-Петербурге, хозяин которого скупал архивные материалы, офорты и другие графические произведения у профессорских семей.

Прежде чем обратиться непосредственно к содержанию публикуемой работы, необходимо отметить, что параллельно с Шилковым изучением истории петровского Петергофа активно занимался бывший довоенный директор музея Н. И. Архипов, составлявший по заказу дирекции исторические справки по различным объектам. Такое пересечение интересов породило некоторую конкуренцию между исследователями. Ее отголоски можно проследить и в публикуемой работе. Прежде всего, рождение у Шилкова самой идеи создать иллюстрации на основе архивных материалов, дополнив, тем самым, имевшуюся иконографию, могло случиться в ходе критики работ Архипова, который практически не использовал в своих работах изображения. В то же время, Архиповым и другими исследователями отмечался довольно тяжеловесный стиль изложения Шилкова в очерке, предваряющем офорты²⁵.

Также стоит обратить внимание на отзыв научного сотрудника ГИОП А. Н. Петрова, который рассматривал другую работу автора. Он критически относился к петровскому периоду устройства резиденции и высказывался против идеи приблизить реставрируемый Петергоф к первой четверти XVIII века. По его мнению, изучение начальной истории резиденции могло представлять лишь теоретический интерес, так как возврат к эпохе Петра I был бы вандализмом. Как альтернативную основу для реставрации, он предлагал эпоху Николая I, когда садово-парковое искусство достигло своего расцвета²⁶.

Тем не менее, и Шилков, и Архипов продолжали свои исследования, необходимые для научной реставрации ансамбля. Архипов составлял исторические справки по дворцам и павильонам, а Шилков сосредоточился на парковом комплексе. В 1947 году В. Ф. Шилков обобщил накопленные им сведения из архивных источников в исторической справке «Петровский Петергоф», в которой собрал значительное число новых документов.

В публикуемой работе автор использовал часть этих материалов. В очерке, предваряющем офорты, он кратко описал состояние резиденции при Петре и после Великой

²⁴ Шилков В. Ф. Фотографии // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-54а (2).

²⁵ Савин В. П. Отзыв о работе Шилкова В. Ф. Копия. 28 мая 1947 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-32а. Л. 149; Архипов Н. И. Отзыв по работе В. Ф. Шилкова «Петровский Петергоф». 1947 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 37–50 об.; Петров А. Н. Отзыв о работе доцента арх.-худож. Шилкова В. Ф. «Петровский Петергоф (композиция планировки и зеленых насаждений)» // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 54–59.

²⁶ Петров А. Н. Отзыв о работе доцента арх.-худож. Шилкова В. Ф. «Петровский Петергоф (композиция планировки и зеленых насаждений)» Л. 53–53 об.

Отечественной войны и описал те объекты, которые изобразил на офортах. В изложении можно проследить некоторое влияние многочисленных путеводителей по Петергофу/Петродворцу, изданных в 1930–1940-е годы. Впрочем, автор практически не использовал опубликованную литературу.

Что касается архивных источников, то они представлены в основном фондами Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Прежде всего, это документы Канцелярии от строений (РГИА. Ф. 467), Петергофского дворцового управления (РГИА. Ф. 490), Кабинета Петра I (РГАДА. Ф. 9), а также чертежи Министерства Императорского двора (РГИА. Ф. 485). Используемые документы относятся не только к петровскому времени, но включают источники более позднего времени, вплоть до конца XVIII века. Среди них, например, альбом П.А. де Сент-Илера, хранящийся в ГМЗ «Петергоф».

Архивно-документальные обоснования, следующие за очерком, являются вполне самостоятельной частью работы. Они разбиты на пятнадцать тем. Внутри каждой приведены шифры и цитаты из источников. И хотя порядок тем в целом совпадает с ходом изложения в очерке, автор использовал довольно запутанную систему ссылок между очерком и обоснованиями. В самом конце, перед иллюстративной частью автор поместил список офорт и фотографий.

При публикации за основу взят машинописный оригинал текста (л. 1–24). В сносках оговорены немногочисленные исправления, сделанные чернилами и карандашом в оригинальном экземпляре и в копии. Сохранена стилистика и особенные речевые обороты автора. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, за исключением шифров и цитат из документов петровского времени. Исправлены очевидные опечатки. Все косые черты заменены на скобки. Так как авторские ссылки на архивно-документальные обоснования усложняют работу с текстом, они заменены на постраничные сноски. В каждой сохранены первоначальные обозначения ссылок, а также указаны современные шифры источников. Актуальные шифры также продублированы в сносках к обоснованиям. Примечания автора к тексту оговорены в сносках отдельно.

Так как в комплектах ГМЗ «Петергоф» и Новгородского музея-заповедника не сохранилась фотография [3](#), мы позволили себе восполнить потерю из материалов личного архива В. Ф. Шилкова. Как было сказано выше, в нем имеется коллекция авторских фотографий. Среди них есть те, которые автор использовал для публикуемой работы, а также семь штук с видами пруда и дворца «Марли». Пять из этих семи были сделаны летом с берега пруда (аллеи не видно). Вполне вероятно, что они созданы одновременно с фотографиями других объектов. Тем не менее, мы использовали одно из оставшихся двух. Хотя они вертикальные (офорт [3](#) горизонтальный) и «Марли» изображен в холодное время, на них видны аллея и парк вокруг.

ПЕТРОВСКИЙ ПЕТЕРГОФ

Офорты¹ на картоне по архивным исследованиям автора

Предисловие

Основными определяющими композицию ансамбля в садово-парковом искусстве, являются зелёные насаждения. Они как живые организмы не статичны и изменяются во времени. В связи с этим является² и композиция парка.

Архитекторы, работающие в этой области, должны учитывать это положение, как делали мастера в периоды расцвета садово-паркового искусства.

Петергоф, современный по композиции, не похож на Петергоф Петровский. Он так же далёк от облика Петергофа периода Николая I.

Гибель от времени зелёных насаждений, посадки, изменения вкусов обуславливают эти видоизменения.

В какой степени они улучшают или ухудшают композицию, возможно оценить при условии, когда можно видеть ансамбли с одной и той же точки зрения разных периодов.

Основная цель настоящей серии офортов, изображающих на основании изучения архивных документов Петровский Петергоф, дать возможность наглядного сравнения отдельных ансамблей Петровского периода с современным их состоянием.

С другой стороны раскрытие объёмно-пространственного облика парка непосредственно в период после постройки, выявление некоторых идей и средств, которые использовались паркостроителями для решения композиционных задач, является примером работы старых мастеров, что может быть использовано в Советской творческой практике по садово-парковому искусству.

Петровский Петергоф

До начала постройки Петергофа на этой местности были расположены 2 деревушки: Кусоя, состоявшая из 4 дворов у впадения ручья за Марлинским дворцом, и Похиоки из 6 дворов в том месте, где стена парка Александрии. Кроме того, между ними находились ещё несколько отдельно стоящих хуторов. Местность была покрыта кустарником, лесом и болотами до Дудурова погоста и Поповой горы³.

Лес в основном состоял из местных пород: ели, сосны, берёзы, ольхи, рябины и ивовых кустарников⁴.

При строительстве парков в первую очередь, как видно из указов Петра, стремятся ликвидировать заболоченность путём устройства каналов, подсыпкой низких мест и устройством искусственных водоёмов⁵. При устройстве водоёмов преследуется и другая цель «накопа воды» для устройства фонтанов.

¹ В копии карандашом исправлено на «Гравюры».

² В копии исправлено на «меняется».

³ «1». Петергоф: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 2018. С. 89–91.

⁴ «2». 1) Письмо Семена Кишкина // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 15 А. Л. 155–161;
2) Письмо Леонарда фон Гарнихфельта // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 73. Л. 310;
3) Доношения садового мастера Фока // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–12.

⁵ «3в». Собственноручное письмо Петра I к Синявину // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.

При строительных работах по осушению из всей переписки видно стремление сохранения взрослой древесной растительности⁶. «Смотреть чтоб деревьям хорошим не было вреда»⁷; старые деревья «не вынимать, а вынимать только те, которые случатца на дорогах и площадях»⁸; «изредить где часты леса в рощах, и те деревья которые вынуца толстые сажать где голые места»⁹, — пишется Петром в указах. Строгие наказания устанавливаются за порубку заповедных лесов¹⁰.

В рощах наряду с пересадкой местных пород для посадки привозятся деревья большего возраста с толщиной стволов от 10 до 15 дюймов «в круг» т.е. с диаметром от 7 до 12,5 сантиметров: клен, дуб, липа, ясень и др.¹¹

Аллеи, как они называются «перспективы», представляющие из себя просеки в лесу, оформляются молодняком¹² с учетом их возраста в композиции. Посадка их делается часто. Для разнообразия композиционных решений используются разные породы: клён, липа, ольха, орешник, ильм¹³, и т.п. Кроме этого, применяется различная форма стрижки. Иногда для оформления аллей и площадок вместо деревьев используются трельяжные решётки¹⁴.

Оформление аллей геометрически правильными объёмами древесных шпалер или трельяжными решётками, контрастируя с «диким лесом», дают сразу интересную композицию.

Для украшения партеров¹⁵ применяются низкие причудливо стриженные геометрическими фигурами деревца¹⁶ или целые корзины вечно зелёных растений тиса, самшита и земляничного дерева, и узорчато коврового рисунка цветники¹⁷.

Описательные архивные документы и сохранившиеся чертежи дают основание графически изобразить ряд основных ансамблей Петровского Петергофа с точек зрения нормального восприятия человеком и сопоставить их с существующим состоянием этих ансамблей, зафиксированных фотографией. В рисунках схематически даётся обобщённое объёмно-пространственное представление видов Петровского периода.

⁶ «3». 1) Собственноручное письмо Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.;
2) Собственноручное письмо Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 589;
3) Собственину Петра I к Синявину // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.;
4) О штрафах и наказаниях за потворство в рубке заповедных лесов // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. С. 367. № 4594.

⁷ «а»). Собственноручное письмо Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.

⁸ «а»). Там же.

⁹ «б»). Собственноручное письмо Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 589.

¹⁰ «г»). О штрафах и наказаниях за потворство в рубке заповедных лесов // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. С. 367. № 4594.

¹¹ «4б»). Реестр необходимых для посадки в рощах штамбовых деревьев // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 45 А. Л. 229, 229 об.

¹² «4в»). Сведения Павлова о принятых деревьях // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 163–164.

¹³ Вяз.

¹⁴ «4а»). Собственноручное письмо Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.

¹⁵ «5»). 1) Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156;
2) Собственноручная записка Петра I к рисунку // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583;
3) Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.;
Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 584–585.

¹⁶ «а»). Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156.

¹⁷ «б, в»). 1) Собственноручная записка Петра I к рисунку // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583;
2) Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.;
Собственноручная записка Петра I // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 584–585.

Главным центром композиции Петергофа¹⁸ по желанию Петра I должен был быть дворец на горе с каскадами и гротом под ним¹⁹, далеко видимый с моря, с главным подъездом к нему каналом²⁰. Перед ним располагается большой прогулочный сад. Большими уступами террас осуществляется композиционный переход от верхнего уровня к плоскости нижнего сада²¹. Веером расходятся во все стороны от центра аллеи «перспективы», направляющие к другим «диковинкам» парка. Орнаментально богатый партер украшает площадь перед дворцом²². Ковшом гавань перед гротом²³. Канал оформляется стриженным шпалером лип и ритмом вертикалей елей²⁴. Перспективу вида канала с верхней площадки по замыслам заканчивает открытое море с плывущими по нему кораблями.

Этому виду придавал большое значение сам Пётр²⁵. Красоту чудного вида отмечают и современники в своих записках. Как видно, гордился Пётр I и морским подъездом по каналу к дворцу сам проводя яхты с гостями²⁶ с моря в канал под пушечную канонаду салюта с берега и кораблей в море²⁷.

Нет сейчас никаких стриженных шпалер лип. Высоко разрослись на их месте деревья, закрыв вид на море. Исчезли ели. В гавань не входят яхты. Скульптура Самсона с фонтаном украшает бывшую Петровскую гавань. По сторонам канала красивая перспектива фонтанов. Декоративно изысканна, но безжизненна, композиция в настоящее время.

Другой доминирующей осью композиции Петергофа была широкая аллея «перспектива»²⁸ с одной стороны, заканчиваемая композиционно ансамблем павильона

- ¹⁸ «б)». 1) Собственноручный рисунок Петра I расположения дворца и планировки нижнего парка // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 611;
2) Гравюра Ростовцева. Дворец и грот. 1717 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 66. Л. 7;
3) *Сент-Илер П.-А., де*. Аксонометрический план. Вид на Большой петергофский дворец со стороны Нижнего парка // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/2-ар;
4) *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 137–143;
5) Требование от арх. Броунштейна // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 45. Л. 149–152;
6) Пункты каковы даны (Петром I) Директору отстроений Ульяну Синявину. Что надлежит делать и доделать в Петергофе в 1721 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.;
7) Рапорт садового мастера со ссылкой на пожелания Петра I // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 78. Л. 392;
8) Опись Петергофских парков // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 98–122;
9) *Успенский А. И.* Императорские дворцы. Т. 2. М., 1913. С. 8;
10) *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 299;
11) Письмо 29/IX 1723 г. // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 625, 625 об.;
12) РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 581.
- ¹⁹ «а)». Собственноручный рисунок Петра I расположения дворца и планировки нижнего парка // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 611.
- ²⁰ «е)». Пункты каковы даны (Петром I) Директору отстроений Ульяну Синявину. Что надлежит делать и доделать в Петергофе в 1721 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.
- ²¹ «г)». *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 137–143.
- ²² «г)». Там же.
- ²³ «б)». Гравюра Ростовцева. Дворец и грот. 1717 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 66. Л. 7.
- ²⁴ «з)». Опись Петергофских парков // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 98–122.
- ²⁵ «и)». *Успенский А. И.* Императорские дворцы. Т. 2. М., 1913. С. 8.
- ²⁶ «и)». Там же.
- ²⁷ «к)». *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 299.
- ²⁸ «7)». 1) Доношение // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 45 А. Л. 154, 154 об.;
2) *Архипов Н. И.* Сады и фонтаны XVIII века в Петергофе. Л., 1936;
3) Собственноручная записка Петра I. 31.1–1720 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 128–131;
4) РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 118.

Марли с прудами²⁹ с другой павильоном Темпль³⁰.

Обрамляли аллею стриженные шпалеры липы высотой в одну сажень³¹, за ними лужайки, покрытые старым «диким лесом», состоявшим из ели, сосны, берёзы и т.п.

Варварски разрушен немцами павильон «Марли». Зарос камышами пруд. Сгнил и снесён ещё при Елизавете деревянный павильон «Темпль». Замыслы закончить перспективу аллеи «дикой горою» при Екатерине I³² остались на бумаге. При ней же запрещена была стрижка деревьев, и разросшиеся кроны сузили аллею.

Откос горы «Марлинского каскада»³³ (современное название «Золотая гора») по указу Петра был засажен пирамидами елей³⁴. Фигурные партеры перед ним окаймлялись стриженным кустарником «по углам оных» были посажены «липы штамбовые»³⁵. У подножия горы сделаны были трельяжные аллеи, как назывались они тогда «крытые дороги»³⁶.

Подсаженные позже липы и другие лиственные породы вытеснили со временем ели. Переделан каскад и сильно повреждён немцами. Партеры ограждены акацией, которая при Петре не применялась. Другой художественный облик имеет этот ансамбль в настоящее время.

Партеры перед каскадом «Золотая гора» композиционно почти полностью изолированы от ансамбля павильона «Марли» с прудами, аллеей из высоких деревьев, идущей по южному берегу Марлинского пруда³⁷. Оставленный небольшой разрыв для подхода к каскаду не решает вопроса композиционной связи, т.к. он виден только с одной точки — с противоположного берега пруда.

В период постройки по указу Петра эта аллея должна была быть решена «одинокими кленьями», т.е. посадкой деревьев с значительным интерьером между ними. Но обсажена она была по-видимому низкими индивидуально стриженными липами³⁸ и ольхами, но также дерево от дерева на значительном расстоянии³⁹.

²⁹ «8». 1) РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 20. Л. 252;

2) Доношение комиссара Павлова // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 51 А. Л. 241–242;

3) Опись Петергофских парков // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 98–122;

4) *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец Марли в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/6-ар.

³⁰ «7в)г)е»). 1) *Архипов Н. И.* Сады и фонтаны XVIII века в Петергофе. Л., 1936;

2) Собственноручная записка Петра I. 31.1–1720 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 128–131;

3) РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 118.

Темпль — храм Дианы — деревянный павильон, построенный в 1720–1721 гг. Находился у восточной границы Нижнего парка. В 1730-е планировалась перестройка, но она не была осуществлена, и в скором времени он был разобран.

³¹ «а»). Доношение // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 45 А. Л. 154, 154 об.

³² Здесь имеется в виду Екатерина II.

³³ «9а)б)в»). 1) Микетти Н., мастерская. Перспектива Марлинского каскада. Подготовительный рисунок. 1721 г. // Государственный Эрмитаж. Инв. № ОР-8475;

2) Пункты каковые даны (Петром I) Синявину // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 61–66;

3) РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 827–828.

³⁴ «б»). Пункты каковые даны (Петром I) Синявину // РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 61–66.

³⁵ «9д»). *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Вид на Большой петергофский дворец со стороны Нижнего парка // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/2-ар.

³⁶ «е»). Требование по ремонту // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 102. Л. 122–124.

³⁷ «10»). 1) *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец Марли в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/6-ар.

2) Пункты каковые даны (Петром I) Директору Синявину. Что надлежит делать в Петергофе и доделать // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

3) Опись Петергофским садам // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834 А.

³⁸ «в»). Опись Петергофским садам // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834 А.

³⁹ «а»). *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец Марли в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/6-ар.

Значительно шире выглядела аллея от дворца к павильону «Эрмитаж»⁴⁰, имеющая по сторонам стриженные липовые шпалеры высотой в одну сажень⁴¹. Ясно виден был силуэт павильона, замыкающий перспективу аллеи⁴².

Сушают аллею в настоящее время высокие деревья, закрывая⁴³ полностью павильон, который виден только при близком подходе.

Площадка у фонтана «Адам»⁴⁴ была со всех сторон окружена шестью деревянными павильонами с эксцедрами, сделанных из трельяжных решёток⁴⁵ сложного барочного рисунка⁴⁶. Звездообразно расходились от этой площадки во все стороны аллеи со стриженными низкими шпалерами деревьев.

Утерял в настоящее время искусственную геометричность и помпезность этот ансамбль, чужим выглядит фонтан в неорганизованном композиционно пейзаже леса.

Садик перед Монплезором⁴⁷ по предложению Петра был разбит на 4 квадрата⁴⁸

⁴⁰ «11». 1) РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 20 Л. 321–322;

2) Собственноручное письмо Петра I 24/IV-1724 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 343;

3) Доношение садового мастера Леонардо фон Гарникфельта с требованием сколько потребно деревьев «в партер близ Эрмитажа» // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 Б. Л. 544;

4) Промемория из конторы Вальтмейстерских дел о доставке подрядчиком Аркаским требуемые деревья // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 В. Л. 877–880;

5) *Сент-Илер П.-А., де* Аксонометрический план. Дворец «Эрмитаж» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/4-ар.

⁴¹ «а)в)г»). 1) РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 20 Л. 321–322;

2) Доношение садового мастера Леонардо фон Гарникфельта с требованием сколько потребно деревьев «в партер близ Эрмитажа» // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 Б. Л. 544;

3) Промемория из конторы Вальтмейстерских дел о доставке подрядчиком Аркаским требуемые деревья // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 В. Л. 877–880

⁴² «д»). *Сент-Илер П.-А., де* Аксонометрический план. Дворец «Эрмитаж» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/4-ар.

⁴³ В копии исправлено на «закрывают».

⁴⁴ «12»). 1) Пункты каковые даны (Петром I) Сиявину что надлежит делать в Петергофе и доделать 1721 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.;

2) РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 Г. Л. 1296–1301.

3) РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 58. Л. 25–26.

4) *Сент-Илер П.-А., де*. Аксонометрический план. Фонтан «Адам» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/8-ар.

⁴⁵ «в»). РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 58. Л. 25–26.

⁴⁶ «г»). *Сент-Илер П.-А., де*. Аксонометрический план. Фонтан «Адам» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/8-ар.

⁴⁷ «13»). 1) Собственноручная записка Петра I с рисунком разбивки сада // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583;

2) Собственноручная записка Петра I с требованием стриженных разными фигурами деревьев для посадки в партерах // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156;

3) Сообщение Гарникфельта // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 258–259;

4) *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721–1726. С. 141;

5) Пункты каковые даны (Петром I) Сиявину. Что надлежит делать в Петергофе и доделать // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.;

6) Сообщение комиссара Павлова // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 859;

7) РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 625, 625 об.;

8) РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 643;

9) План и фасад крытым дорогам в Монплезире // РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 265;

10) Дмитриев Я. Генеральный план сада и фасад дворца «Монплеизир» в Петергофе. Копия. 1740-е // ГМИ СПб. ФГИГ. Инв. № I-A-4730 и;

11) *Сент-Илер П.-А., де*. Аксонометрический план. Дворец «Монплеизир» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/5-ар;

12) Опись Петергофским садам // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 98–122.

⁴⁸ «а»). Собственноручная записка Петра I с рисунком разбивки сада // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583.

и решён партерно. В центре садик вначале имел водоём, в котором плавали лебеди⁴⁹. В 1721 г. по указу Петра⁵⁰ был сделан фонтан, а в центрах квадратов поставлены скульптуры на пьедесталах, у которых «из под ног кругом вода лилась гладко как стекло». В партерах по контуру квадратов посажены деревья «таксисовые^x стриженные пирамидами или балясами», «буксбомовые^{xx} — шампиньонами или с борами» и т.п.⁵¹ На фигурных грядах цветы тюльпаны, нарциссы, розы, пионы, ирис, лилии и др.⁵² С трёх сторон партерный сад ограждается «полугалдареями с паддугами»⁵³. Основу их составляли липы или клёны, стволы которых были оформлены пилонами из трельяжных решёток. Пилоны между собой соединялись деревянными падугами⁵⁴. Перед галереями Монплезира был посажен ряд каштановых деревьев⁵⁵.

Разрушены немцами фонтаны и павильон Монплеизир. Тенист садик перед ним. Живописно разбросаны в нём группы вековых деревьев, и как-то странно выглядят в этой обстановке аккуратно фигурно разбитые грядки с цветами.

Любимым местом отдыха Петра I являлся павильон Монплеизир. Особенно нравилась ему площадка⁵⁶ перед ним с видом на море, Петербург и Кронштадт. Низкий стриженный шпалер лип оформлял площадку, но не закрывал вида⁵⁷.

Давно прекращена стрижка, но следы её остались в виде больших наростов на стволах старых лип. Доживают живые современники свои дни с выгнувшимися⁵⁸ сердцевинами стволов, с раскидистыми колоссальными кронами скрепленные металлическими связками. Романтичен и монументален этот ансамбль в настоящем виде.

Петровская «водяная пирамида с малыми кашкадами» имела другой облик⁵⁹. Форма пирамиды в ансамбле была не одинока. Она была повторена на углах деревянного баллюстрада, ограждающего бассейн трельяжными пирамидами с решётками вычурно кружевного рисунка. Кроме этого, в партерах были поставлены со всех сторон по два стриженные пирамидально с борами деревца в горшках. Форма площадки имела прямоугольную форму с большей протяжённостью к Марлинской аллее. Со всех сторон она была окаймлена «высоким шпалером лип»⁶⁰.

⁴⁹ «г»). *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721–1726. С. 141.

⁵⁰ «д»). Пункты каковые даны (Петром I) Снявину. Что надлежит делать в Петергофе и доделать // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

^x Taxus — Тисс (прим. автора).

^{xx} Vixus — Самшит (прим. автора).

⁵¹ 1) Собственноручная записка Петра I с требованием стриженных разными фигурами деревьев для посадки в партерах // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156; 2) Опись Петергофским садам // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 98–122.

⁵² «м»). Там же.

⁵³ «м»). Там же.

⁵⁴ «и, к»). 1) План и фасад крытым дорогам в Монплеизире // РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 265; 2) *Дмитриев Я.* Генеральный план сада и фасад дворца «Монплеизир» в Петергофе. Копия. 1740-е // ГМИ СПб. ФГИГ. Инв. № I-A-4730 и.

⁵⁵ «в»). Сообщение Гарнихфельта // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 28. Л. 258–259.

⁵⁶ «14»). 1) Доношение архитектора Браунштейна // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 45. Л. 149–152; 2) *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец «Монплеизир» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/5-ар.

⁵⁷ «б»). *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец «Монплеизир» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/5-ар.

⁵⁸ В оригинале исправлено чернилами, в копии напечатано «выжившими».

⁵⁹ «в»). *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Фонтан «Пирамида» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/9-ар.

⁶⁰ «а»). Пункты каковые даны (Петром I) Снявину. Что надлежит сделать в Петергофе и доделать // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

Строже, монументальнее, в мраморе получила архитектурную обработку пирамида при Павле I, но в окружающем пейзаже она не имеет сейчас композиционной связи. В нём нет и не чувствуется творческого замысла человека.

Как видно из рисунков паркостроители Петровского времени при бережном отношении к существующему на территории лесу, применяя где необходимо пересадку и посадку взрослых деревьев, используя в большом количестве посадку молодняка с диаметром стволов от 3 до 6 см. (от 4 до 7 дюймов в круг) в целом получали художественную эффектную законченную композицию.

Парк в Петровский период имел больше просторности, парадности и жизнерадостности, чем в настоящее время при деревьях большего возраста. Большая высота деревьев уменьшает размер парка, а также значение и композицию архитектурных сооружений.

Архивно-документальные обоснования к офортам «Петровский Петергоф»

1. А. Гейрот «Описание Петергофа» изд. 1868 года, стр. 3–5⁶¹. По подлинным шведским планам «на месте Петергофа были 2 деревушки: Кусоя у впадения ручья за Марлинским дворцом и Похлоки⁶² около того места, где стенка Александрии. Кроме того, между ними находилось ещё несколько отдельно стоящих хуторов... Местность была покрыта кустарником и лесом до Дудурова погоста и Поповой горы... Вдоль берега в нескольких саженях от моря тянулась тогда дорога, едва наторенная одноколками местных жителей».

2. О составе пород в лесах на территории Петергофа можно судить по ряду писем.

а) ЛЦИ Арх.⁶³ фонд 467 Бывш. Гоф Интендантской канторы. Опись 1, 1721 г. книга 15. листы 155–161⁶⁴. Письмо Семена Кишкина «Деревья сухое по рощам все вынято и на то место посажено вновь деревья ольховые, дубовые, мозжавельник, ельник и березы».

б) ЛЦИ Арх. Канцелярия Строения. Опись 2, дело 73, лист 310⁶⁵, письмо Леонардо фон Гарнихфельта.

«На Елевой горе надобно зимой прибавить по редким местам елья больших и малых...»

в) ЛЦИ Арх. фонд 490 Петерг. Дворц. Управл. Опись 1 дело 42 листы 1–12⁶⁶. Доношения сад. мастера Фока.

«...От руинского кашкада до яхт места состоящего посреди першпективной дороги к Монплезиру сделанного к стрельбе оленей и маронов места насадить березовыми и другими деревьями, чтоб могло рощами быть теми деревьями огущение, так как и на предь сего при жизни блаженной и вечно достойной памяти Его Импер. Вел. Петра I находилось».

«Потребно... для посадки дерева в нижней сад к Монплезиру по обе стороны першпективной дороги в двух местах в рощи до угущения ... для посадки в палых местах елками и протчими деревьями...»

3. Организация строительства и мероприятия по охране лесов на территории Петергофа.

а) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отдел I книга 57 листы 170–171⁶⁷

Собственноручное письмо Петра I к Синявину.

⁶¹ Петергоф: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 2018. С. 89–91.

⁶² Так и в оригинале, и в копии. У А. Ф. Гейрота деревня названа «Похиоки».

⁶³ Авторские сокращения раскрыты им в примечании после обоснований.

⁶⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 15 А. Л. 155–161.

⁶⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 73. Л. 310. (?)

⁶⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 42.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 193–194.

«...Зделать на месте шпалеры а внутри липу, клён, орешник как в летнем новом огороде но смотреть чтоб деревьям не было хорошим вреда... А которые старые деревья в тех местах остануца где надлежит садить, оные не вынимать, а вынимать только те которые случатца на дорогах и площадях...»

б) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I, отд. I книга 57, лист 566⁶⁸. Собственноручное письмо Петра I.

«2 — Внизу (в Нижнем парке) изредить где части леса в рощах, и те деревья которые вынуца толстые сажать где голые места есть в лесу. А тонкие ольховые в двенадцать и тринадцать фут отрубя сажать по косо́й дороге где ныне решотки».

в) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I, отд. I книга 57, листы 473–474⁶⁹. Собственноручное письмо Петра I.

«3 — Прочие места поднять как возможно и тово смотреть чтоб было без повреждения дерев я где порожные места и надлежит быть деревьям тут насадить деревья весной».

г) Наказания за порубку заповедных лесов

ЛЦИ Арх. фонд 469 Придворная Его Вел. Контора Дело 1 лист 208⁷⁰. Указ.

«... буде кто заповедные леса без позволения, и противно указа рубить будет с таких за первый раз брать за каждое дерево 30 руб. пени, за другую долю всего движимого и недвижимого, за третью вину все взять и бив кнутом сослать в галерные работы на 20 лет».

«...с надсмотрщиков если без надлежащего взыскания оставит, тех штрафовать. За первую вину учиня наказание с вырезанием ноздрей, ссылат на каторгу вечно...».

4. Оформление аллей и посадка в рощах.

а) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I, отд. I книга 57, листы 473–474⁷¹. Собственноручное письмо Петра I

«...5 Рощи по першпективам и от горы також и внутренние площадки обнять решотками (трельяжами) а в удобных местах делать беседки и алтарцы из решоток же».

б) ЛЦИ Арх. фонд 489 Канцелярия строения опись 2 книга 45 лист 229⁷²: Реестр необходимых для посадки в рощах штабмовых деревьев «липовых 400, кленовых 400, ясеневых 300, ильмовых 200. Итого 1300 дер. Толщиною в круг от 10 до 15 дюймов вышиной 15 фут».

«На шпалеры: липовых 9000, кленовых 4000, ильмовых 1500. Итого 14500 толщиною в круг от 7 до 10 дюймов вышиной 7 футов без вершин».

«На галдареи — клену 430 толщиной такой же ^{с73} вершинами».

в) ЛЦИ Арх. — Канцелярия строения опись 2 кн. 38 листы 163–164⁷⁴. Сведения Павлова о принятых деревьях. Принято у подрядчиков дерев «у Федора Вьюгина на галдареи и на шпалеры клену 4000 толщиною от 4 до 7 дюйм., у Михайло Троевроцкого клену 1464, липы 2659, ясеню 470, ильму 800 толщиной от 7 до 10 дюймов, у Федора Иконникова из Москвы липовых 9638 толщиной от 4 до 6 дюймов... от Кирилы Киселева кленовых 3415 толщиной от 4 до 6 дюймов...» и т.д.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 589.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.

⁷⁰ О штрафах и наказаниях за потворство в рубке заповедных лесов // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. С. 367. № 4594.

⁷¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 495–496 об.

⁷² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 45 А. Л. 229, 229 об.

⁷³ В оригинале исправлено чернилами, в копии напечатано «в».

⁷⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 163–164.

5. Оформление партеров.

а) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I кн. 57, листы 129–132⁷⁵.

Собственноручная записка Петра I.

«Таксисовых^x пирамидами 200 дерев, из которых 60 от 10 или 12 фут высотой, а прочие 8 фут из которых чтоб три доли были четырех угольно стрижены а четвертая круглых да маленьких пирамид от земли высотой фута 3–300».

«Буксбом^{xx} 250 пирамид по семи шти фут высотой и чтоб как буксовы так и таксисовые пирамиды искать таких чтоб внизу шире были и ветки плотно между себя были також маленьких пирамид для запаса впредь ста четыре».

«100 деревец буксбомовых с борами и того б не выше от земли бы фута»

«300 кустиков из которых 50 остриженных такую фигурию (полушарие) высотой фута в три».

«500 дерев каштана и чтоб кроны сколько возможно ниже были да их же 1000 самых молодых для запаса».

«Арбувига^{xxx} буде в Стокгольме держица без кровли в зиму то пирамид высотой до шти семи футов сколько возможно, буде же нельзя в пирамидах довольное число найтить то в иных каких фигурах только чтоб не было меньше тритцати или сорока дереф також молодых сот семь деревец».

«Сиренги (сирени) больших которые от земли фута 4–300 дереф разных».

б) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 лист 560⁷⁶. Собственноручная записка Петра I к рисунку.

«В сих 4-х квадратах изсадить буксбомом по приложенной фигуре и чтоб сажено было с краев а в середке земля оставлена была на цветы».

в) Портеры.

МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I кн. 57. Собственноручная записка Петра I лист 473–474.

«Где насыпано будет тут весной посеять овсом и когда станет колоситца скосить».

МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57, листы 561–562⁷⁷. Собственноручная записка Петра I.

«В. Два цветника у которых в серетке дерном а кругом гряды для цветов».

«С. Доцирунг первого уступа который надлежит дерном покрыть».

«Е. Другие два цветника у которых в серетках дерн а кругом гряды для цветов».

«... Два квартала насажены деревьем липовым и кленовым под которым надлежит овсом посеять а как станет колоситца скосить чтоб была трава так же и в серетке круг дерном выкласть а крест песком».

«Два квадрата у которых что черные места то так же овсом или дерном зделать а белые места песком так же как изнутри так и снаружи, низкие линии с точками то линии значат алеи низкие которых из арешника или смородины сажать и стричь вышиною в пол сажени а точки деревья липовые или кленовые лутче с кронами».

6. Основные установки в композиции дворца и канала в Петергофе в Петровский период.

а) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 лист 590⁷⁸. Собственноручный рисунок Петра I расположения дворца и планировки нижнего парка.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156.

^x Taxus – Тисс – вечнозеленое дерево или кустарник (прим. автора).

^{xx} Vixus – Самшит (прим. автора).

^{xxx} Argbutus – Земляничное дерево – вечнозеленый крупный кустарник (прим. автора).

⁷⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 584–585.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 611.

- б) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 66 лист 7⁷⁹. Гравюра Ростовцева. Дворец и грот. 1717 г.
- в) Петергофское Дворцовое Управление. Альбом Сент Илера 1775 г. Аксонометрия Дворца и канала⁸⁰.
- г) Дневник Берхгольца Часть 1 стр. 135. 1/VIII 1721 г.⁸¹
 «Главный корпус дворца состоит из 2-х этажей из которых нижний только для прислуги, а верхний для царской фамилии. Внизу большие прекрасные сени с прелестными колоннами, а вверху великолепная зала откуда чудный вид на море... С лицевой стороны в нижний сад спускается тремя уступами великолепный каскад, который так же широк как весь дворец, выложен диким камнем и украшен свинцовыми и позолоченными рельефными фигурами по зеленому полю... Нижний сад через который, прямо против корпуса и каскада проходит широкий и весь выложенный камнем канал. Парк наполнен цветами и красивыми фонтанами».
- Верхняя площадка над гротом
- д) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. II книга 45 листы 149–152⁸². Требование от арх. Броунштейна⁸³.
 «Фигуры мрамор из Италии выписать галерея которая делана в Москве употребить к большому гроту...». «На верху большого грота и на стенку против палат надлежит сделать галерею на которую потребно 170 балясов 50 педесталов на которых будут стоять скульптуры...».
 «...1900 мраморных плит в 1 ½ фута в квадрате или каковые есть для мощения площадки над большим гротом половина белых половина черных».
 «...12800 желтова крепкова галанскова кирпича который надлежит вымостить место что перед палатами до грота...».
- е) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 139–144⁸⁴. Пункты каковы даны (Петром I) Директору отстроениев Ульяну Синявину. Что надлежит делать и доделать в Петергофе в 1721 г.
 «Доделать кашкаду, другую грот и в оном стол з брызганием в органы, буде мочно, так же в бассейне фонтану по уступам, у обеих кашкад статуи, и горшки, через одну статую, грот маленький в верху, на одной стороне, проходы, а в другой что иное, по рассуждению архитектора, у сих двух мест, також и большего грота зделать водотечение, когда понадобится чтоб входы закрыла вода».
 «...I Зделать слюз в большем канале при конце земли, к морю, С, чтоб воду от того места так высоко поднять, как земля у слюза а слюз фут зделать выше, долиной оной слюз зделать чтоб яхта парусная и что вновь делаетца вооной свободно с остатком вошла».
- ж) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярия Строения опись 2 дело 78 лист 392⁸⁵ 1731 г. со ссылкой на пожелания Петра I. Рапорт садового мастера.
 «...Тажко показал я нынешней зимою у палат по обе стороны по уступам посадить елки...».
- з) ЛЦИ Арх. фонд 490 Пет. Дв. Упр. Дело 830–1783 г. листы 98–122⁸⁶. Опись Петергофских парков.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 66. Л. 7.

⁸⁰ *Сент-Илер П.-А., де*. Аксонометрический план. Вид на Большой петергофский дворец со стороны Нижнего парка // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/2-ар.

⁸¹ *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 137–143.

⁸² РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 45. Л. 149–152.

⁸³ На самом деле это часть донесения И.Ф. Браунштейна Петру I.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

⁸⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 78. Л. 392. (?)

⁸⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830.

- «Под большим гротом в партерах и на уступах и по обеим сторонам каналы елевых фигурных дерев 171, Вересин 49».
- и) Успенский «Императорские дворцы» Том II стр. 8⁸⁷. Описание польского дипломата Петергофа 1720 г.
«Из Ораниенбаума отправились мы в Петергоф, куда считают 2 мили. Прибыли туда в 11 часов. Царь сел на наш корабль и провёл нас с моря на корабле по каналу обложенному камнем и обсаженному деревьями до самого дворца...».
- к) Описание Берхгольца 7/VIII 1725 года⁸⁸. «Яхта императрицы прошла при громе пушек через канал в большой бассейн у подошвы дворца под самый каскад. Прочие суда остались на якоре».
- л) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярия Строения опись 2 книга 38 лист 625⁸⁹. Письмо 29/IX 1723 г. «...Сего месяца 18 дня благополучно (Пётр I) прибыл и изволил как кашкадами так и фонтанами и протчими здешними строениями доволен быть и веселитца».
- м) Когда разрастающиеся деревья в рощах начали закрывать вид на море то Елизаветой было приказано в 1749 г. 7/I «В нижнем саду у деревьев верхи все обрубить...» что и было выполнено.
ЛЦИ Арх. ф. 490. Пет. Дв. Упр. опись 1 дело 581⁹⁰–1749 г.

7. Марлинская аллея у павильона «Темпль»

- а) ЛЦИ Арх. ф. 489 Канцелярия Строения опись 2 книга 45 лист 154⁹¹. 1724 г. 12/II Доношение.
«... У Темпеля вновь прибавить партир и для оной прибавки надобно в Петергоф поставить дерев а именно на шпалеры лип 7000 толщиною в круг от 7 до 10 дюймов вышиною 7 фут вершину рубить».
- в)⁹² Фасад павильона Темпль рисунок XVIII века. Н. И. Архипов «Сады и фонтаны в Петергофе XVIII века»⁹³.
- г) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 лист 105–108⁹⁴. Собственноручная записка Петра I. 31.1–1720 г.
«... О Темпле и о зале что приказано Броунштеину» и дальше «О Темпле и о зале что велено Броунштеину чтоб отделать к весне».
- д) ЛЦИ Арх. ф. 490. Пет. Дв. Упр. опись 1 дело 118⁹⁵. 1746 г.
По указу Канцелярии отстроения было приказано «Темпль который весьма скривился, разобрать и вновь на лутчем фундаменте переставить».
- е) Месторасположение Темпля в восточном конце Марлинской аллеи показано на генеральном плане Елизаветинского времени.
ЛЦИ Арх. ф. 485 Планы и чертежи. Опис. 4/2061 дело 1⁹⁶.

⁸⁷ Успенский А. И. Императорские дворцы. Т. 2. М., 1913. С. 8.

⁸⁸ На самом деле дата – 13 августа 1725 г. (Берхголец Ф. В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 299).

⁸⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 625, 625 об.

⁹⁰ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 581.

⁹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 45 А. Л. 154, 154 об.

⁹² Так в тексте.

⁹³ Архипов Н. И. Сады и фонтаны XVIII века в Петергофе. Л., 1936.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 128–131.

⁹⁵ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 118. (?)

⁹⁶ К сожалению, не удалось идентифицировать этот план. На недавно открытом плане конца 1740-х годов, хранящемся в Тринити-колледже в Дублине, Темпля уже нет (Архитектурные чертежи Санкт-Петербурга середины XVIII в. СПб., 2009. Л. VI (№ 1)).

8. Марлинская аллея в сторону павильона «Марли»
- а) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярии Строения опись 1 книга 20 лист 252⁹⁷ I/V–1721 г. по указу начата постройка павильона Марли по чертежу арх. Броунштейна.
- б) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярии Строения опись 1 дело 51–1725 г. листы 241–242⁹⁸.
В канцелярию строения доносит комиссар Павлов «по ведению за рукою садовника Леонардо... потребно... для починки шпалер и в запас в средине партеров на редкие места разного дерева а именно:
«Против Марлинских кашкад шпалер лип — 1000, клену 1000, ильму — 200 штамбового клену 200».
- в) ЛЦИ Арх. ф. 490. Пет. Дв. Упр. Дело 830–1783 г. листы 98–122⁹⁹. Опись Петергофских парков: «Перед дворцом линия лип 22 дерева».
- г) Архив Петерб. Дв. Упр. Альбом Сент Илера 1775 г. Аксонометрия Сада Марли в Петергофе¹⁰⁰.
9. Марлинский каскад (Золотая гора).
- а) Рисунок каскада арх. Микетти. Гос. Эрмитаж. Отд. Графики Петровский альбом №-8475 датируется 1721 годом¹⁰¹.
- б) Пункты каковы даны (Петром I) Синявину¹⁰²
«Что надлежит делать в Петергофе и доделать»
«...№-7 Кашкада гладкая простая против большой Марлинской кашкады, а гору усаживать ельником молодым, чему зделать прежде модель».
«№-11 Кашкаду большую что против пруда надлежит во всем препорциею зделать, против кашкады Марлинской, которая против королевских палат также и бассейн в нижнем её конце, и фонтаны в онном прямые ис боков такиеж как в Марли и оную препорцию мочно сыскать писанной а не печатной, которых две у меня в летнем доме, кольцо у бассейна, надлежит от земли высотойю фута три дабы из оной мочно низкие фонтаны инде делать».
- в) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярии Строения опись 2 книга 38 листы 827–828¹⁰³.
Письмо Синявина к арх. Микетти.
«А о кашкаде большой что против пруда чертеж Ваш и профиль Его Импер. Велич. поставил и доносил Ваше мнение как она начата и как надлежит по указу Его Им. Вел. делать против препорции боле Марлинской кашкады и Его Вел. указал оную делать как начата...».
- г) Каскад был готов в 1723 г., и Петр I показывал его 19/IX 1723 посетившему Петергоф персидскому послу. Сделан кашкад был из дерева.
ЛЦИ Арх. Канцелярия Строения опись 2 книга 38 лист 625¹⁰⁴.
- д) Вид партера перед кашкадом показан на Аксонометрии в Альбоме Сент Илера.

⁹⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 20. Л. 252. На самом деле постройка была начала еще в 1720 г., а в 1721 г. ее перестроили (Записка Петра о двух дворниках и о прочем в Петергофе // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 128, 128 об.; Ведение унтер-офицера С. К. Павлова о работах в Петергофе с резолюциями // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 810. Л. 2–3а об.).

⁹⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 51 А. Л. 241–242.

⁹⁹ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830.

¹⁰⁰ *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец Марли в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/6-ар

¹⁰¹ Микетти Н., мастерская. Перспектива Марлинского каскада. Подготовительный рисунок. 1721 г. // Государственный Эрмитаж. Инв. № ОР-8475.

¹⁰² Данные пункты впервые были написаны 29 августа 1721 г. Затем Петр I их периодически дополнял. Процитированная редакция составлена в начале марта 1722 г. (РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 61–66).

¹⁰³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 827–828.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 625, 625 об.

Архив Петергоф Дв. Упр. Альбом Сент Илера¹⁰⁵.

е) ЛЦИ Арх. фонд 467 Канцелярия Строения опись 2 кн. 102 листы 122–124¹⁰⁶. Требование по ремонту.

«У Марлинского кашкада круглых лавок крытых дорог, беседок и на крашение решоток».

10. Аллея на Южном берегу Марлинского пруда.

а) Вид Марлинского сада показан на аксонометрии в Альбоме Сент Илера 1775 г.

Архив Петерг. Дворц. Упр. Альбом Сент Илера¹⁰⁷.

б) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 139–144¹⁰⁸

«Пункты каковыя даны (Петром I) Директору Синявину. Что надлежит делать в Петергофе и доделать.

«№8-8 Две фонтанны (по сторонам Марлинского каскада) и место то изсадить липовыми аллеями и шпалерами, а в пруду одинокими кленьями, против чертежа...».

в) ЛЦИ Арх. ф. 490. Петерг. Дворц. Упр. опись 1 дело 834¹⁰⁹–1794 г. листы 136–156. Опись Петергофским садам.

«Мимо малиновых куртин под елевой горою у Марлинского каскада 2 алеи длиною каждая по 35 саж. итого 70. Обсажена липовыми и ольховыми деревьями и во оных в шпалере пустых мест пог. саж. 80».

11. Аллея от дворца к Эрмитажу.

а) ЛЦИ Арх. ф. Канцелярия Строения опись 1 книга 20 листы 321–322¹¹⁰. По указу 4/VI–1721 г. начата постройка Эрмитажа по чертежу арх. Броунштейна.

б) МЦГАДА фонд Кабинет Петра I отд. I книга 57 лист 321¹¹¹. Собственноручное письмо Петра I 24/IV–1724 год

«Досылаю к Вам текен (чертеж) портала (партера) который близь Эрмитажу который ныне надлежит изладить как следует ниже писанный реестр тем которое место сада. А. За лето рассадить гаган липою. В. дороги С. гаган липой же дороги. Д. как против моста и кругом осадить штабмовым кленом а между или гаган орешником. Е. гаган осадить липою. штабмом кленовые или через дерево липа клен срединные места иссадить диким лесом так как в новом огороде в Петербурхе.

в) ЛЦИ Арх. ф. Канцелярии Строения опись 2 книга 40 лист 544¹¹². 4/V Доношение садового мастера Леонардо фон Гарникфельта с требованием сколько потребно деревьев «в партер близь Армитажа».

На шпалеры липы 4000 от 4 до 6 дюймов толщиною, вершины обрубать на высоте 6 футов.

На шпалеры же орешнику 2000 деревьев и 200 кустов.

Вишневых 500 дерев толщиною от 4 до 7 дюймов вершин не рубить.

Рябиновых деревьев.

¹⁰⁵ Сент-Илер П.-А., де. Аксонометрический план. Вид на Большой петергофский дворец со стороны Нижнего парка // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/2-ар.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 102. Л. 122–124. (?)

¹⁰⁷ Сент-Илер П.-А., де. Аксонометрический план. Дворец Марли в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/6-ар.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834 А. (?)

¹¹⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 20 Л. 321–322. Аналогично Марли, задумка Эрмитажа появилась еще в 1720 г., но строительство началось в июне 1721 г. (Письмо обер-комиссара Канцелярии городских дел У.А. Сенявина дьяку Л.А. Тарсукову с распоряжениями по разным вопросам, в том числе о торгах на строительство Эрмитажа // РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 17 А. Л. 155–156 об.)

¹¹¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 343.

¹¹² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 Б. Л. 544.

- г) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярии Строения опись 2 книга 40 листы 877–880¹¹³. 16. VII Промемория из конторы Вальтмейстерских дел о доставке подрядчиком Аркацким требуемые деревья 28/V.
- д) Вид аллеи к Эрмитажу аксонометрия в альбоме Сент Илера 1775 года. Архив Петергоф. Дворц. Управления. Альбом Сент Илера¹¹⁴.

12. Площадка у фонтана «Адам»

- а) МЦГАДА. ф. Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 139–144¹¹⁵. Пункты каковы даны (Петром I) Синявину что надлежит делать в Петергофе и доделать 1721 г. «№ 9 Адамова фонтана»
- б) ЛЦИ Арх. фонд Канцелярии Строения опись 2 книга 40 листы 1296–1301¹¹⁶. Сообщается что нанятый 28/IX фонтанный мастер Пауль Суалем с 1/X по 10/X 1721 г. Отделал фонтан Адама.
- в) ЛЦИ Арх. фонд 490. Петергоф. Дворц. Управл. опись 1 дело 58–1745 г. листы 25–26¹¹⁷. Доношение в котором сообщается что «У адамовой фонтаны решетки (трельяжи) починены
- г) Архив Петергофск. Дворц. Управления. Альбом Сент Илера 1775 года¹¹⁸. 1) Аксонометрия фонтана Адама с трельяжными беседками. 2) Фасад трельяжей у фонтана «Адам».

13. Садик у Монплезира

- а) МЦГАДА кабинет Петра I отд. I книга 57 лист 560¹¹⁹. Собственноручная записка Петра I с рисунком разбивки сада. В тексте «В сих 4-х квадратах изсадить буксбомом по приложенной фигуре и чтоб сажено было с краев, а в середине земля оставлена была на цветы».
- б) МЦГАДА ф. Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 129–132¹²⁰. Была приведена в разделе партеров Собственноручная записка Петра I с требованием стриженных разными фигурами деревец для посадки в партерах.
- в) МЦГАДА ф. Кабинет Петра I отд. II книга 28 лист 258–259¹²¹. По сообщению Гарникфельта 1716 г. в саду Монплезира по сторонам толстые липы и клены посажены одна линия липы, а в другой клен; перед Монплезиром каштановые деревья подле галереи оные хорошо принимаютца.
- г) Дневник Берхгольца часть 1 стр. 168¹²². Описание Петергофа 1721 г. «Монплезир с садом с большим, выложенным камнем прудом в котором плавают лебеди».
- д) МЦГАДА Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 139–144¹²³. Пункты каковы даны (Петром I) Синявину. Что надлежит делать в Петергофе и доделать.

¹¹³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 В. Л. 877–880.

¹¹⁴ *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Дворец «Эрмитаж» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/4-ар.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40 Г. Л. 1296–1301. (?). По другим документам он был нанят 1 октября 1721 г. (Ведение комиссара С. К. Павлова о работе фонтанного мастера П. Суалема в Петергофе // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 32 Б. Л. 605, 605 об.)

¹¹⁷ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 58. Л. 25–26.

¹¹⁸ *Сент-Илер П.-А., де.* Аксонометрический план. Фонтан «Адам» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/8-ар.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 583.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 152–156.

¹²¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 28. Л. 258–259.

¹²² *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721–1726. С. 141.

¹²³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

- «В Монплезире посередь огорода на перекрестке фонтану № а где четыре статуи золоченые сделать под них железные подставки под каждую 4 ис толстых связей и около их круглые медные точеные педесталы не толстые вызолота поставить и воду пустить дабы из под ног кругом вода лилась к земле гладко как стекло...».
- е) ЛЦИ Арх. Канцелярия Строения опись 2 книга 38 лист 859¹²⁴. 8/IV 1723 г. Сообщение комиссара Павлова «что в Монплезире фонтаны и педесталы мастер пробовал и вода действовала...»
- ж) ЛЦИ Арх. — Канцелярия строения опись 2 книга 38 лист 625¹²⁵. 19/IX–1723 г. сообщается, что Петр показывал фонтаны Монплезира персидскому послу.
- з) ЛЦИ Арх. — фонд 490 Петергоф. Дворц. Управления опись 1 дело 643¹²⁶–1755 г. В Рапорте сообщается что «в Монплезире де против каменного дворца по обе стороны и крытых дорогах около деревьев 70 столбов и около оных плитус и верхний карниз щепной да в 68 звенах переплет брусчатый згнили» и требуют починки.
- и) ЛЦИ Арх. фонд 485 планы и чертежи опись 4/2061 №-92¹²⁷. План и фасад крытым дорогам в Монплезире.
- к) ЛенМузей города. СИГ №-137 План сада Монплезира Петровского времени¹²⁸.
- л) Архив Петергофск. Дворц. Упр. Альбом Сент Илера 1775 г. Аксонометрия Монплезирского сада¹²⁹.
- м) ЛЦИ Арх. фонд 490. Петерг. Дв. Управл. Дело 830. 1783 г. Л. 98–122¹³⁰. Опись Петергофским садам.

В Монплезирском саду.

«В цветниках в 4-х партерах около прямых и фигурных рабат в 4 линии цветными луковицами тюльпанами, нарцызами и простыми белыми яцентами лелей и красного 59 кустов Мартагону посажено 35 кустов.

А рабат длиною 43 сажени в оных цветниках на рабатах Таксисовых дерев: Пирамидами 32, балясами 4; Бужбомовых шампинионами 26, Петухами 2; кедровых дерев 4; Розину — 61 кус, каприфоли 1 куст, Пионов двойных красных 32 кус, франсионели 15 кус., Ириса 28 кус; Лахнис Ерзутика 45 кус, балдарьяку 22 кус... около 4-х рабат обсажено с двух сторон бузбмом длиной 18 сажен. Во оном Монплезирском¹³¹ саду по обем сторонам полугалдарей обсажено липовыми деревьями на 98 саж...» и т.д.

14. Морская площадка перед Монплезиром.

- а) МЦГАДА Кабинет Петра I отд. II книга 45 1720 г. листы 149–152¹³².
Требование арх. Броунштейна к Монплезиру «№-26 кирпича пред палатами и галереями... на той стороне что к морю указал его Величество вымостить голанским кирпичем, а понеже уже много черным кирпичем вымощено, то я рассуждаю чтоб таким же черным клинками и все доделать к чему потребно 34000 кирпичей.
№ 28 Каменная галерея которая будет перед Монплезиром к морю делаетца на Москве, а ежели она привезена в Петербург то ныне самое удобное ее ставить...»

¹²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 859. (?)

¹²⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 625, 625 об.

¹²⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 643.

¹²⁷ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 265.

¹²⁸ Дмитриев Я. Генеральный план сада и фасад дворца «Монплезири» в Петергофе. Копия. 1740-е // ГМИ СПб. ФГИГ. Инв. № I-A-4730 и.

¹²⁹ Сент-Илер П.-А., де. Аксонометрический план. Дворец «Монплезири» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/5-ар.

¹³⁰ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830.

¹³¹ В оригинале исправлено чернилами, в копии напечатано «Марлинском».

¹³² РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 45. Л. 149–152.

б) Архив Петергофского Дворц. Управления Альбом Сент Илера 1775 г. Аксонометрия Монплезира сада¹³³.

15. Фонтан «Пирамида».

а) МЦГАДА ф. Кабинет Петра I отд. I книга 57 листы 139–144¹³⁴. Пункты каковы даны (Петром I) Синявину. Что надлежит сделать в Петергофе и доделать.

№-4. Пирамида водяная, с малыми кашкадами а к ней садить лес по чертежу кленовой, липовой или ольховый по месту смотря; перед сею пирамидою от большой перспективной дороги оставить четверугольную площадь с травою а затем пирамида с кашкадами однакож смотреть того чтоб пирамида и ея бассейн не вышло из леса, а буде выйдет то убавить должны четверугольника. Столько чтоб пирамида з бассейном была в лесу с сторон шпалеры посадить липовые как на чертеже.

б) ЛЦИ Арх. Канцелярия Строения опись 2 книга 38 листы 827–828¹³⁵.

Письмо Синявина к арх. Микетти 8 января 1723 г.

«Его Имп. Вел. указал в Петергофе у пирамиды водяной с малыми кашкадами свинцовым трубкам быть таких диаметров какие зделаны в малых бассейнах у кашкад и нижних концах а именно в копейку серебряную каковы в такой же пирамиде во Франции. Для того изволит рассудить Его Вел. что ко оной пирамиде довольно будет труб чугунных того ради изволите предложить смело архитектору Броунштейну и фонтанному мастеру Свалему и мастеру Кардасею чтоб делали немедленно...».

в) Архив Петергофского Дворц. Управления. Альбом Сент Илера 1775 г. Аксонометрия фонтана «Пирамида»¹³⁶.

Примечание: Принятые сокращения

ЛЦИ Арх — Ленинградский Центрально-исторический архив.

МЦГАДА — Московский Центральный государственный архив древних актов.

Иллюстрации, офорты и фотографии

1. Вид от дворца на канал и море
2. Марлинская аллея с павильоном «Темпль»
3. Марлинская аллея с павильоном «Марли»
4. Марлинский каскад (Золотая гора)
5. Аллея по южному берегу Марлинского пруда
6. Аллея от дворца к Эрмитажу
7. Фонтан Адама
8. Садик у Монплезира
9. Морская площадка у Монплезира
10. Фонтан «Пирамида»

¹³³ Сент-Илер П.-А., де. Аксонометрический план. Дворец «Монплезира» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/5-ар.

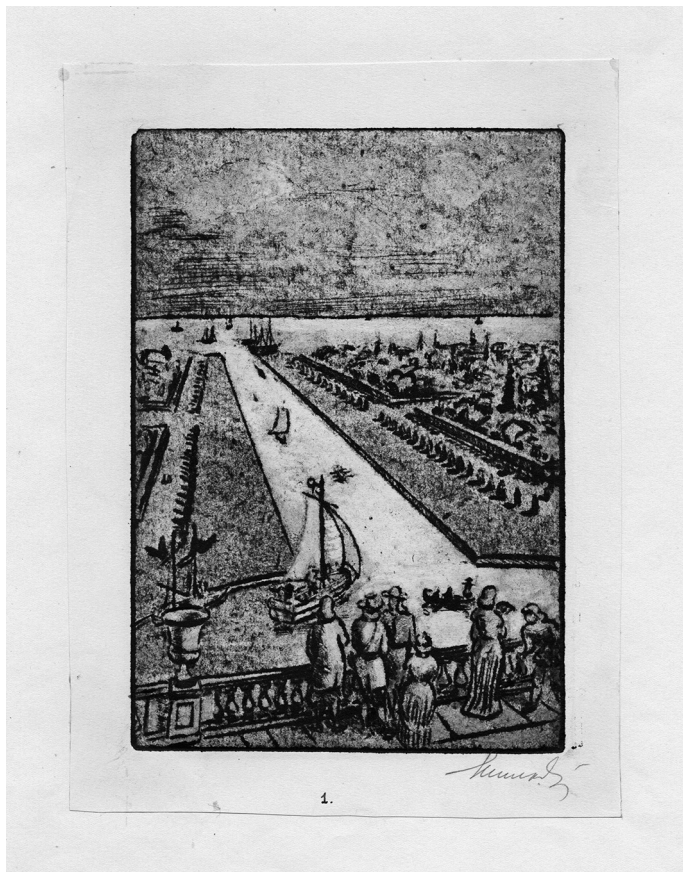
¹³⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 57. Л. 161–166 об.

¹³⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38 Б. Л. 827–828.

¹³⁶ Сент-Илер П.-А., де. Аксонометрический план. Фонтан «Пирамида» в Нижнем парке в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». 4618/9-ар.

Обложка работы В. Ф. Шилкова «Петровский Петергоф»
Офорт
1948
ГМЗ «Петергоф»

① Вид от дворца на канал и море
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

① Вид от дворца на канал и море
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

2 Марлинская аллея с павильоном «Темпль»
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

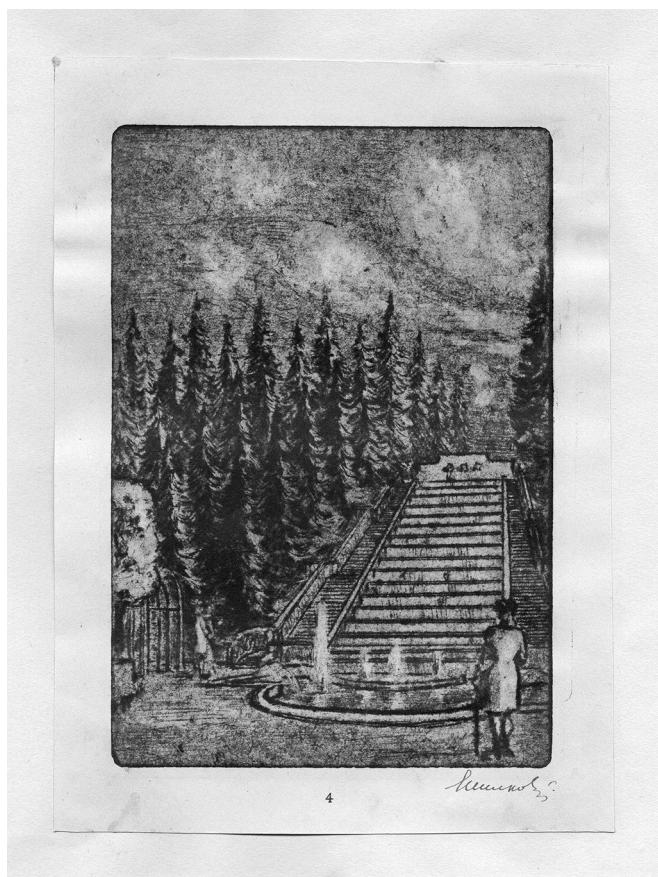
2 Марлинская аллея с павильоном «Темпль»
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

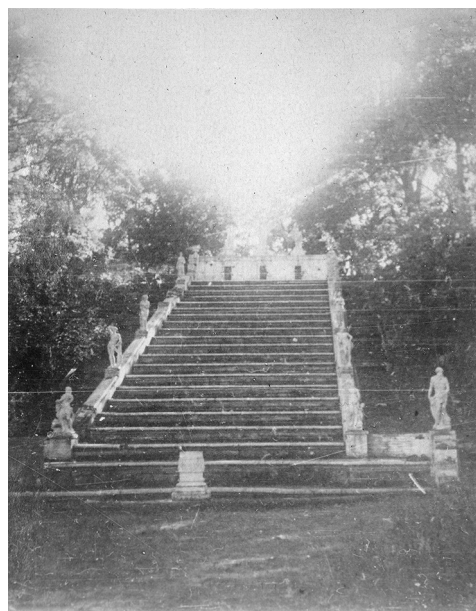
3 Марлинская аллея с павильоном «Марли»
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

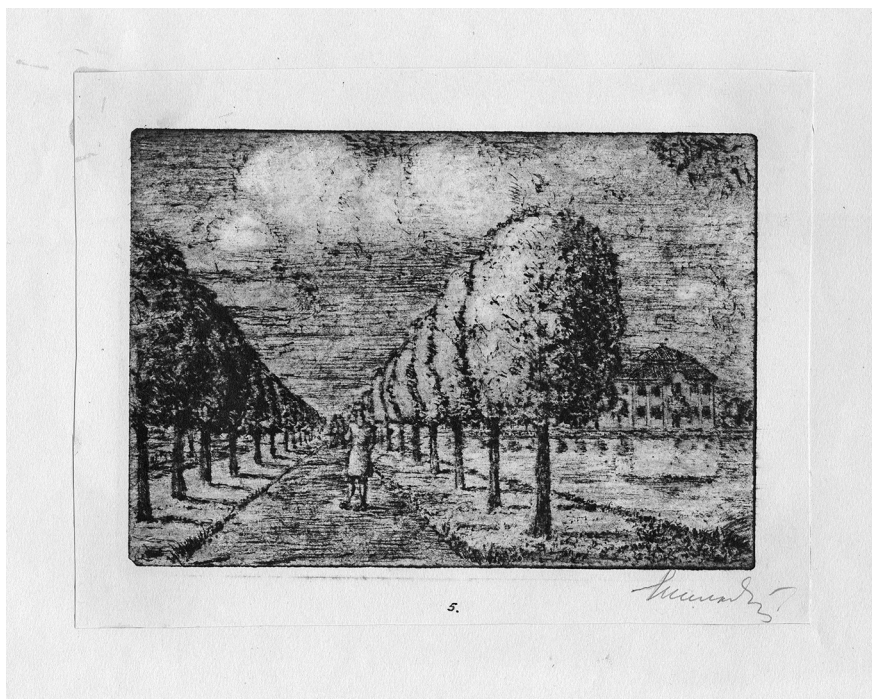
3 Марлинская аллея с павильоном «Марли»
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

④ **Марлинский каскад (Золотая гора)**
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

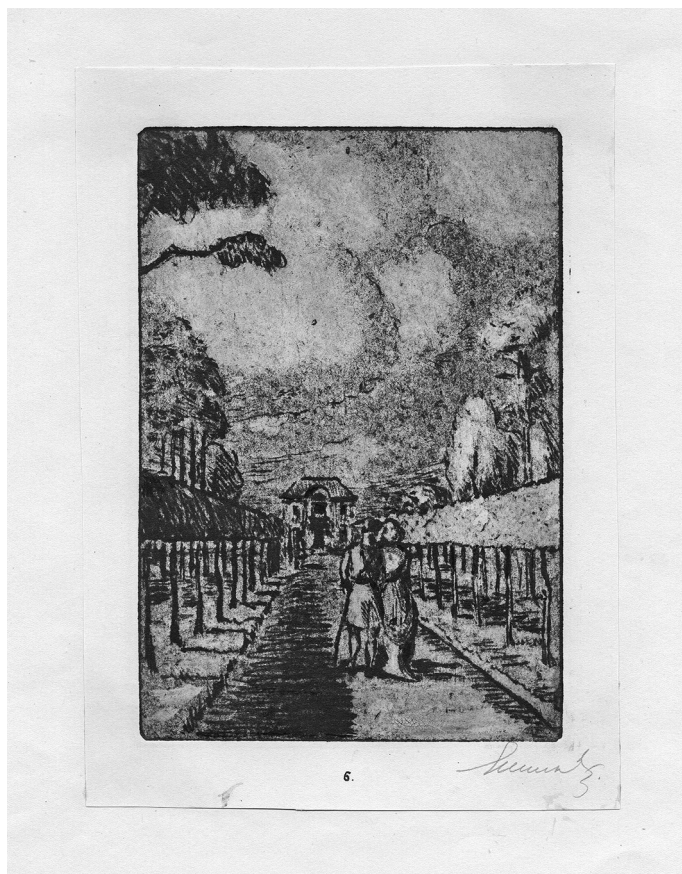
④ **Марлинский каскад (Золотая гора)**
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

5 Аллея по южному берегу Марлинского пруда
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

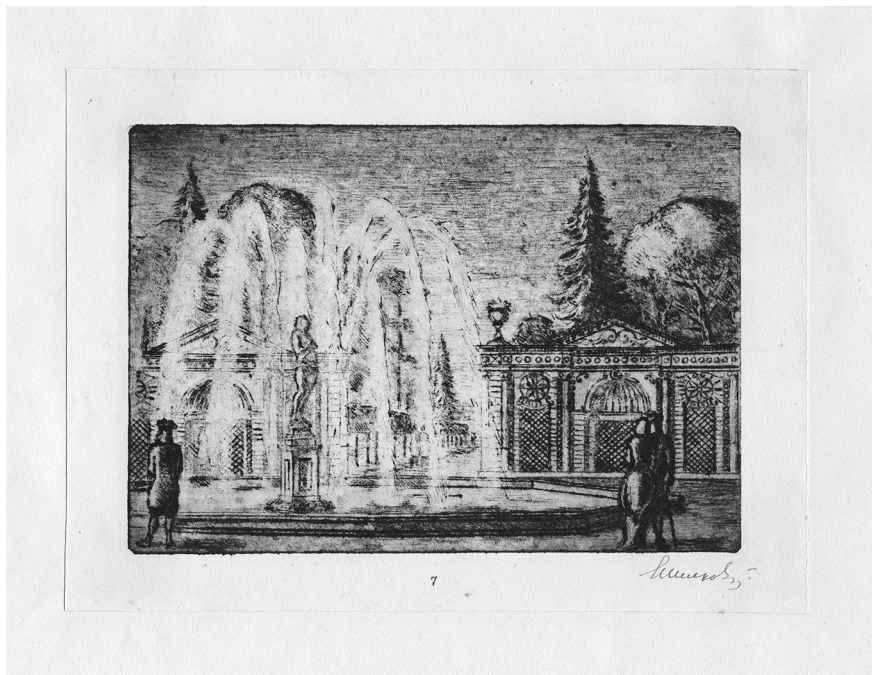
5 Аллея по южному берегу Марлинского пруда
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

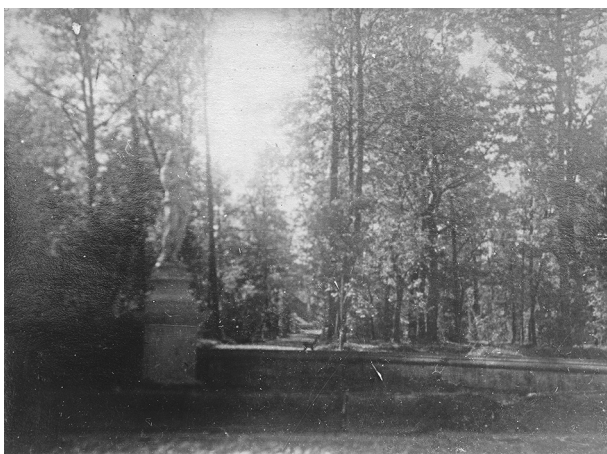
⑥ **Аллея от дворца к Эрмитажу**
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

⑥ **Аллея от дворца к Эрмитажу**
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

7 **Фонтан Адама**
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

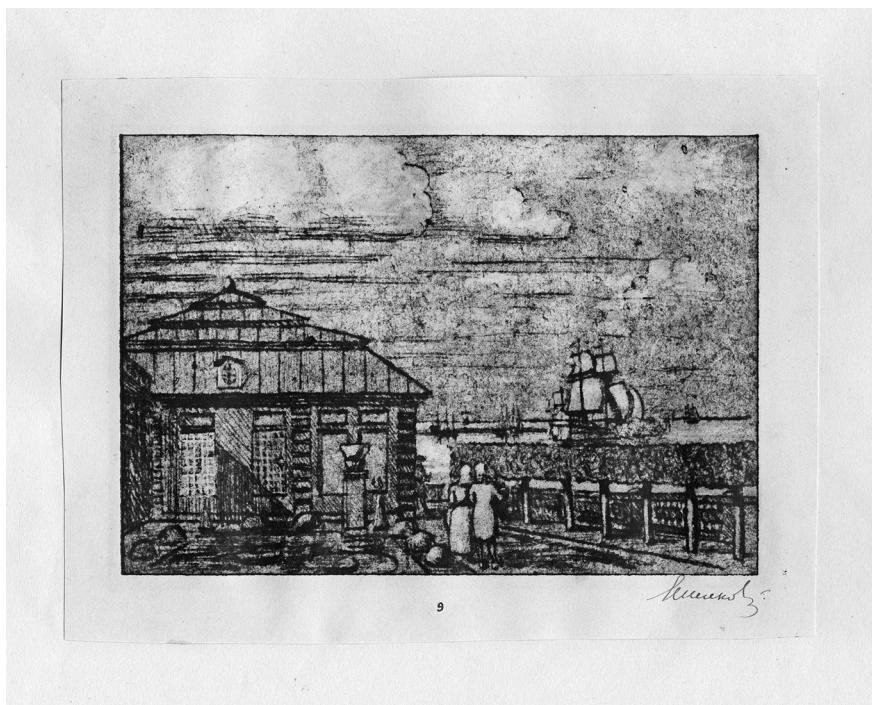
7 **Фонтан Адама**
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

8 Садик у Монплезира
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

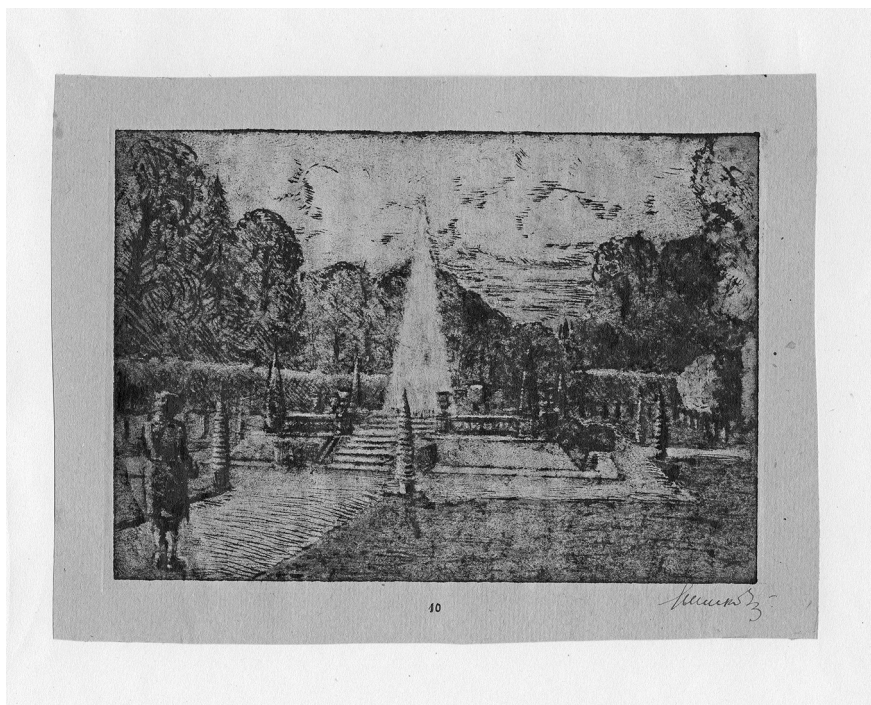
8 Садик у Монплезира
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

9 Морская площадка у Монплезира
Офорт В. Ф. Шилова
1948
ГМЗ «Петергоф»

9 Морская площадка у Монплезира
Фотография В. Ф. Шилова
1948
Новгородский музей-заповедник

10 **Фонтан «Пирамида»**
Офорт В. Ф. Шилкова
1948
ГМЗ «Петергоф»

10 **Фонтан «Пирамида»**
Фотография В. Ф. Шилкова
1948
Новгородский музей-заповедник

► СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. Ф. ШИЛКОВА

Монографии, статьи:

Архитектурный факультет (1917–1939): исторический очерк // Архитектура Ленинграда. 1939. № 6. С. 65–66.

Два интересных проекта // Архитектура Ленинграда. 1940. № 3. С. 49.

История русской архитектуры. Краткий курс / Гл. ред. С. В. Безсонов. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 463 с. (в числе соств.).

Проекты планировки Петербурга 1737–1740 годов // Архитектурное наследство. 1953. Вып. 4. С. 7–13.

Работы А. В. Квасова и И. Е. Старова по планировке русских городов // Архитектурное наследство. 1953. Вып. 4. С. 30–34.

Четыре рисунка Петра I по планировке Петергофа // Архитектурное наследство. 1953. Вып. 4. С. 35–38.

Зодчий Тимофей Усов // Архитектурное наследство. 1953. Вып. 4. С. 63–65.

Архитекторы-иностранцы при Петре I // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 120–130.

Архитектура и планировка Петербурга до 60-х годов XVIII в. // Очерки истории Ленинграда. Т. 1 / Отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 115–157. (в соавт. с А. И. Гегелло)

Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки // Архитектурное наследство. 1955. Вып. 7. С. 5–10. (в соавт. с Н. Л. Крашенинниковой)

Русский перевод Витрувия начала XVIII века // Архитектурное наследство. 1955. Вып. 7. С. 89–92.

Две работы архитектора Киавери в России // Архитектурное наследство. 1959. Вып. 9. С. 61–64.

Каскад «Шахматная гора» и «Римские» фонтаны в Петродворце // Архитектурное наследство. 1959. Вып. 9. С. 176–180.

Архитекторы-иностранцы при Петре I // История русского искусства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 5. С. 84–115.

Рукописи, исторические справки и другие неопубликованные материалы:

Сборник методических установок по архитектурному образованию в Западной Европе и Америке (по дисциплине архитектурного проектирования). 1943 (1944?) г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-31а. 195 л.

Историко-художественный анализ ландшафтов Английского парка в Петродворце. Тезисы. Ленинград, 1944–45 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-17а. 32 л.

Английский парк [1945] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-43а. 59 л., 46 л. ил.

Композиция Петра I планировки парков Петергофа [1945] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 4–9.

Петровский Петергоф (композиция планировки и зеленых насаждений). 1946 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-32а. Л. 1–145.

Петровский Петергоф [1946] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-41а. 116 л.

Заключение по научной работе Н. И. Архипова на тему «Монплеизир Голландский домик. Глава 1. История строительства». 12 июля 1947 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 10–26.

Петровский Петергоф: офорты на картоне по архивным исследованиям автора. 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-52а.

Принципиальные предложения по реставрации планировки и зеленых насаждений в Верхнем и Нижнем парках в Петергофе на основании исторического анализа видоизменения их композиции. Июнь 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-18а. 214 л.

Принципиальные предложения по реставрации планировки и зеленых насаждений в Верхнем и Нижнем парках в Петергофе на основании исторического анализа видоизменения их композиции. Июнь 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-21а. 42 л.

Заключение по теме «История строительства Марлинского дворца в Петергофе» Н. И. Архипова. 10 ноября 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 54–59.

Заключение по исторической справке, составленной Н. И. Архиповым «Эрмитаж в Петродворце». 10 ноября 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 60–63.

Заключение по проекту восстановления Летнего сада. Автор — архитектор Дубяго Т. Б. 7 декабря 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-35а. Л. 31–36.

Принципиальные предложения по реставрации Верхнего и Нижнего парков в Петродворце. 22 июня 1950 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-20а. 35 л.

Архитектурно-документальные обоснования к тексту «Принципиальные предложения по реставрации парков Петергофа» [1950] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-34а. 171 л.

К вопросу о реставрации Верхнего и Нижнего парков в Петергофе [1950] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-33а. 28 л.

«Краткий курс истории русской архитектуры». Раздел: «Архитектура Петербурга петровской эпохи». 1950 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 179. 59 л.

- Откорректированная автором редакция текста раздела Краткого курса истории русской архитектуры «Архитектура Петербурга петровской эпохи» с приложением архивно-документальных подтверждений. Май 1950 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-23а. 62 л.
- Архитектор Иван Кузьмич Коробов, 1700–1747. Ленинград, 1950 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-19а. 81 л.
- Ответ на отзыв А. Н. Петрова на выполненную мною работу «Архитектор И. К. Коробов» [1950] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-24а. 4 л.
- Новые материалы о творчестве архитектора В. И. Баженова: Сверхплановая тема по истории архитектуры Петербурга 2-й пол. XVIII в. 1950 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 178. 21 л.
- История архитектуры Петербурга эпохи капитализма. 1951 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-30а. 199 л. (в соавт. с О. С. Гринцевичем).
- Краткий курс истории советской архитектуры. Раздел — «История архитектуры Ленинграда». 2-я редакция. [1951] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-48а. 129 л.
- Бывший крепостной, ученик Воронихина, архитектор П. С. Садовников (1796–1877 гг.) [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-54а (1). 16 л.
- Александринский парк [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-27а. 5 л.
- Александрия [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-47а. 6 л.
- Бабигонский парк [1960–1970-е.] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-38а. 15 л.
- Знаменка [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-37а. 4 л.
- Колонистский парк [1960–1970-е.] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-28а. 6 л.
- Михайловка [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-40а. 12 л.
- Парк Лихтенбергских [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-26а. 12 л.
- Парк Ольденбургского [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-39а. 4 л.
- Собственная дача [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-36а. 7 л.
- Шуваловский парк [1960–1970-е] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-29а. 6 л.
- Дворец в Стрельне. Эскизы Константиновского дворца [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-44а. 51 л., 3 л. ил.
- Стрельна. Обзор основных печатных изданий [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-42а. 108 л.
- Обзор опубликованных изданий о дворце в Стрельне, приведенных в библиографии [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-54а. 41 л.
- Архивные источники к материалам «Дворец в Стрельне». Эскизы и наброски видов Петергофа и Стрельны. [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-45а. 10 л., 12 л. ил.
- Дворец в Стрельне: [черновик паспорта памятника истории и культуры СССР]. [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-46а. Л. 1–4.
- Парк в Стрельне: [черновик паспорта памятника истории и культуры СССР] [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-46а. Л. 5–12.
- Архивные обоснования к паспорту на парк в Стрельне [1980] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-53а. 76 л.
- К вопросу о реставрации дворца и парка в Стрельне. [1984] // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 5006-ар. Р-54а (3). 26 л.

XII

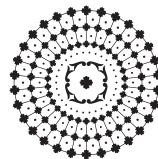
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. XXI ВЕК

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ДВОРЕЦ
КАК ПОРТРЕТ
ВЛАДЕЛЬЦА**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АССАМБЛЕЯ
ПЕТРОВСКИХ
МУЗЕЕВ
РОССИИ

Подготовлено в рамках творческого проекта
«Виват, Петр Алексеевич»

Издания ГМЗ «Петергоф»

Сборники статей научно-практических конференций и другие издания
ГМЗ «Петергоф» доступны на официальном сайте www.peterhofmuseum.ru

Редакционно-издательский отдел ГМЗ «Петергоф»:
publish@peterhofmuseum.ru

В своей редакционной политике ГМЗ «Петергоф»
придерживается признанных стандартов издательской этики и следует рекомендациям
международного Комитета публикационной этики (COPE).

Авторы статей несут ответственность за новизну и достоверность результатов научного
исследования, перевод, точность приведенных фактов, цитат и собственных имен.

Точка зрения ГМЗ «Петергоф» может не совпадать с мнением авторов статей.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ПЕТЕРГОФ»

198516, Санкт-Петербург, Петергоф, ул. Разводная, д.2

Телефон: +7 (812) 450–52–87

E-mail: samson@peterhofmuseum.ru

www.peterhofmuseum.ru

Подписано в печать 25.11.2022

Тираж 100 экз.

Издания ГМЗ «Петергоф»

ISBN 978-5-91598-067-8

9 785915 980678